наш XX век

ВАДИМ ВИКТОРОВИЧ

БАКАТИН

ДОРОГА В ПРОШЕДШЕМ ВРЕМЕНИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга В.В. Бакатина была написана в конце 90-х годов. Многое изменилось с тех пор, и автор внимательно переработал и дополнил текст, учитывая реалии нынешнего времени. Но многие события, участником и свидетелем которых он был, изменить невозможно. И тем интереснее их оценка государственным деятелем и честным благородным человеком. Эта книга займет достойное место в ряду очень немногочисленной литературы о нашем недавнем прошлом.

- Вадим Викторович Бакатин
  -
  - Предисловие издателя
  - Часть первая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
  - Часть вторая
  - Приложения
    - Приложение 1
    - Приложение 2
    - Приложение 3
    - Приложение 4
    - Приложение 5
    - Приложение 6
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11

Вадим Викторович Бакатин
Дорога в прошедшем времени

Серия «Наш XX век» выпускается с 2013 г.

Издательство благодарит за помощь в издании книги Д.В. Бакатина

Предисловие издателя

Историческую память в наши дни можно, увы, вполне уподобить старческой: долговременная еще работает, картины далекого прошлого даже становятся ярче, а вот с кратковременной большая беда: никак не вспомнить, что произошло, даже очень важное, совсем недавно. И вправду, у нас в целом ясны представления, скажем, о войне 1812 года, о николаевской России, о революции 1917 года, образы и события сталинского времени буквально напирают на нас…

А вот о горбачевской эпохе и далее о ельцинской, о времени гайдаровских реформ, грандиозных фокусах приватизации воспоминания уже как-то смутны и неопределенны.

Травма, полученная страной в конце 80-х и в 90-х, привела к ретроградной амнезии. Чтобы не повторять ошибок, надо восстановить именно кратковременную память. Нужно, как в психоанализе, вновь пройти в памяти ситуацию этой травмы, четко структурировать саму ситуацию… В том числе и в школьных учебниках, которые тоже страдают ретроградной амнезией.

Однако это задача будущего. А сейчас мы предлагаем вниманию читателей не учебник, не монографию, а второе, переработанное и дополненное автором, издание книги Вадима Викторовича Бакатина «Дорога в прошедшем времени», вышедшей в 1999 году.

В истории нашей страны Бакатин сыграл роль драматическую. Он стоял у руля двух силовых структур в то время, когда страна трещала по швам, и тогда, когда с СССР было покончено. В целом оба кресла Бакатин занимал два с половиной года.

Система терпела его недолго. Он слишком отличался от политиков той поры: интеллигентный, умный, сдержанный. В тот момент он был жестким, но при этом хрупким, как стекло. В отличие от шедшего напролом Ельцина, сильного, но гибкого, как резиновый шланг.

Ельцин стал президентом, а Бакатина «ушли» при первой же возможности. Правда, не его первого. В истории таких примеров более чем достаточно. Но история ведь никогда ничему и никого не учит.

Бакатин попал в номенклатурную обойму еще при советской власти. И плавно завершил свою политическую карьеру в безвременье – в паузе между гибелью СССР и началом нового, непонятного периода новейшей истории России.

М.С. Горбачеву на посту министра внутренних дел нужен был не милиционер, а политик. Тогдашний президент понимал то, что не все понимают сегодня: одна милиция с преступностью никогда не справится. С ней должны бороться и государство, и общество.

Однако и убрал Бакатина из МВД Горбачев. Как назначил, так и снял. Ведь не только сегодня в России, но и раньше в Союзе интриги, нашептывания, кампании в СМИ имели большое значение в «кадровой работе».

Так называемые патриоты часто пеняют Бакатину, что он-де развалил КГБ, по словам академика Сахарова, не самую коррумпированную в тот момент структуру. Якобы в итоге нескольких месяцев его работы по очистке «авгиевых конюшен» из органов были выброшены профессионалы. А те, кто уцелел, когда пришло время, занялись «приватизацией» конспиративных квартир.

Однако сверхзадача Бакатина состояла в том, чтобы избавиться от КГБ как «щита и меча» партии, как от партийной охранки партийного государства, но сохранить и реформировать спецслужбы как таковые, приспособив их к условиям нового нетоталитарного государства. РСФСР никогда не имела своего КГБ, нужно было его создавать на базе союзного, но так, чтобы сохранить структуры, выполняющие основные функции. Система не заработала только потому, что кому-то мешал Горбачев, и ради этого решили покончить с Союзом.

Эта книга не исповедь. Автор честно и непредвзято высказал свое мнение о многих событиях, участником или свидетелем которых был. Не нам его судить. Совершенно ясно, что автор умеет держать удар и признавать свои ошибки.

Часть первая
Дорога

Глава 1
Год 1937

Сохраните только память о нас, и мы ничего не потеряем, уйдя из жизни.

Д.Г. Уитьер

ПОДПИСКА

1920 года, апреля, 23 дня.

Я, нижеподписавшийся Александр Петров Бакатин, обязуюсь без разрешения Отделения Томской Уездной ЧК Анжеро-Судженского района с Анжерских копей никуда не отлучаться, в чем и подписуюсь.

Александр Бакатин

В этом тексте чувствуется достоинство. А если бы вы видели, каким энергичным почерком уверенного в себе человека написано это обязательство, как он нажимал на прописные и жестко заканчивал слова, вы бы согласились с моим предположением. Писал сильный, знающий себе цену человек. Именно таким представляю моего деда по отцу Александра Петровича Бакатина. Это он 23 апреля 1920 года давал ЧК подписку о невыезде с Анжерских копей.

С фотографии 1916 года доброжелательно и открыто смотрит молодой мужчина. У него правильный овал лица, волевой подбородок, высокий, переходящий в лысину лоб. Закрученные усы делают его похожим на циркового борца Ивана Поддубного. Сходство усиливают мощная грудь и крутые плечи. Офицерский мундир сидит на нем явно неважно. Тесен мундир. Руки спокойно и тяжело лежат на коленях. Шашка рядом с ними кажется игрушечной. Юная красивая женщина стоит рядом, и весь ее вид говорит о том, что она умиротворена, она счастлива, она как за каменной стеной. Так и есть на самом деле. Говорят, Александр обладал редкой физической силой, для него не составляло труда пальцами согнуть пятак.

Дед мой Александр Петрович Бакатин родился 10 апреля 1885 года в селе Булакихинское Томского уезда Западно-Сибирского края. Его отец, Петр Константинович, выходец из обер-офицерской семьи, работал в полиции города Бийска. Занимал достаточно высокие должности. Не случайно, наверное,

его сын Александр приказом томского губернатора в 1904 году в возрасте 19 лет был определен в штат Бийского уездного полицейского управления.

Революция 1905 года подтолкнула его по карьерной лестнице. Губернатор назначает юношу полицейским надзирателем города Бийска. Конечно, в Московском университете он не учился, эту «легенду во спасение» придумала моя бедная бабушка. А учился он в Казанском пехотном юнкерском училище, из которого в 1909 году был неожиданно отчислен за «дурное» (?!) поведение и направлен в пехотный Бобруйский полк в город Царицын. Без права выезда.

В 1910 году отец Александра Петровича умер. Материальные трудности вынудили его мать Людмилу Васильевну переехать в Мариинск – пятнадцатитысячный уездный город на Транссибирской магистрали, к родственнику, занимавшему по тем временам солидный пост уездного инспектора школ и училищ. Он определил Александра учителем в старое сибирское село Тисуль в четырехклассную школу.

В 70-80-х годах прошлого века мне приходилось много раз бывать и в Мариинске, и в Тисуле. Это были заброшенные, обветшалые центры, как тогда говорили, «бесперспективных» районов. О славе золотодобычи мариинской тайги здесь почти забыли, но с бесперспективностью соглашаться не хотели. Я осуществлял «партийное руководство» капитальным строительством, о котором сейчас едва ли кто знает, занимался созданием базы строительной индустрии, наезжая из Кемерова и в дождь, и в снег, и зимой, и летом. Это была будничная работа. Проводил я ее по всему Кузнецкому угольному бассейну. Но поездки в Мариинск, Тисуль да еще Анжеро-Судженск как-то по-особому были желанны. Как будто кто-то тянул меня к себе, посвящая в тайну, о которой я никому не рассказывал. Происходило странное возвращение в прошлое, туда, где быть не мог, но тем не менее необъяснимым образом попадал в смутно вспоминаемые, как будто давно знакомые места. Время бежало назад, как телеграфные столбы вдоль дорог, по которым мчалась обкомовская «Волга».

Старые пузатые купеческие дома, островки каменной мостовой, забелевшей вдруг из-под разбитого асфальта, черные от времени рубленые избы тисульских старателей, прижелезнодорожная бетонная водонапорная башня хранили вселенскую тайну. Помнили все и всех. Они видели моего деда. Казалось, и я, бредущий туманным осенним утром по тисульским деревянным тротуарам, общался с ним, а в какие-то то

наплывающие, то исчезающие мгновения чуть ли не сам становился им. Эти чувства не объяснить. Здесь нет мистики. Это было. Каждый из нас, неповторимый сам по себе, повторяет в чем-то своих предков, вбирает в себя прошлые поколения. А если еще тебя не покидает мысль о несправедливо и рано ушедшем из жизни деде, то, наверное, не столь уж удивительно, что эти странные ощущения и чувства посещали меня. То ли я возвращался в Тисуль 1910 года к своему деду, то ли дед являлся из прошлого в советский райцентр…

Еще раз скажу, что я далек от мистики, вызывания и общения с духами предков. Над этим можно только посмеяться. Но такая необъяснимая тяга к этим местам, любимым уголкам Западной Сибири стала для меня понятной и объяснимой, когда я узнал, что здесь по берегам реки Томи по крайней мере с середины XVII века жила довольно многочисленная семья моих предков Бакатиных.

Эти старые дома, ворота, заборы и улицы, эта черная горная тайга, это большое колдовское озеро с тех пор не изменились. Они объединили нас, вызывая одно и то же чувство, чувство родины, чувство любви и грусти.

14 мая 1892 года в Вятской губернии на Воткинском заводе в семье купца Никиты Андреевича Шляева родилась девочка, которую назвали Юлей и которая станет матерью моего отца, моей бабушкой.

В 1900 году в восьмилетнем возрасте она одна уехала в Сарапул, где училась вначале в прогимназии, а затем в гимназии.

В 1904 году Никита Андреевич Шляев умер тридцати лет от роду. Мать Юли, Татьяна Алексеевна, осталась без средств к существованию. Вскоре она вышла замуж, продала дом и уехала искать счастья в Сибирь. Сибирь огромна, но совершенно случайно они остановились в Мариинске.

Юлия продолжала учиться в Сарапуле. Она была красивой и серьезной девушкой. Эталоны женственности со временем слегка меняются. В начале XX века русскую красавицу нельзя было представить без длинных волос, собранных в косу. Бабушка вспоминает, что была второй в гимназии по длине косы, до колен и толщиной в руку. Ее красота и коса не остались незамеченными. В последнем классе появился жених. Студент. Они нравились друг другу и договорились пожениться.

В 1910 году Юлия, окончив гимназию, должна была съездить к матери и вернуться в Сарапул к жениху. Но получилось так, что по приезде в Мариинск она заболела. Причиной явилось частое переохлаждение. Всю зиму в Сарапуле она ходила на каток и

модничала, катаясь в короткой бархатной юбочке. Болела очень тяжело. Был период – думала, не выздоровеет. Написала письмо жениху, что не вернется и освобождает его от слова.

Она поправилась и знакомым уже нам инспектором школ и училищ была направлена учительницей в ту же школу, где только что появился Александр.

Юлия Никитична рассказывала мне, что хорошо помнит, как они с Антониной (так звали ее подружку) первый раз пришли в школу. Бревенчатое длинное одноэтажное здание. Огромный, заросший мягкой травой двор, посредине которого на свежевыструганном столбе установлено колесо «гигантских шагов». Встретили их два молодых человека – учитель Александр и директор школы Прокопий. К вечеру все четверо уже крутились на «гигантских шагах».

Ей исполнилось 18 лет. Она учила старшеклассников. Не все слушались молоденькую учительницу. Через коридор напротив – класс Александра. Они стали держать двери открытыми, и, когда возникала необходимость, Александр заходил и наводил порядок. Его не могли ослушаться.

Зимой они поженились. Венчались в церкви между Тисулем и Тяжином. Прокопий уступил им директорскую квартиру при школе. 23 декабря 1911 года родился их первенец. Назвали его Виктором. Он станет моим отцом.

Цепь случайностей, которая привела к рождению сына, оборвалась, а жизнь Александра и Юлии продолжалась. Через год у них родилась дочь. В 1913 году семья переехала в Анжеро-Судженск. Работали учителями в железнодорожной школе. Это был самый обеспеченный период жизни. Два учителя вместе получали более ста золотых рублей. Жили в трех комнатах в казенном бараке, имели право бесплатного проезда по железной дороге. Школа имела свой вагон (!). Часто ездили в Томск. Ни в чем себе не отказывали. Главное же, учителей уважали. Александр Петрович пользовался большим авторитетом на Анжерских копях. По крайней мере, за ним прибегали, когда надо было погасить какой-нибудь конфликт, усмирить подгулявшую компанию или хулиганов. Ему это удавалось.

То было счастливое время для молодой учительской семьи. Но едва ли они могли предполагать, что их ждет в ближайшем будущем, какие испытания приготовила им судьба. Трагедия миллионов и миллионов людей в том, что они бессильны что-либо изменить, на что-то повлиять, предотвратить. Все свершается помимо их воли, желания. Никто людей, как говорят, «простых людей» не спрашивает. Этих «никто» или «некто»,

властолюбивых политиков, ограниченных борцов за идею хватало всегда. Они именем одураченного народа творят революции, войны, шоковые терапии и прочие издевательства и насилия над людьми. Народу предоставлена роль статиста. А каждому в отдельности роль «винтика», пешки, щепки. Человеческое Я растворяется, нивелируется, усредняется, и все вместе несутся в бездну в водовороте «исторических» событий.

Счастливая жизнь закончилась с началом Первой мировой войны.

В январе 1915 года Александр Бакатин был призван в армию. Служил в Ново-Николаевске в 22-м Сибирском полку начальником подразделения хозчасти. В то смутное время разложения самодержавия, политизации интеллигенции, увлечения демократией и теориями социальной справедливости он был далек от политики. После Октябрьской революции в конце декабря 1917 года был уволен со службы по декрету и вернулся домой.

Это была уже совсем другая жизнь. Жизнь в условиях революционного хаоса и Гражданской войны, да еще на Транссибирской магистрали – главной артерии большевистского, казачьего и прочего насилия и беззакония. Его возвращение совпало с установлением советской власти на Судженских копях. Как писали партийные историки[1], «…Советам досталось тяжелое наследство. Немногочисленные предприятия в результате саботажа предпринимателей влачили жалкое существование. Рабочие голодали. Катастрофический размах приобрела безработица. Обострился жилищный кризис. Не хватало средств для развития народного образования…». Судя по тому, что нам теперь известно, этих средств никогда уже больше не будет хватать. Золотое время для учительства завершилось вместе с крушением монархии. Но кто тогда мог об этом знать! Малограмотные люди с энтузиазмом, а некоторые по принуждению до основания разрушали мир своей прежней жизни. Начиналась Гражданская война.

В мае 1918 года растянувшиеся чуть ли не по всей Транссибирской магистрали пятьдесят тысяч чехословацких военнопленных подняли мятеж против советской власти. Начался он в знакомом нам Мариинске и моментально охватил весь Транссиб, всю Сибирь. Весьма зыбкая митинговая советская власть была свергнута, но не сдалась. Рабочие под руководством большевиков сопротивлялись. Крестьянская беднота под водительством пришлых комиссаров сбивалась в партизанские отряды, в составе которых было немало уголовников и анархистов. Насилие и беспредел, подогреваемые голодом и

самогоном, были повсюду.

Контрреволюционное, эсеро-меньшевистское временное сибирское правительство призывает офицера А.П. Бакатина в Сибирскую армию и назначает начальником гарнизона Анжерских копей.

Как свидетельствуют историки, первым значительным выступлением рабочих против режима «демократической» контрреволюции была политическая забастовка на Судженских копях в июле 1918 года. Комиссар сибирского правительства на копях товарищ Дзепо докладывал: «Аресты не провожу, необходимо выдержать спокойствие». Очевидец описывает одно из рабочих собраний того времени: «Настроение собрания было бурное. Речь комиссара Дзепо прерывалась криками: «Зачем ты арестовываешь людей, в школе пулемет поставил, завел белую гвардию?!» «Белой гвардией», а точнее, дружиной по охране шахт и электростанции, только не на Судженке, а на Анжерке, командовал мой дед.

Министр внутренних дел сибирского правительства Крутовский в телеграмме комиссару Судженских копей приказал принять «экстренные меры… серьезного и решительного характера, опираясь на посланный в Ваше распоряжение отряд…».

Историк В.А. Кодейкин пишет: «На Судженские копи прибыл отряд белочехов со станции Тайга. Утром 9 июля начались новые аресты рабочих. Собрался митинг шахтеров. Решили начать забастовку.

Судженских шахтеров поддержали на Анжерских копях… Собрался многолюдный митинг. Эсер Литвинов пытался доказывать, что забастовка недопустима, так как она может остановить работу железной дороги. Но его стащили с трибуны… После митинга около пятисот рабочих с красными флагами направились на Судженские копи. Вечером 10 июля состоялся объединенный митинг шахтеров Судженки и Анжерки. Он был разогнан отрядом белочехов, которые открыли стрельбу по безоружным людям. Многие были ранены… К счастью, никто не убит. Но все равно, в советской историографии справедливо считается, что эсеро-меньшевистские правители потопили забастовку в крови».

Вот что пишет в своих дневниках один из видных военных чинов колчаковского правительства барон А. Будберг: «…никакие успехи на фронте нам не помогут, если местные агенты власти в тылу будут вести себя так, чтобы вызывать ненависть местного населения». Дед не вызывал ненависти своих земляков. Он не разгонял мирные митинги, спасал от расстрелов, освобождал незаконно задержанных. Он знал своих соседей по барачной

колонии. Человеческая жизнь для него была бесценна. Это не осталось незамеченным. В конце 1918 года телеграммой председателя правительства Михайлова он был освобожден от должности, затребован в Томск, арестован и предан суду «за умышленное бездействие».

Он не занимался политикой. Не состоял в партиях. Бабушка рассказывала мне, что после Февральской революции дед высмеивал бурно вспыхнувшую моду на красные банты. Это, конечно, ничего не доказывает. Не любил банты, значит, монархист? Может быть. Но скорее всего, он был настоящим русским офицером.

В томской тюрьме дед провел четыре месяца. По решению суда в мае 1919 года был назначен младшим офицером в 11-ю роту 5-го Сибирского полка и отправлен в действующую армию на Пермский фронт, где в это время разворачивалось мощное наступление «красных».

Тот же А. Будберг так характеризует части, сформированные в то время в Томске: «Для этих спазматических формирований не было ни кадров, ни учителей, ни снаряжения; они только обманывали верхи своим наличием и своей численностью, они давали миражи армий и реальной силы там, где ни настоящих войск, ни реальной силы не было». Наверное, А. Будберг прав. Силы там было немного, но там было много реальных живых людей, очень быстро бессмысленно расставшихся с жизнью…

Деду повезло. Он был только ранен и эвакуирован в Ново-Николаевск.

Разложение Белого движения нарастало. Армии потеряли способность даже сопротивляться. Никто никому не подчинялся. Авантюризм выскочек, анархия и атаманщина сделали свое черное дело. Белая армия начала откатываться назад.

А. Будберг пишет: «…сейчас большинство не желает воевать, не желает обороняться и пассивно уходит на восток, думая только о том, чтобы не нагнали красные; этот отступающий поток увлекает за собой немногие сохранившие порядок и боеспособность части и отдельных с непоколебленным духом солдат и офицеров…» В этом потоке шел или ехал в вагоне, а может быть, на телеге и мой дед, назначенный начальником хозяйственной части команды выздоравливающих. Как он прошел Анжерку, не знаю. Наверняка была тяжелая встреча с семьей, но он не остался, был еще верен долгу, как он его понимал, и пошел со всеми дальше на восток.

Однако, видимо, уже в Красноярске осознал перспективы этого отступления, которое могло закончиться только бегством от родины в эмиграцию. Он решил остаться и возвратиться домой.

Мне кажется, он хорошо представлял прием, который окажут ему большевики. Но все-таки не мог бежать, бросив Родину, жену, детей, сознательно предпочел эмиграции если не мученическую смерть, то уж мученическую жизнь точно.

Вот что записано в протоколе допроса арестованного: «При эвакуации отступающих белых войск я отстал в г. Красноярске 4 января 1920 г. В тот же день случился переворот, и я остался в городе. Был потом арестован как белый офицер…»

Вот такой круг от ареста белыми до ареста красными. Круг мытарств, совершенно независимый от его воли, противный его убеждениям.

Сергей Есенин признавался: «…с того и мучаюсь, что не пойму, куда несет нас рок событий…» Мне кажется, я не ошибусь, предположив, что и дед не понимал происходящего. Мерзость революционного безумия со всех сторон. Дед не допускал и не принимал глумления и бессмысленного насилия над кем бы то ни было. Но он ничего не мог изменить.

То было страшное время. Когда вернулись красные, Александра Петровича разыскивали. В квартире произвели обыск. Все перевернули вверх дном. Даже пух из перин выпустили. Бабушка спрятала на чердаке дома семейные документы, фотографии и золотые рубли. Их не нашли. Но потом все сгорело.

Мой отец, уже незадолго до своей смерти, по моей просьбе написал несколько страничек воспоминаний об Александре Петровиче. Приведу из них дословно небольшую выдержку: «Отца может характеризовать следующее мое воспоминание: во время колчаковщины дома (в Анжерке) отец смазывал (или протирал) револьвер, мне было лет семь, я его спросил, много ли раз он стрелял из этого револьвера в красных. Он мне ответил, что ни разу не стрелял, что красные такие же русские люди и стрелять в них нельзя».

Удивительно, что тогда, в 1920 году, в этом хаосе, подобие судопроизводства все-таки существовало. Даже в ЧК. Это факт. Схваченный в Красноярске белый офицер А.П. Бакатин не был расстрелян без суда и следствия. С ним стали разбираться.

Приведу известные мне документы. На один из них я не могу смотреть без волнения. Вырванный из школьной тетрадки листок в линеечку исписан ученическим четким почерком моей бабушки. Она, конечно, страшно волновалась. Об этом свидетельствуют исправления, зачеркивания, вставки. Я не анализирую ошибки. Я благодарю судьбу за то, что могу через этот ветхий тетрадный листок соприкоснуться с маленьким кусочком давно ушедшей жизни моей любимой бабушки. Как мне кажется, могу понять ее чувства, и хотя уже знаю, чем все это кончится, вновь пережить

вместе с ней отчаяние и надежду.

В Революционный Комитет
Судженско-Анжерского района.
…Мы, нижеподписавшиеся, просим освободить арестованного Александра Бакатина и ручаемся, что никакой агитации против Советской власти с его стороны не последует и что, до разбора его дела, он будет проживать на Анжерских копях, колон. № 1, барак № 5, кв. 2.

Другой документ (дается в орфографии и пунктуации оригинала).

В Чрезвычайную
следственную комиссию
Анжеро Суджинского района.
Заявление Члена Р.К.П. (Большевик)
Павла Копылова.
По приезде моего на Анжерскую копь с 9 Всероссийского съезда Р.К.П. я узнал от своей жены, что бывший учитель школы Анжерской копи А.П. Бакатин содержится под следствием, и обвинение против него то что он разгонял митинг на копи Мехелъсона силой оружия своей дружины, если только это обвинение, то смею удостоверить что обвинения эти неправильны. Митинг был разогнан и расстрелян отрядом чехов, вызван комиссаром Ивановым Андрияном, дружина же въ это время была расставлена Бакатиным на посты на Анжерке, где и сам находился Бакатин, и за то что он допустил митинг на Анжерке которые перешел на Мехелъсон Бакатин был смещен (Министром) Михайловым телеграммой Выше изложенное удостоверяем жена моя Екатерина тоже присутствовала на митинге и сам лично
Павел Копылов.
Анжерская копь кол. № 6 бар 88 кв 1
(апрель, дата неразборчива)

Спасибо тебе, дорогой большевик Павел Копылов! Наверное, это ты, честный человек, спас моего деда.

Отец мой вспоминает, что в Красноярск ездила делегация рабочих хлопотать за бывшего учителя Анжерских копей. По-видимому, тогда и появилась эта «подписка», с которой я начинал рассказ о своем деде. Однако подписка эта не была реализована, на ней по диагонали размашисто и неразборчиво кто-то наложил резолюцию:

«Арестованного…..в Томск».

Подпись. Дата 13.6.20.

Дед был переведен в Томскую тюрьму. Приведу несколько выдержек из протокола допроса обвиняемого.

– Бакатин Александр Петрович, 35 лет.

– Место жительства: «Анжеро-Судженские копи, колония № 1, барак 5».

На вопрос: «Бывшее сословие» – написано и зачеркнуто: «Мещанин» – и сверху написано: «Из крестьян».

Профессия – «учитель».

Образование – «среднее».

Семейное состояние – «Женат. Жена Юлия Никитична, мать – 70 лет, дети 8 лет сын, 6 лет девочка».

Имущественное состояние – «никакого».

Средства к существованию – «служба».

И далее: «В расстреле рабочих на Анжерских копях 1918 года я себя виновным не признаю. Напротив, за все время службы я не сделал ни одного обыска или ареста. Допускал собрания и митинги, рискуя собственной жизнью, за что был предан суду. При мне часто устраивались митинги под видом делегатских собраний и под видом заседаний в зданиях. 10 июля был митинг, который на Анжерских копях прошел спокойно. На Судженских копях, несмотря на мои просьбы, был разогнан чешским отрядом и местными дружинниками.

Вскоре после переворота чехами было арестовано 20 человек рабочих. Но по моей просьбе комиссариат послал делегацию на станцию с просьбой о передаче их в мое распоряжение. Все были в тот же день мною освобождены…

…Больше ничего не знаю.

Прочитал. Со слов моих записано верно. *А. Бакатин».*

Состоялся суд. Не знаю за что, но он получил два года принудительных работ и вернулся в Анжерку.

На этот раз все закончилось относительно благополучно.

Однако учить детей новая власть А. Бакатину не разрешила. Трудился счетоводом, вычислителем в маркшейдерском бюро шахты, бухгалтером.

В 1929 году переехали в Томск. Александр Петрович работал бухгалтером на элеваторе, Юлия Никитична преподавала. Дети вскоре поступили в Томский технологический институт. Жили в светлой квартире двухэтажного обшитого тесом дома с высокими, украшенными резьбой окнами. Об этом периоде мало что известно. Тихая жизнь. У деда была лодка, и он летом часто рыбачил. В 1934 году Александра Петровича неожиданно

призвали на переподготовку среднего комсостава, где за отличное прохождение сборов премировали малокалиберной винтовкой (ТОЗ). Он и здесь, в Томске, не оставил своего увлечения. Ходил на охоту, подолгу оставаясь в тайге. Мне кажется, он просто убегал, прятался от действительности, оставаясь один на один с природой.

В стране тем временем происходили бурные события. Сокрушительным разгромам подвергались старые троцкистско-меньшевистские и новые меньшевистско-троцкистские оппозиции. Были провозглашены сталинские курсы на коллективизацию сельского хозяйства и индустриализацию страны, принимались и досрочно выполнялись первые пятилетние планы.

В апреле 1929 года XVI партконференция призывает к чистке партии и борьбе с бюрократическими извращениями государственного аппарата как одной из важнейших форм классовой борьбы. Бухгалтера А. Бакатина, конечно, выгнали со службы. Думаю, что переезд в Томск в какой-то мере был связан с этим. 1929 год, год великого перелома в стране, стал годом смены места жительства, поиска новой работы. Не думаю, что семья жила слишком спокойно, полагая, что от всех революционных вихрей социалистического строительства ее убережет крыша дома на Коммунистическом проспекте в Томске. Они боялись эту власть, боялись чекистов. У них были для этого основания. Но они не сопротивлялись, приспосабливались и жили как все, по установленным правилам. Бабушка была прекрасным педагогом, регулярно получала грамоты и звания «ударника очередного года пятилетки, строителя социализма, активно проявившего себя в социалистическом соревновании по повышению производительности труда». Образцы этих грамот, выпускаемых миллионными тиражами, оформленных в лаконичном модерновом стиле «Окон РОСТА» с лозунгами типа «СССР – ударная бригада международного пролетариата», бережно хранились вместе с документами, редкими фотографиями, семейными реликвиями.

Они честно занимались своим делом и таким образом вместе со всей страной «строили социализм», ни в малейшей степени не являясь врагами советской власти.

Только один раз они предприняли какие-то действия, оказали пассивное сопротивление. Дочь Эмилия прервала учебу в институте и была отправлена в Москву к знакомым. Это было паническое бегство от настойчивого предложения стать осведомителем НКВД.

Не сомневаюсь, что мои дедушка и бабушка знакомились из газет (в характеристике преподавателя НСШ № 10 Бакатиной Юлии Никитичны прямо записано: «систематически читает газеты») с историческими решениями XVII съезда ВКП(б), прошедшего в начале 1934 года. Знаю, что жили они тревожно, но не могу утверждать, что уже тогда почувствовали какую-то опасность в резолюции съезда, где «**окончательная ликвидация капиталистических элементов**, полное уничтожение причин, порождающих эксплуатацию человека человеком и разделение общества на эксплуататоров и эксплуатируемых, преодоление пережитков капитализма в экономике и **сознании людей** выдвигались в качестве основной **политической задачи** новой пятилетки…».

27 июля 1937 года в Западной Сибири была хорошая, теплая погода. Пятидесятидвухлетний, почти совершенно лысый, с жесткими подстриженными щеточкой усами, физически крепкий мужчина встал до рассвета, взял рыбацкие снасти и потихоньку пустыми улицами спустился к реке. Конечно, он и предположить не мог, что последний раз видит красавицу Томь, наслаждается тишиной и прохладой раннего утра. Клев, наверное, был неплохим, потому что вернулся он довольно скоро. Оставил улов на кухне и опять прилег досыпать. Бабушке в этот день нужно было пойти в школу. Утром, перед уходом, пожарила Александру Петровичу на сковородке карасей. Он еще спал.

Вернулась она в пустой дом. На кухонном столе стояла едва начатая сковородка с пожаренной утром рыбой. Засохший кусок хлеба и вилка лежали рядом на клеенчатой скатерти.

Она рассказывала мне, что ее почему-то сразу объял страх. Этот брошенный завтрак, казалось, был знаком какой-то непоправимой, огромной беды. Удивительно, но с тех пор, всю свою оставшуюся жизнь, она не могла не то что есть – смотреть на жареную рыбу.

Мужа ее Александра Петровича нигде не было. Соседи сказали, что утром его увезли. Бабушка, наверное, все поняла. Но она хотела знать, что с ним будет, где его найти, как увидеть, что можно передать. Куда она ни обращалась, нигде ей ничего не сказали, кроме того, что он враг народа и что революционная власть поступит с ним в соответствии с советским законодательством.

Двадцать восемь лет в семье не знали, жив он или нет. Ни на какие запросы никто не отвечал. И только в сентябре 1965 года отец получил из военного трибунала Сибирского военного округа справку № 93–61/523 ж.

Дело по обвинению Бакатина Александра Петровича, 1885 года рождения, работавшего бухгалтером отделения «Заготзерно» в городе Томске, пересмотрено военным трибуналом Сибирского военного округа 19 мая 1961 года.

Постановление от 27 августа 1937 года в отношении Бакатина А.П. отменено, дело производством прекращено. Бакатин Александр Петрович по настоящему делу полностью реабилитирован, посмертно.

Подпись, печать.

Может быть, лучше ничего не знать, как ничего не знали мои родные. Они так и умерли, ничего не ведая про то, что пережил после 27 июля 1937 года их муж и отец. Они могли только догадываться, и, наверное, они здесь не одиноки. Близкие люди очень многих несправедливо пострадали в годы сталинских репрессий, и до сих пор очень мало кому удалось узнать всю правду. Мне это удалось, только воспользовавшись служебным положением в то время, когда я был большим начальником. Рассказывать об этом надо, но это трудно, поскольку я просто не могу найти слов, способных выразить чувства, которые испытал, когда держал в руках дело моего несчастного деда. Дело № 12310 по статье 58 п. 2, 10, 11 начато 27 июля 1937 года, окончено 20 августа. Строго говоря, и делом-то его назвать нельзя. Серенькая тоненькая папочка, в которой подшиты несколько довольно небрежно исписанных листочков. Донос. Анкета арестованного. Протокол допроса и решение «тройки». Все.

Дело 1920 года, о котором рассказано выше, выглядело куда солидней. Приложены масса документов, свидетельские показания, даже вещественные доказательства. Не думаю, чтобы система деградировала в бумаготворчестве. Знаю, что и нынешние некоторые наследники ЧК в состоянии из ничего трудолюбиво раздуть в «нужном» направлении многотомное дело. В 1937 году ЧК просто очень спешила. Требовалось за короткое время расстрелять много народа и отрапортовать. Под эту кампанию террора советской власти над советскими людьми и попал с миллионами других граждан СССР мой многострадальный дед.

Итак, был донос. В нем сообщалось, что долг патриота советской власти обязывает нижеподписавшегося сообщить органам, что бывший белый офицер А.П. Бакатин, работающий на Томском элеваторе бухгалтером, на самом деле является японским и французским шпионом, активным участником

созданной Волконским и Эскиным по заданию зарубежной белогвардейщины кадетско-монархической повстанческой организации, в которую завербован в 1936 году Нестеровым, завербовал в нее Покровского и обязался в момент вооруженного восстания отравить хлеб и поджечь элеватор (какая «фантазия» – и отравить, и сжечь одновременно).

Фамилию, имя, отчество подписавшего я не привожу. Во-первых, писал все это не он. Все сочиняла сама ЧК. У меня нет ни малейшего желания сводить с кем бы то ни было счеты. И не думаю, чтобы дед Александр этого хотел.

Анкета арестованного (форма № 5) заполнена крайне неразборчиво, неполно и небрежно. Как будто писали чернилами по влажной бумаге. Многое просто расплылось. Наверное, в тот день было жарко, и у сотрудника, допрашивающего Александра Петровича, сильно потели руки.

– Известные нам личные данные, адрес, место работы, должность, социальное положение, служба в царской армии и чин.

– Служба в Красной армии – «нет».

– Политическое прошлое – «нет».

– Имущественное положение в момент ареста. Предлагается перечислить все движимое и недвижимое. Ответ – «нет».

– Национальность и гражданство – «русский, СССР».

– Партийная принадлежность, с какого времени и № партбилета – «б/п».

– Состоял ли под судом и следствием – «1920 г. (далее неразборчиво) задержан Томским ГубЧека».

– Состояние здоровья – (неразборчиво) «…сердце».

– Четкая подпись арестованного – А. Бакатин.

– Кем и когда арестован – «27.7.37. Том 20 НКВД».

– Подпись сотрудника, заполнявшего анкету, и дата – та же 27.7.37.

Люди спешили. Пока бабушка металась по городу, искала мужа, его уже допрашивал разомлевший от жары и, судя по тому, как он не дописывал окончания слов, еле водя ручкой по влажной бумаге, видимо, сильно уставший сотрудник.

Потом были пытки и допрос. Вопросы точно повторяли положения доноса. Ответы обвиняемого точно повторяли в утвердительной форме текст вопроса. В ужас приходишь от этой наглой «гармонии правосудия».

Все выглядело примерно так.

Вопрос: «Вы признаете, что являетесь агентом японской разведки?»

Ответ: «Да, я признаю, что являюсь агентом японской

разведки».

Вопрос: «Вы признаете, что являетесь участником кадетско-монархической повстанческой организации, созданной Волконским и Эскиным?»

Ответ: «Да, я признаю, что являюсь участником кадетско-монархической повстанческой организации, созданной Волконским и Эскиным» и так далее и тому подобное.

На каждой странице внизу подпись допрашиваемого. Подпись была. Наверное, это была его подпись. Но это был не его почерк, четкий каллиграфический почерк уверенного в себе человека. Мой сильный дед не устоял перед чекистами. Он был сломлен. Абсолютно безвольной, дрожащей, неслушающейся рукой сходящая на нет подпись «Бакат…».

Вот и все. Последний документ на четвертушке бумаги: «Постановление тройки управления НКВД Западно-Сибирского края. Бакатина Александра Петровича подвергнуть высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией имущества». Статья не указана. По одним данным, приговор приведен в исполнение 27 августа 1937 года, по другим – 8 сентября. Какая разница?

Конечно, и сейчас, по прошествии нескольких лет, после того как я об этом узнал, тяжело об этом писать. Но ни с чем не могу сравнить чувство острой жалости к моему несчастному деду в те минуты, когда я впервые держал в руках и читал эти ветхие, пожелтевшие листки, молчаливые, бесстрастные свидетели и свидетельства его финальных дней и часов. Его подпись на последнем листке допроса, проведенного сотрудниками тупой и слепой машины в руках большевистских приспособленцев к безжалостному сталинскому курсу.

Все эти годы меня не покидает одно абсолютно неосуществимое желание. Я пытаюсь понять, хочу узнать, догадаться, о чем он думал в те летние дни и ночи 1937 года. Что он хотел сказать мне? Он ведь знал, что скоро у него будет внук.

Конечно, и в самом кошмарном сне, в бреду ему не могла прийти в голову дикая мысль, что его внук через полвека возглавит НКВД – КГБ, ведомство его палачей и мучителей, и будет читать его так называемое дело. Если бы он хоть на йоту допускал такую возможность, наверное, оставил бы мне какой-то знак на последней странице последнего, в цепи многих в его жизни, допроса.

Что бы он мне сказал? О чем он думал? Этого я никогда не узнаю. Но я уверен, что он не завещал мне мстить. Это было не в его правилах. «Красные такие же люди, сынок».

Можно ли его упрекать за то, что не пошел до конца с «белыми», за то, что не стал «красным»?

Наши деды сделали то, что смогли. Они смогли погибнуть. Много это или мало? Как считать? Чем измерить? Их детям и внукам досталась жизнь. Жизнь строителей коммунизма. Это тоже немало. Никогда и никому в человеческой истории не удастся повторить то, что случилось в России в XX веке. Мы со своими отцами и дедами были свидетелями и участниками уникальных лет и событий.

Глава 2
Социалистическое детство

Дети пьяны постоянно – пьяны жизнью.

П.Ж. Туле

Через тридцать дней после того, как душа Александра Петровича Бакатина покинула эту землю, у него родился внук. Произошло это накануне двадцатой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции – 6 ноября 1937 года. Примерно в то же время, как свидетельствуют документы КПСС, в стране появился социализм. Был в основном построен. Таким образом, наше с социализмом детство началось и проходило в одно и то же время. Оно казалось мне счастливым. По крайней мере, в то далекое время, сколько себя помню, я, воинствующий безбожник, часто возносил неведомо кому какое-то подобие молитв. Благодарил за то, что повезло, что родился не в ужасной прогнившей царской России и не в буржуйской жестокой Америке, где дети страдают в нищете, работая день и ночь, а в нашем прекрасном СССР, где в Кремле постоянно думает обо мне дорогой товарищ Сталин. Хорошо помню, как в этих детских благодарностях, обращенных к подушке, я хотел жить со своими родителями очень долго, но не хотел, чтобы Сталин умер раньше меня.

Несколько позже в моих отношениях к И.В. Сталину появились другие чувства. Отроческий критицизм и недоверие. Возникли они как реакция на слащавые рапорты «Дорогому Иосифу Виссарионовичу…» о постоянно случавшихся в то время трудовых подвигах. Мои насмешливые декламации рапортов сталеваров, колхозниц, рыбаков всегда немедленно пресекались бабушкой с непонятной мне серьезностью.

Весь этот случайный скептицизм моментально исчез и сменился искренним уважением к Сталину после его смерти. Хорошо помню те небывало теплые для Сибири первые дни марта 1953 года. Многочасовое стояние на траурном митинге. Мое школьное сочинение по поводу смерти Вождя было признано лучшим среди восьмых классов.

Не думаю, что уже подведена черта под нашими общими и частными отношениями с И.В. Сталиным. Влияние этой зловещей фигуры на жизнь страны еще далеко не исчезло. Но определенно лучше, безопаснее изучать и давать оценки его деятельности, чем

жить с ним в одно время. Я прожил в сталинское время пятнадцать лет, но тогда опасности этой не чувствовал, искренне считал себя счастливым и даже по-детски любил Иосифа Виссарионовича.

Я ведь и понятия не имел, что он уничтожал людей. Что мой дед был им расстрелян. Никто об этом не говорил.

Удивительно другое. Мир моего детства, создаваемый моими родителями, не был ограничен семьей и улицей. Но тем не менее окружавшие меня убогость, нищета не то чтобы не замечались, а как-то естественно входили в общий круг жизни. И детские сопереживания несчастьям, случайным смертям, бездомным и голодным, по большому счету, не делали мою жизнь менее счастливой.

В нашей детской было два окна. Одно на восток. Из него были видны стайки[2], углярки, кучи навоза, огороды. Не знаю, что прекрасного в этом перечне, но вид был изумительный. Дальше в полукилометре была железная дорога. За ней невысокие, летом красно-рыжие сопки с пунктирами обвалов по траверсам горных выработок. Над ними небо, удивительно часто меняющее свой цвет.

Второе окно вместе с дверью на широкий деревянный балкон выходило на юг. На юге был двор с погребами, волейбольной площадкой, турником и березами. А дальше соседний, такой же, как наш, трехэтажный кирпичный дом. Таких замечательных, крытых красной черепицей жилых домов с собственными котельными в городе было всего четыре. Это были новые дома – ровесники социализма. Тогда все было новым. И город, который обидно и несправедливо назывался Киселевском, состоявший из шахт и барачных поселков, заносимый сугробами зимой и утопающий в осенней непролазной грязи, тоже был новым. Мы любили его, радовались новостройкам, гордились успехами земляков-шахтеров.

Каждый день начинался веселой какофонией звуков. Гудки паровозов, гул поездов, крики петухов, мычание коров, отправляемых в стадо, бодрое пение из репродуктора… Почему-то не могу вспомнить пасмурной погоды. Как будто в детстве всегда было солнце. Помню дожди, но и они были «слепые», веселые. Все было прекрасно и пронизано солнцем. Весна и первые ручьи, смывающие накопившуюся за зиму угольную пыль. Голубые лужи и антрацитовая грязь. Скворечники и первая листва. Яркие солнечные головки одуванчиков на южном склоне железнодорожной насыпи, где мы любили сидеть за щитами, наблюдая, как очередной состав ритмично раскатывал своими

колесами подложенный на рельсы пятак.

Лето – это велосипед. Это непрерывные футбольные битвы в пыли и жаре. Это прохлада подъезда или, еще лучше, погреба, в котором утоляешь жажду молоком из глиняной крынки.

Это пионерские отряды, костры и «падэспань» под баян на веранде, полной комаров, пота и трепетного общения. Это земляничные знойные поляны на загородных сопках, пронизанные звоном кузнечиков и тонким-тонким неповторимым ароматом перезревших ягод. А наша чудесная, чистейшая и тишайшая речка Чумыш, петляющая в высоких берегах по лесам и полям неведомо куда… Нет теперь таких речек…

К концу лета на американских «студебеккерах», «фордах» или на наших трехтонках привозили душистое сено. Забивали им сеновалы, ставили стога. Осенью все вместе копали картошку, молотили просо, гречку.

Зима – ожидание чуда под новогодней елкой и постоянное бесценное счастье игр короткими морозными днями. Походы на лыжах не вызывали у меня энтузиазма. Другое дело – коньки. Их приклепывали к ботинкам, точили на самодельных станках. Клюшки для русского хоккея делали сами. Заготавливали летом березовые крюки или, кто посмелее, разживались дугой с шахтовых конных дворов. Крюк простругивали, оборачивали изолентой или резиной и оплетали тонким сыромятным ремнем. Для ручек использовали толстые прямые ветки черемухи или акации. Они прекрасно пружинили. Такой клюшкой хорошо получался удар «хлюпом».

Мы жили совсем рядом с единственным в городе стадионом «Шахтер». Его каток, всегда открытый для детей, был нашим вторым домом. Порезанный после хоккейных баталий лед не ленились к вечеру залить. Зажигали прожектора, включали музыку, и каток снова заполняла уже более прекрасная публика. Все вместе и каждый в отдельности, подчиненные тайному, одному льду известному закону, творили чудо, называемое вечерний каток. Если ты был обладателем редких в начале 50-х годов коньков, которые назывались «канады», ты мог бешено мчаться против общей круговерти, лавируя как слаломист, вызывая счастливый визг той, вниманию которой эта опасная глупость и представлялась.

Когда началась война, я не заметил. Я этого не помню. Помню, что война была. Помню, как она закончилась в мае сорок пятого на солнечном, красном от флагов городском стадионе ликованием множества людей. И я в этом участвовал, восседая на отцовских плечах. Пишу только о том, что помню. Я был еще мал

и рос вместе с войной, переживал вместе со всеми, ненавидел фашистов и Гитлера, старался не отставать от дворового мальчишеского братства. Мы изготавливали оружие. Как настоящее. Даже пулеметы с трещотками. Рыли за огородами окопы, блиндажи, подземные ходы. Мы серьезно играли в войну, каждый раз побеждая фашистов.

Собирали и менялись редкими в первое время почтовыми марками. Выше всего ценились марки о фронте, о героях. Постепенно их становилось все больше и больше. А. Матросов, Н. Гастелло, В. Талалихин… Число наших кумиров росло. Все хотели быть летчиками. Мы, мелюзга, страшно завидовали тем, кто, закончив седьмой класс, шел не в ФЗО, а уезжал в загадочный Фрунзе поступать в летное училище. Нам же ничего не оставалось, как подрастать.

Появились эвакуированные. В нашу квартиру подселили симпатичную пожилую супружескую пару эстонцев. Приехали тети из Подмосковья с маленькими дочками. Десять человек жили в двух комнатах. Но тесноты я не запомнил.

Вместе с новыми незнакомыми словами: «бандеровцы», «спецпоселок», «власовцы» – пришли и другие поселенцы, жившие по окраинам за колючей проволокой.

Не могу отфиксировать, когда и как оказались в городе немцы Поволжья. Их было много, и такое впечатление, что они были всегда. Мальчишеским кумиром стал вратарь сборной города по футболу, которого звали Карл. Он был из немцев Поволжья и, наверное, до войны играл в серьезных командах.

Появились пленные немцы. Вначале их водили на работу колоннами под охраной с собаками. Позже некоторых из них расконвоировали.

Прекрасно, как сейчас, помню: бабушка открывает дверь, в светлом проеме высокая, серая, в длинных одеждах, в характерной шапочке с козырьком, совсем не страшная, скорее жалкая, фигура. Бабушка идет на кухню. Фигура стоит и бесцветными глазами смотрит на меня. Это худой мужчина. Я смотрю на него. Бабушка возвращается. Происходит обмен, и у меня оказывается сделанный из тонких досочек маленький грузовичок на деревянных колесиках. Дверь опять закрывается на крючок. Бабушка говорит: «Это немец. Какой ужас…»

Абрам, немец из военнопленных, жил и работал в нашем дворе, выполняя любую работу за копейки. Потом он ушел на шахту. Женился. Построил дом в Вахрушевском поселке. И таких было немало.

Через дорогу от нашего дома была больница. Ее называли «белой» по цвету стен. Во время войны там был госпиталь. В нем

работала хирургом моя мама. Девичья часть двора ходила ухаживать за ранеными, устраивала время от времени концерты. Мальчики толпились у дверей.

Осталось ощущение напряженного ожидания, с которым слушали сводки, извергаемые черным бумажным кругом репродуктора. Помню, как все кричали, радовались и бежали в соседнюю комнату, где всю стену занимала карта европейской части СССР. «Киев! Наши взяли Киев!!» И я со всеми разглядывал на зеленой карте этот загадочный Киев, отмеченный кружочком в красной звездочке.

Детским потрясением, запомнившимся на всю жизнь, явилось для меня возвращение с войны солдата. Это был сын живших на третьем этаже Патрушевых. Он пришел на костылях, без ноги и потом все время сидел на балконе, грустно смотрел на нас. Была весна 1946 года… Я закончил первый класс с похвальной грамотой. А это значит – родители были обязаны выполнить мое желание. Конечно, другого желания, кроме как иметь футбольный мяч, в то время у меня не могло быть. Это была трудная задача. Мячи не продавались. Где его взять? Не знаю, как это произошло, но мама купила футбольный мяч у мамы Патрушева. «Сыну он все равно теперь не нужен…» – сказала та.

Настоящий довоенный футбольный мяч. Его разбили во дворе за неделю. А потом все лето зашивали, клеили камеру.

Патрушев осенью поступил в нашу школу, в десятый класс. В свое время война не дала ему доучиться.

Сейчас трудно в полной мере разделить воспоминания раннего детства времен войны с информацией, полученной позже из рассказов вернувшихся с фронта родных. Помню, по крайней мере, одно письмо. Солдатский треугольник, полученный от мужа жившей у нас с маленькой дочкой тети Мили, сестры отца. Письмо Дмитрия Алексеевича Шигина было полно любви, юмора, бодрых описаний солдатского быта, иллюстрированных рисунками. Я гордился дядей Димой и мамиными братьями: Николаем, Владимиром, Василием, Константином Куликовыми, воевавшими еще с Финской войны. Николай Афанасьевич Куликов погиб на фронте. Трем другим повезло больше. Они были зенитчиками на разных фронтах. Написали письмо К.Е. Ворошилову, чтобы свели их в одну батарею. Просьбу удовлетворили. Вместе отвоевали всю войну, вынесли от начала до конца блокаду Ленинграда.

Уже в более старшем возрасте я очень любил встречаться с моими дядями-фронтовиками. Их жизнелюбию, юмору, рассказам не было конца.

– Дядя Володя, как ты медаль «За отвагу» получил?

– Да чего тут рассказывать. Как все.

– А как? За что?

– Да ни за что. Как только стрелять перестанут, командир появляется в окопах, а за ним старшина мешок с медалями тащит. Как-то раз остановился около меня и говорит: «Награждаю вас, товарищ боец…» Старшина руку в мешок засунул, вытаскивает орден Красной Звезды. Заминка вышла… Командир ему кулаком грозит. «Не то ты, – говорит, – вытащил». Старшина снова в мешок. Вытаскивает эту медаль. Ну, командир мне ее и вручил. «Служу Советскому Союзу», – говорю. Как обычно. А ты как думал?

Моя школьная жизнь началась с окончанием войны.

Бабушка была учительницей и, уж конечно, своего любимого внука подготовила к школе должным образом. Делать мне, честно говоря, в первых классах было нечего, но в школу идти надо. Хорошо помню, как на меня с трудом натянули страшно за это нелюбимый голубой американский свитер, и мы пошли поступать в школу. Там оказалось совершенно неинтересно. Было чисто, пусто, гулко. Пахло свежей краской и мочой. Какие-то тети о чем-то посмеялись с бабушкой, и все. «Приняли», – сказала бабушка, когда мы опять вышли на свежий воздух.

Первый урок. Учительница добрая и седая. Руфина Васильевна. Бабушка сказала, чтобы я показал учительнице тетрадки со своим письмом. Это были очень хорошие, оставшиеся еще с дореволюционного времени тетрадки из лощеной бумаги, с полями, исписанные мной дома. Руфина Васильевна подходила к каждому ученику. Я сижу на последней парте со своими тетрадками, жду, чтобы выполнить бабушкино поручение. И вот добрая рука на моей стриженной под машинку голове. Я что-то лепечу… «Можно, – говорит Руфина Васильевна, – можно писать и на этой тетрадке. Вот здесь, между строчек…»

Она не поняла меня! Это меня поразило, почему я и запомнил. Чуть позже я узнал, что некоторые ребята первое время писали на тетрадках, сделанных из старых газет. Страшная нищета и бедность были всюду.

На большой перемене нам давали кусочек хлеба и маленький, свернутый из газеты кулек с желтым сахарным песком. Измученная войной страна, как могла, заботилась о своих детях.

У нас была мужская школа. МСШ № 1. Учиться было легко, не буду на эту тему распространяться. Я любил литературу, историю, физику, астрономию, но больше всего – игровые виды спорта.

В то время массовая физкультура и спорт еще многое

значили в народной жизни. Большой популярностью пользовались регулярно разыгрываемые первенства города по футболу, русскому хоккею, волейболу, настольному теннису, штанге. Давайте вспомним, что Рудольф Плюкфельдер шагнул в чемпионы мира из клуба Киселевской шахты 4–6.

Команда МСШ № 1, составленная из старшеклассников, допускалась к соревнованиям на первенство города. И я горжусь, что играл вратарем в футбол и нападающим в русский хоккей.

Но больше всего я горжусь тем, что мой старший внук Вадик – кандидат в мастера спорта по футболу и член юношеской сборной России. Он профессионально занимается футболом. Оказывается, это не только радость, но и тяжелая работа. А какими шикарными мячами сейчас играют даже маленькие «детсадовские» мальчишки! В нашем детстве это невозможно было представить.

Кроме того, я посещал кружок ИЗО (рисования) и выставлялся на художественных выставках. Активно участвовал в оформлении школьной стенной газеты «Оса». Хорошая была газета. Выходила она под строгим патронажем директора школы, очень яркой, сухой, с хриплым прокуренным голосом женщины, которую почему-то, надеюсь, не из-за газеты, обвинили в безродном космополитизме, и она исчезла, забрав с собой на память номера «Осы» за многие годы своего директорства.

Номер газеты не мог быть меньше четырех листов ватмана. И был событием в школьной жизни. Иногда за карикатуры меня грозились побить. Но ни разу не били. Или не решались, или добрые тогда были юноши. А может быть, школа была хорошая, с детства прививала азы демократизма и понимания того, что ныне стало широко распространенным: лучшая защита от любой критики – ее игнорирование.

У каждого пруд пруди воспоминаний детства. И это правда. Я тону в этом «пруду». Хаотическое нагромождение все новых и новых воспоминаний захлестывает меня. Очень о многом, о чем вспомнил, я просто не смогу написать. А как отобрать, что важно, а что нет? Нет ничего важного, как нет ничего, что стоило бы забыть.

Можно целую симфонию написать о том чуде, которым в детстве был патефон. А как мы сажали тополя и ухаживали за ними… Можно ли забыть первое в жизни знакомство с яблоками, с огромными, алма-атинскими, которым я обязан был своей очередной болезни. Кажется, это был всего лишь брюшной тиф.

А как тогда читались книги! «Война и мир» проглатывалась за несколько дней. А ночи напролет за фотоувеличителем! Или как

мы ловили первыми радиоприемниками репортажи В. Синявского. О замечательных ребятах нашего двора и о подвижниках – школьных учителях ничего не сказал…

А каким чудесным событием была укладка первого асфальта! Как я трусил прыгать с парашютной вышки. Нельзя не вспомнить первомайские демонстрации. Я знаменосец дружины в белой рубашке, красном галстуке. Меня бьет нервная дрожь от гордости и счастья, а в голове гудит что-то собственного сочинения вроде: «Красным флагом в порыве ветра май врывается в нашу жизнь…»

А первый полет планера, собственноручно изготовленного из бамбука и папиросной бумаги? Улететь можно очень далеко и не вернуться. Надо кончать…

Напоследок – самое яркое впечатление детства. Летом 1947 года мы с мамой и сестрой Ириной поехали в Москву, столицу нашей Родины.

Наша любимая, уютная, засыпанная углем и шлаком, заросшая кленами и акациями станция «АКЧУРЛА Зап. Сиб. ЖД». Подошел и встал на две минуты поезд из зеленых вагонов. Первая ступенька лестницы в вагон была очень высоко. Но даже если бы она была под крышей, мы бы все равно со своими в тряпочных чехлах чемоданами, авоськами и бидоном моментально вскарабкались в вагон. Тем более что папа подсаживал маму и Иру.

Вагон был общий. Мама повесила между нашими полками и проходом белую простынку и гордо сказала незнакомое слово: «Ку-п-п-пе!»

Ехали семь дней, не отходя от окна. Жизнь вдоль дороги была интереснее любого кино. Это был другой мир, хоть и очень похожий на наш Киселевский. Другая жизнь, о которой я знал, слышал, читал, но видел первый раз. Широкие реки, горы, железные мосты, большие города, вокзалы, затерянные полустанки, озера, степи и люди, люди, люди… А как мы проезжали Урал! Как радовались, что не проспали обелиск на границе между Азией и Европой! А Казанский кремль и Волга в оранжевом освещении заходящего солнца! Все это было безумно интересно и прекрасно. Но все равно над всем довлело ожидание ни с чем не сравнимого счастья. Ожидание Москвы.

С огромной скоростью мимо проносились мостики над небольшими речушками, рощи из высоченных, прямых, как карандаши, сосен, бетонные платформы, деревянные домики, обитатели которых, занятые своими делами, почти не обращали внимания на наш поезд. Разве что изредка кто-нибудь помашет в ответ тебе рукой. Они казались мне загадочными,

счастливейшими существами. А Москвы все не было и не было…

И вдруг… Нет. У меня нет слов. Москва появилась неожиданно, сразу и очень быстро. А потом начала плавно и медленно раскручивать до горизонта невиданные громады заводов, домов, колоколен, перспективы дорог и улиц… Заиграла музыка, поезд стал замедлять ход, и мы въехали на забитый веселой толпой перрон, крытый полукруглой крышей на узорчатых чугунных столбах…

Нет. Все это не так и не то. Главное, неповторимое чувство радости, волнения и гордости, какого-то душевного трепета. Москва! Какое счастье, мы в Москве, любимой Москве! Наверное, это и есть патриотизм. Хотя теперь этим словом называется что-то совсем другое.

В последующие годы, приезжая в Москву, я не раз испытывал нечто подобное, но, к сожалению, постепенно острота ощущений исчезла. Праздник пропал, все стало буднично и серо. Но тогда, в 1947 году, праздник только начинался. Весь этот калейдоскоп событий, а главное, те по-настоящему высокие чувства в мальчишеском сердце старому бюрократу ни испытать, ни передать невозможно.

Мама прекрасно знала Москву. И мы с площади трех вокзалов, как мне казалось запруженной людьми и автомобилями, по эскалатору нырнули в метро. Метро – это чудо из чудес.

Красная площадь, Третьяковка, Исторический музей, зоопарк, слоны, тигры, обезьяны, мороженое, газированная вода, трамвай, магазины, фонари… и так далее и тому подобное. И все это было впервые, все было грандиозно.

Поражали и более простые, чем газированная вода, вещи. Вечер. Улица Горького. Прошел дождик, и красные фонарики стоп-сигналов машин, отражаясь в мокром асфальте, как в перевернутом небе, куда-то бегут и бегут и не могут убежать. Сотни красных огней… Это была Москва.

Москва отмечала свое 800-летие. Я это помню, но каких-то особенностей, отличий от обычных лет, конечно, не мог заметить. Не заметил и шрамов войны. Сувенир – круглая, из розовой пластмассы коробочка с изображением памятника Юрию Долгорукому – долгие годы стояла на мамином комоде, напоминая о прекрасном московском лете 1947 года.

Глава 3
Художник А. Куликов

Художник принадлежит своему времени, он живет его нравами, привычками…

Г.В.Ф. Гегель

В маленьком русском городке Малоярославце на тихой, утопающей в садах и сиреневых палисадниках улице есть старый дом. Это родительский дом моей мамы. Там жили ее отец Афанасий Ефремович Куликов и мать – Ксения Трифоновна.

Мой дед Афанасий Куликов был и остается самым знаменитым из всех родственников. Он был художником. Правда, знаменитым, то есть в какой-то мере известным в стране, он стал через много лет после того, как умер. Вспомнили о художнике Афанасии Куликове в конце 70-х годов, когда вдруг вернулась мода на русский лубок советской революционной тематики. Когда теоретикам искусства на какое-то время понадобились иллюстрации и подтверждения к известной формуле: «Искусство должно быть народным, национальным по форме и социалистическим по содержанию». Тогда прошли выставки, низвергся и затих водопад хвалебных статей, подгоняющих творчество художника под стандарты «социалистического реализма». Писали все. Даже орган ЦК КПСС газета «Правда». Ее похвала для того времени была высшим признанием.

Практически все авторы варьировали одну и ту же тему. «…В синтезе классических и народных традиций, переработанных художническим талантом, и берет свое начало русский советский лубок, возрожденный к новой жизни Афанасием Куликовым…» Я прекрасно понимаю всю идеологическую обусловленность и официозную заданность этой оценки, но тем не менее какая-то правда во всем этом есть. Избитый штамп «вышел из народа» художнику Куликову просто не подходит. Он никуда из народа не выходил. Как родился, так до смерти своей жил и творил в народе, среди земляков своего любимого провинциального Малоярославца. Народное искусство от лубочной детской картинки, вышивки на полотенце или старинной иконы – та среда, в которой он прожил свою жизнь. Таким образом, истинная правда – традиции народного русского искусства были ему прекрасно известны и, я бы добавил, им любимы. Правда и то, что он очень серьезно и скрупулезно изучал наследие великих старых

мастеров, художников классической реалистической традиции.

Творчество А. Куликова было многогранно. Призванием была живопись. Пейзаж, портрет, натюрморт, тщательная, дотошная работа над классической жанровой картиной на любимые темы истории России.

А что же лубок? Мои дяди, его сыновья – художники, говорили мне, что и лубок он любил. По крайней мере, относился к нему не менее серьезно, чем к живописи. Что это такое – лубок? Думаю, не каждому писателю, не говоря уж о читателях, точно известно значение этого слова. В таких затруднительных для меня случаях беру с полки солидный том изданного в начале нашего века «Энциклопедического словаря» Ф. Павленкова. Чудесная книга. На ее титульном листе надпись, выполненная каллиграфическим почерком, выцветшая от времени: «Эту книгу я дарю на память другу моему Александру от Прокопия. 1911 г. Апреля 10-го дня. *С. Тисуль».* Обращаю внимание читателя на эту отметину давно прошедших дней и ушедших людей для того, чтобы прочувствовать связь времен, которая иногда неожиданно остро и зримо проявляется в таких мелочах, как надпись на книге. Герои нашей первой главы не бесследно канули в вечность. Малая толика их чувств, отношений, любви, их жизни, материализованная в том числе и в этой книге, дошла до нас. И даже помогает в разных жизненных ситуациях. Из этой старой книги, подаренной деду в день его двадцатишестилетия, его внук узнает, что лубок – это «лубочные картины, аляповато исполненные картины для простонародья, получившие свое название от того, что первоначально вырезывались для них клише (печатные формы) на лубе, то есть на деревянных досках. В России появились в XVI веке».

А. Куликов был настоящий художник, с хорошим вкусом. Его лубки, наверное, нельзя назвать аляповатыми. Они были просты, лаконичны, доходчивы. И занялся он вплотную лубком в 20—30-х годах не потому, что хотел сказать что-то новое в технике этой графики. А потому, что надо было кормить большую семью. Семеро детей мал мала меньше да племянники, постоянно жившие в построенном им доме.

Советская власть мало заказывала ему живописных полотен. Не могло тогда быть и частных покупателей. Политически выдержанная в революционном рабоче-крестьянском духе и стиле дешевая лубочная картинка с броским стишком на злобу дня – вот что было надо многочисленным политотделам контор и учреждений советской власти. И Афанасий Куликов, не разгибая спины, не жалея глаз, трудился над плакатами, открытками, стенками для календарей, книжками и другими формами

агитационного искусства. Поскольку он был профессионально честен, даже работая для заработка, не халтурил. Многие его лубки поражают знатоков мастерством, отточенностью и исключительной верностью традициям русской лубочной книги. За эту трудоемкую, требующую большого терпения работу художник получал жалкие гроши. Но у него не было выбора, и в то тяжелое время это спасало семью.

Вот, собственно, и весь секрет возрождения русского лубка, о котором вдруг вспомнили в более сытые годы развитого социализма.

Художник – пленник своего времени. И если он яркими народными картинками прославляет электрификацию, коллективизацию или праздник Восьмое марта, совсем не значит, что это как раз те заветные темы, к которым он долго шел в своих творческих исканиях. Не думаю, что дед плохо относился к электрификации. Скорее, даже очень хорошо. Но то, что было истинным выражением его души, общественного или, точнее, государственного спроса не находило. Прекрасные пейзажи окрестностей Малоярославца, портреты родных людей, ностальгические картины, отображающие уходящий, разрушаемый коллективизацией патриархальный быт русской деревни… Все это годами складывалось за большой занавес из серого холста к торцевой стенке его небольшой мастерской.

Дед был глубоко русским человеком по своему воспитанию и мировоззрению. Психология русского крестьянина не исключает веселья, удали, даже хулиганства, но мне кажется, в основе своей она степенна, неспешна и консервативна, то есть противна всякому революционному модернизму, любому декадентскому умничанью. А. Куликов был до мозга костей художником-реалистом, художником-классиком. Он писал заказные картины на советские, особенно военные темы. Но, строго говоря, он не был советским художником. Как не был и антисоветским. Он просто тихо жил в свое время. Жил вместе с народом, сопереживая несчастьям и радуясь удачам, пытаясь, не мудрствуя, точно отражать жизнь и время своей кистью.

Я не раз имел основания сетовать на нашу российскую беспечность к сохранению семейных хроник. В отношении Афанасия Ефремовича этого не скажешь. Он сам написал свою биографию. Позже писали о нем. Но главное, остались его картины. Время и какой-то злой рок развеяли их по стране. Но все равно они могут о многом рассказать. Они запечатлели прошедшие годы, настроения, лица давно живших людей, мгновения вечной природы. Я люблю смотреть на работы своего деда Афанасия Куликова и часто это делаю. Мне кажется, я

понимаю и разделяю чувства, которые владели им в минуты творчества. Картины много могут рассказать о жизни художника, но пусть он о себе расскажет сам. Несколько коротких выдержек из его автобиографии. Должен честно сказать, что не уверен в абсолютной подлинности текста. Рукописи в годы немецкой оккупации Малоярославца закапывались в землю и были сильно испорчены. Восстановлены они уже после смерти художника его другом Иваном Макаровичем Касимовым. Наверное, не удалось избежать додумывания и некоторых конъюнктурных дополнений в нужном для советского издателя духе.

Итак, предоставим слово самому художнику. Отрывки из его автобиографии:

Родная деревня Исаково стоит в низинке. На горку подымешься – за тридцать верст виден из-за леса город наш Малоярославец. Недалеко пролегает большак – старая дорога от Москвы до Калуги; по бокам ее вековые березы.

Отец мой – захудалый крестьянин. На сходках был последний: всегда молчал, хоть и был грамотный. Зато играл на гармошке, чинил часы и читал псалтырь по упокойникам. Мать – повитуха, «бабка»…

…В 1884 году, в январе 11-го дня рождение мое. По рассказам отца, матери для меня было устроено несколько качулек – так я был криклив. Кроме меня, было четверо: брат и три сестры…

…Вот что сохранилось в моей памяти в раннем детстве. Лежа в люльке, я смотрел из-за занавески и видел на стене избы картинки около божницы. Сейчас это кажется просто: вся в складках просвечивающаяся кубовая (синяя) занавеска – шубка матери; из этого шатра виден красный угол избы с божницей и лубочными картинками. Но детское впечатление от этого уголка неописуемо и невыразимо. А может, это был сон…

…4 декабря 1896 года было воскресенье. Накануне я вымылся под присмотром, мать обрядила меня в чистую холщовую рубаху и милистиновые портки. Эту ночь я долго не мог заснуть: завтра утром меня повезет невестка в Москву…

…На Смоленском слезли. Подошли к воротам фабрики, угол Шубинского на берегу Москвы-реки. Вышел брат в опорках и фартуке, повел нас на спальни, в общее место…

…Проводил меня брат в Колониальный магазин купца Мясникова в первом Зачатьевском переулке. Вставали рано, сна пять часов, кончали поздно. Бить не били, но держали в строгости…

…Пять лет прожил в мальчиках у живописца. Каждую неделю пороли ремнем по всем правилам этого симпатичного искусства.

Крепко научили писать «студени», т. е. головки, ручки, ножки (остальное же закрывалось медной ризою). Отжив пять лет учения, ушел. Поступил в «стенолазную» мастерскую учиться расписывать стены церквей…[3]

…В 1905 году призывался в солдаты, но был оставлен на год «на поправку». Учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества под руководством художников: в головном классе – Корина, Горского, в фигурном – Касаткина, Милорадовича, в натурном – Архипова, Пастернака, в портретном – Серова и Коровина. За некоторые эскизы получал похвалы. Ходил – земли под собой не чуял… Мечтал научиться работать как Серов…

…В 1912 году вышел из портретного класса, окончив его с правом писать картину на звание… Не написал, считая себя не созревшим для столь высокого дела…

…С каждым годом, наряду с возрастанием моей беззаветной преданности искусству, возрастали и обязанности к своей семье. Пять лет прошло, как я женился во исполнение высоких чувств в картине Репина «Какой простор!». Но с первого же года пошли дети, нужно было подумать о гнезде…

В 1917 году А. Куликов попал на военную службу в пехотный полк рядовым. В 1918 году был демобилизован и работал в московском Пролеткульте по росписи вагонов. Затем уехал на родину в Малоярославец, где поступил на службу в уездный отдел народного образования. С 1921 года стал рисовать лубки для Госиздата и выполнять образцы росписей для Московского кустарного музея.

В 1930 году вступил в члены Союза советских художников.

Он был скромнейшим человеком, талантливым самобытным художником и высокопрофессиональным мастером. О его художественном наследии есть немало литературы. Хотя так и нет альбома репродукций.

Больше всего я ценю маленькую книжку-раскладушку, изданную задолго до «лубочного» бума. Называется она просто – «А.Е. Куликов». Издана в 1952 году[4]. В ней короткая биография художника и несколько иллюстраций. Я хотел бы здесь привести их перечень, чтобы у читателя сложилось впечатление о круге его интересов: «Чапаев в деревне», «Укрепление Московского Кремля при Дмитрии Донском», «Александр Невский», «Молодая мать», «Цветущий сад», «Александр Невский на новгородском вече», «Портрет жены», «А.С. Пушкин слушает слепцов», «Автопортрет».

Издание такой книжечки в то время говорило о признании художника художниками. Не более того. Дед был мастером своего дела, но, к сожалению, большую часть своей жизни потратил на

других, более заслуженных и народных собратьев по цеху.

Мои личные впечатления и воспоминания об Афанасии Ефремовиче очень невелики. Но они были. И только благодаря нашему недолгому общению я получил представление об отношениях внука и деда. Благодаря этому я смог понять, что этих отношений мне так не хватало в жизни. Бабушки – это прекрасно: «Россия наша держится на бабушках», но мне жаль того мальчика, который не имел общения и дружбы со своим дедом.

Жарким летом 1947 года мы с мамой и сестрой приехали в Малоярославец. После Москвы, полностью завладевшей сердцем провинциального мальчишки, чем мог поразить меня этот маленький городок? Я ехал не то чтобы с неохотой, но с некоторым скепсисом, о котором, правда, сразу забыл, как только мы со своими набитыми московскими батонами и колбасой сумками очутились на пышущих зноем, выцветших малоярославецких улицах. Они были вымощены каким-то белым булыжником. Вдоль улиц заросли кустов и деревьев. За ними в сетке из солнечных зайчиков прятались низкие домики с резными наличниками. Только поросшие травой подходы к крытым глухим воротам были свободны от буйства зелени. Мы изрядно устали и нажарились, пока мама не сказала: «Все. Добрались. Вот наш дом» – и повернула щеколду голубой калитки. Перед нами был дом. Такой же, как множество других, мимо которых мы тащились с вокзала, но часть его крыши была сделана из стекла. Не обратить на это внимание было невозможно. Солнце, отражаясь от стеклянной крыши, било прямо в глаза. Наверное, поэтому я не заметил, откуда вдруг разом появились, зашумели, начали нас тискать и целовать какие-то веселые люди. Это были Куликовы.

Дом был старым и очень загадочным. Скрипели половицы. Манило жерло невиданной мною русской печи, куда я не преминул слазить. Рядом с печью – полати, заваленные какими-то подушками, одеялами, в которых копошились котята. Крутая лестница вела на чердак, где было жарко и пыльно и где находилось немало незнакомых вещей. Самовары, прялки, плетеные лари и корзины… Самым изумительным местом в доме была мастерская дедушки. Через стеклянную часть потолка светило солнце на огромное, как мне казалось, полотно. С него смотрело знакомое усатое лицо. Дед писал портрет генералиссимуса в золотых погонах и белом кителе[5]. Мастерская была полна картин. Они были повсюду. Прислонены к стенам, развешаны по ним. Единственное свободное от картин

пространство занимало большое зеркало в черной старинной раме. Еще там была этажерка, забитая толстыми книгами в золоченых переплетах. Под потолком резная полка с темными иконами и деревянными фигурками каких-то старцев. В углу стоял перепачканный краской огромный стол, над ним полки. Все было завалено бесценными сокровищами. Тюбики красок, кисти, какие-то сосуды, гильзы от снарядов, чугунная картечь, осколки ядер, деревянные игрушки, подковы, сухие ветки, опять иконы, маленькие и большие колокольчики. Чего там только не было. Очень много нужных и полезных вещей.

Хозяином всего этого богатства был тихий бородатый человек с прищуренными глазами, внимательно смотревший через круглые очки в тонкой металлической оправе.

Он был очень худ, говорил глухим спокойным голосом и все время гладил меня по голове. Это и был мой дедушка. Художник. Афанасий Ефремович Куликов. Я сразу проникся к нему огромным любопытством, приставая с многочисленными вопросами, на которые он терпеливо и обстоятельно отвечал. Какие могли быть темы разговоров у впервые встретившихся деда и десятилетнего внука? Любые. Конечно, его интересовала моя учеба. Меня – только что закончившаяся война. Подумать только, совсем недавно, всего пять лет назад, фашисты были в этом доме! Как это было? Я засыпал его вопросами о сюжетах многочисленных картин. Меня интересовало, откуда у него эта картечь. Он повел меня к расположенному недалеко от дома памятнику героям 1812 года. Оттуда, с кручи, открывалась бескрайняя долина, по которой среди плакучих серебряных ив петляет река со странным названием Лужа. И здесь, на местности, щурясь от солнца, дед объяснял мне позиции французов и русских, эпизоды и детали знаменитого сражения под Малоярославцем Кутузова с Наполеоном.

Он всегда находил минутку, чтобы похвалить и тут же слегка подправить мои детские рисунки. Помню его похвалу за якобы хорошо переданное мной движение скачущего коня. Я не в полной мере понимал, где он тут увидел движение, но был весьма доволен собой. Хорошо было с дедом. И с бабушкой не было проблем. Однако я слышал, как она отчитывала маму за то, что мы с сестрой некрещеные. С нами она была добра, ласкова и часто заводила разговор о Боге. Ей иногда помогали постоянно бывавшие в доме маленькие старушки в черных одеждах – монашки. Моего экстремистского атеизма эти разговоры поколебать не могли. Бога нет, и все тут. А меня скоро примут в пионеры. Потерпев поражение, но не сдавшись, баба Ксения на внука не сердилась. Все последующие многие и многие годы до

самой своей смерти она жалела меня и корила себя и маму за то, что не сумели меня убедить. «…Как же это так… нехорошо… Так вот и не сумели окрестить Вадима… Нехорошо…» Мне тоже было ее жалко. Зато сестра Ирина сразу согласилась. Ее сводили в церковь, окрестили, и бабушка все время была к ней особенно ласкова.

Однако это был хоть и важный, но эпизод. Главным содержанием нашей жизни стали речка, песчаные кручи карьеров, вызывающие одновременно и жуткий интерес, и страх развалины часовни и поросшие мхом плиты на старом кладбище… Вне конкуренции был сад, начинавшийся сразу за сараем, окаймлявшим двор. Это было какое-то чудо. Яблоки росли прямо над головой, валялись в траве. Вкус уже перезревших к тому времени вишен был ни на что не похож. А сливы, а груши! Ничего, что многие плоды еще не дозрели. Все равно это было чудо, совершенно незнакомое для нас, детей из суровой Сибири.

За садом внизу были овраг и ручей, заросший высоченными вековыми липами. По утрам и вечерам над ними иногда зависал колокольный звон, плывущий над городом. Хорошо было.

Я ходил с ведром на соседнюю улицу за ключевой водой. Бывало, мне поручали стоять в длиннющей очереди за парой буханок тяжелого черного хлеба. Очень любил сидеть за столом, когда вечерами собирались мамины братья и сестры, и слушать их непрерывный веселый разговор о всякой всячине. Остроты сыпались как из рога изобилия. Каждый спешил блеснуть недюжинным артистизмом. Доставалось всем: родным, близким, соседям, друзьям-художникам, попам, командирам-начальникам… Велись и серьезные, на мой взгляд, разговоры о войне, о мире, о положении в колхозах и даже о коммунизме. Помню одну такую дискуссию, где я робко подал голос о необходимости построения коммунизма, тогда всем будет хорошо.

– Да, – сказал дядя Володя, – ты прав. Каждому по потребностям, от каждого по способностям. Я лично давно согласен. А ты где будешь работать при коммунизме? – спросил он меня.

– Наверное, летчиком. – Я был не совсем уверен.

– Ну, как хочешь, а я буду на почте трудиться.

– На почте? Тоже мне работа! А почему?

– Ну, не скажи. Очень хорошая работа. Буду со своими способностями сидеть и высовывать язык, когда гражданам надо будет марку на конверт наклеить. Он ее о мой язычок – и на конвертик. Лучше работы не придумать. А получать буду по моим потребностям. Машину куплю. Дом. Коммунизм ведь. Как ты

считаешь?

Я смеялся и не знал, что ответить. Такой вот странный получался коммунизм.

Дед Афанасий в разговорах не участвовал. Посмеивался в свою бороду и молча сидел за столом, весело оглядывая свое большое куликовское семейство. Талантливая, между прочим, получилась семейка. Артисты и рассказчики великолепные. Да еще к рисованию почти у всех наклонность. Кто доски расписывает, кто ковры. А Куликовы Василий Афанасьевич и Владимир Афанасьевич – так те вообще заслуженными народными художниками стали. Между прочим, братья-близнецы. Василий старше Владимира ровно на один месяц. Не верите? Я и сам не верил, пока они не показали свои паспорта.

В тот первый свой приезд в Малый (так мама всегда говорила «Малый» вместо Малоярославец) запомнилось мне еще одно маленькое событие. Рисовать я любил с раннего детства. Но только здесь, стоя за спиной у деда, в его мастерской первый раз увидел, как здорово у него получается масляными красками. Это тебе не цветные карандаши или акварель. Очень мне хотелось самому попробовать маслом. Дед же мне все давал цветные карандаши да бумагу. И как я сейчас понимаю, совершенно справедливо не думал допускать меня раньше времени к баловству масляными красками. Мне же очень хотелось.

Я уже присмотрел маленький, размером с развернутую тетрадку, холст, натянутый на подрамник, и размечтался, как я на нем что-нибудь изображу…

Но вдруг однажды утром (это было после Ирининого крещения) сажает он ее на стул в мастерской. Берет этот самый, мною присмотренный холст и начинает писать портрет моей сестры. Горю моему невысказанному не было предела. Но я сдержал слезы. Меня захватил процесс переноса на холст физиономии сестренки. Это завораживало. На следующий день утром был второй сеанс, и портрет готов. Он и сейчас висит у Ирины дома, выделяясь среди других работ своей искренностью и профессионализмом… Рука старого мастера всегда видна.

Мы вскоре уехали к себе домой в Киселевск. И больше деда Афанасия не видели. Он умер весной 1949 года.

Каждый год, по крайней мере два раза, мы с женой и сестрами ездим в Малый. Посещаем все более и более дряхлеющий родительский дом моей мамы, зарастающий заброшенный сад, тихое малоярославецкое кладбище, где похоронены мама, бабушка Ксения Трифоновна и наш дед, художник.

На гранитной плите так и написано: «Художник Афанасий Ефремович Куликов 14 января 1884 – 15 марта 1949».

Если пройти по кладбищенской аллее очень старых, умирающих берез, через пару минут будет видна долина реки Лужи, а справа, на холме, скромный обелиск – памятник героям 1812 года, около которого стоял я с дедом жарким летним днем 1947 года.

Я часто вспоминаю своих дедов Александра и Афанасия. Они прожили разные жизни. Один в Сибири воевал с советской властью, а позже был ею расстрелян. Другой рисовал лубки, агитировавшие за эту власть, безбожие которой было противно его мировоззрению. Но у них было много общего. Оба не принимали сталинизма, но приспособились к нему. Наверное, они не могли считать себя счастливыми. А жестокое всевластие только обостряло их любовь к искореженной революцией Родине. В этой любви, будничной любви на каждый день они находили свое спасение и смысл жизни. И не потому ли я часто их вспоминаю, что эта российская искореженность, странным образом изменившись, никуда не исчезла.

Глава 4
Молодость

Коммунизм – это молодость
мира, и его возводить молодым…

Надпись на стене

Команда пятой шахты не явилась на встречу. Углемашевцы постучали по воротам, собрались было уходить, недовольные. Вечер был хороший. Самый настоящий футбольный. Нежарко. Поле отличное. Жаль было терять такой вечер.

Парни, завсегдатаи стадиона, быстро организовали «сборную». Получили у старого кладовщика выцветшие майки, и игра началась. Потом она кончилась.

Маленький деревянный сарай в углу стадиона – душ.

– Черт возьми, не повезло, ногу подвернул, а завтра ехать, – сказал длинный, тощий, плохо загорелый юноша. Это был я. Завтра ехать… Кончилась школьная жизнь.

Поезда на запад на станции Акчурла летом берут штурмом. Шахтеры едут в отпуска, на курорты, к родным… да мало ли куда. Вот и я еду. Еду поступать в институт. Меня примут. В 1955 году последний раз действовало правило, согласно которому обладатели серебряной медали поступали в институт без экзаменов.

Когда рано утром поезд подходил к Новосибирску и я слез с жесткой полки, первое, что почувствовал, – начинается что-то новое, незнакомое, может быть, даже хорошее, а уже потом – что болит нога. Но это не горе…

По прохладному гулкому пространству гигантского вокзала, задирая голову, вышел из детства в свою взрослую жизнь. Судя по табличке, это называлось проще: «Выход в город». Никто этого не заметил. Все куда-то спешили. Было утро. Был июль. Небо золотое, чистое. Косые лучи солнца освещали верхние этажи огромного серого здания справа от вокзала…

Когда-то, не помню кому, я присочинил, а потом придерживался этой версии, что хотел поступать на архитектурный факультет, да вот нога помешала. Вранья тут было немного. Я действительно хотел быть архитектором. Но оказалось, что гидротехникам стипендию дают с тройками. Этот неизвестно откуда взявшийся ранний рационализм и сработал. А нога тут ни при чем…

Итак, светило солнце… В справочном бюро сказали, как

проехать в Сибстрин. Автобус № 7, остановка «Октябрьский рынок». На первом забитом рабочим классом автобусе я отправился в свое будущее… Мимо окон проползали улицы незнакомого пробуждающегося города. Кондуктор объявлял ничего не значащие для меня остановки. «Комсомольская», «Красный факел», «Центр», «Маяковского»… Люди выходили и входили. Я присматривался к ним, присматривался к городу. Я был тихим, наверное, был и казался скромным. Хотя это сомнительно. Сам себе признаваться я в этом не хотел. Провинциальный мальчик. Столица Сибири поглотила меня с первых же минут.

«Октябрьский рынок». Булочная. Очередь в полквартала. Пожилая женщина с авоськой, полной свежего хлеба, показала мне, как пройти к институту.

НИСИ. Новосибирский инженерно-строительный институт имени В.А. Куйбышева. Короче, Сибстрин. Бетонная лестница уходит вверх под здание на квадратных массивных колоннах. Гипсовые фигуры юноши и девушки. Книги в руках. Нога вперед, голова к небу. Я постарался быть похожим на этих образцовых студентов, изобразил независимый вид и поднялся по лестнице.

Вестибюль института. Доска объявлений и атмосфера суеты, показной деловитости, скрываемой неуверенности, встреч и веселья. Абитуриенты и студенты. Меня как будто бы ничего не интересовало, кроме местонахождения «приемной комиссии». Еще раз прочитал рекламный плакат: «Молодежь! Твое место на великих стройках коммунизма!» Гидротехникам стипендия с тройками. Пошел строить коммунизм и сдал документы на гидрофак. Все!

Я спускался от института по улице маленьких домишек. Мне было жарко в черном пиджаке с ватными плечами. Болела нога. Впереди блестела, манила прохладой река. Большая, незнакомая, притягивающая к себе. Я был голоден и неопытен. План был прост. Дойти до реки, снять пиджак, сесть под кустик и съесть котлеты, которые бабушка, завернув в газету, положила вчера в мой чемоданчик, наказав скушать в поезде. Однако я никак не мог дойти до реки. Она казалась совсем рядом. Я все шел и шел. Она была рядом, но не приближалась, отгороженная какими-то дворами, заваленными бревнами, заборами, кранами, канавами, затянутыми лопухами, крапивой и вообще черт знает чем.

Позже я удивлялся, как это тогда при первой встрече не мог дойти до Оби. Ведь она действительно была совсем рядом. Но если поразмыслить, удивляться нечему. Судьба посылала свыше свой знак. Не быть тебе гидротехником! И как бы ты ни любил реки и речки, работать тебе на них не придется. Коммунизм

будешь строить в другом месте.

Я, конечно, тогда не расшифровал этого предзнаменования. Свернул на боковую, заросшую плющом улочку к водоразборной колонке. Достал и быстро проглотил котлеты, запив водой, забрызгав при этом брюки. Отряхнулся и вернулся в центр города на автобусе.

Нога страшно распухла. На нее невозможно было ступить. Добрые люди мне помогли, и я с их помощью оказался в забитом вагоне поезда, отправлявшемся в два часа ночи.

В поезде понял, что умираю. Это было еще более интересное чувство, чем то утреннее ощущение новой жизни, с которым начинался сегодняшний день. Разница была в том, что утром свет, простор и легкость наблюдались снаружи, а ночью все это перешло вовнутрь. Мне казалось, что моя голова и грудная клетка вмещают в себя пространство космических масштабов, в котором с необычайной легкостью перемещались, сталкивались, рассыпались оперный театр, вокзал, кино, Сибстрин, автобусы и ледяная вода из водонапорной колонки.

Не помню, как добрался до родительского дома. Нашли меня на крыльце без сознания. Оказалось, заражение крови, и я должен был умереть через день. Но мама меня вылечила, и я все-таки смог получить высшее образование.

Надо сказать, что подобные катаклизмы в начале моей жизни были нередки. В детстве я успел переболеть всеми мыслимыми и немыслимыми инфекционными заболеваниями. А началось все, когда мне не было и года. Мама рассказывала, заболел я диспепсией. Непрерывная рвота. Умирал на глазах. Фельдшера Афонинского поселка помочь не смогли. Отец взял на шахте лошадь, и меня на санях повезли в белую больницу. Там спросили: зачем привезли ребенка? Умирать? Ему уже ничего не поможет, везите назад, домой. Мама, в то время студентка-медичка, говорит, что и сама это понимала.

Но мне повезло. Кто-то посоветовал дать младенцу столовую ложку коньяка. Может быть, поможет. Выбора не было. Коньяк я выпил, уснул и поправился. С тех пор с уважением отношусь к этому напитку и потому пить предпочитаю водку.

Было время, приезжал я в родительский дом. Вечерком на столе появлялась бутылка армянского «три звездочки». Убиралась скатерть, и под укоризненные взгляды бабушки втроем садились мы за преферанс. «Расписать пульку» было любимым занятием моих стариков, проживших вместе почти шестьдесят лет. А коньяк присутствовал здесь как некий знак из далекого прошлого, как свидетельство настоящего благополучия и жизнелюбия.

Летом 1932 года Виктор Бакатин, студент Сибирского геолого-разведочного института, проходил маркшейдерскую практику на Центральном руднике Сибзолота. И как-то вечером на волейбольной площадке встретился с белокурой девушкой… Ее звали Нина. Попала она в эти глухие места шишковской «Угрюм-реки», где вовсю начиналось строительство социализма, конечно, не случайно, а по воле партии большевиков. Поездкой в Сибирь искупляла грех своего неправильного происхождения, которое не было рабоче-крестьянским. Ее отец был художником.

Нина Куликова 10 апреля 1932 года с отличием окончила Калужский медполитехникум, но сразу продолжить учебу в институте не имела права. Она должна была предварительно отработать два года фельдшером на стройках индустриализации Сибири. Ее направили в Сибзолото на Центральный рудник. Я считаю, это было очень правильное и своевременное решение. Страшно подумать, что бы произошло, если бы ВКП(б) не заботилась о кадрах для отдаленных перспективных районов и если бы не было поручения Госплану совместно с Наркомздравом значительно укрепить сеть лечебных учреждений Кузбасса и укомплектовать ее необходимым медицинским персоналом. Виктор не встретился бы с Ниной, и… ничего бы не стало. По крайней мере, не было бы меня и много другого со мной связанного. Так что искреннее спасибо партии от дитяти индустриализации.

Решение было. Благодаря ему мои родители встретились. Полюбили друг друга и вместе достойно прожили долгую жизнь самоотверженных высокопрофессиональных тружеников и честных людей. Горный инженер и врач-хирург. Создание второй угольной базы страны – Кузбасса – было делом их жизни. За это партия и правительство награждали их орденами и медалями, бесчисленными почетными грамотами и еще более бесчисленными подписками на госзаймы. В итоге они получили звания заслуженный шахтер и заслуженный врач республики, пенсию по 120 рублей и маленькую квартиру в Москве на площади Гагарина.

Оба многие-многие годы были членами ВКП(б) – КПСС. Мало того, Н.А. Бакатина почти в каждой больнице-поликлинике, где работала, избиралась парторгом. Настолько она была активна, эмоциональна, располагала, притягивала к себе. Отец был разумнее и спокойнее. В общественной жизни он никогда не высовывался, ограничиваясь общей для всех инженеров обязанностью пропагандиста. И тем не менее какую-то критику советской действительности я слышал только от матери, но не от

него. Происходило это, как правило, в малоярославецкой среде. Ничего серьезного не было. Так… поругивали. Ленина – за безбожие. Сталина – за развал деревни и ГУЛАГ. Последних комвождей – вообще ни за что: «Разжирели там на спецпайках…» Отец никогда не позволял себе и этого. Молчал. Но как оказалось, недостатки нашего социализма переживал гораздо глубже. Задумывался над тем, что происходит, серьезнее. Не верил он в возможность коммунизма, который строил, а обновление социализма приветствовал. Наши «кухонные» разговоры на закате перестройки подтверждают это.

Идеологическое многообразие, выразившееся в публицистическом буме, критика и очернительство советского прошлого захлестнули двух старых членов КПСС. Они часто спорили. Насколько я могу судить, прав был всегда отец. Стоило мне об этом сказать – спор прекращался. Мать соглашалась. Я был для нее авторитетом. Родители никогда не были фанатиками, а со временем перестали быть энтузиастами социализма. Период повального отрицания марксистско-ленинского курса не стал для них мировоззренческим крахом, крушением жизненных идеалов. Как оказалось, они были к этому внутренне готовы. Жизнь сама подвела их к переоценке прошлого. Они жили в стране, где можно было только строить коммунизм. Строить на воле, по возможности получая от этого удовольствие. Или строить в ГУЛАГе. Они, как все нормальные люди, выбрали первое, и смысл жизни находили не в служении Идее или Вождю, а в Работе. В итоге получилось то, что должно было получиться. Чистые технари, они без остатка отдавались творческому труду, находя в этом и жизненный интерес, и признание, и самоутверждение.

Ни отец, ни мать по большому счету никогда не жаловались на свою судьбу и прожили вместе, как мне кажется, счастливую жизнь.

Правда, последние годы от матери все чаще можно было услышать слова обиды на власть: «Трудились всю жизнь как проклятые, неплохие были специалисты, а что в итоге? Ничего. Накоплений на старость никаких. Ни машины, ни дачи. Нищенская пенсия. Могу я на свою пенсию в Японию съездить, как вон они к нам ездят? Жизнь прожила и ничего, кроме работы, не видела».

Потом, смягчаясь: «У нас-то с отцом еще ничего. Есть какие-то льготы. А ты на других посмотри…» И всегда называла своих сестер, братьев-фронтовиков, малоярославецких соседей. Но такие настроения появились уже на закате жизни, отданной

партии во имя индустриализации Сибири.

Я пишу о том, что было. Никогда и ни за что я не могу осуждать свою мать. Она заслужила право давать оценки коммунистической власти, в структуры которой последнее время входил ее сын.

Но если посмотреть из сегодняшних дней, когда «тоталитарная власть» нашими общими усилиями давно скончалась…

…Если посмотреть и сравнить возможности… Ужас берет.

Мама мечтала на свою пенсию слетать в Японию. Она не могла этого сделать. Но в Сибирь, в Кемерово она могла на пенсию и слетать и вернуться. Сегодняшнему пенсионеру периода «демократического произвола» надо на это дело потратить пенсию за полгода. Обнищание в шесть раз. За что боролись?! Это пессимистический вопрос нетипичных большевиков времен нэпа мог бы стать актуальным и для перестройщиков-демократов. Только они себе его, как правило, не задают. «Они» – это «мы» и «я». Признаю, что индустриализация Сибири, результатами которой в какой-то мере была недовольна мама, неизмеримо лучше той тотальной деиндустриализации страны, которую реально осуществили горе-демократы.

В 1955 году по воле родителей и собственным убеждениям, начиная путь к высшему образованию, я, конечно, не знал таких настроений и даже не мог их предвидеть. Буду инженером. Строителем гидротехнических сооружений. Может быть – проектировщиком. Будущее сияло ясным и ровным светом. Все было определенно. Даже мысли о какой-то несправедливости, нищенстве, а тем более безработице не могло прийти в голову. Стране нужны инженеры. Инженер – это звучит гордо. Райкинскую миниатюру, где товаровед ставился выше инженера, в то время еще не сочинили. Да если бы и знал, что в торговлю идти выгодней, все равно ни за что бы не пошел. Рационализм мой имел границы. Не наше это дело. Хотя ведь если в прадедах покопаться, то можно было найти среди них купцов, а вот инженеров не было. Но кто об этом думал? Впереди одна задача – диплом инженера и вперед на стройку, в жизнь.

Студенческие годы, годы учебы в Сибстрине – самые прекрасные годы моей взрослой жизни. Никого не буду в этом убеждать. Тот, кто был студентом, и так поймет и поверит. Бессмысленно тратить время и на подробные воспоминания. Сколько было студентов, столько и воспоминаний. У каждого – абсолютно индивидуальные, личные, свои, и у всех – абсолютно

одинаковые, как воспоминания инкубаторских цыплят. Как бы жизнь ни пошла, кем бы вы в итоге ни стали, большим ученым или прорабом, министром или агрономом, ваши студенческие воспоминания в своей эмоциональной основе едины. Их объединяет и роднит общий оптимизм молодости, ожидание настоящей большой жизни, чувства товарищества, братства, любви.

Не думаю, что смутные годы серьезно поколебали эту основу студенческой жизни, настроений молодости. Наверное, что-то изменилось… Говорят, больше стало голого, граничащего с цинизмом практицизма. А в наше время разве его не было?

Если раньше главным приработком для студента была разгрузка вагонов, то теперь – занятие коммерцией. Дело не в том, что хуже или лучше. Работа есть работа. Просто вагонов стало меньше, а коммерции больше. Но думаю, главное отличие студента времени недоразвитого социализма от студента нынешнего полукриминального-полурыночного существования в разной степени уверенности в будущем. То есть раньше она, как правило, была, а теперь, как правило, ее нет. У нас проблем с трудоустройством не было. Все брал на себя Госплан. Отличие было не в суммах будущих должностных окладов, а в географии и, что весьма немаловажно, в жилищных условиях.

Студенчество начиналось с колхоза. И так каждый год, каждый курс. С начала сентября иногда до конца октября. Чем выше урожай и ниже атмосферное давление, тем дольше студенты в колхозе.

Подрабатываем и плицами грузим зерно в автомашины. Хорошо, если еще надо сопровождать их на элеватор. Чудное занятие – лежать на зерне в кузове автомобиля, особенно по ночам.

Копаем картофель и грузим его мешками или тачками в вагоны для северных потребителей, а потому спешим.

Строим какие-нибудь незамысловатые склады или хранилища.

Мне такая студенческая жизнь нравилась. Вечера, а то и ночи отводились укреплению нашего студенческого братства. Пирушки, задушевные разговоры «бывалых» юнцов, походы по грязи в кромешную тьму на сельские клубные танцульки. Песни под баян и гитары…

С окончанием сельхозработ все это переносилось в более комфортабельные условия культурно-массовой толкучки большого города и быта студенческих общежитий.

Постепенно к старшим курсам эта студенческая, как сейчас

говорят, «соборность», а я бы сказал «ватажность», начинала не то чтобы распадаться… Просто большее значение стали приобретать индивидуальные интересы и личные особенности каждого. Отношения к учебе, к науке, к спорту… Любовь, студенческие семьи, работа, способности, самолюбие, лидерство… Все это становилось все более и более определенным, заметным, стирая первоначальные общие черты студенческой ватажности. Это, по-видимому, общая закономерность. Чем старше становишься, тем более обособленный образ жизни ведешь.

Наверное, жить в те послевоенные годы было трудно. Но опять, в который уже раз, должен честно сказать, что не замечал этого. Жить было можно. Учиться было нужно. Кто хотел, тот учился. От голода никто не страдал. От похмелья было. Часто страдали. Но от голода если и страдали, то не далее как до обеда. Студенческие миникоммуны вполне справлялись с трудностями.

В комнате общежития нас было четверо. Гена Овчаренко, Лев Хрущев, Юра Балаганский, которого, конечно, все звали Шура Балаганов. С чувством юмора все нормально. Коммуна была веселая. Шура держал кассу. Стипендия в 1957 году, как помню, была 270 рублей. Мы складывались по сотне в месяц на еду. Каждый по очереди готовил после занятий какой-нибудь немудрящий обед. Жареная картошка, суп из консервов и т. п. Через месяц, ко времени получения стипендии, в кассе у Шуры всегда оставалось на бутылку. Хотя бутылка никогда не была проблемой.

Осенью 1957 года ведро картофеля на Октябрьском рынке стоило всего 3 рубля, бутылка водки «сучок» – 21 рубль 20 копеек. Таким образом, стипендия на гидрофаке являлась эквивалентом 90 ведер картошки или 13 бутылок водки. Не могу удержаться, чтобы не посчитать, а что же сегодня? В 1997 году студент получает стипендию от 80 до 200 рублей. Говорят, строители получают 150. Ведро картофеля на Усачевском рынке стоит 15 рублей, бутылка дешевой водки – 30. Таким образом, на стипендию – 10 ведер картофеля или 5 бутылок водки. Если не пить, жить тоже можно. Но конечно, из этой картофельной арифметики вовсе не следует, что советский студент материально был гораздо лучше обеспечен своего нынешнего собрата и пил больше, чем пьют сейчас. Думаю, что здесь более сложная ситуация. Тем более что сегодня это уже не 1997 год, а 2014-й. И в ценах прошедших лет я уже не ориентируюсь. Социальное исследование проводить лень, да и смысла нет. И так ясно: жизнь дорожает, цены растут. Но студент живет и радуется жизни, как сорок лет тому назад.

Общим для нашей студенческой юности был красавец Новосибирск. Гигантский город на величественной реке. Город-труженик. Город науки. Скромный, небогатый и, если сравнивать с шахтерским Кузбассом, голодный. Но гордый, с определенными претензиями на то, чтобы соответствовать неофициальному званию столицы Сибири. Такие жемчужины, как здания театра оперы и балета, вокзала, Красный проспект, мосты через Обь, могли украсить любую столицу. Город, в то время еще недостаточно благоустроенный, был тем не менее чистым. На его песчаных улицах, застроенных старыми деревянными домами с изысканной резьбой, было сухо после любого дождя. Особенно живописно, экзотично смотрелась хаотическая застройка гигантского оврага – русла реки Каменки. Домик лепился к домику. На крыше одного начинался двор другого. Первый год я жил на Каменке.

Для большинства из нас, дремучих провинциалов, деревенских парней, Новосибирск был действительно столичным городом. Театры, концерты в филармонии, кинотеатры, где перед началом сеансов играли джаз-оркестры, рестораны и ночные улицы, где «по асфальту шелест шин» последнего троллейбуса… Все это мы познавали вместе со своими любимыми девушками в нашем студенческом Новосибирске. А если еще вспомнить неописуемый ажиотаж, которым сопровождались хоккейные матчи, когда новосибирское «Динамо» принимало ЦСКА или «Крылья Советов», когда толпа, состоявшая главным образом из студентов, сносила ворота стадиона… Такое ликование могло быть только в столице. Не говорю уже о презренной моде так называемых «стиляг», которой все мы, дети шахтерских поселков и алтайских деревень, «заразились» в Новосибирске и в той или иной степени переболели, несмотря на осуждение комсомольских вожаков. Эволюция была очевидной. Абитуриентские широченные матросские брюки клеш на первом-втором курсах превращались в узкие дудочки, а дипломник ходил уже в брюках нормальной ширины. Эпидемии не случилось. Лично мне пришлось пережить еще и соприкосновение с абстрактной живописью. Откуда что взялось, не знаю. Неожиданно для себя сделал несколько эскизов в духе кубизма. Таким же «формалистическим» способом начал оформлять стенную газету нашего гидрофака. Но далеко не продвинулся. После первого же номера меня пригласил декан Ромашин и вежливо попросил быть поближе к реализму. Я спорить не стал. Но газету оформлять после этого отказывался. Мне же лучше.

Прекрасен был Новосибирск осенью. Золото и

ультрамариновая голубизна, прозрачность воздуха и свежесть реки заполняли его. Вечерами все было пронизано запахами белых душистых цветов, называвшихся, кажется, душистый табак. Весной бушевала сирень, зимой – морозы и ветра. Летом, как правило, студентов в городе не было. Было много пыли. «Ветер утих в пыли. Вечер теплый и серый. Солнце за тучи село где-то совсем недалеко…»

Хороший был город. В нем было очень удобно спешить на свидание или просто бродить, сочиняя стихи. Что-нибудь ужасное: «Встречи сегодня с тобой не будет. Вечер разрезан мокрым трамваем. Спешащие вечно куда-то люди не знают, кого я сегодня встречаю…» Стихов было много. Много было цветов, трамваев, вечеров, театров, вокзалов… Много было любви, переживаний, писем, ревности, междугородных телефонных разговоров, радости… В итоге получилась студенческая семья. Мы поселились с Людмилой в комнате старого бревенчатого дома, расположенного прямо в середине трамвайного кольца, за оперным театром. К стенам прикрепили кнопками миллиметровую бумагу, купили зачем-то эмалированный таз, принесли свои книги, пожитки и стали самыми счастливыми молодоженами…

А через год, когда я уже был дипломником и опять жил в общежитии, получил из Кемерова телеграмму. Лучшую из всех, которые когда-либо получал. «Поздравляем сыном. Все благополучно. Родные». Сына назвали Александром. В честь деда.

20 июня 1960 года я защитил дипломный проект на тему «Земляная плотина Кременчугского гидроузла» и получил диплом инженера-строителя. Предстояло распределение. Все уже были на чемоданах, в волнении. Повезет – не повезет. Удастся ли поехать туда, куда хотелось. Вывесили список мест. Право выбирать первым представлялось тем, у кого балл выше среднего. В нашей группе я был третьим после Олега Лубнина и Льва Хрущева. Но выбирать не стал. На комиссию распределения пошел последним с «ультиматумом»: никуда не поеду, кроме строек Кемерова. Там жена-студентка и сын. Со мной не стали спорить и послали, куда просил, по разнарядке факультета промышленного и гражданского строительства мастером в трест № 96.

Собрал чемодан и с прекрасного знакомого новосибирского вокзала уехал в Кемерово, встретивший желтым газом на маленьком грязном вокзальчике прямо на задворках коксовых печей. По сути, для меня это было не менее эпохальное событие, чем поездка пятилетней давности в Сибстрин. Именно сейчас и начиналась настоящая самостоятельная жизнь. Но я как-то это не

прочувствовал, не придал должного значения. Романтизма, видать, меньше стало. Как-никак, дипломированный инженер, отец семейства. А к коксовому газу привык быстро.

2 августа 1960 года приступил к работе. Мастер строительного управления № треста № 96. Первыми моими объектами были корпуса комплекса слабой азотной кислоты новокемеровского химкомбината.

Трудно было сразу стать начальником, командовать бригадирами, людьми, которые много тебя старше и опытнее. Но дело как-то пошло само собой, день за днем, и проблема эта быстро и незаметно исчезла.

«Очей очарованье»… В трамваях ругают погоду. Как быстро пришла осень и неожиданно.

Вот уже я работаю. Уже пять недель. И уже вспоминаю о Сибстрине, о Новосибирске, о событиях последних месяцев как о невозвратимых, неповторимых, страшно далеких…

Когда утром выхожу во двор, где дворничиха трет метлой мокрый асфальт, холодок особенный, бодрящий обязательно заставит подумать: «Ого, уже совсем осень!»

Каждое утро к семи часам на трамвайную остановку приходят одни и те же люди. Все знают друг друга в лицо. Но почти никогда никто не пытается заговорить. Утром люди молчаливы. Особенно осенью. Каждый уходит в себя, в свои мысли…

Трамвай дребезжит, гремит, скрипит на поворотах. В него набивается все больше и больше людей. «Граждане, проходите вперед!» Как ни странно, но в этой толчее и давке последние остатки сна вновь возвращаются, наступает какое-то отупение…

Я никогда не сижу в трамвае. А когда стоишь, видна только полоса земли и заборы с мокрыми ободранными афишами: «12 июля в городском саду…» Иногда видны ноги. Кто-то идет на работу, тщательно обходя лужи и наступая на первые опавшие листья.

Почему-то всегда в это время я вспоминаю ребят, сокурсников. Сейчас каждый из них тоже, наверное, спешит на работу. Пройдут годы, и я не буду вспоминать их каждое утро. Мы забудем друг друга. Почти забудем… У каждого своя жизнь, своя судьба, свой трамвай. Мы вместе учились. В одно время. Мы сверстники из одного поколения. Когда-нибудь будем рассказывать внукам о «летчике-шпионе» и о XVII Олимпийских играх… А сейчас мы едем на работу… Наш Сибстрин продолжается…

Дети социализма повзрослели. Сталин умер и развенчан. Старые лозунги плохо работают. Надо было что-то делать. Нетерпеливый Н.С. Хрущев решил увлечь страну новым строительством, строительством коммунизма. 1961 год, XXII съезд КПСС. «Партия решительно провозглашает: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» Мне не приходилось встретить в то время хотя бы одного человека, который бы с этим не согласился, и ни одного, кто бы в полной мере этому поверил. Хрущев хотел новой волны энтузиазма, но энтузиазма и самоотверженности, с которыми наши отцы строили социализм, не получилось. «Моральный кодекс строителя коммунизма» висел на каждой стенке, через средства массовой информации вбивался в уши и души. И только сталинских методов насилия после осуждения культа личности применять уже было нельзя. Курс на всемерное повышение благосостояния советских людей был правильным, но по сути воспитывал не бессребреников-энтузиастов, а иждивенцев-накопителей. Коммунизма не получалось. Все это я понял несколько позже. Тогда же решение к 1980 году построить коммунизм непосредственно касалось нас, строителей химии, которую ожидал строительный бум, невиданные ранее объемы и темпы. Материально-техническая база коммунизма предусматривала в своей основе химизацию народного хозяйства. Наверное, это была правильная, но запоздалая попытка вскочить в один из вагонов уходящего поезда научно-технической революции.

Трест № 96 был переименован в трест «Кемеровохимстрой». На нас посыпались планы, задания, капвложения, оборудование, материальные ресурсы, всесоюзные знамена по соцсоревнованию. Со всех сторон ехали демобилизованные воины, девушки из Иванова и Ярославля по оргнабору, а также направляемые «на химию», те, кто был не в ладах с законом, «условно осужденные» и «условно освобожденные». Партия и правительство устанавливали жесткие сроки, жесткий прессинг со всех сторон, включая пресловутые «партийные штабы». Вздохнуть было некогда. Честно говоря, это было бурное и интересное для строителей время. Перечислить все объекты, которые за эти годы построил и сдал заказчику наш трест, конечно, можно. Но надо пожалеть читателя.

Я до сих пор горжусь, что участвовал в этих больших стройках. Это была активная жизнь.

Надо же, как получилось. Благодаря своему сыну, родившемуся в студенческой семье, мне пришлось поменять карты. Сдать карту «великих строек коммунизма», гигантских плотин и гидроэлектростанций, закат которых был уже близок, и

совершенно случайно вытащить ставшую вдруг козырной карту «химизации народного хозяйства». Сбылось предзнаменование несостоявшегося знакомства с рекой в июле 1955 года.

Мемуарам придает солидность описание встречи с какой-нибудь знаменитостью. Кроме того, это интересно. Но в моей жизни, пока я сам не стал «головой из телевизора», таких встреч было мало. Не о чем писать в мемуарах. А что было? Где-то в 1964–1966 годах нам стало известно, что Н.С. Хрущев совершит поездку по стройкам химии. Будет в Кемерово. За зданием ОК КПСС был срочно возведен коттедж (так теперь его и зовут «хрущевский»). Нам, начальникам строек, заранее (за день-два) показали возможный вариант маршрута Н.С. Хрущева. Грязь убрать! Вывезти с территории. Заготовить цветов. Докладывать будет начальник Главкузбасстроя И.М. Звездов. Нам предписывалось просто радоваться. Информация была хорошо организована.

11:00 – будет на «Азоте». Все туда. С ведрами, заполненными цветами, с транспарантами.

«Азот» – отбой. Встречаемся в 14:00 на «карболите». Опять «отбой». Все на НКХК! Грузим ведра и по кочкам на химкомбинат. «На сегодня все. Отбой до завтра». Завтра все повторилось. Потом сказали: «За работу! Н.С. к нам не приедет». Вот такая была встреча с Никитой Сергеевичем.

Еще интереснее встречались с Л.И. Брежневым, новым генеральным секретарем ЦК КПСС. Задумал он совершить поездку по Сибири и Дальнему Востоку на поезде. Секретари Томской и Кемеровской области должны были встретиться с Леонидом Ильичом на станции Тайга Западно-Сибирской железной дороги. Поскольку это была кемеровская территория, мне, секретарю по строительству, было поручено благоустроить станцию и прилегающую территорию. Это было не трудно. Доски, штакетник, краски, щебень были завезены прямо по железной дороге. Пришли с ближайших городов строители и все сделали. Из зала ожидания вокзала через окно вытащили и водрузили в центр приветственной композиции огромный портрет Л.И. Брежнева при всех регалиях. Из Томска на вертолете прилетели члены бюро Томского ОК во главе с Е.К. Лигачевым. Тогда он еще работал в Томске. На своих черных «Волгах» стали подъезжать кемеровские секретари. Вот-вот должен был подъехать Леонид Ильич. И тут… О ужас! З.В. Кузьмина, идеолог Кемеровского ОК, подняла крик, демонстрируя всем товарищам «вопиющую аполитичность», понимаете: на пиджаке Л.И. висели только две звезды Героя Советского Союза, а у него было их уже три. Я говорю: да ладно, Зинаида Васильевна, никто не заметит, а Л.И.

тем более. Но она знала свое дело. Он не заметит, заметят те, кому положено. Это скандал! Горшков сказал: «Давай что-то делай». Нашли шестиметровую лестницу, краски, художника. Нарисовали звезду. Пригибаясь, прячась за кусты, оттащили лестницу, когда поезд уже притормаживал.

Поезд встал. Мы все замерли в предчувствии исторической встречи. Но. проходит пять-десять минут, никого нет. Потом двери открываются, снимают с подножки маршала Устинова. Охрана впереди, сзади, сбоку. Устинов, Лигачев, Горшков, мы за ними. Прогуливаемся вдоль поезда. Устинов, улыбаясь, говорит: «Устал Леонид Ильич, соснул. Не будем будить, поедем потихоньку».

Мы, конечно, согласны. Хотя жаль. Ребята из ГБ вновь залезли в трубы, заняли другие стратегические точки. Поезд пошел. Горшков Л.А. пригласил Лигачева с членами бюро ОК отобедать. Зря, что ли, готовились. Но Лигачев отказался и, распугав всех тайгинских ворон, улетел на вертолете. Мы же, кемеровчане, хорошо выпили и закусили за здоровье нашего генсека в зале ожидания станции Тайга на Транссибирской железной дороге. В зале, где в начале нашего века чествовали членов монаршей семьи Романовых. Без всякой наглядной агитации.

Признаю бессмысленность спора на тему, какая профессия лучше. Все хороши и нужны. А профессионализм прекрасен в каждом деле. Детей ли лечить или варить сталь. Но простите, строитель все-таки особая профессия. Она касается всех. Создает основу и для врача, и для металлурга. Строители созидают города, автострады, порты, нефтяные прииски, шахты и мосты… Народ, который строит, не стареет. Стоит только прекратить строительство, начинается запустение и обветшание.

Беды строительства в советское время были во многом общими бедами социалистической системы хозяйствования. Научно-техническая отсталость. Недальновидная политика капитальных вложений. Направлялись они на новое строительство, а на обновление устаревших основных фондов средства не выделялись. Почему и достались нынешней России в наследство от социализма эти динозавры, дети первых пятилеток вроде Магнитки или Кузнецкого комбината.

Порочная система оплаты труда вела к низкой эффективности капитальных вложений, их омертвению. Чем дороже объект, тем он был выгоднее строителю социализма, поскольку зарплату он получал как фиксированный процент от общей стоимости строительно-монтажных работ. Помню, когда я

начинал в 1960 году, был такой случай. Размечаем мы с бригадиром Василиусом пробки фундамента под компрессор. Вдвоем. Только воробьи под крышей недостроенного корпуса. Он мне и говорит тихо, с прибалтийском акцентом: «Вадим, будешь делать нам по сорок рублей в день – будешь хорошо жить. Две зарплаты будешь получать». Я опешил и отверг это предложение. С негодованием. Василиус замолчал, надулся.

И так случилось, что примерно через два-три месяца закрыл я наряды его бригаде на очень небольшую сумму. Так сработали. Приписывать не хотел. Утром прихожу, все на месте, а бригады Василиуса нет. Никто не знает, где она. Потом звонят из треста, чтобы я срочно ехал в райком партии. Приезжаю. Гляжу, вся бригада там, у секретаря райкома. Что тут началось, какой шум поднялся. «Как жить? Аванс не отработали. Чем детей кормить?»

Все справедливо. Я говорю: «Каждому по труду… Сколько заработали, столько получите. Скажите, разве я что-нибудь не записал вам?» Шум начинается снова. После этого секретарь райкома говорит: «Вот что, молодой человек, вы что, с Луны свалились? Не знаете политики партии? Рабоче-крестьянское государство вас учило, чтобы вы рабочий класс по миру пустили? Это ваша прямая обязанность – организовать бригадам высокопроизводительный труд! Ничего не хочу слышать! Чтобы немедленно все решили, чтобы люди были довольны!»

Не буду врать: не спорил я с ним. Людям действительно жить надо, детей кормить. Государство-то их, то есть наше, рабоче-крестьянское. А партия – наш рулевой. Раз говорит, значит, так надо. Как же жить без зарплаты? Это в нынешнее время как-то живут без зарплаты, и никакую партию, никакое правительство это не волнует. Рабочие сами по себе, власть сама по себе. Тогда, по большому счету, тоже так было, но не до такой же степени.

А вообще-то строители наши и были и есть большие мастера своего дела. Я не говорю о халтуре и браке, которых везде больше, чем можно представить. Работать могут, если захотят. Что у нас было? Отсталые технологии, неэффективные материалы, примитивный инструмент, а делали, когда надо было, когда хотели, прекрасно. Могли работать. С иностранными специалистами: японцами, немцами, чехами – немало приходилось объектов строить. Но рабочие, монтажники всегда были наши, и всегда иностранцы удивлялись смекалке и мастерству российских работяг.

Проработал я с ними непосредственно строителем без малого тринадцать лет. Все было: и рекорды, и аварии, и награды, и выговоры, даже на скамье подсудимых пришлось посидеть. Школа

это большая. Школа отношений между людьми, организации сложных систем, управления коллективами. Я не жалею об этом времени, оно не было напрасным. Все, что мы построили, все осталось, все может приносить пользу стране и людям. Другое дело, как этим потенциалом распоряжаются сейчас новые хозяева. Это большой вопрос, но он не к вчерашним строителям.

У страны, которая не строит, не может быть будущего. Может быть, смысл жизни не в любви, а в творчестве созидания?

Наверное, и сейчас кто-то учится на инженера-строителя. По нынешним временам это просто герои. Пока есть студенты, пока есть Сибстрин, страна будет жить.

Глава 5
Дежурный по апрелю

Кто лишает себя иллюзий, тот остается нагим.

А. Граф

Весьма несложная на первый взгляд история КПСС – на самом деле трудная задача для профессиональных политологов. Она еще ждет своего часа. Я бы хотел сосредоточиться на своей эволюции в КПСС, на своей работе в партии. Самая большая трудность – не допустить привнесения сегодняшних оценок в прошлое. Не впасть в диссидентство, которым я никогда не страдал. Это, конечно, не только моя проблема. Многие сейчас при каждом удобном случае спешат поведать миру, что всегда «держали фигу в кармане». Были гонимы, были «невыездными» в силу своих мало кому известных антикоммунистических убеждений. Я не имел разногласий с партией вплоть до ее последних перестроечных лет. Никогда не был антикоммунистом и не являюсь им сейчас. Но я изменил свои взгляды на коммунизм и с сожалением признаю его крах как идеологии.

Почему и как это произошло, и надо понять. Это непросто. Комфортно себя чувствует тот, кто не менял убеждений. Был антикоммунистом, когда это было опасно, и остался им сейчас. Был коммунистом в советское время и продолжает верить в коммунизм после его провала. Таким людям всегда все ясно, они страшно горды, что убеждений своих никогда не меняют. Однако таких немного. Большинство все-таки размышляет, сомневается, передумывает, отказывается от прежних, казалось бы, непреложных истин, приходит к новым. В этом жизнь. Трудно сказать, что лучше: жить и сомневаться или жить без сомнений.

В то время, когда я начинал работать, партия в СССР была мощной организацией, «руководящей и направляющей силой» всего и вся, везде и всегда. Партийными структурами и зависимыми от них государственными и общественными институтами была пронизана вся жизнь. Считалось, что миллионы членов партии под руководством партийных комитетов от имени советского народа и во имя его блага жестко и неуклонно проводят политическую линию ленинского политбюро и лично генерального секретаря ЦК КПСС: Хрущева, Брежнева, Андропова, Черненко, Горбачева. Так оно и было. Генсек правил страной через КПСС. С точки зрения

оперативности для такой гигантской, сложнейшей многонациональной страны, как СССР, это была действенная схема. Все разнообразия, все различия и противоречия либо игнорировались, либо усреднялись и сглаживались единой для всех партией. Система работала.

Главное, конечно, цели. Во имя чего расходовалась энергия народа, человеческая жизнь и ресурсы страны? Первое время цели партии не вызывали сомнений у массы людей. Позже, когда народ перерос свой «авангард», забуксовавший в старых цитатах, «дело партии» не стало «делом народа». Наш «сталинский», а позднее «развитой» тип социализма с его специфическими экономикой, обществом и государством были созданы КПСС, для КПСС и не могли существовать без такой партии. Без КПСС советский социализм не был бы самим собой. Это было бы нечто другое. Но нам и в голову не приходило, что иное возможно.

Все, что не укладывалось в рамки партийной идеологии, на разных этапах нашей истории с разной степенью жестокости подавлялось. Политической борьбы нет, зато все слова, производные от слова «политика», имели особый, чрезвычайно глубокий, едва ли не мистический смысл, доступный пониманию лишь избранных вождей. Народ и рядовые члены КПСС перед этим словом могли только благоговеть. Но в лучшем случае были равнодушны.

Персональная критика в партии, как и в обществе, приветствовалась и поощрялась. Кроме критики в адрес политбюро и тем более генсека. Сталинские времена культа личности прошли. Культ был осужден, но славословие партийных вождей продолжалось. Дело было не в инерции или какой-то гипертрофированной подхалимской природе коммунистов. Это был комплекс, инстинкт самосохранения. Мало того, это было удобно. Не надо думать. Непогрешимость очередного «верного ленинца» была залогом непоколебимости всего учения марксизма-ленинизма – «всесильного, потому что верного». Усомниться в этом было невозможно. Иначе смерть партии, смерть системы. В итоге столь ревностно культивируемый догматизм с каждым годом все больше и больше ослаблял партию, обрекал страну на глобальное отставание. Но насколько я помню, в наше время на периферии никто и не пытался оспаривать мудрость вождей и верность учения. Словечко «диссидент», появившееся в конце застоя, воспринималось абстрактно негативно. Никто этих «диссидентов» не видел, не слышал, не знал, в чем их диссидентство.

Партия, называвшая себя передовым отрядом, действительно им была. Но только в том смысле, что коммунисты, как правило,

были наиболее толковыми, работящими рабочими и крестьянами. За что их и в партию приняли. Про членов партии из интеллигенции так сказать нельзя. Тут все было сложнее. И едва ли в интеллектуальном плане партия оправдывала присвоенное себе звание передового отряда. Многие умные люди из интеллигенции никогда не хотели вступать в партию, а многие вступали не из идеологических, а из житейских или конъюнктурных соображений.

Шла весна 1973 года. Кемеровский домостроительный комбинат, главным инженером которого я был, работал в три смены. Я старался освоить новый для меня режим непрерывного производства.

В ежедневной мелкой суете налаживания большого ритма стал замечать присутствие нового лица. Это присутствие становилось слишком частым, чтобы быть случайным. Да и «лицо» было очень известным в городе. Первый секретарь горкома партии Георгий Адамович Навасардянц стал частым гостем наших планерок, штабов, комиссий. Сидел скромно в сторонке и, как правило, ни во что не вмешивался.

В начале апреля вечером пригласил меня в горком. Долго мы сидели. Начали разговор о производстве, закончили семьей. Я чувствовал, что все это неспроста. Что-то должно было произойти. Но не знал, что именно. Наконец Навасардянц сказал что-то вроде: «…мы хотели предложить тебе работу второго секретаря горкома…» Ответ свой хорошо помню, поскольку он был неожиданным и странным. «А как же Владимир Николаевич?» – спросил я. Это вызвало удивление. При чем здесь Владимир Николаевич? В.Н. Ганин был вторым секретарем горкома. Он вел капитальное строительство. Его я знал и относился к нему с уважением. Попытался это объяснить Навасардянцу. В ответ услышал: не лезь не в свое дело. Что если и не успокоило меня, то уж точно показало неуместность заботы о старых партийных кадрах. Все мои сомнения по поводу того, что я и часа не был партийным и комсомольским, как сейчас говорят, функционером, были отвергнуты и даже зачтены в мои достоинства. Умение проводить планерки, знание городских сетей канализации и проблем теплоснабжения оказались главными аргументами.

Навасардянц сказал: «Второй секретарь – это хозяйственник. Дежурный по городу. Будешь дежурным по городу».

В душе я уже согласился, но (наверное, это считалось обязательным признаком хорошего тона) сразу согласия не дал. Договорились подумать, посоветоваться с женой.

Вышел из горкома. Апрель. Воздух пронизан дымом костров.

Жгут прошлогодние листья. Первые звезды зажигаются. Настроение сложное. Смесь удивления, нелепости происходящего и гордости. Надо же! Невероятно. Меня берут на место недосягаемого, как те звезды, партийного начальника! Не может быть! Собственного величия еще не ощущал. Но что-то такое уже начиналось. В голове роились какие-то планы, как мы, то есть я, будем поднимать домостроение. «Мама, мама, это я дежурный… Я дежурный по апрелю…» То есть по городу.

Жена почему-то заплакала и сказала: «Решай сам». На главный ее вопрос: «Какая там зарплата?» – я ответить не мог. В то время такие вопросы имели право задавать только жены.

На несколько дней все успокоилось. И вдруг… Крутимся мы с Колей, моим верным и веселым водителем, на дээсковском газике по апрельской грязи показательного четырнадцатого микрорайона. Вызывает по рации диспетчер, передает срочный вызов: «Бакатина в горком!»

Являюсь к Георгию Адамовичу.

– Ну, решил?

– Решил…

– Идем скорее, нас Афанасий Федорович ждет…

Если бы он сказал: «Идем, нас ждет наместник Бога», эффект был бы меньшим. Афанасий Федорович Ештокин был первым секретарем обкома. Кто жил в то время, знает, что это было больше чем Бог. И царь, и Бог, и воинский начальник.

По какому-то внутреннему пути Георгий Адамович своим ключом открывал двери, и мы вошли в великолепие ковровых дорожек, благолепие и тишину. Я был в плохо отмытых от глины резиновых сапогах и вдруг оробел, застеснялся, старался идти не по ковру, а рядом, по паркету. Навасардянц сказал: «Брось дурака валять. Будь самим собой, и все будет хорошо».

Огромный светлый кабинет. Навстречу поднимается невысокий, плотный приветливый человек.

Наши приветствия прерывает какой-то странный телефонный звонок, нежный, переливчатый. Афанасий Федорович говорит: «ВЧ. Я Москву заказывал. Москва открылась…»

Это было непонятно. Но очень значительно. Мы сидим, а он долго говорит что-то о необходимости развития кузбасской науки. И как мне казалось, сердится. Положил трубку. Опять улыбка: «Ну, как дела? Как живете? Георгий Адамович мне рассказывал о вас. Согласны помочь партии?»

Я, конечно, был согласен, но сомневался, получится ли. Афанасий Федорович был хорошо информирован. Даже знал, каким я был членом постройкома. Постройком – это профсоюзный комитет строителей. Главный инженер всегда

работал с профсоюзами. Ештокин сказал, что я хорошо, активно себя вел, и он уверен: в партии у меня все получится.

В партию коммунистов я вступил в 1964 году. Почему не вступал раньше, несмотря на настойчивые предложения, не знаю. Не было никаких принципиальных причин. Просто тянул, отнекивался. Когда такое поведение стало уже неприличным, написал заявление. Работать главным инженером строительного управления и не быть членом КПСС было не принято. Да и работе это мешало. Ибо в то время партия, и только партия действительно все решала. Начиналось форсированное строительство коммунизма.

На бюро заводского райкома меня приняли, не задав ни одного вопроса, кроме просьбы рассказать биографию. Упоминание о репрессированном в 1937 году деде не произвело никакого впечатления. Да и было ли оно? Культ Сталина был уже осужден. Шел домой пешком по трамвайным путям и от воодушевления играл мускулами.

Партком треста «Кемеровохимстрой», где бессменно секретарствовал Василий Иванович Макеев, часто, как мне казалось, для вида беззлобно строжился над нами. С большим удовольствием Василий Иванович любил организовывать выезды в подшефный сельский район, на рыбалку, где мы водкой крепили смычку между городом и деревней. Мне кажется, такие секретари, без гонора и амбиций, компанейские и простые, приносили больше пользы делу, чем сухие демагоги от марксизма, застегнутые на все пуговицы.

Что и говорить, опыт партийной работы был у меня весьма невелик и односторонен. Главное, чего требовали партийные органы, – выполнять план. Если это удавалось, все было хорошо. Среди производственников-строителей считалось верхом недальновидности, а то и глупости план перевыполнять. Показывали чуть больше ста процентов, и достаточно. Придет следующий отчетный период, «заначка» пригодится. Но как правило, строители планы выполняли редко. Денег пустых, дутых всегда было много, но материальными и трудовыми ресурсами они не обеспечивались. Скрытая инфляция нарастала. Грубо говоря, «капвложения» выделялись, но «купить» на них было нечего.

То же было и с наличными деньгами, с оплатой труда. Зарплата была жестко фиксирована. Трудно было получить больше, но и получить меньше «положенного» надо было умудриться. А главное, купить на эти деньги особенно было нечего. Товаров народного потребления, а зачастую и

продовольствия катастрофически не хватало. Сказывались перехлесты в индустриализации и милитаризации страны. Позволивший победить фашизм лозунг «Все для фронта, все для победы» незримо продолжал действовать и в мирное время строительства коммунизма. Ограниченные ресурсы в первую очередь шли на оборону и отрасли, ее обслуживающие. На товары народного потребления отдавались крохи да партийные выговоры за невыполнение заданий. В повседневной политшумихе главным был доведенный до автоматизма лозунг «Все для человека, все для его блага!». Но на закрытых серьезных заседаниях партийных комитетов, когда речь заходила о том, куда конкретно направлять ограниченные ресурсы, чему отдавать предпочтение: обороне или легкой промышленности, – обрывали жестко: «Кончайте демагогию! Оборона – это священный долг. Здесь нет выбора!»

В конце концов этот большевистский милитаристский дух начала века, вытекающий из чапаевских задач борьбы за мировую пролетарскую революцию, совершенно бессмысленный в годы застоя, в годы «борьбы за мир», демократию и социализм, окончательно изуродовал структуру социалистической (плановой!) экономики. Она все более и более работала не на людей, не на благосостояние – потребление, а на себя, развивая и обслуживая непосильную ношу, гордость советской науки – военно-промышленный комплекс, продукцию которого, как бы она ни была совершенна, как известно, на хлеб не намажешь.

На удивление, из меня вдруг получился по тем меркам неплохой партийный работник. Главное, хорошо получалось общение с людьми, «с массами», как тогда говорили. Виной тому, наверное, мой производственный опыт, но и, безусловно, Г.А. Навасардянц. Это был неординарный партийный работник. По профессии журналист, по призванию исследователь, по характеру добрый, искренний человек.

Помню, он говорил: «Вадим, у тебя все хорошо получается, но не спеши перед каждым раскрывать свою душу. Разве ты не замечаешь: твоей откровенностью, искренностью пользуются. В партии, среди аппаратчиков, далеко не все бескорыстны. Тот тебя сильнее, кто знает больше тебя. Обладать информацией – это все. Ты же готов рассказать, что знаешь, первому встречному. Я тоже искренний человек, но не до такой же степени».

Искренность есть доверие. Доверие бывает беззащитным. Георгий Адамович сам был таким, хотя и советовал мне быть более сдержанным, менее эмоциональным.

Как только я стал вторым секретарем горкома, поручили мне выступить на пленуме с докладом о проблемах трудовых

ресурсов. Времени на подготовку было очень мало. Опыта никакого. Когда мой весьма технократический доклад утверждало бюро, меня сильно критиковали. Георгий Адамович сказал: «Давайте дадим ему здесь карт-бланш. Думаю, вчерашний производственник проблему знает не хуже нас». Доклад утвердили. Пленум прошел. Все были довольны. Навасардянц сказал: «Обрати внимание, что твоя эмоциональность как докладчика пропорциональна темпу. Чем выше темп, тем больше эмоций. Старайся сохранить эмоции, но уменьшить темп».

Всегда боролся с этим недостатком, но так и не смог победить свою натуру.

Вопросы, реплики, замечания Г.А. Навасардянца часто ставили нас в тупик. Он умел взглянуть на проблему совершенно с неожиданной стороны. Гораздо глубже, чем все мы, не утруждающие себя отходом от общепринятых стереотипов.

Иногда вечером, когда я сидел над очередной бумагой, звонил телефон. «Чем занят? – спрашивал Георгий Адамович. – Можешь зайти?» Я заходил. «Пойдем», – говорил он. Внизу уже ждала машина. Мы ехали за город на берег какой-нибудь речушки. Бутылка водки, грубо нарезанные колбаса и хлеб. И долгие разговоры о жизни, о людях, о работе. Комары. Костер.

Иногда он приглашал нас с Людмилой к себе домой. Его милая жена Анна Филипповна была гостеприимна. Почему-то запомнился ее фирменный салат из кальмаров и морской капусты. Георгий Адамович просил спеть, а меня и просить не надо было: одна песня нравилась ему больше всего. Когда слушал, шевелил желваками и сжимал кулаки. «Если друг оказался вдруг и не друг и не враг…» Просил меня повторить. После возлияний я пел эту песню с особым надрывом. Хрипел, подражая неподражаемому В. Высоцкому. Дальше шли «Броня крепка», «Дорогая моя столица»…

Вскоре Георгий Адамович уехал в золотую мою Москву инспектором ЦК КПСС. Работал с вдохновением, но работа как-то не складывалась. Его записки, его неординарные острые оценки оказались не очень-то нужными. Его время еще не пришло.

Помню, уже секретарем обкома был я в Москве на каком-то общесоюзном мероприятии. Наша кузбасская делегация, как было тогда заведено, пригласила москвичей-земляков на выпивку в гостиницу «Россия». Где-то в разгаре застолья вышли мы с Георгием Адамовичем на антресоли ресторана. Стояли, разговаривали. И вдруг он заплакал. Это не были слезы пьяного человека. Никогда не помню его, оптимиста до мозга костей, таким убитым. Жизнь прошла. Прошла зря. Родина, Кузбасс, надежды, желания, настоящая работа где-то далеко… Здесь пусто.

Свежие мысли никому не нужны. Все катится само собой. Вот и меня втянул он в эту колесницу. Рад, что я стал секретарем обкома. Но боится за меня. Не очерствей, не зазнавайся, тебе будет трудно, но всегда будь самим собой. И меня помни, говорил Георгий Адамович. Как мог, успокаивал его. Я тогда не знал, что он был уже тяжело болен. Вскоре он умер.

Узнали об этом в Кузбассе в Ноябрьские праздники. Мне поручили возглавить делегацию обкома на похороны. Хоронил ЦК. Церемония затягивалась. Ждали секретаря ЦК Капитонова. Но он не явился. Он не виноват, поскольку в этот день умер генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев. В партии, в стране начинался новый период. Георгий Адамович совсем немного до него не дожил.

Речь на митинге я сказал, отбросив официальный текст, не как глава обкомовской делегации, а как человек человеку, как последнее прости ушедшему другу.

Над кладбищенскими деревьями, над крышами Москвы, казалось, над всей землей шел тихий, крупными хлопьями первый осенний снег. Была середина дня 10 ноября 1982 года.

12 ноября 1982 года генеральным секретарем Центрального Комитета КПСС пленум единогласно избрал товарища Андропова Юрия Владимировича.

На первый взгляд ничего не изменилось. Вчера по любому поводу руководствовались указаниями ЦК КПСС, генерального секретаря ЦК КПСС, председателя Президиума Верховного Совета СССР т. Брежнева Л.И., сегодня в полной мере одобряли положения и выводы, изложенные в речи генерального секретаря ЦК КПСС т. Андропова Ю.В. Но на самом деле очень быстро стало заметно, что-то произошло. Да, действительно, как будто бы ничего: не меняется, но в воздухе витает нечто новое… Все становится строже, серьезнее. Работа пошла более энергично. Стали поговаривать о необходимости очищения от явлений и кадров, чуждых официальной коммунистической морали. От излишеств, привилегий, нескромности, очковтирательства. На орготдел ЦК пришел Е.К. Лигачев, аскет и фанатик марксизма, готовить смену старым, застоявшимся кадрам. На этой волне и я попал в ЦК инспектором, как в свое время Г.А. Навасардянц.

Конечно, это были не те инспекторы ЦК, что при Сталине. Жизнь была несравненно более мягкой. Но приезд инспектора в область тоже событие не очень радостное для местных товарищей. Помню первое поручение, которое мне дал Лигачев. Проверить поступившую в ЦК жалобу на первого секретаря Калужской области покойного ныне А.А. Кондренкова, якобы

допустившего нескромность в дачном обустройстве областного начальства. Я хоть и моложе был Кондренкова лет на двадцать и старался быть предельно доброжелательным и корректным, волнение его ощущал очень определенно. Нескромности и излишеств, как ни старался, не нашел. Жалкие дачные домишки не шли ни в какое сравнение с привычной для меня солидностью обустройства кузбасского начальства. ЦК КПСС я доложил о другом. О серьезных недостатках в массовом дачном строительстве для москвичей. Людям отводились заболоченные участки, под линиями электропередачи, на бездорожье, хотя приличной земли было более чем достаточно.

В аппарате ЦК КПСС на собственной шкуре испытал возведенное в культ отношение к Бумаге, то есть к Документу. Партийному документу. Шлифовали их тексты до бесконечности. Мне пришлось работать в группе по подготовке записки ЦК «О некоторых вопросах дальнейшего совершенствования работы с руководящими кадрами». Правил этим делом Е.З. Разумов. Как я полагал, и едва ли ошибался, самый мудрый человек в аппарате. Я не могу работать в группе. Писал один, выдавал свою продукцию на критику. Шестнадцать вариантов записки пришлось вымучить, прежде чем получить какое-то слабое подобие одобрения. Первые варианты «Зотыч» браковал на второй-третьей строчке и возвращал не читая: «Работай, работай, не спеши, думай…» Это был 1984 год, но уже тогда понимали необходимость некой демократизации. Вот до какой «крамолы» дошли мы в этой записке: «Думается, что нам следовало бы пересмотреть оценку утвердившейся в последние годы практики, когда подавляющее большинство руководителей, кого полагается утверждать или избирать, утверждается или избирается единогласно.

Сейчас не такой этап, когда требования к кадрам должны быть снижены. А едва ли всегда единогласное утверждение без вопросов, без замечаний является проявлением высоких требований. Не могут быть все одинаковыми, но все оцениваются одинаково. Для многих это завышенная оценка. Не все кадры ее достойны. Случается, что через некоторое время точно так же единогласно происходит и освобождение работника. Здесь от демократического централизма остается только форма, суть его выхолащивается, не происходит коллективной, а потому более объективной оценки кадров. Это вредит и делу, и воспитанию кадров.

Надо, чтобы на всех уровнях считалось, что не единогласное утверждение, избрание или даже неизбрание и не-утверждение – нормальное и даже полезное дело. Полезное и для тех, кто

выдвигал, и для того, кого выдвигали…» Наверное, правы те, кто утверждает, что горбачевская перестройка начала бродить в андроповском аппарате.

С приходом Ю.В. Андропова менялись не только кадры. Главное изменение было в некотором повороте к творчеству в марксистской науке. Робкой, но все-таки попытке понять, где мы находимся, признать наличие проблем и несоответствия реальной жизни партийным лозунгам. Делалось все это на основе и во имя укрепления фундаментальных принципов социализма.

Для думающих партийных работников было удивительным, непривычным и безусловно обнадеживающим, что впервые сам генеральный секретарь (!) заговорил о трудностях не как о досадной неудаче, вызванной очередным неурожаем, а как о противоречиях в теории и практике социалистического общества. О необходимости развития политэкономии социализма, отказе от догматизма. В своей статье «Учение К. Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР» Ю.В. Андропов впервые не просто декларировал, как его предшественники, избитые догмы, а ловко их обосновывал, делая вид, что осуждает догматизм. Он не признавал «мнимого кризиса марксизма», но говорил о неспособности иных «марксистов» понять истины марксизма-ленинизма. В это время я стал задумываться над некоторыми нестыковками теории и практики.

Способствовала этому и заочная учеба в Академии общественных наук, общение с блестящими профессорами Л. Абалкиным, Г. Сорвиной и другими.

Когда-то мне пришлось вести пленум горкома, который освобождал Г.А. Навасардянца и избирал нового секретаря, В.М. Чурпиту. Хороший, добрый мужик, но не такой открытый и искренний, как Георгий Адамович.

А.Ф. Ештокин внес от имени бюро обкома кандидатуру Чурпиты. Я как ведущий сказал буквально следующее: «Ну что, товарищи, думаю, других кандидатур нет и быть не может». Чем вызвал дружный хохот товарищей, умудренных в тонкостях демократического централизма. Как это так – нет других? А демократия? Меня почему-то это разозлило, и я стал с неприличной настойчивостью требовать других кандидатур. Конечно, их не оказалось. Единогласно проголосовали за единственную.

А.Ф. Ештокин сказал мне, посмеиваясь, когда мы с Чурпитой провожали его с пленума: «Ты правильно уловил, что «других быть не может», но говорить об этом не принято».

Я и сам довольно скоро понял это своеобразие партийной

демократии. Механизм был отточен до совершенства. До мелочей была отработана и партийная субординация, а попросту говоря, чинопочитание. Природу этого я объяснял необходимостью постоянного самоутверждения, укрепления авторитета. Хотя едва ли авторитет политбюро повышался, когда на любом собрании кто-то обязательно вносил предложение: «Избрать почетный президиум нашего собрания в составе ленинского политбюро… во главе с…» После этого все должны были встать и долго аплодировать. Помню, как и сам много раз это делал и, стоя в президиуме, глядя в зал, очень хорошо ощущал настроения людей: «Какой ерундой, товарищи, вы занимаетесь».

А демонстрации трудящихся! Это в Москве ходили по спискам, а лозунги, «ура» и рев толпы записывали на пленку… В маленьком городе все естественней. Ты стоишь на трибуне. Рядом разношерстные «массы». Хорошие и разные люди. Они с любопытством смотрят на «отцов города», иногда показывают пальцами: «Смотри, смотри, вон тот, в шляпе…» Ты должен кричать утвержденные ЦК КПСС лозунги к очередной годовщине Октября. Что-нибудь вроде: «Рабочие и колхозники! Боритесь за всестороннее совершенствование социалистического производства, основу повышения благосостояния трудящихся! Ура, товарищи!!» А товарищи молчат или, того хуже, что-нибудь крикнут. Впечатление не из приятных. Контакта с массами нет. Я нашел выход из этого тяжелого положения. Надо смотреть, кто приближается к трибуне. И вовремя «передать октябрьский привет», допустим, коллективу автоколонны № 31. «Ура» будет громовым. И сразу, не давая пропасть энтузиазму, выдать какой-нибудь призыв ЦК КПСС. Ответ по инерции гарантирован.

Позже, когда демонстрации стали стихийными, партия показала свою полную неспособность взять под контроль, возглавить их. Лозунг: «Народ и партия едины» – оказался иллюзией. Сейчас, правда, уже «демократы» боятся демонстраций, а нынешние коммунисты нашли свое место в митинговой стихии.

Удивительно было, что партийный ритуал соблюдался и тогда, когда мы – «функционеры» – оставались наедине с собой и своим «первым». У многих тошноту вызывали эти обязательные встречи, проводы, сопровождения, прогулки, тосты, посиделки. Но «этикет», «субординация» соблюдались свято. На кого жаловаться? Старайся быть самим собой. Я чувствовал низость этого своего приспособленчества и позже вернул себе минимум самоуважения подчеркнутой самостоятельностью, независимостью, резкими, малоуместными репликами и остротами.

Высокопоставленные партийные чиновники грешны были еще и в том, что, призывая к равенству, создавали для себя особые условия жизни. Это давно известно. Известно сейчас. И хотя это скрывали, было известно и в советское время. Везде, конечно, был свой уровень. Райком – одно, ЦК – другое. О членах политбюро и говорить нечего. Там коммунизм при помощи «девятки» КГБ был построен основательно. Лично я тоже на каждом уровне пользовался этими «конфиденциальными» распределителями дефицита товаров народного потребления, но не скрывал этого. Сегодня смешно об этом говорить. Демократическая власть, «ликвидировав привилегии» коммунистов, старается о них не вспоминать. Ибо сравнение будет далеко не в пользу «реформаторов».

В апреле 1977 года меня избрали секретарем Кемеровского обкома, и, уж не знаю почему, Л.А. Горшков, ставший после смерти А.Ф. Ештокина первым секретарем ОК, сразу поручил мне возглавить делегацию на первомайские праздники к коммунистам ФРГ. Это были две недели очень интересных впечатлений. Может быть, цветущая весна тому причиной, но «загнивающий» капитализм показался мне земным раем. Встречи с рабочим классом Рура убедили, что никто и не думает о социалистической революции. Коммунистов мало. Они активны, но их никуда не пускали. Первомай отмечали в основном примкнув к профсоюзам, где у них были какие-нибудь позиции. Нам приходилось выступать два-три раза в день. В общей сложности на сорока митингах и встречах. Больше всего поразили действительно товарищеские, простые, без тени подхалимажа отношения немецких коммунистов.

Главное первомайское мероприятие партии должно было состояться в Дортмунде. В огромном зале за столами с пивом собралось несколько тысяч человек. Шум. Веселье. Дети бегают. Все забито. Сесть негде. Нас как гостей провели, усадили в первый ряд. Я знал, что на этом митинге будет выступать генеральный секретарь Герберт Мисс. Он пока не подъехал. Говорю Манфреду Каплуку, первому секретарю Рурско-Вестфальского окружкома: «Манфред, давай иди встречать Мисса». Он мне: «Ты что? На кой черт он мне нужен? Сам придет». – «А где же он сядет? – говорю. – Тут вон уже на полу сидят». Его ответ меня поразил: «А какое мне дело до того, где он сядет?» И действительно, когда генсек Мисс пришел, сесть ему было негде, и он стоял в дверях. Как молодой советский партократ, я этого понять не мог. Но сравнение было явно не в пользу КПСС.

Слово дали Миссу. Он прямо от дверей прошел на сцену и

очень громко говорил. Закончил под овации. Манфред наклоняется ко мне: «Сейчас дадут слово тебе. Что ты будешь говорить – не важно. Говори что хочешь. Но если хочешь успеха, послушай мой совет. Говори громче, чем Мисс».

Судя по поведению разогретого пивом зала, мне это удалось. Такая «демократия» понравилась. Сказал об этом Миссу. По-моему, он остался доволен.

Докладывая запиской в ЦК КПСС о нашей поездке по укреплению пролетарского интернационализма, как положительный момент отметил и этот, совершенно отличный от нашего стиль поведения немецких коммунистов. Как на это среагировали, не знаю. Думаю, никак. Но сейчас понимаю: нам в России такой простоты отношений никогда не достичь. И при «коммунистах», и при «демократах» чинопочитание будет процветать. Это наше – российское. Дисциплины у нас не будет, а чинопочитание будет. Что Леонида Ильича, что Бориса Николаевича, пока они при власти, как бы их за глаза ни ругали, встретят всегда как «дорогого» с хлебом-солью и посадят в президиум. В дверях стоять никто не будет.

На мой взгляд, причина, которая привела к краху и КПСС, и все другие братские партии, была не в недостатке внутрипартийной демократии и даже не в отсутствии демократии в стране. Кончиком иглы, на которой находилась смерть Кощея Бессмертного, были ошибочные программные цели КПСС, вытекающие из специфического понимания марксистского мировоззрения. Нормальный человек может отвергнуть марксизм как философию революционного преобразования мира, но отмахнуться от него как от попытки синтеза многих достижений человеческой мысли было бы по меньшей мере расточительно. Не зря в свое время кто-то из буржуазных философов заявил: «Марксизм слишком важен, чтобы оставить его марксистам». Мы, советские коммунисты, в подавляющем большинстве своем знали только вульгаризованный марксизм, «марксизм-ленинизм», удобный для обоснования нашего советского «реального» социализма.

Зацикленность на диктатуре пролетариата, превратившейся в тоталитарный режим, не допускавший ничего, что хоть в малейшей степени подвергало сомнению догмы марксизма-ленинизма.

Гипертрофированная, доведенная до абсурда мысль Маркса об «уничтожении» частной собственности.

Умерщвление в практике строительства коммунизма диалектики, которую на словах величали «живой душой

марксизма». В итоге одна «революционная» фраза, а на деле ни революции, ни эволюции, один догматический застой.

Семидесятилетняя попытка строительства социализма как в одной, отдельно взятой стране, так и в масштабе «мировой системы социализма» потерпела крах. Истина должна восторжествовать. Неясно, восторжествовала ли она, но крах ленинского, советского прочтения марксизма очевиден. Его последователи оказались помельче К. Маркса. Ничего, кроме жонглирования цитатами да циничной борьбы за себя во власти, они не смогли противопоставить сложностям реализации марксизма на практике. Не смогли, побоялись, не сумели его «ревизовать», приспособить к совершенно иным условиям XX века, к изменившемуся технократическому миру, миру научно-технического взрыва, технологий колоссальной производительности и тотальной информации. **Бездарные, «верные» марксизму марксисты-ленинцы марксизм и похоронили.**

Сегодняшние последователи и «реаниматоры» коммунизма ничего нового в комидеологию не привнесли. Их общественная значимость держится только на действительно необходимом противостоянии бессовестному «демолигархическому» режиму. Хотя, как истинные наследники ленинизма, они наиболее жгучую ненависть демонстрируют не к «буржуазной» власти, с которой как-то сосуществуют, а к тому, кто лишил их семидесятилетнего умственного комфорта. К «предателю-ренегату» Горбачеву и К°. Если приплюсовать сюда сионизм, империализм, НАТО, американцев и т. д., то получается хорошо знакомая старая затертая ленинско-сталинская пластинка. Ничего нового. Нет созидания. Только прежний пафос «разоблачения» своих внутренних и внешних «врагов».

Те, кому Маркс предсказывал гибель, оказались гораздо мудрее и жизнеспособнее. Капиталисты стали большими диалектиками, чем марксисты-ленинцы, и через демократию, права человека, через политику социального партнерства, через усиление дифференцирующей роли государства если и не сняли полностью, то, по крайней мере, очень сгладили, пустили по эволюционному руслу антагонистические, по Марксу, противоречия между трудом и капиталом. Конечно, капиталистический рыночный базис организации общества с демократической надстройкой, эгоизм и бездуховность далеки от идеала, к которому хотела бы прийти интеллектуальная элита так называемого «свободного» мира. Тем более в условиях нарастающих известных глобальных проблем, порожденных обществом потребления. Но теперь многим достаточно ясно, что

будущее человечества не может быть коммунизмом.

Только Ю.В. Андропов, первый среди советских партийных лидеров, косвенно признал, что главное в марксистской схеме не получается. Семьдесят лет прошло, а перевоспитания не получается. «Превращение «моего» частнособственнического в «наше», «общее» – дело не простое и не определяется актом национализации или экспроприации. Получить право хозяина и стать хозяином… далеко не одно и то же»[6]. Но дело-то все в том, что обобществление не дает, а отбирает право хозяина. Хозяин исчезает, «ликвидируется как класс».

Против природы человека оказалась бессильна даже сталинско-гулаговская практика железной дисциплины принудительного социализма. Советский человек не смог стать хозяином ничейной (государственной) собственности. Однако надо признать и то, что десятилетия социализма не прошли бесследно. И частный интерес сильно ослаб под влиянием вируса иждивенчества. Социализм не переделывал человеческую природу, а портил ее.

Марксизм, гуманистическое учение (если отнести наше ленинское исполнение «диктатуры пролетариата» к извращениям марксизма), не был воспринят именно человеческой природой и проиграл, оставшись в истории нереализованным. И, оставаясь нереализованным, опять превратился в мечту надолго привлекательную для идеалистов и для политиков, спекулирующих на бездарности и циничности властей, пренебрегающих социальными проблемами, интересами человека и особенностями нашего постсоциалистического общественного сознания.

Глава 6
Перестройка Вятки

Судьба всякого фанатизма в том, что он обращается против самого себя.

С. Цвейг

Вторая часть моей работы в партии началась весной 1985 года с избранием М.С. Горбачева генеральным секретарем ЦК КПСС, с провозглашением **перестройки**.

Вечером 21 марта мы с Павлом Александровичем Смольским приехали на Ярославский вокзал, сели в фирменный поезд «Вятка» и отправились в город Киров. П.А. Смольский, милейший во всех отношениях человек, заместитель заведующего орготделом ЦК, вез меня «на выданье» – на пленум Кировского обкома, который, по рекомендации политбюро ЦК, должен был избрать В.В. Бакатина первым секретарем.

Поезд отправлялся спокойно, несуетно. Уютное купе, вышитые занавесочки. Мы вдвоем поужинали, выпили по рюмочке. Павел Александрович лег спать, я смотрел в окно и думал. Все было очень просто. Колеса стучали, пересчитывая стыки рельсов. Прогрохочет встречный состав. Вагон качнет на повороте. Звучала знакомая, полюбившаяся с детства музыка поезда, музыка железной дороги. Кого только она не манила. А для бесчисленного множества моих современников этот ритм отсчитывал последние дни и часы жизни.

История XX века делалась на железной дороге. Конечно, не у каждого мог быть свой запломбированный пульман, но наш общий паровоз летел вперед, переворачивая судьбу страны. Для очень многих моих сограждан жизнь менялась под стук колес. Почему-то вспомнил своего деда Александра, чья молодость проходила на Транссибе в бурные годы Гражданской войны…

Спать не хотелось. Выходил в коридор, в тамбур, проехали Владимир – освещенное прожекторами, на фоне густой синевы, белокаменное великолепие храмов на круче. Ночной Горький – море огней большого города. И опять: леса и поля, болота, пристанционные строения, заборы, сторожевые вышки с тусклыми фонарями, стожок сена, поставленный на перегоне путевым обходчиком, дальний огонек, штабеля круглого леса, захламленные тупики… Грустный вид ранней северной весны. Иногда прогромыхают фермы моста над неизвестной, еще спящей

речушкой. Мелькают загадочные названия станций. Урень, Шахунья. Когда останавливаемся, наступает тишина. Слышна ночная перекличка составителей поездов. Случайный пассажир курит на перроне, да дежурный по станции машет фонарем. Нехотя трогаемся. Все спят. И опять – болота, поля со скирдами прошлогодней соломы и леса, леса, да еще столбы, прямо как в песне: «По Смоленской дороге столбы, столбы, столбы…» А мы ведь едем совсем в другую сторону…

Перед Котельничем рассвело. Ночь прошла незаметно. Почти на тысячекилометровом пути она сумела вобрать в себя сумбур воспоминаний, надежд, планов, сомнений… Вспомнились даже юношеские (а других и не было) стихи, времен Сибстрина: «Ночные дожди, поезда ночные, загадки огней за окном проплывают. Туманят и манят глаза нас – простые, а где остановка – не знают, не знают…»

Где будет остановка, я знал, но загадок оставалось немало.

Николай Васильевич Голдин, министр Минтяжстроя СССР, предложил мне должность заместителя. Шел 1982 год. Я уже двадцать два года проработал на стройках Кузбасса. Конечно, согласился. Предстоял переезд в Москву, там родители, сестры, довольно многочисленная родня. Я уже предвкушал прелести работы заместителем министра, настраивался на долгие командировки, как вдруг Голдин дает отбой. Объяснение было коротким: «Орготдел ЦК сказал, чтобы тебя не трогать. Они имеют на тебя какие-то виды, так что прости…» Не скажу, чтобы я очень расстроился. Нет так нет.

Примерно через год меня взяли на работу в ЦК КПСС инспектором. Я уже рассказывал об этом. Много пришлось поездить по стране, многое повидать. Главное же было в другом. Е.К. Лигачев сказал мне при первой же встрече: «Семью в Москву можешь перевозить, но сколько здесь будешь жить, никто не знает, в любое время будь готов выехать в любое место, на ту работу, какую поручит партия». Конечно, я был согласен. Так был воспитан.

К Москве привыкал трудно. С двенадцатого этажа нового здания ЦК на Старой площади открывался великолепный вид на ржавые московские крыши, купола церквей, запутанные переулки, улицы. Я каждый день смотрел за горизонт. Там на востоке, за Волгой, за Уралом, за Новосибирском, – мой родной Кузбасс. Его люди, мои друзья, мои дороги, шахты, стройки, красавица Томь, остроконечные пихты мариинской тайги, неповторимая вязь сопок предгорий Алтая… Родина моя, отца моего, деда…

Тоска, как говорят, звериная не проходила. Там более что работа в аппарате ЦК была довольно специфическая. Строгая

сухая работа, жесткая субординация. Друзей не было, в жилетку никому не поплачешь. Правда, тосковать особенно было некогда, работы было много.

После смерти К.У. Черненко генеральным избрали М.С. Горбачева, нашего (имею в виду инспекторов) кумира. Опять в свой угловой кабинет за стол под рельефной, во всю стену, картой Советского Союза приглашает Егор Кузьмич Лигачев. Беседа не была длинной: «Мы решили просить тебя возглавить партийную организацию Кировской области. Область самая крупная и самая отсталая в Нечерноземье. Ее надо вытаскивать. Мы тебе доверяем. А сейчас пошли к Михаилу Сергеевичу».

Лигачев быстро ходит, через две ступеньки по лестницам. Я не отставал. Так 21 марта 1985 года, запыхавшись, пришел я к своей первой личной встрече с М.С. Горбачевым. Конечно, я волновался и плохо себе представлял, что происходит, но казалось, все было прекрасно. Горбачев – обаятелен, сама доброжелательность. Не преминул сказать, что я – первый, кого он, в роли генсека, благословляет на ответственную партийную работу, причем в историческое, переломное для партии и страны время. Напутствие было коротким, не более десяти минут: «Как настроение?» Ответить я не успел. «Мы знаем Кировскую область, это тяжелейшая область. Надо вытаскивать, помогать. Единственный совет – работай спокойно, не нервничай, не суетись, все будет нормально…» Я поблагодарил за доверие и все-таки успел поздравить его с избранием генсеком. Он попросил звонить: «Надо будет – поможем!»

Лигачев сказал, чтобы я подождал в приемной. Когда вышел, сообщил, что надо идти на политбюро и сегодня же ехать в Киров, назавтра назначен пленум обкома. На политбюро вопросов не было. Все желали успехов.

…Фирменный поезд «Вятка» потихоньку притормаживал у облупленного кировского вокзала. Таял снег. Весеннее солнце и голубое небо слепили глаза, отражаясь в огромных лужах, заливающих перрон. В них, производя звонкий гомон, плескалась многочисленная компания кировских воробьев. Все вокруг как будто бы было пронизано веселым весенним настроением.

Поезд остановился. Точно напротив нашего вагона стояла группа товарищей в одинаковых серых пальто и меховых шапках, явно выпадающая из общего колорита. Они тоже напоминали воробьев, но только нахохлившихся. За ними, за воротами вокзала, сверкал своими черными боками символ могущества власти, видавший виды автомобиль «чайка» первой модели. Мы с Павлом Александровичем спустились на перрон и

«состыковались» со стайкой встречающих. Смольский с кем-то расцеловался. Это был Иван Петрович Беспалов, невысокий крепкий седеющий брюнет, семнадцать лет бессменно первый секретарь Кировского обкома.

Поехали в обком. С огромным любопытством смотрел я из окна машины на залитые солнцем улицы нового для меня города. Удивительно, но он сразу мне понравился. Город очень живописен.

Уютный зал пленумов находился в новом, весьма приличном здании обкома. Кресла с красной обивкой. Две сотни внимательных, любопытствующих глаз. И – ни одного знакомого лица. Перевожу взгляд с одного на другое – никаких эмоций. Не чувствую волнения, что для меня не типично. Нет ни радости, ни печали. Как будто все так и должно быть. Я никого не знаю, меня никто не знает.

П.А. Смольский что-то говорит… Все подняли руки. Единогласно освободили от работы Беспалова. Аплодируют ему, а я – дольше всех. Бедный Иван Петрович… Вот и наступил конец «руководящей» жизни… Потом Смольский долго говорит обо мне… Какой я хороший, как меня рекомендовало сюда политбюро ЦК КПСС, как единодушно товарищи члены бюро обкома поддержали мою кандидатуру. «Будут ли вопросы?» Я встал. Чувствовал какой-то спортивный азарт: «Ну, ребята, давайте вопросы!» Вопросов не было. Все отводили глаза. «Вносится предложение избрать товарища Бакатина первым секретарем и членом бюро обкома партии. Кто за, прошу поднять руки». Поднялся лес рук. «Против?» Если кто и был против, руки не поднял. Проголосовали единогласно. И опять – аплодисменты. Вот тут я разволновался, видимо, всерьез принял эти аплодисменты… Адреналин взыграл в крови, захотелось сделать что-нибудь хорошее, и я произнес речь…

Наверное, сегодня в моих интересах было бы на этом остановиться, текст речи не приводить, тем более что читатели не настаивают. Но это было бы нечестно. Я не хочу себя приукрашивать, скрывать свои недостатки. И эту речь самоуверенного молодого партаппаратчика постараюсь привести полностью. Как-никак это – тоже документ, характеризующий стиль недавно ушедшего советского прошлого. Лет через сто вряд ли кто сумеет это понять, но так было.

Вот я взбежал на трибуну:

«Позвольте, товарищи, прежде всего высказать самую искреннюю сердечную благодарность ЦК КПСС, вам, членам пленума Кировского обкома, за то доверие, которое мне оказано. Я в полной мере осознаю ту огромную ответственность, которая

возложена на меня. *(Плохо начал, коряво и стандартно. Потом хотел сказать «заверяю». Зачеркнул. Написал «обещаю». Опять зачеркнул и вернулся к избитому «заверяю». Какие-то «сомнения» были все-таки.)*

Заверяю вас, ЦК нашей партии, что ничего не пожалею, чтобы оправдать это доверие. Вместе со всеми коммунистами Кировской области, опираясь **на вашу поддержку**, бюро обкома будет делать все, чтобы успешно решать задачи социального и экономического развития области, чтобы достойно встретить XXVII съезд КПСС. *(Как будто это самое главное – «достойно встретить».)*

Товарищи! Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев в личной беседе и на заседании политбюро дал высокую оценку Кировской областной партийной организации, которая работает в непростых условиях. Очень по-доброму, тепло отзывался о кировчанах секретарь ЦК КПСС Е.К. Лигачев… *(Здорово. Помню, они говорили, что это – самая отстающая область. Кто меня научил этой «дипломатии»? Только не родители.)*

Такая оценка ко многому обязывает. Она в полной мере заслужена… *(Это уже явный перебор!)* Но в это же время впереди еще очень много больших и сложных дел. И останавливаться нельзя! *(Нет, определенно я себя недооценивал. Два часа в области, а уже руковожу.)*

Главное, не терять времени! Политбюро ЦК КПСС рассмотрело недавно итоги работы за два месяца и строго потребовало от каждой партийной организации мобилизовать все резервы, наверстать упущенное, успешно завершить программу текущего года на селе, в строительстве промышленности, выполнить социальную программу, подготовиться к 12-й пятилетке. Об этом сегодня уже очень объективно и убедительно говорил П.А. Смольский. *(Молодец, и Смольского похвалить не забыл. А дальше-то – как «тонко»…)*

Позвольте от вашего имени попросить Павла Александровича передать ЦК КПСС, что Кировская областная партийная организация будет делать все, чтобы решения партии настойчиво проводить в жизнь, работать **интенсивно, производительно, эффективно**! Пути реализации этих задач *(каких – этих?)* для партийных организаций ясны. *(Откуда я знал, ясны или не ясны?)* Они четко указаны мартовским пленумом ЦК КПСС. Они – в развитии инициативы, творчества, активности партийных организаций, советов, профсоюза, комсомола… *(Никого не забыл!)* Они – в повышении требовательности к кадрам, **в укреплении дисциплины и порядка…** *(Зачем же сразу пугать?)* **Уверен, что такой линии и будет придерживаться обком**

КПСС! *(Мощная заявка, ничего не скажешь.)*

Позвольте, товарищи, еще раз поблагодарить вас за оказанное доверие и выразить твердую уверенность…»

И так далее… Читаю я эту речь, вспоминаю то время. Хорошее было время. И грустно, и смешно, но не стыдно, хотя речь-то – пустая. Вот так я начал перестройку.

После пленума решили оставить руководителей районов и хозяйств поговорить о проваленных делах, о текущих задачах по завершению зимовки скота, о подготовке к севу. Я посидел, послушал и в заключение, не стесняясь, уже не взбежал, а солидно взошел на трибуну. Ориентируясь в обстановке исключительно по впечатлениям от услышанного, да еще, может быть, от увиденного из окна вагона, кого-то предупредил, кого-то попросил доложить через неделю, кого-то пригласил к себе для разговора наутро. Одним словом, не теряя даже дня на раскачку, на подготовку, на вхождение в курс дела, сразу **начал руководить**. Да еще – взял на вооружение жесткий стиль: **давление, давление и еще раз – давление**. Мне было легко. Я никого не знал. Не было ни любимчиков, ни свата, ни брата. Все были одинаковы.

Тяжело, наверное, было со мной вятичам, но, на удивление, такой бешеный и наглый стиль, как оказалось, принес хорошие результаты. Позже по Кировской области ходил анекдот: «Армянское радио спрашивают: может ли обком отдохнуть по одной путевке? Отвечаем: может, если путевку дать Бакатину». Хороший анекдот, придумали его, правда, не армяне, а вятичи.

Конечно, дело не во мне и тем более не в жутком моем стиле руководства. Ничего выдающегося здесь не было – обычное хамство начальника, правда, не ради себя, а ради общего дела. Интересно сегодня проанализировать, как энергия и идеи первых лет перестройки были восприняты Вятской землей, землей исконно русской, в каком-то смысле окраинной, отставшей в развитии от центров индустриализации, но… действительно ли «отставшей»? Нет. Сейчас я так не думаю.

«В одном из далеких углов России есть город, который как-то особенно говорит моему сердцу. Не то чтобы он особенно отличался великолепными зданиями, нет в нем садов семирамидных, ни одного даже трехэтажного дома не встретите вы в длинном ряде улиц, да и улицы все немощеные, но есть что-то мирное, патриархальное во всей его физиономии, что-то успокаивающее душу в тишине, которая царствует на стогнах его. Въезжая в этот город, вы как будто чувствуете, что карьера ваша здесь кончилась, что вы ничего уже не можете требовать от жизни, что вам остается только жить в прошлом и переваривать

ваши воспоминания. И в самом деле, из этого города даже дороги дальше нет, как будто здесь конец миру…»

На столике в обкомовской гостинице в первый же вечер среди кипы центральных и местных газет нашел я вырезку какой-то статьи, где ехидный вятич не поленился подчеркнуть эту замечательную цитату из Салтыкова-Щедрина. Михаил Евграфович был одним из многих достаточно известных наших соотечественников, чья судьба, по несчастью (а может быть, по счастью?), была связана с этим краем. В минувшее время в Вятке многие достойные люди отбывали ссылку.

Я, конечно, оценил тонкий намек того, кто подложил мне этот листочек, но про себя усмехнулся: «Я не Салтыков-Щедрин, а всего лишь один из его героев, очередной генерал-губернатор». «Конец миру» меня не пугал, однако познакомиться с вятскими дорогами, а точнее, бездорожьем пришлось очень скоро, равно как и с самими вятичами, которые оказались людьми, имеющими весьма «лица не общее выражение».

Вот заканчивается тот пленум, на котором меня избрали, наиболее любознательные и битые секретари райкомов подходят, представляются, что-то говорят, и каждый спрашивает, когда приеду. Районов много – тридцать девять. Всем говорю: дайте срок. Среди тридцати девяти секретарей одна женщина, Хорошавина Лидия Васильевна. Конечно, на моем месте любой начальник, мужик, проявит галантность: «Вот к Лидии Васильевне первой и поеду…» И поехал. До Тужи доехал. Там сели на вездеход, но далеко не проехали, застряли быстро. Первый опыт ничему не научил.

В это время на орбите работал космический экипаж, где бортинженером был Виктор Петрович Савиных, уроженец Вятской земли. Его мать жила в деревне Березкино Оричевского района. Тогда к космонавтам другое было отношение. Спрашиваю Н.И. Паузина, председателя облисполкома: «Как там мать Савиных поживает? Кто-нибудь навещал ее, пока сын летает?» – «Нет», – говорит. «Хорошо. Заедем вечерком к ней. Заодно познакомимся. Захватите что-нибудь из продуктов». – «Проблемы нет, но не проедем мы к ней». – «Что значит «не проедем»? Первый секретарь ОК и предисполкома к матери космонавта не смогут проехать?! Анекдот, да и только. Вечером – едем!»

Николай Иванович, светлой памяти, опытный был человек, перечить не стал и хорошо подготовился. Как только асфальт закончился, вылезли мы из «Волги», а нас уже ждет «Урал», трехосный вездеход для геологов. По тундре проедет. Сели, поехали. Такой глубокой колеи я в жизни не видал. По днищу скребет, но потихоньку едем. Подъезжаем к какой-то деревушке,

метров пятьсот осталось, водитель говорит: «Дальше болотишше – не проеду, застрять можно. Здесь постою, вы – пройдите. Вон, отселе видно дом ее с голубыми ставенками…»

Пошли мы через поле. Посидели у Ольги Павловны, попили чайку, поговорили о сыне, о жизни, о весне, о погоде. Через час возвращаемся, и что же видим? Наш красавец «Урал» под собственным весом провалился в Вятскую землю по самое «брюхо». Такая вот она, оказывается, податливая землица. Это вам не тундра! Вытащили его лебедкой, зацепившись за березку, и еле-еле уехали.

Стал я разбираться с дорогами. Прав ли Михаил Евграфович, что на Вятке они кончаются? Оказывается, прав. На автомобиле из Москвы в Киров можно добраться только зимой, да и то без гарантии. Летом в дождь, а весной и осенью в любую погоду не проедешь. Разрыв между Шахуньей и Кикнуром 37 километров бездорожья. Чуть ли не со сталинских пятилеток участок каждый год считался пусковым, но дело не двигалось. Первого мая после демонстрации сел я на двукрылый самолетик сельхозавиации и полетел с дорожниками смотреть этот участок. В лесу – десятки километров глины и грязи, запрессованные, как танками на Курской дуге, увязшими большегрузными автомашинами. Строители, конечно, ничего не строят. Утром, как опохмелятся, заводят трактора-бульдозера и начинают за бутылку или пятерку волочить автомашины до края асфальта. И так каждый день вторую пятилетку.

Пришлось сказать ГАИ, чтобы дорогу с обеих сторон закрыли, выставили посты и дали соответствующие объявления. «Нет дороги». Пусть кругом едут, через Йошкар-Олу, Казань, а то и по железной дороге. А нашим вятским автомобилистам и начальству Дорстроя сказал просто: «Акт Госкомиссии об открытии автомобильного движения Москва – Киров должен быть у меня на столе к Седьмому ноября». Других «святых» праздников коммунисты тогда еще не знали.

Сам я – строитель. Люблю строителей. Но как же весело строили ребята эту дорогу! Любо-дорого было посмотреть! Секретарь Кинкурского райкома дневал и ночевал на стройке. Осенью движение открыли. Шоферы-дальнобойщики первыми заметили, что перестройка начала давать какие-то результаты. Шутили, что Вятка на шестьдесят восьмом году советской власти «воссоединилась с Москвой». В последующие годы кировчане сумели поднять темпы дорожного строительства в четыре раза. А всего-то надо было – наладить «вертушками» поставку щебенки с Урала да выпросить у зампреда Совмина Г. Ведерникова полсотни штук мощных челябинских бульдозеров, ну, да и еще много

чего… Всего не расскажешь, но, главное, мужики сами захотели строить дороги. Настоящая, интересная и богатая жизнь начинается с дороги! Где кончается дорога, там начинается нищенство. В тот первомайский полет над подернутыми нежной зеленью и залитыми голубой водой вятскими просторами увидел я и кое-что более страшное, чем бездорожье…

Интересно было сверху познавать географию области. Дороги, реки, поселки, животноводческие комплексы, промышленные предприятия, поля, леса, деревни. И вдруг под крылом промелькнуло что-то странное, как тень… Как бы деревня, но вся затянутая, подернутая зеленью, и не видать ни тропинки к ней, ни дорожки… Глядь, а тут рядом другая такая же, еще одна, еще… Конца им нет… Черные провалившиеся крыши и покрывало зелени. «Что это такое?» – спрашиваю. «Брошенные деревни, – отвечают мои попутчики, – их в области сотни и сотни. За последние сорок лет после войны сельское население сократилось на восемьсот тысяч человек».

Было такое впечатление, что мы летим над планетой-призраком, где была жизнь, но из-за каких-то катаклизмов погибла, и остатки прежней многовековой цивилизации быстро исчезают, поглощаются растительностью, зарастают травой и березняком. Только редкие развалины церквей продолжают сопротивляться безжалостному времени.

Восемьсот тысяч мужчин, женщин, детей жили совсем недавно на этом, относительно небольшом кусочке земли, на берегах этих тихих речек, распахивали поля, молились Богу, слушали соловьев, узнали от большевиков про Сталина, пошли в колхозы… И вот их не стало. Бросили могилы прадедов. Бросили все… И исчезли. Уехали. Кто добровольно, кого увезли насильно. Одних сселили на центральные усадьбы, другие ушли в города, на стройки коммунизма.

Когда-то учили мы в школе уроки о давних великих переселениях народов. А вот ведь они и при нашей жизни происходят, не менее масштабные и драматические. Земля пустеет, народ вымирает. Кто придет сюда? Беженцы? Иноземцы? Вятка – это старинная, исконно русская земля, не знавшая ни татарского ига, ни крепостного права. Прекрасная, красивейшая земля становится никому не нужной. Вместо того чтобы ее благоустраивать, мы – коммунисты – своей государственной политикой ее опустошили.

Узнал я от своих попутчиков и о другом. Каждый год в Кировской области зарастают мелколесьем, уходят из оборота около десяти тысяч гектаров сельхозугодий. Грубо говоря, в год исчезает два средних колхоза, и это – после семидесяти лет

«успешного» строительства социализма в колхозной деревне…

Спустился я с неба на землю и посмотрел на Вятку не как на чужую планету с аэроплана. За год объехал все районы и города области. Много пришлось походить по непролазной грязи. Нагибаясь, пролезал в старые полусгнившие, по окна в навозе коровники, где доярки – женщины неопределенного возраста – волокут, как бурлаки, ванночки, полные прокисшего силоса. Стоял перед пустыми полками сельских магазинов, говорил со стариками, ожидающими трактор, который, может быть, привезет в магазин хлеб. Трогал почерневшие от времени, запертые на амбарный замок двери сельских клубов. Сидел в холодных классах деревенских школ, где трудно понять, что хуже: недостаток учителей или отсутствие учеников. Не раз бывал в районных больницах с протекающими крышами, где редкий «медперсонал» самоотверженно тащил на своих хрупких плечах всю тяжесть верности клятве Гиппократа.

Протекающие крыши, промоченные, промороженные стены – это типичная для Вятской земли особенность.

Протекают и крыша областного драматического театра, и крыши сельских библиотек, которых в области, на удивление, оказалось очень много. Отношение вятичей к этому нестихийному бедствию было философским! Так было всегда, значит, так и должно быть…

Картина разрухи на селе была практически повсеместной, за исключением нескольких десятков благополучных колхозов и совхозов, управляемых крепкими прижимистыми мужиками, настоящими хозяевами, но и у них крыши домов текли… Разруха была, но, удивительно, нигде не было уныния, озлобленности, недовольства. В любом затянутом паутиной красном уголке или Ленинской комнате, на колченогих стульях или скамьях вокруг крытого протертой клеенкой стола, под каким-нибудь пожелтевшим, засиженным мухами плакатом, призывавшим перевыполнять соцобязательства давно минувшего юбилейного года, собирались люди – доброжелательные, искренние, любопытные, сметливые. Угостят чаем с медом или вареньем и долго будут расспрашивать про Москву, про Горбачева, про перестройку… И никаких никому претензий за свою трудную жизнь в нечеловеческих условиях. Просьбы предельно простые и скромные: вот бы угля для котельной, дорогу прогрейдеровать да защебенить. Второй год как из райбольницы уехал зубной врач – как бы вернуть, а то зубы последние пропадают… И все смеются, прикрывая рот рукой. Молодые красивые женщины. И действительно, видно – пропадают зубы.

Меня до глубины души тронуло это вятское простодушие,

терпение, спокойствие. Люблю я своих земляков-сибиряков, но, надо откровенно сказать, вятичи проще, не избалованы, в грудь себя не бьют, больше надеются на себя, чем на власть. Они – непритязательны, привычны к суровой жизни, их трудно раскачать, но если уж начинают, то делают основательно. Позже иногда случалось мне сдерживать: «Давайте попроще, поэкономнее», но в ответ всегда слышал вятское: **«Делать – так уж делать!»**

Взять хотя бы затронутую тему культуры содержания городов, деревень, дорог, улиц, культуры производственного быта. О какой культуре говорить, если можно было видеть такую картинку: облезлое здание районного комитета КПСС, вывеска в деревянной рамке, стекло разбито. Вход. Двустворчатая дверь. Одна половина накрепко забита ржавыми гвоздями, и из-под нее, как бы непосредственно из здания райкома, растут мощные стебли крапивы…

Крапивы и лопухов на Вятской земле – несметное множество, но чтобы прямо перед дверью «руководящей и направляющей силы» – это было рекордом привыкания и безволия. И стоило только на тему культуры содержания поговорить, убедить, что это – самоунижение («Нельзя зарастать грязью, с чистоты начинается производительность труда и качество и, если хотите, настоящий патриотизм»), как удивительно не все, но многое начинало меняться. Бывало, что поговорить приходилось не один раз. Но уже через полгода-год, когда я приезжал в то или иное знакомое хозяйство, все спешили показать убранную с полей, заскирдованную солому, обкошенные дороги, выправленный покрашенный штакетник, побеленные фасады. Появились даже цветы. А уж о комнатах отдыха и красных уголках и говорить нечего. Тут началось подлинное соревнование. Каждый изощрялся, как мог. Резьба по дереву, росписи по стеклу, и самовары, и скатерти… А мои знакомые доярки, хитро улыбаясь, показывали все это великолепие. **Делать так делать!** Но главное: улыбка стала другой. У многих появились новые зубы. Надо отдать должное облздравотделу, который сумел организовать пару автобусов, оборудованных как передвижные стоматологические кабинеты, и пустил их по отдаленным деревням.

Врачи, учителя, ученые, артисты, художники, писатели, архитекторы, инженеры – все сообщество вятской интеллигенции, как я вскоре убедился, также имело свое особенное лицо, особенный характер. Было видно, что они не врозь, не каждый сам по себе, они живут общей жизнью, у них есть традиции, высокий уровень внутренней культуры и достоинства, глубокое

знание истории страны и родного края. И это не только в областном центре. В маленьких старых городках Яранске, Уржуме, Слободском и других – то же самое.

Скажу больше. Интеллигенция малых городов отличается от столичной. Мне приходилось это замечать не только на Вятской земле… В Малоярославце, Мариинске, Суздале, Наро-Фоминском районе… В маленьких русских городах интеллигенция являет собой пример подвижнического, искреннего, бескорыстного служения Великой Культуре. Всегда. Во все годы нашей истории. Какие бы революционные бури или реформы ни разрушали страну, она выстоит, пока жива интеллигенция райцентра. У нее всегда один бог – Культура России. И смысл ее жизни в служении Культуре. Столичный культурный «бомонд», собирающийся на презентацию очередной «поп-звезды», совсем не того поля ягода. Мягко скажем, более прагматичный «фрукт». Для него есть еще один бог – Власть. Любая власть. Не важно, что она убивает людей в Афганистане или Чечне, расстреливает парламент, важно, чтобы она обратила внимание, приласкала, помогла материально… Сегодня на кремлевских «демократических» раутах блистают те же, кто блистал при генсеках, будучи «тогда моложе и лучше, кажется»…

Интеллигенция провинции чище и честнее. Они не смущаются высокого начальства, открыто и прямо выражают свое мнение, если это затрагивает их культурные традиции, памятники истории и архитектуры. Я со своим (в значительной степени авторитарным) стилем руководства довольно часто нарывался на решительный отпор и острые дискуссии, когда без глубокой проработки, с ходу хотел решить какой-нибудь «культурный» вопрос. Иногда приходилось отступать, принимая аргументы собеседников. В конце концов, решали вместе, а делали они. Делали солидно и основательно, за что я бесконечно благодарен всей вятской интеллигенции. Я не стану здесь перечислять десятки имен деятелей науки, искусства, культуры, работать с которыми для меня было истинным удовольствием. Не стану перечислять не потому, что их много, просто боюсь кого-нибудь пропустить.

Вятская интеллигенция, где первую скрипку по праву играл писатель А.А. Лиханов, сумела быстро довести до меня проблемы, которыми болела область. От низкой культуры земледелия, бездорожья до обветшалости базы спорта и искусства. Их проблемы стали моими проблемами. Задача была только в том, чтобы позволить им самим решать, снять запреты, помогать там, где требовались ресурсы, отсутствовавшие в области, поддерживать высокий тонус, напряжение в работе. **Вперед, и**

только вперед!

Тогда, в годы начала перестройки, мне казалось, что меня поддерживают, я мог овладеть любой аудиторией. Сегодня же, когда я перечитываю собственное «полное собрание сочинений», мне становится стыдно. Каждое в отдельности выступление, может быть, и неплохое, но все вместе – это какой-то ужас, ужас непрерывного повторения одного и того же. Избитая партийная демагогия, постоянное недовольство достигнутым, призыв к еще более высоким темпам, дисциплине, творчеству, активности, самостоятельности, организованности. Конечно, темы менялись: то интенсивные технологии в сельском хозяйстве, то роль машиностроения, то борьба с пьянством, то жилищное строительство, дороги, коммунальное хозяйство, работа Советов, развитие науки… И так без конца и без края… Напор и напор. Любимым моим лозунгом были слова М. Горбачева, не помню, где сказанные, а может быть, придуманные мной (по крайней мере, сейчас ни в одной из его работ слов этих я не нашел): **«Пока не действует механизм экономический, должен действовать механизм партийный!»** Вот и все. Вся перестройка.

Партия – руководящая и направляющая сила. Она за все отвечает. Она довела дело до ручки, ей и выправлять ситуацию. А кто не согласен, пусть освободит руководящее кресло. Вся перестройка – проще пареной репы. И надо сказать, что первые годы результаты такой примитивной политики были просто удивительными. Область, провалившая все показатели в 1984 году, уже в 1985 году по основным выполнила план, а в 1986 году план был обеспечен по всем показателям, кроме государственных закупок шерсти (был в то время и такой показатель). Для наиболее дотошного читателя, понимающего, что главное – не план, а темпы роста, скажу, что и они были достаточно солидными:

Продукция промышленности…….5,8%
Прибыль…….9,4%
Строительно-монтажные работы…….13%
Ввод в действие основных фондов…..12%
Валовой сбор зерна……42%
Картофель……..2,2 раза
Производство: мяса…….6%
молока……..8%

Скучно? Думаю, кто понимает, как трудно, но как интересно постоянно добиваться высоких темпов роста, как это завораживает, тому не скучно.

Скучно работать, как «трудилась» в поте лица команда «реформаторов», из года в год с умным видом обещая рост и из года в год **уменьшая объемы производства** общественного продукта. Это было что угодно, но только не работа и, уж конечно, не реформы.

В годы начала перестройки застой сменился подъемом, это факт. Но дело даже не в статистике, не в цифрах, а в реальной работе, ставшей более производительной. Реставрируются центральные улицы города Кирова, ремонтируются театры, благоустраивается набережная реки Вятки, строится выставочный комплекс, освобождается занятый под областной архив Трифоновский монастырь. Дом, в котором танцевала Наталья Пушкина-Ланская, передается под клуб интеллигенции, а в особняке обкомовской гостиницы открывается клуб ветеранов, начинает работать новая картинная галерея, открываются теннисные корты… Это только малая толика того, что успели кировчане-вятичи сделать под лозунгом перестройки: «Куй железо, пока… Горбачев».

Как-то в апреле, воскресным утром, я зашел в малюсенький городской художественный музей. Зашел как простой посетитель. Музей полностью оправдывал пословицу «мал золотник, да дорог». Прекрасная коллекция живописи самых разнообразных художников, от Айвазовского и Репина до Дейнеки и Ракши… Однако инкогнито сохранить не удалось. Контролерша позвонила директрисе, и та поспешила в музей. Взяла меня в плен Алла Носкова, женщина изумительной энергии, глубочайших знаний и, как потом оказалось, неординарного организаторского таланта. Она сообщила мне, что в экспозиции находится всего одна тридцатая от имеющихся в наличии фондов. Мы с А. Носковой полезли на чердак, где в страшных условиях находилось несколько тысяч полотен. «Необходимо новое здание музея, – твердила директриса, – новое здание, новое здание…»

Я вспоминал Малоярославец, своего деда, в мастерской которого за серым холщовым пологом более чем полвека простояли прекрасные пейзажи, портреты, натюрморты художника от Бога… простояли и постепенно, как-то незаметно разошлись, исчезли… Многие ли их видели, порадовались нечаянной гармонии, созвучию близких чувств? Частичка русской культуры тихо исчезает под пологом времени…

А здесь какие разные и замечательные художники! Как много старых мастеров, давно ушедших из жизни. Но жизнь, запечатленная ими на холстах, осталась… Для чего же? Чтобы когда-нибудь сгореть здесь на чердаке?..

– Нужно новое здание, новое… новое… – доносилось до меня.

Я знал, что титул на строительство нового музейного здания может быть открыт только Госпланом. Считал, что это неправильно. Дело области, а не Госплана знать, что надо строить и где строить. А раз так, надо ломать старую практику. Надо же когда-то начинать. И я сказал Алле Носковой: «Скоро ленинский субботник. Давайте в этот день и начнем строительство, заложим фундамент нового музея». И действительно, начали без открытия титула. Через несколько лет в Кирове ввели в эксплуатацию прекрасное современное здание художественного музея с запасниками, с кондиционированием воздуха, с какими-то специальными стеклами, благодаря которым живопись сохраняет свой первозданный вид. Потом оказалось, что это единственное здание художественного музея, построенное в России за годы так называемых реформ.

Или вот мороженое, да, то, которое любят дети, и не только дети… Пришел ко мне как-то пожилой, небольшого роста, симпатичный человек, как оказалось начальник холодильника, и говорит: «Знаете ли, что наши вятские дети лакомятся мороженым главным образом зимой в морозы?» – «Нет, не знаю. А чем объяснить это странное детское поведение?» – спрашиваю. «А тем, – говорит, – что мороженое мы получаем из Ленинграда. Летом его им самим не хватает, а зимой, пожалуйста, кушайте на здоровье!» – «Как же нам исправить эту явную аномалию в скармливании мороженого нашим вятским мальчикам и девочкам?»

Оказалось, все очень просто. Мой собеседник где-то узнал, что в страну поступило восемь комплектных итальянских линий по производству мороженого. Если я у правительства выпрошу одну для области, он обязуется за полгода построить и запустить цех в эксплуатацию. Конечно, ему поможет А.М. Михеев – главный вятский строитель. Через полгода в Кирове было свое мороженое.

Примерно такая же история произошла и с пуском катка с искусственным льдом. Нашли оборудование и пустили. Сам ходил в хоккей играть. А к семидесятилетнему юбилею Октябрьской революции в семидесяти крупных колхозах за один год были построены и сданы в эксплуатацию семьдесят спортивных залов из клееных деревянных конструкций. Я уже немного узнал вятичей и перестал восхищаться, удивляться их подвигам после долгой спячки.

А что, собственно, произошло? Людей разбудили и разрешили делать то, что им надо. Перестали мешать, в чем-то помогли, и дело пошло. Все это стало называться **перестройкой**.

Ее идеолог М.С. Горбачев и все мы привыкли считать, что

старт перестройке дал апрельский пленум ЦК КПСС 23 апреля 1985 года. Горбачев произнес на нем энергичную речь. Однако, если разобраться, в ней не было ничего принципиально нового, никаких новых идей, никакой «ревизии марксизма-ленинизма». Начал он с традиционного для генсеков заявления: «Вся жизнь, весь ход истории убедительно подтверждают **великую правоту ленинского учения**…» И продолжил: «Мы вновь подтверждаем преемственность стратегического курса… страна достигла больших успехов во всех областях общественной жизни…» Если это правда, зачем «перестраиваться»? Трудности, как всегда (помимо погоды), нашли в ошибках предшественников. И задачи не отличались оригинальностью. **Добиться ускорения социально-экономического прогресса.** За счет чего? Обычный джентльменский набор. От съезда к съезду, от пленума к пленуму… «Поставить в центр нашей работы ускорение научно-технического прогресса, перестроить управление, повысить организованность и дисциплину, коренным образом улучшить стиль деятельности…» и так далее и тому подобное, давно знакомые темы. Если перечитать другой этапный документ – «Политически доклад ЦК КПСС XXVII съезду КПСС» – 23 февраля 1986 года, то и там те же мотивы. Верность подлинно научной теории – марксизму-ленинизму, призывы к ускорению, критика империализма, «явно утрачивающего ориентировку в этот непростой период истории», похвала КГБ за разоблачение всякого рода подрывных действий, высокая оценка апрельского пленума. Под принятой съездом новой программой КПСС, уверен, без сомнения подписались бы и Брежнев, и Суслов, и все иные «догматики». Ничего в ней нового не было. Та же марксистско-ленинская фразеология, но в более энергичной и яркой «обертке».

Не могу согласиться с некоторыми аналитиками, считающими, что М.С. Горбачев в то время по-иному не мог, якобы должен был до поры скрывать свои замыслы. Ничего он не скрывал, потому что скрывать было нечего. В помыслах своих он был чист перед товарищами по партии, перед марксизмом-ленинизмом… Главная его идея – **раскрыть возможности социализма, соединив его с социалистической демократией, активизировать творчество масс и на этой основе преодолеть научно-технический застой и социальное отставание** – была строго в духе ортодоксального ленинизма. Покушаться на святая святых марксизма – государственную собственность на средства производства – у него и в мыслях в те годы не было. То же самое и в отношении главного теоретического и практического достижения большевизма – авангардной роли ленинской партии «нового типа».

Если бы генсек М.С. Горбачев строго следовал положениям своего доклада XXVII съезду КПСС, наверное, все было бы иначе. Не скажу – лучше или хуже, но – **иначе**. Однако Михаила Сергеевича подвела его натура, его демократизм, большая, что небезопасно для генсека, для КПСС, откровенность и открытость. Его кипучая энергия понесла его самого и страну «незнамо куда». Он хотел «больше социализма», а в конце концов от социализма остались одни воспоминания.

В повседневной работе, в своих многочисленных больших и малых выступлениях, на встречах, заседаниях, в ходе интервью Горбачев все более и более подходит к тому, что очень скоро перечеркнет не только принятую новую программу КПСС, но и приведет к разрушению социализма. Он упивается дискуссией, всегда выходя из нее победителем. Он разрешает говорить, спорить. Подумать только: он допускает иное мнение… **Плюрализм!** Правда, **социалистический плюрализм**. Он буквально насильно внедряет гласность. Ищет себе союзников в массах ценой критики «серого», как писала газета «Правда», слоя в КПСС. Да, в партии был такой слой людей, давно усвоивших старые догмы, приспособившихся ничего не делать, ни за что не отвечать, **только руководить**. Какая-то чистка партии была нужна. Горбачев же как раз был против чисток. Но, по-моему, тогда мало кто понимал, **чем закончится для партии партией же организованная гласность и критика**. Лично я считал это делом полезным.

Как-то весной 1986 года, во время поездки в Москву, иду я по цековскому коридору. С деловым, одновременно озадаченным и веселым видом. Надо сказать, что к этому времени я уже заматерел, приобрел уверенность и даже некоторый кураж. Дела в области шли неплохо. Все меня знали, и я знал всех. К тому времени я уже сделал свое главное открытие. Нет здесь в Москве, в ЦК и тем более в политбюро гениев – сверхчеловеков. Все такие же, как и мы, провинциалы… Так что будь самим собой. Так вот, иду я по цековским дорожкам и радостно так встречаюсь с секретарем ЦК Г.П. Разумовским. «Хорошо, – говорит, – что я вас встретил. Зайдем ко мне, есть очень важный разговор. Прошу вас отнестись к нему со всей серьезностью». Я согласился. Оказывается, Михаил Сергеевич недоволен. Во-первых, робостью критики в адрес высокопоставленных партийных чинов, а во-вторых, реакцией на критику. «Критика не забава, она требует энергичных действий. И если за признанием ошибок не следует их исправление, это – первый признак подмены дела словом. Есть конфиденциальное поручение – организовать несколько серьезных критических выступлений, а также энергичную

реакцию на критику.

Вы, по нашему мнению, один из тех, кто современно мыслит и в состоянии правильно на критику реагировать. Я не ошибаюсь?» Я ответил, что прекрасно все понимаю. Зон, закрытых для критики, быть не должно. Ошибки нужно исправлять делами. Со мной на эту тему можно было и не говорить. Будет сделано.

На том и остановились. Долго ждать «справедливой критики» не пришлось. 14 мая в «Правде» появляется статья «Если будете надоедать», где на примере конфликта двух ученых показывается равнодушие аппарата обкома к внедрению изобретений и открытий. Упоминается и моя фамилия. Я виноват только в том, что мне не доложили. До обидного мягкая критика. Я ждал большего. И вот на это надо реагировать «по-ленински»? Нет проблем!

Но оказалось, что проблема была, и большая. При самом доброжелательном отношении к одному из «обиженных» обкомом ученых бюро не смогло поддержать его в научном споре. Ну никак не могло. Эксперты из Института химической физики АН СССР дали отрицательное заключение. «…Предложения по замене антискорчинга сантогарда на продукты кормогризин и нитрат аммония неправомерны…» От партии же требовали, чтобы обязательно заменить «кормогризином антискорчинг». Но хотя мы и руководствовались всепобеждающим учением, на это темное дело не пошли. Быстро и остро, как хотелось ЦК КПСС, отреагировать не смогли. Долго изучали всю эту «химию». В итоге наказали за пассивность, способствующую развитию склоки, некоторых партаппаратчиков, наметили меры улучшения сотрудничества науки и производства. По существу же вопроса признали, что **автор статьи в «Правде» подошел к сложной научной проблеме предвзято и бездоказательно**. Ответили в «Правду» и опубликовали решение бюро в областной газете.

Вот тут-то и началась «настоящая ленинская реакция» уже на нашу критику. Прежде всего звонки из аппарата ЦК: «Что вы там себе позволяете? Как это можно подвергать сомнению то, что написано в «Правде»? Такой безответственности себе еще никто не позволял! Дайте опровержение».

Я съездил в ЦК, в отдел, объяснил им ситуацию… Как будто бы поняли и успокоились… Но тут сама «Правда» решила нас наказать за строптивость. Прислали в область специального корреспондента и по его расследованию дали полполосы, где как дважды два доказывалось, что в Кировском обкоме его первый секретарь В. Бакатин – ретроград, может только сено заготавливать, а журнал «Открытия и изобретения» даже не выписывает. Довольно едкая статейка. Если «Правда» критикует,

надо докладывать – «меры приняты, выписал журнал». Мы решили **не принимать больше никаких мер**. Такого в то время не бывало.

Поехал я в Москву к А.Н. Яковлеву, который возглавлял тогда отдел пропаганды и агитации. Он был в хорошем настроении, внучка на отлично сдала вступительный экзамен. Выслушал меня и согласился с тем, чтобы мы не «реагировали». Это уже была полупобеда. Не знаю зачем, но я стал добиваться, чтобы газета публично признала свои ошибки. Надо мне это было? В конце концов, 5 октября в «Правде» появилась небольшая заметка, где сквозь зубы редколлегия строго **указала своим корреспондентам на недопустимость легкого подхода при подготовке материалов**. Первый раз ленинская «Правда» чуть-чуть поступилась своей незыблемой монополией на истину. Позже редактор В. Афанасьев дважды приводил этот случай как пример демократизации и перестройки газеты. Знал бы этот честный человек, до какого цинизма и бесстыдства дойдет уже через несколько лет наша и коммунистическая, и демократическая пресса, так не переживал бы по этому пустяковому случаю. То же могу отнести к себе. Чего суетился? Правду искал?

«Плюрализм», как мечтал Михаил Сергеевич, должен быть **социалистическим**. Однако это оказалось невозможным. Если после семидесяти лет затыкания ртов людям вдруг разрешили говорить и спорить, только идеалисты могут ожидать, что дискуссия пойдет «в русле социалистического выбора». Скорее наоборот. Проблем масса, живут люди скверно. Кто виноват? Сталинизм? Деформации? Возможно. Это интересно, но это мало волнует. Кто сегодня правит? **Кто руководящая и направляющая? КПСС?** Другой силы нет. Значит, **она во всем и виновата**. И весь «социалистический плюрализм» сведется к нападению на одного. Этот один есть мифический абстрактный **партаппаратчик**, который даже если и неплохой человек и добросовестный работник, изначально будет считаться злом.

А кроме того, не привык он к политическим дискуссиям, прожив жизнь в комфортных условиях за спиной священных мужей, мудрейших из мудрых – Карла Маркса, Ленина и… очередного генсека. А поскольку у его оппонентов, различного розлива демократов, политической культуры тоже кот наплакал, то вся гласность и плюрализм в конечном итоге сведутся к **травле КПСС**, ее деморализации, потере остатков и без того небольшого авторитета. Можно было бы сказать, что это и требуется. Демократия предусматривает, что авторитет и доверие завоевывают делами. Но сможет ли деморализованная,

дезориентированная партия что-то сделать? А ведь другого механизма в стране уже 70 лет не было. Советы, профсоюзы – ширмы социалистической демократии. **Все держалось на партии.** И это была главная ошибка Горбачева – он сам не уяснил еще, **что мы будем строить** после «развитого социализма». Новые прилагательные «гуманный, демократический» очень туманны. «Социализм – живое творчество масс», в Российской империи – очень утопичный лозунг! Итак, **что и как строить – не решили. Критику – стимулировали. Плюрализм – приветствовали. Единственный механизм власти – деморализовали, сделали неработоспособным.** Я не говорю о двадцатимиллионной партии как о механизме. Подавляющее большинство коммунистов были пассивны. Не они – «механизм». Я говорю о пусть ошибочной, но все-таки привычной, **признанной идеологии,** идеологии социализма, а **главное – о вертикали власти. Политбюро – обком – райком – партком.** Важно было сохранить ее, поддержать, отмобилизовать и с ее помощью начать экономические и институциональные преобразования, совершенствование социализма. **А в конечном счете мог быть такой отход от его догм, что от ленинизма вообще мало бы что осталось.**

Абсолютно убежден, что если бы, например, политбюро или пленум ЦК поставили задачу активно развивать фермерское движение, партия точно так же, как она «сделала» коллективизацию, как боролась с пьянством или проводила глупейшую кампанию «борьбы с нетрудовыми доходами», **сделала бы и фермеров**. И все – ради решения продовольственной проблемы, повышения благосостояния трудящихся, во имя укрепления социализма.

М.С. Горбачев напоролся на то, о чем сам много говорил, цитируя Ленина. Нельзя, не решив главного, браться за частности… **Главного** он не решил. **Куда идти.** Правда, он цитировал и Наполеона. Главное – ввязаться в бой, а там будет видно. В итоге – **заболтали перестройку**. Произошло то, от чего Михаил Сергеевич часто предостерегал. Он «угадал» на сто процентов. Говорил «заболтают», и заболтали. И думаю, никого, кроме себя самого, винить в этом Михаил Сергеевич не может. Если позволено будет так выразиться, «стиль перестройки» – это его стиль. Бесконечные советы, разговоры, а в итоге спуск на тормозах. Особенно любил советоваться с Н.И. Рыжковым. Всего боялись. Бунт мерещился. Ярким примером может служить пресловутая программа «500 дней». Как бы над ней юмористы ни изгалялись, все-таки это была **программа**. Алгоритм освобождения от диктата плана и зарождения частной

инициативы. Два дня «советовались». В итоге – «соломоново» решение. Поручить А.Г. Аганбегяну в недельный срок примирить непримиримое. Соединить рынок без собственника с планом без дисциплины. Очень много было разговоров и недостаточно дела. Мне неприятно писать об этом, потому что всегда я поддерживал М.С. Горбачева, был человеком его команды. Но когда анализируешь прошлое, честным надо быть не меньше, чем когда живешь в настоящем. Я не осуждаю Горбачева, а уж тем более – не сужу. Просто и он, и мы сами взялись за то, что сделать не сумели. Конечно, это не оправдание, но мне представляется, что не было в истории более трудного дела: после семидесяти лет того, что мы несправедливо называли социализмом, вернуться без катаклизмов на путь естественного цивилизованного, свободного развития. Сверхтрудная задача. Сейчас, после стольких лет бесчинствования «демократов» и «криминала», даже стали говорить, что **эта задача в принципе была нерешаема. Нет, была решаема! Но для тех, кому пришлось ее решать, задачка оказалась не под силу.**

Однако в первые перестроечные годы **«партийный механизм»** действовал достаточно эффективно. Во всех аудиториях, при любом «плюрализме» я как первый секретарь обкома получал поддержку и одобрение. По любой острой теме, даже если это были непопулярная борьба с пьянством или ненавистные для рабочего вздувающие цены «кооператоры». Самая консервативная, убежденно догматическая коммунистическая аудитория – это ветераны войны и труда. И я всегда находил время их собирать, посоветоваться, рассказывать о планах, о пленумах, о делах…

Хорошо помню, как собрал я моих любимых стариков в их клубе рассказать о январском (1987 г.) пленуме ЦК КПСС. На нем речь шла о перестройке и кадровой политике партии. Тогда, наверное, впервые в официальной аудитории М.С. Горбачев был особенно откровенен и резок в критике сталинизма, застойных времен и нынешних партийных кадров. Говорил о «механизме торможения перестройки», который надо сломать. Горбачев был очень недоволен работой кадров, подозревал чуть ли не саботаж решений съезда и апрельского (1985 г.) пленума ЦК.

И что же ветераны? Более благожелательно настроенной аудитории, разделяющей мнение Горбачева, я не видел. Они были и за Ленина, и за Сталина (про себя), но они же были и за Горбачева, и, пожалуй, они даже были большими перестройщиками, чем он сам. Эта политически активная, но консервативная часть партии была готова **поддержать любое решение ЦК, если оно направлено на улучшение положения в**

стране. Их заботило не отступление от старых догм, а **реальное, пусть небольшое, улучшение жизни в городе**. Есть прогресс в обеспечении продовольствием, жильем – **поддержат любой «ревизионизм»**. Не называйте его только ревизионизмом, пощадите большевистское прошлое хороших людей. А вот когда по причинам, о которых скажу позже, положение стало ухудшаться, тогда поддержки даже такого любимого Горбачевым лозунга, как «больше социализма», – не получишь. Скажут прямо, что мы демагоги и болтуны. Заболтали мы в конце концов перестройку, упустили время, отдали инициативу черт знает кому, – еще большим демагогам, только от «демократии» и антикоммунизма.

К огромному моему сожалению, неожиданно умер Н.С. Ермаков, первый секретарь Кемеровского обкома. Сказать, что я его уважал, ничего не сказать. Это был уникальный, ни на кого не похожий человек. Аккуратнейший и пунктуальнейший, с великолепно развитым разносторонним вкусом, исключительно волевой и целеустремленный, рационалист до мозга костей. Человек, которому органически отвратительны лицемерие, пустословие, ханжество. Мы сдружились с ним в годы, когда он был первым секретарем центра металлургии города Новокузнецка, позже не расставались в Кемерове и Москве. Многое можно было бы вспомнить о его яркой жизни, о наших делах и встречах…

После его смерти через некоторое время вызвали меня в ЦК и сказали, что опрос, проведенный среди руководящих кадров Кузбасса, показал: наибольшее предпочтение среди кандидатов на пост первого секретаря обкома отдано мне. Поскольку Кузбасс очень важный регион для страны, политбюро считает необходимым направить меня туда. Выбора у меня не было. Предложение ЦК для меня вариантов не предполагало. Политбюро знает, что говорит. Кузбасс для страны важнее, никто в этом не сомневается. Надо ехать. И всегда помнить, что это для меня большая честь. Жаль, конечно, было расставаться с полюбившимися мне вятичами. Они умеют легко, не унывая, я бы даже сказал, весело делать трудные дела… Но что греха таить, возвращение блудного сына на родину всегда приятно. Сколько друзей, заветных, родных уголков… Кемеровские стройки… Киселевская школа на аллее старых тополей… Таких же старых, как я сам. Тисульская таежная тишина, всегда вызывающая у меня острое ощущение связи с ушедшими поколениями… Предстояло встретить товарищей, с которыми вместе прошли лучшие годы жизни. В то же время я знал, что среди профессиональных

партийных работников были группы, которые хотели поставить своего «губернатора», считали меня выскочкой, помешавшим их карьере… Конечно, при встрече и они изобразят радость, но камень за пазухой держать будут… Саботаж, надо было предполагать, неизбежен. Но не это вызывало сомнение. Все-таки Вятка! Сколько дел начато. Правильно ли я делаю, что бросаю их? Но все эти чувства-переживания были, надо прямо сказать, для «внутреннего потребления». Партийная дисциплина пока еще действовала. Сказали бы, что надо ехать не в Кузбасс, а куда-нибудь подальше, все равно бы поехал… Вятичи не хотели меня отпускать, но вернуться на родину пришлось.

Если в Кирове главным было село, то здесь – уголь.

Свою работу в Кемерове не буду подробно описывать. С одной стороны, приятно с новым опытом вернуться туда, где родился и прожил сорок пять лет, и пленум ОК единогласно (!) за тебя голосует, а с другой – почувствовал справедливость старой истины: нет пророка в своем отечестве. Кругом были друзья и приятели, и, хотя они меня сами позвали, попросили вернуться из Кирова, доказать свое лидерство было гораздо труднее, чем на незнакомой Вятской земле.

В 1987 году и Кировская, и Кемеровская области продолжали динамично развиваться, наращивать объемы производства. Более высокие темпы были в социальной сфере, но работать обкому стало гораздо сложнее. Дело в том, что то тут, то там начал проявлять себя **новый хозяйственный механизм**, появились законы – о предприятиях, трудовых коллективах, хозрасчете, кооперативах. Повысилась контролирующая роль банков. Вновь заявили о себе оправившиеся от первоначальной неразберихи планирующие и контролирующие органы. **Централизм** никуда не исчез и опять стал все подбирать к своим рукам. Госзаказ резко ограничивал или совсем исключал местную инициативу. Перевыполнение планов стало пресекаться банками. Хозспособ не поощрялся. Директоров стали избирать коллективы, и плевать они хотели на партийный комитет. А ЦК КПСС еще выдвинул лозунг: «Не сметь командовать!»… Складывалось такое впечатление, что **все делалось для того, чтобы отстранить партийные органы от хозяйственных проблем**, все более и более переключать их на решение идеологических задач, воспитание инициативы, демократической культуры и тому подобное. Наверное, это было необходимо. Но хозяйственные задачи в регионе решать пока было некому. Советам нужно было дать несколько лет для плавного вхождения в руководство хозяйством. Прежние вольности со сверхплановым-внеплановым строительством уже не проходили. А если кто их допускал,

подрывал финансовое положение подрядных организаций.

Реализовать инициативу за счет работы над планом было сложно. Предварительное согласование планов с облисполкомами ничего не давало, так как центральные органы на эти согласования внимания не обращали. Кировский облисполком согласовал программу строительства на 1987 год с подрядчиками, получил одобрение ЦК КПСС и направил ее в Госплан. И вот план «стал законом», утвержден сессией, доведен до исполнителей, но – это уже **совсем другой** план. Как и прежде, предпочтение отдается производственному строительству, которое увеличили против согласованных объемов на десять процентов, а социальную программу Москва урезала на девятнадцать. **Все, приехали. Конец перестройке, от которой остались одни пустые лозунги. Обком на месте уже ничего поправить не может, новый «хозяйственный механизм» не позволяет, а «партийный» не действует.** В Кузбассе, с его социальной отсталостью и исключительной важностью для страны угольной, металлургической, химической промышленности, положение было еще хуже. Провозглашенный партией принцип приоритетности социального развития был подавлен Госпланом и новым хозяйственным механизмом. **Это было похоже на самоубийство.**

Если в 1985–1986 годах можно было уверенно **«командовать» ради дела**, ради решения каких-то конкретных социально-экономических проблем, то чем дальше от начала перестройки, тем больше времени уходило на далеко не продуктивные разговоры, споры. Аппарат ЦК сменил акценты: то каждый день спрашивали за надои, за кормоединицы, сейчас – за количество претендентов на одну выборную должность.

Кооперативы, паразитируя на государственных предприятиях, только взвинтили цены, собственность на средства производства как была общей, то есть ничейной, так и осталась.

Что безусловно удалось М.С. Горбачеву, так это поднять политическую активность людей, масс, как говорили. Но кому это было нужно? Честно говоря, КПСС этого боялась. Трудовая активность – это предел мечтаний. Но политическая?! Это очень опасно. Политика всегда была делом политбюро, но не масс. Пока роль партии, по сути, оставалась прежней. Роль гвоздя, на котором все держится. Но ее авторитет резко упал. **Гвоздь проржавел и согнулся**, хотя дискуссий, разговоров, всяких альтернативных выборов в партийных организациях стало хоть отбавляй. Так хотел Центральный Комитет. Особенно все возбудились в ходе подготовки к XIX партийной конференции. Сложная была ситуация на четвертый год перестройки, но ничего

еще не было потеряно. Ясно было, что надо делать. Были еще целы и механизмы. Удержать экономику от дальнейшего развала было еще можно. Для этого, как представлялось, и собиралась XIX партконференция.

Конференция открылась 28 июня 1988 года. М.С. Горбачев выступил с докладом. Это уже был не 1985 год и не XXVII съезд. О марксизме-ленинизме пока еще не забыли, но помянули его совсем в ином ключе.

«Новое прочтение получают многие идеи К. Маркса и В.И. Ленина, которые до недавнего времени либо воспринимались односторонне, либо вовсе замалчивались. **В борьбе с догматизмом возрождается (?) творческое начало научного, гуманного социализма…** Интеллигенция искренне поддержала **урок правды**, данный XXVII съездом… Главный политический итог послеапрельского периода – начавшаяся материализация идей обновления, **нарастающая поддержка советским народом курса партии** на перестройку…»

«Не означает ли это, что революционные преобразования стали необратимыми? – спрашивал Горбачев и отвечал: – Нет, не означает. Мы еще не преодолели глубинных причин торможения, не везде подключили, а в чем-то не выработали механизма обновления… Перед нами сегодня много сложных вопросов. Но какой из них ключевой?

ЦК КПСС считает, что таким вопросом является реформа нашей политической системы».

Это была ошибка. Ошибка не в том плане, что политическая реформа была не нужна, по крайней мере, это был вопрос не первостепенной важности. **Кардинальные экономические преобразования были гораздо более необходимы.** К сожалению, они были возможны только в режиме постоянного социально-экономического прироста. Слом политической системы обрекал на неудачу экономику, поскольку ослаблял управление и тем самым **предопределял спад**. В итоге проваливалась вся реформа («революционная перестройка»).

В докладе М.С. Горбачев немало говорил и о конкретных хозяйственных проблемах, и о радикальной экономической реформе, но **упор был сделан на политику**.

В то время у меня не было какого-либо заметного несогласия с Горбачевым. Первый секретарь обкома каждый день занимался конкретными хозяйственными вопросами, отстаивал в центре интересы населения области и не особенно глубоко задумывался над очевидной недоговоренностью экономической реформы. Это воспринималось как болезни роста. Важно было **повышать**

эффективность влияния партии на все дела в стране. Однако политическая реформа ослабляла **единственную** вертикаль управления – партию.

Делегация Кузбасса на конференции была одной из наиболее крупных. Все-таки времена изменились. Активность была такой, какой раньше на съездах не было. Наиболее «идейные» предпочитали ресторану сборы у меня по вечерам. И мы допоздна спорили по поводу текста выступления, резолюций. Утром собирались в условленном месте перед гостиницей, я «информировал» членов делегации о сути вчерашней дискуссии. Очень активной была Татьяна Новикова, комсомольский лидер Кузбасса. Благодаря ее настырности я снял из выступления тезис о поддержке идеи совмещения должностей партийных секретарей и председателей местных Советов. Позже жизнь показала, что Татьяна оказалась права.

Меня избрали в президиум. Во время первого перерыва никуда не пошел, сидел, «шлифовал» выступление.

Смотрю – проходит Е.З. Разумов, первый заместитель отдела оргпартработы. Я его хорошо знал. Это наш земляк. Как я уже говорил, самый мудрый человек в аппарате ЦК. Со своеобразным тонким чувством юмора. Любил пошутить с серьезным видом. Евгений Зотович говорит: «Что сидишь? Имей в виду, после Михаила Сергеевича ты первый выступаешь…» Я посмеялся, воспринял это как очередную шутку. Такого не может быть. Обычно прения открывают «киты» покрупнее: Украина, Казахстан, Москва…

После окончания доклада Горбачева был объявлен большой перерыв. Я вышел на улицу. Кремлевская брусчатка была раскалена, как сковородка. Зной изнурял. Решил сходить в гостиницу, принять душ, сменить рубашку. Так и сделал. Вернулся в Кремлевский дворец съездов, когда уже звонки звонили. Только пробрался на свое место, не успел перевести дух, как слышу голос А.Н. Яковлева: «Слово имеет товарищ Бакатин – первый секретарь…»

Разволновался я страшно. Вышел на трибуну и без текста понес какую-то околесицу… Через минуту выбрался на текст… Дальше увереннее… Даже сорвал несколько раз аплодисменты.

Семь резолюций Всесоюзной XIX партконференции КПСС, по своей сути, если использовать большевистскую фразеологию, были уже «ревизионистскими» резолюциями. Но этот «оппортунизм» вызвал резкое неприятие **не в массах, а в самой КПСС**. С образованием Российской Коммунистической партии ее руководство стало главной оппозицией перестройке. Призывало

людей встать на защиту марксизма-ленинизма. Растерявшаяся было догматическая консервативная часть КПСС, на какое-то время потеряв поддержку генерального секретаря, нашла ее в Российском ЦК. Первичные партийные организации в РСФСР раскололись. Кто «вступал» в новую партию, кто «оставался» в КПСС. Республиканские компартии (кроме латышей, эстонцев) уходили от интернационализма. Их изнутри разъедал национал-сепаратизм. В какой-то мере это была «защита» от большевистского прошлого КПСС, демонстрация независимости от Кремля. Что же оставалось от партии? А ничего. От союза компартий отказались, а без республиканских партий КПСС – всего лишь аппарат на Старой площади.

В этих событиях драматического конца партии, а в итоге и Союза Советских Социалистических Республик мне пришлось участвовать уже в иной роли.

Глава 7
Жертва демократии

Закон не может быть законом, если за ним нет силы, могущей принудить.

Д.А. Гарфилд

М.С. Горбачев был одержим демократией. Как-то он позвонил мне в Кемерово и сказал, что министр должен быть не милиционером, а, как он выразился, «политиком». Это я-то политик?! Конечно, поспособствовали этому зигзагу судьбы новые псевдодемократические формы, только-только начинавшие входить в моду в Москве.

В октябре, в один из понедельников, число точно не помню… Да и какое значение в данном случае имеет число? Ну, допустим, семнадцатое. Да, точно! 17 октября 1988 года прилетел я в Москву на заседание Конституционной комиссии.

Прохладный мраморный зал на Старой площади, прикрученные к полу вертящиеся кресла, в которых удобно и, как мне казалось, не очень настраиваясь на серьезные споры «вертелась» почти вся союзная и партийная верхушка – творцы новой, теперь уже «горбачевской» конституции. Предыдущей, «брежневской», тогда шел всего двенадцатый год. Пришло время менять.

Заседание прошло. Стали было выкручиваться из кресел и расходиться.

Горбачев говорит: «Минуточку, тут у нас все члены политбюро присутствуют, первые секретари ЦК компартий республик, обкомов, ученые, рабочие, давайте в духе демократии еще один вопрос решим. Есть предложение: Бакатина Вадима Викторовича назначить министром внутренних дел СССР».

Все, конечно: «Нет возражений. Правильное решение!»

Горбачев: «Правильно мы решили?»

«Правильно!»

«Ну что, Вадим Викторович?»

А что «Вадим Викторович»? Думал, что политбюро будет в четверг, и еще не привык к «демократизации». В полной мере не настроился. Все переживал, как справлюсь. Входил в проблемы, еще не был готов. Хотя, чего лукавить, «против» – не был. Работа казалась очень интересной. Но мерки у меня были старые. Новой обострявшейся ситуации предвидеть не мог.

«Я вам говорил, Михаил Сергеевич, что этой работы не знаю. Но вы всё уже решили, и мне остается только поблагодарить за доверие».

Горбачев: «Поможем, не боги горшки обжигают!» Вот и все. Так раньше при тоталитаризме назначали министров. Сегодня у демократов, по-моему, и этого «духа демократии» нет.

Вскоре появился указ. В Кузбассе справедливо начали возмущаться: «Какая к черту демократия! Опять ни с кем не посоветовались, никому ничего не сказали. Забрали Бакатина…» Что на это ответишь? Почему именно я должен стать министром внутренних дел, я и сам не знал. Считал, что партии виднее, и не сомневался, что справлюсь.

В Москве утром 24 октября 1988 года, как и договаривались, пошел к Виктору Михайловичу Чебрикову, секретарю ЦК КПСС. Он рассказал о системе, как сам работал. «Задача номер один, – говорит, – овладеть масштабностью». Посоветовал не спешить высказываться: «Побольше молчи. А главное, не спеши с реорганизацией. Федорчук уволил 88 тысяч человек, многих по доносу. Самое трудное – пресекать сращивание с преступным миром. Здесь поможет КГБ. Система МВД – огромная, громоздкая. Чтобы войти в нее, потребуется не менее двух лет. Милиции сегодня не нужна революция». На том и порешили. Виктор Михайлович, светлой памяти, – мудрый человек.

Поехали в МВД. Встретили по-генеральски. Поднялись на спецлифте министра. Чебриков представил меня членам коллегии и уехал. Спецлифт на следующий день я закрыл. Вот и вся не нужная милиции революция.

У меня был заранее составленный план. Какой-никакой опыт аппаратчика был. Командовать умел. Милицейская работа живая, круглосуточно идет информация, а когда дремать нельзя, постоянно требуется реакция, приказ, вмешательство – втягиваешься быстро.

Помню первую коллегию. Очень резко ее провел. Не принял ни одного документа. Это шокировало генералитет. Они привыкли к более размеренной, спокойной работе. Провал докладчиков на коллегии вызвал широкий резонанс. Мне показалось, что рядовые сотрудники аппарата были довольны. По крайней мере, поддержку я ощущал.

31 октября позвонил Горбачев, поздравил меня с присвоением звания генерал-лейтенанта… «Не мало?» Ну что за вопрос? А если бы сказал – мало? Он не знал, что я готов был работать и штатским министром. И дело не в том, что, как говорил Козьма Прутков, «не всякий генерал от природы полный», и не всякий штатский под стать генеральским

лампасам, получив их как приложение к чину.

В условиях многопартийности и правового государства министр внутренних дел должен быть гражданским чиновником. В тот момент я, конечно, ничего этого Горбачеву не сказал. Он порекомендовал мне проявлять твердость, законность, но «не запрещать без нужды митингов». Хорошо это помню, так как других пожеланий не было. Через пару лет мнение свое в отношении митингов он несколько поменял.

Подходили Октябрьские праздники. Парад. Демонстрация. Усиленный режим службы. Ознакомился с системой мер, которой в случае массовых беспорядков должен был командовать министр. Показалось, много лишнего. Но – береженого Бог бережет, так что все эти воинские засады и резервы я утвердил.

Во время демонстрации находился в помещениях Мавзолея. Там был развернут милицейский и чекистский штаб. Выходил на улицу, где динамики содрогались от избытка верности любимой партии. Все было как всегда: празднично, торжественно, весело. Прошло штатно, без эксцессов, тревоги были напрасны. Потом – День советской милиции. Я первый раз надел форму. Жене понравилось. Доклад, а особенно концерт были не хуже, чем раньше. После этих праздников период психологического становления прошел. Думаю, милиционеры меня приняли.

МВД – своеобразное ведомство. С одной стороны, инерционное, трудно что-то изменить, а с другой – очень чуткое. Что министр скажет, разносится моментально. Сразу ползут слухи. Буквально на второй день поинтересовался заработной платой милиционера. Сказали: в среднем – 206 рублей. «Мало, – говорю. – Шахтеры больше получают, но, правда, шахтеры не меньше и работают». Этого было достаточно, чтобы по всей системе разнеслось: «Министр сказал, что этой зарплаты хватит, шахтеры, мол, больше работают и меньше получают, поэтому повышения не ждите». Об этом позже мне не раз говорили на местах.

Ну не обидно ли? Я-то с первого дня считал своей главнейшей задачей поднять денежное содержание милиционера. Мы с начфинами Г.Ф. Мокроусовым, а потом с В.Л. Соколовым сразу начали над этим работать. И за мою бытность министром увеличили оплату до 500 рублей.

И все равно этого было мало. В материальном отношении милиционер должен быть полностью на содержании государства, и это содержание должно быть очень достойным.

Когда стал детальнее знакомиться, увидел, что четыре с половиной тысячи инструкций, которые были разработаны еще со времен НКВД, страшно устарели. Рыхлая и противоречивая

подзаконная нормативная база. А закона о милиции нет. Но уже в воздухе витает идея правового государства. Реорганизацией аппарата заниматься я не спешил, но очень быстро создал отдел правового обеспечения деятельности МВД. В него пришли молодые, грамотные юристы, которые и сейчас известны в стране. Достаточно назвать В. Сергеева, А. Турбанова… Законотворчество в МВД стало более профессиональным, а главное, активным.

Следуя своим партийным привычкам, опираясь на единоначалие, старался раскрепостить инициативу. Как-то в январе 1989 года случайно узнал, что начальник отдела Павлово-Посадского горисполкома Московской области подполковник милиции А. Леликов нарушает финансовую дисциплину, содержит в счет общей численности нештатного программиста ЭВМ. Вместо того чтобы обязать А. Леликова привести все в соответствие с инструкциями, попросил подготовить приказ, где за «нарушение-инициативу», способствующую улучшению дел, ему объявлялась благодарность и выдавалась премия.

Как только я пришел в МВД, мне на стол положили объемную папку с тесемками, где на последнем листе фамилия Власов была замазана и напечатано – Бакатин. Все готово: подписывай – и решения XIX партконференции об образовании следственного комитета выполнены. 1.

И хотя помню, что на конференции сам за это голосовал, решил разобраться. Оказалось – это ошибка, чистейшей воды ведомственность под флагом бесспорно необходимой процессуальной независимости следствия. В то же время сломать десятилетиями сложившуюся систему было бы полным крахом. В конечном счете, дело ведь не в том, где находится следствие – в милиции ли, прокуратуре, дело в моральных и профессиональных качествах работника, условиях, которые ему созданы, правовых нормах и отношении в обществе к закону и законности. Самостоятельное следствие совсем не гарантирует прекращения нарушений. Скорее наоборот. Надо обеспечить нормальные нагрузки на следователя, вооружить его техникой, дать ему помощников, потому что он больше пишет или печатает, чем расследует дела.

В Москве, конечно, очень легко еще одну контору создать. А что будет внизу, где четыре с половиной тысячи горрайорганов, а на селе всего по два-три следователя на район? Куда их «выделять», когда они вместе с милицией должны заниматься раскрытием преступлений? А собственной инфраструктуры у них не было, нет и, судя по всему, никогда не будет.

Давление, особенно со стороны аппарата ЦК КПСС и «демократической юридической» общественности, было довольно

мощным, но я не уступал и предпочел мнение рядового опера и следователя решению партийной конференции. К тому времени я уже понял, что партия тоже может ошибаться. Следственный комитет отложили на будущее. А вот регулярные встречи с низовыми звеньями были для нового министра очень полезны.

Приглашал участковых, работников уголовного розыска, следователей с разных концов страны. Они рассказывали о своих бедах и проблемах. Тут же готовились приказы, менялись инструкции. Не скажу, что не было ошибок, но приказы писались теми и для тех, кому их выполнять.

Ошибки были. Каждый отстаивал свои интересы. Я не сразу с этим разобрался и попадался на «ведомственную» удочку. Тридцать три главка – это не «тридцать три богатыря». Позже была разработана концепция резкого сокращения количества главков и преобразования МВД в федеральную и муниципальную структуры. Хотели это сделать с января 1991 года, однако мне этого не дали. Может быть, заблуждаюсь, наверное, это хвастовство, но мне казалось, я довольно быстро овладел системой. Двух лет, как говорил В.М. Чебриков, мне для этого не понадобилось. Это, конечно, не означает, что все тонкости и сложности МВД вообще возможно изучить одному человеку. Хотя кто его знает? Просто в условиях «демократии» министров внутренних дел слишком часто снимают.

В конце концов, вопрос не в том, «овладел», «не овладел»… за какое время… Главное для МВД – эффективная работа и открытость министра и министерства перед обществом, перед средствами массовой информации. Открытость может быть только тогда, когда не боишься вопросов, когда знаешь ответы, а раз знаешь, значит, по-своему «овладел». И я в достаточной степени уверенно как министр почувствовал себя только после того, как «открылся» перед журналистами сам и побуждал к этому своих коллег.

То было сложное для страны время. Преступность росла пропорционально углублению кризиса общества и экономики. Гласность открыла эту проблему. Средства массовой информации после многих лет запрета как с цепи сорвались, безмерно эксплуатируя «детективную» тематику, вызывая страх у населения и раздражение в верхних эшелонах власти. Общественность ждала ответа. Власти требовали от министра мер: «пресечь… обуздать… объявить настоящую войну преступности…»

Однако очень скоро мне стало ясно, что аппарату МВД все меньше и меньше времени оставалось для того, чтобы заниматься своим делом – борьбой с уголовной преступностью. Все больше и больше внимания требовали проблемы, которые раньше имели

весьма ограниченный масштаб и которыми занималась не милиция, а главным образом КГБ. Речь идет о нарастающей волне межнациональных конфликтов, политических всплесках «митинговой демократии» и забастовочного движения.

Наконец-то материализовались те «диссиденты», о которых раньше нам в провинции не приходилось слышать. Но КГБ был не в состоянии что-либо сделать. Методы скрытой репрессии уже не годились. «Гласность» и «плюрализм» делали спецслужбы бессильными для борьбы с теми, кто выступал против КПСС, против власти. Милиция же формально не имела права «разрабатывать», допустим, литовских или грузинских националистов. Однако «процесс пошел» и как лавина захлестнул плохо подготовленную к этому правоохранительную систему. Руководство КГБ писало записки в политбюро, прокуратура буквально разрывалась на части, а милиция и внутренние войска стояли на площадях, принимая на себя все плевки, предназначавшиеся КПСС, ибо только она и была настоящей и единственной властью.

Я пришел в МВД в конце 1988 года. Был пик обострения карабахской трагедии, которая кровоточит до сих пор.

Создали комиссию под председательством Николая Ивановича Рыжкова, которая очень много заседала. Чуть ли не ежедневно выходили распоряжения правительства. Усилен контингент внутренних войск. Собраны оперативно-следственные бригады со всей страны. На место выехали несколько сот офицеров из центрального аппарата. Установлен постоянный контроль над ситуацией. Руководители министерства ночами не уходили с работы. Обстановка была очень напряженная. Информация поступала постоянно и требовала немедленного реагирования.

У меня сохранился рабочий календарь за те дни. Эскалация конфликта нарастала по типу маятника. На каждый шаг Еревана – еще более мощный выпад Баку, и наоборот.

В итоге встречные потоки сотен тысяч беженцев, гибель людей. Насилие порождало новое насилие. Кто начал, трудно сказать. Наверняка сумгаитская трагедия была организована. Но беда в том, что интеллигенция, деятели культуры, искусства двух древнейших народов не попытались остановить эскалацию насилия. Стали поддерживать «свой» национализм, свой «народ». Их мощный интеллект и авторитет были использованы в чужой игре.

Правильно упрекали Горбачева в безволии, когда не было дано политической и правовой оценки Сумгаита. Здесь и слабость

нашего законодательства, приспособленного для «дружбы» народов или репрессий по-сталински, низкий профессионализм и плохая координация взаимодействия правоохранительных органов и спецслужб. Безволие и беспринципность, следование на поводу республиканских партийных боссов было проявлено и тогда, когда без суда были освобождены армянские и азербайджанские националистические лидеры, чья деятельность была направлена на разжигание конфликта. Редкий случай, когда госбезопасность сработала четко и оперативно, арестовала подстрекателей и организаторов, был испорчен сговором членов политбюро с генсеком М.С. Горбачевым. Втихую договорились, и неожиданно даже для Министерства внутренних дел арестованные оказались на свободе.

Для кого-то, обманутого пропагандой, присоединение территорий к Армении было целью. Но главные игроки использовали Карабах как повод. Целью была дестабилизация обстановки в стране. Не случайно так активничали в Карабахе сепаратисты всех республик СССР. 1.

Карабах – старая рана, ее стоило только задеть, и оба народа оказались вовлеченными в братоубийственный конфликт. Центральная власть растерялась, а сепаратисты всех национальностей, имевшие далеко идущие планы, активизировались. Политикам всегда наплевать на людей. Им важно одно – под лживыми лозунгами «свободы» создать для себя небольшое царство-государство. Как правило, народ будет жить в нем беднее, чем тогда, когда жили вместе, а воровать власти будет легче. С сепаратистами-политиками надо бороться политическими и правовыми методами. Жестко. Если не понимают – применять силу.

Наши же коммунисты, члены одной «ленинской» партии, фактически стали воевать друг с другом. Это явилось началом конца. Это были уже не коммунисты. Начиналось перерождение коммунизма в национализм, достаточно ярко проявившееся в настоящее время. Тогда это казалось невероятным. Привожу здесь часть стенограммы моего выступления на пленуме ЦК КПСС 20 сентября 1989 года.

Вот сегодня, на этой трибуне, наверное, самой популярной, самой любимой темой была тема расширения суверенитета. Больше прав на места, больше демократизации, больше самостоятельности республик, вплоть до такого трудного и сложного момента, как хозрасчет. Все согласны. Это верно. Но по этой логике, наверное, и конфликт между двумя республиками им же и решать на месте.

Но нет, здесь позиция переворачивается на 180 градусов. Сразу телеграммы в центр: пришлите войска и больше войск, оградите нашу же железную дорогу от нас самих и т. д. Когда же меры начинают приниматься, на местах этим мерам сопротивляются, причем партийные и советские органы бездействуют, а то и прямо потворствуют экстремистам-хулиганам…

…Выход надо искать на путях компромисса, не перекраивая границ, а сделав шаг навстречу друг другу. Если Коммунистическая партия Азербайджана и Коммунистическая партия Армении, их ЦК действительно осуществляют руководящую роль, пользуются авторитетом среди своего народа, надо дать им возможность продемонстрировать интернационализм на деле. Если члены одной и той же партии, идеологией и знаменем которой является интернационализм, не могут договориться между собой, значит, что-то тут не так. И здесь внутренние войска, я глубоко убежден, любые войска вообще не помогут.

…Я думаю, это тяжелый шаг, но надо, наверное, рассмотреть такой вопрос: всю ответственность четко и ясно возложить на руководителей двух республик, и если они просят убрать войска, надо убрать войска, удовлетворить эту просьбу. Тогда не на кого, по крайней мере, будет кивать, и поймут, что никому, кроме них, этих вопросов не решить. Сядут вместе с кем угодно – с неформалами, с народным движением, с какими угодно демократическими образованиями или антидемократическими – за стол переговоров и будут сидеть до тех пор, пока не решат этот вопрос.

Перестройка учит нас называть вещи своими именами.

Мы так и поступаем. К сожалению, мне кажется, не делаем мы это только в межнациональных отношениях. Спору нет, это очень тонкий и деликатный вопрос. И поэтому мы избрали какой-то принцип «сбалансированности».

Но так не бывает. Всегда есть причина, всегда есть следствие у любого явления. Однако как только органы массовой информации, причем весьма робко и только в последнее время, и только некоторые из них, пытаются докопаться до истины, сразу же – реакция, сразу обиды, сразу возбуждение, даже на уровне сидящих в этом зале «интернационалистов» всех до одного, членов Центрального комитета!..

Министр внутренних дел «учит» коммунистов интернационализму. Не странно ли? Нет, не странно. В это время интернационализма в республиканских компартиях уже не было. Его заменили отвратительным национализмом. Так что к азбучным основам марксизма вернуться было бы не грех.

В конце концов, я предложил самым демократическим образом сформировать переговорный процесс: центр присутствует в качестве наблюдателя. Такое решение было принято Верховным Советом, к сожалению, значительно позже, 5 марта 1990 года. Но тогда оно было отвергнуто. Во всяком случае, войска МВД и СА ничего не могли сделать, потому что в принципе в национальных конфликтах не бывает военных решений.

Все равно, долгий выход из тупика начинается только с началом переговоров. Сейчас, слава богу, армяне и азербайджанцы как будто бы начали этот процесс.

Древняя история породила эту проблему. В новейшей истории правящие компартии довели ее до кровопролития. Хорошо, что новая власть поняла бесперспективность насилия. Терпения и только терпения хочется им пожелать. Не надо никаких миротворческих «контингентов». Неужели у двух древнейших народов не хватает мудрости самим найти варианты спокойной добрососедской жизни… Альтернативой этому может быть только насилие. Насилием еще никто межнациональных проблем не решил. И не решит. Только разумом. Если его пока нет, придется подождать. Жаль безвинных жертв безумия.

Итоги здесь далеко еще не подведены.

В январе 1989 года и январе 1990 года я был в Нагорном Карабахе, был в Степанакерте, Шуше. Когда поднимаешься от долин Агдама, природа становится все скупее и суровее. Строгое своеобразие горного края. Я никогда не забуду горящих надеждой черных глаз на прекрасных, как бы ограненных лицах этих измученных войной людей.

Я всегда хотел помочь им помириться, но не смог.

Не забуду и январскую ночь в покинутой азербайджанцами деревне неподалеку от Спитака. Мы с министром внутренних дел Армении Усиком Арутюняном возвращались после инспекции вновь сформированных милицейских подразделений в зоне землетрясения. Фары высветили дорожный указатель: «До населенного пункта… (название было зачеркнуто) – км». На мой вопрос, почему зачеркнуто название, вразумительного ответа я не получил, понял только, что это – разрушенное азербайджанское село. Попросил шофера вернуться. Через несколько минут останавливаемся. Тьма кромешная. Ветер. Лай собак. И один фонарь на столбе раскачивает в темноте свой тусклый свет, скрипит, как железом по стеклу, ничего не проясняя, усиливая ощущение тревоги и одиночества.

Нам повезло. Из темноты возник какой-то человек с палкой и провел нас, как он сказал, в единственный дом, где еще можно жить и где находятся сейчас мужчины, семьи которых покинули

это село и Армению. Главы семей остались, а некоторые вернулись, чтобы получить деньги – компенсацию за ущерб, нанесенный землетрясением.

Мы пошли в этот дом. Не знаю, может быть, там были другие помещения, но все собрались в низенькой маленькой комнате у едва тлеющего очага. Пожилая женщина и, наверное, пятнадцать мужчин, от седых до совсем юных…

Не буду передавать всю логику, ткань нашего разговора, да и не было ее. Была боль людей, дважды переживших ощущение бессилия и ужаса. Ужаса перед человеческой темной слепой ненавистью и перед слепой бессмысленностью сил природы.

Все твердо решили уезжать, бежать. Семьи уже покинули свои дома, многие до землетрясения. Моих собеседников задерживали только волокита и издевательства чиновников. Не выплачивают деньги, не выдают трудовую книжку, не дают расчета, справок… Все это мои спутники – министр и начальник местной милиции – горячо обещали решить завтра же. И решили. Это так. Но вопрос стоял по-другому. «Не уезжайте, – просил я этих людей, – здесь могилы ваших предков. Надо восстанавливать жилища… Придет весна – надо обрабатывать землю».

Вначале они говорили «нет», а потом старший из них сказал: «Хорошо, но кто гарантирует нам нашу безопасность?» Я замолчал, ждал, когда мои армянские коллеги скажут: «Мы, мы гарантируем!», но этого не произошло, разговор ушел в другое русло. Я долго молчал, а потом взорвался… Просил прощения у этих несчастных людей и очень жестко обязал Арутюняна обеспечить их безопасность, хотя ведь это его обязанность и без моих указаний. Они-то давно поняли, что, раз Арутюнян не вызвался это сделать сам, без приказа из Москвы, плохо их дело… Впрочем, они знали это и раньше. Благородные люди пощадили самолюбие московского начальника…

Два дня спустя была у меня и другая встреча, в Кировобаде (теперь – Гяндже). Абсолютно иная по обстановке, но точная копия по содержанию. Армянки, работницы небольшой фабрики, в присутствии азербайджанского начальства говорили о том, как у них хорошо, но потом боль и страх не удалось сдержать, и они рассказали все или почти все. Трудно передать, какому изощренному давлению, издевательству, запугиванию подвергались эти бедные женщины с тем, чтобы заставить их бежать, уехать, продать дом, сдать квартиру… И уже министр внутренних дел Азербайджана под моим нажимом говорил, что примет меры, но отводил глаза в сторону. А местное начальство все оспаривало, обещало разобраться, но я уже не верил, что они что-то сделают. И мне как министру мало на кого можно было

здесь опереться. Всех не уволишь…

Центр не был способен что-либо сделать политическим путем, а тем более военным. В самом деле, не могли же мы силой оружия навалиться на одну из сторон? Конфликт разрастался, принимал самые разнообразные формы.

Объявил голодовку известный журналист, историк и общественный деятель, Зорий Балаян.

Я уезжал в Канаду и попросил передать ему мое письмо, в котором просил «…прекратить это самоистязание. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что наше личное знакомство дает мне право просить Вас об этом, тем более как министр внутренних дел страны не могу не считать себя морально ответственным за все, что происходит вокруг и в связи с проблемами Нагорного Карабаха.

МВД СССР старается не допустить разрастания конфликта и новых жертв ни в чем не повинных людей – армян и азербайджанцев. Не вдаваясь в схему и динамику решения этого сложнейшего вопроса, я не вижу никакого иного пути для начала позитивного процесса, кроме создания любого механизма переговоров…

…Наши личные встречи убедили меня, что Вы исключительно мужественный человек. Не думаю, что Вас когда-либо интересовала слава мученика. Никогда еще самоистязанием и мученичеством национальные споры не решались. Хотя это, может быть, и не так. Вы лучше знаете историю. Но современную историю надо строить на других принципах. Главное – здравый смысл, доброжелательность, терпение, желание и умение понять другую сторону…»

Выдержки из ответа Зория Гайковича я привожу в этой книжке. Это тоже документальное свидетельство того, навсегда ушедшего времени.

…Знаете, Вадим Викторович, обидно, когда приходится чуть ли не объясняться, оправдываясь за, казалось, судьбоносную ориентацию наших и Ваших предков, решивших пойти не на лозунговую дружбу, а на политический союз, который был исторической необходимостью для обоих народов.

Осознавая, что «слава сильного – это свобода для слабого», все же исторической истины ради, хотелось бы напомнить, что все последние триста лет русские цари в каждом армянине видели надежного пограничника в стратегически уязвимом для России регионе.

Что ж, к сожалению, сегодня приходится признаться, что мы имеем другие политические и даже геополитические реалии, а

стало быть, и другую философию, другие взгляды на прошлое, а стало быть, другое восприятие самой философии и самих взглядов наших с Вами предков.

Сегодня и мы, увы, – «новые» люди и задачи, увы, – новые. Будущее – нам судья. Внуки – нам судьи…

Читатель простит меня, если я приведу еще одно мнение. Мнение другой стороны. Аяз Ниязович Муталибов, в то время первый секретарь Компартии Азербайджана, писал:

…В отличие от устного обращения есть определенное достоинство в письменном. Я тешу себя надеждой, что эта записка просуществует ровно столько, сколько необходимо, чтобы сформировать у Вас четкое мнение о текущем моменте. Естественно, что имею в виду момент, влияющий на развитие контактов между Арменией и Азербайджаном. У очень многих, в том числе и у Вас, имеется уверенность в том, что путем переговоров на данном этапе можно снять конфронтацию и смягчить климат отношений между обеими республиками. Хотел бы Вас заверить, что в данном конкретном случае до переговоров, которые, как я понимаю, должны вернуть тот статус-кво между республиками, который реально существовал до событий в НКАО, необходимо кое-что сделать, а именно:

– Разоружить бандформирования (согласитесь, что Национальная армия в Армении была создана для того, чтобы «давить» психологически на Азербайджан в вопросе об НКАО). Никаких переговоров при сложившемся положении быть не может.

– Перестать влезать в дела НКАО. Эта автономная область находится в Азербайджане, а не в Армении. От того, что там живут армяне, ничего не меняется. Этично ли на всех углах и переулках кричать об НКАО, армянах, «борющихся» за «самоопределение», когда в Армении не осталось азербайджанцев. Вы говорите о моем понимании вещей. Но как объяснить народу? Ведь никто не говорит об азербайджанцах, составлявших добрую половину Армении еще в начале века. А сегодня их там нет, а мы говорим об армянах, об их дискриминации, изменении демографии и т. д.

…Твердо уверен в том, что само существование НКАО сегодня больше зависит от Армении, чем от Азербайджана. Если они не поймут этого, то автономия перестанет существовать, поскольку там не останется армян! И никакая, уверяю Вас, армия не спасет положения. Поэтому наши условия таковы: Азербайджан – суверенная республика, НКАО – автономная область в составе Азербайджана, в его экономической и политической структуре. На

территории Азербайджана действуют Конституция Азербайджанской ССР и СССР. И этим все сказано!..

Сказано, конечно, не все. Но что сказано, то сказано.

А мира на этой древней земле так до сих пор и нет. Неужели никогда не будет? Неужели к концу второго тысячелетия мы окончательно потеряли разум?

Бывают неисполнимые желания. Какими бы острыми они ни были, они становятся абсолютно неисполнимыми, когда между ними встает время. Как я никогда не смогу узнать, о чем думал мой дед перед расстрелом в далеком 1937 году, так и не узнаю, что произойдет с Карабахом. Как там будут жить армяне и азербайджанцы через пятьдесят – сто лет? Неужели весь этот националистический идиотизм нашего времени неистребим? Хочется верить, что будущие поколения начала третьего тысячелетия окажутся мудрее нас. Может быть, Бог сумеет их вразумить? Нет. Бог здесь ни при чем. Все дело во властолюбии людей. В политиках.

Не узнать нашему поколению и о том, кто подтолкнул первый камешек, приведший к лавине. Многочисленных измышлений на этот счет хватает, но правду мы получим только тогда, когда придет время открыть архивы спецслужб, без чьих активных мероприятий здесь не обошлось. К сожалению, КГБ, если о чем-то и догадывался, но пресечь это темное дело не смог.

Реальная вспышка национализма, который всегда сопровождается религиозным фанатизмом, в конце XX века кого угодно может ввергнуть либо в пессимизм, либо в агрессию. Но ни Чечня, ни Абхазия, ни, наконец, Югославия ничего не доказывают. Вернее, доказывают лишь то, что этническими чистками, войной, насилием национализм не уничтожить. Он умрет сам, но тогда, когда народы поймут, что Бог один и земля одна и что на земле можно жить только вместе. Что о своем благополучии надо заботиться самим. Политики и религиозные деятели, которые призывают к счастью за счет подавления других народов, – преступники. Народ, который их поддерживает, ослеплен безумием, ущербен. Не надо терять национальной самобытности, но надо жить достойно, уважая соседей, надо быть интернационалистом. Вот здесь о В.И. Ленине стоило бы почаще вспоминать. Он здесь был прав.

Как русский, я люблю Грузию. А трагедия 9 апреля 1989 года внесла в мое отношение к грузинскому народу какую-то странную ноту виноватости без вины.

Комиссия Верховного Совета, которой руководил А.А. Собчак,

прокуратура СССР тщательно разбирались во всех деталях. Формально вина МВД только в том, что были применены нештатные слезоточивые газы. Подполковник А.М. Бакланов, к сожалению, скрыл этот факт, что не имело никакого смысла и лишь способствовало распространению лжи. Есть документы, они опубликованы, с ними можно ознакомиться. Можно и здесь приводить десятки страниц свидетельств, показаний, фактов, но чем можно измерить вину живых перед погибшими?

Я до сих пор не могу до конца понять, почему погибли люди. Что это – случайность, непрофессионализм, провокация, жестокость? Нет одной простой причины, но кому-то надо было, чтобы пролилась кровь. И она пролилась.

7 апреля, когда я был в Красноводске, мне передали, что меня разыскивает первый секретарь ЦК КП Грузии Д.И. Патиашвили. Из здания горкома я переговорил с ним.

Он сказал, что обстановка очень сложная, идет непрерывный митинг на площади, нагнетается антисоветская истерия. Просил послать дополнительно внутренние войска, но сказал, что вопрос уже решен с моим заместителем И.Ф. Шиловым.

8 апреля я вернулся в Москву. Хорошо помню раз говор с министром внутренних дел Грузии Шатой Варламовичем Горгодзе, сообщившим, что принято решение в ночь с субботы на воскресенье очистить площадь от митингующих. Я ему посоветовал этого не делать и просил внушить это руководству республики. Тогда мы не думали о возможных жертвах. Никому и в голову не приходило, что освобождение площади может быть сопряжено с жертвами. Площади освобождались, и не раз и не два. В Баку, например, гораздо большая площадь с гораздо большим количеством людей была освобождена, и ни один человек не пострадал. Замминистра В.П. Трушин профессионально руководил этой операцией.

С некоторых пор для меня самый тревожный, неприятный звук – специфический звонок аппарата ВЧ, тот, который впервые услышал я в кабинете А.Ф. Ештокина. Рано-рано утром в воскресенье, 9 апреля 1989 года, такой звонок разбудил меня. Горгодзе позвонил из Тбилиси, сказал, что погибло двенадцать человек. Женщины. Это было страшное утро.

Самое ужасное чувство для министра внутренних дел – это бессилие. Когда ты понимаешь, что ничего уже сделать не можешь. Все произошло. Где-то просчет. Тебя переиграли. А цена этой отвратительной «игры», которую называют еще «политикой», – жизнь людей, спокойствие страны. Наверное, министр не должен быть излишне эмоционален. Ведь даже на следующее за ночной трагедией утро, как и в ночь трагедии,

милиция должна работать, выполняя свой долг.

После Тбилиси был шок, так как действия МВД, внутренних войск, армии и экстремистских, националистических, сепаратистских сил привели к совершенно бессмысленным жертвам ни в чем не повинных людей. Появилась тема – «синдром Тбилиси». Одни упрекали правоохранительные органы в бездействии, другие, наоборот, говорили, что милиция превышает определенные законом полномочия. Непосредственные исполнители попадают в дурацкое положение. Кто-то дает команду, команда осуществляется, потом начинается осуждение… Верховный Совет СССР создает комиссии. Власть отмежевывается от случившегося. Горбачев говорил, что ничего не знал[7]. Я знал, что площадь от митингующих решили очистить. Но трагизма ситуации это не меняло.

Тбилисская трагедия усилила паралич и без того растерявшихся кадров милиции, не привыкших к мощной критике со всех сторон. При росте преступности задержания, аресты, применение оружия резко снизились. Я старался изменить эту ненормальную тенденцию, постоянно, настойчиво доводя до личного состава простые истины. Есть закон – действуй в соответствии с законом. Полагается задерживать – задерживай, полагается арестовывать – арестовывай, есть необходимость в соответствии с законом применять оружие – применяй…

Если бы наша задача состояла только в том, чтобы не нарушать закон, то она легко решалась бы «ничегонеделанием». Но задача иная – обезвреживать преступника, передавать суду, не нарушая закона. Если закон не нарушен (а при применении оружия в 98 случаях из ста он не нарушался), вышестоящий начальник обязан отстоять подчиненного от любых нападок и попыток дискредитации, от кого бы они ни исходили. Не можешь это сделать сам – обратись к министру. Мы сломали этот страх, и уже в 1990 году ситуация резко изменилась. В три раза больше стали применять оружие, на 40 процентов возросли задержания и аресты.

Другое дело, что милиция осталась прежней, она не изменилась ни технически, ни в правовом, ни в кадровом отношении, методики остались старыми. Милиция не смогла подтянуться к качественно изменившейся преступности. Она улучшила свою работу благодаря росту нервных, психологических, физических нагрузок на личный состав. Но это уже предел.

После апреля 1989 года Грузия продолжала оставаться постоянно «горячей точкой». В июле 1989 года – столкновения в Абхазии, беспорядки в Зугдиди. Захват оружия. Совет

Национальностей направил в Сухуми специальную комиссию, пытался успокоить враждующие стороны, однако это не удалось. Тот, кто хочет эскалации напряженности, всегда найдет повод. Нужен филиал грузинского университета в Сухуми, не нужен филиал университета – разве для нормальных людей этот вопрос стоит жизни хотя бы одного человека? В ночь на 16 июля, использовав эту «проблему» как повод, в Сухуми были организованы массовые беспорядки. Интересы грузинских и абхазских сепаратистов здесь совпали, хотя цели были различны. Одни думали о выходе из Грузии. Грузинские «политики» звиадистского толка надеялись доделать то, что не удалось после 9 апреля – уходить из СССР. В результате беспорядки охватили почти всю Абхазию и Западную Грузию. Погибли десятки людей, сотни были ранены. В Зугдиди из следственного изолятора выпустили сто восемьдесят подследственных. Органы МВД практически разделились по национальному признаку и не оказывали почти никакого сопротивления, когда беснующиеся толпы захватывали объекты, где имелось оружие. За короткое время в руках у экстремистов оказалось 4500 стволов (правда, 4300 из них – охотничьи ружья). Железнодорожное и автомобильное сообщение было парализовано группой Звиада Гамсахурдия. После встречи бунтовщиков с первым секретарем ЦК КП Грузии Г.Г. Гумбаридзе в ответ на призывы к разуму экстремисты вообще разобрали железнодорожные пути.

Это был крупномасштабный бунт, если еще не гражданская война, которая на этой прекрасной земле, к сожалению, разразится позднее и надолго, из-за ограниченности и тупости политиков, отбросит Абхазию назад, принеся огромные страдания ее трудолюбивому народу и изгнанным из своих домов, ни в чем не повинным грузинам. А какое огромное количество отпускников в самый разгар курортного сезона застряло в жаре без воды в раскаленных поездах, скопилось в аэропортах. Они-то за что страдали? За кого? За Ардзинбу? За Звиада Гамсахурдия? Или еще за кого-то?

Мне пришлось не ждать решений Верховного Совета и самому принимать решения. Направил, по согласованию как с руководством Грузии, так и Абхазии, в зону конфликта около четырех тысяч солдат внутренних войск во главе с командующим, генерал-полковником Ю.В. Шаталиным. Войскам была поставлена задача – сдерживать насилие, способствовать работе республиканских органов по разрешению конфликта.

Докладывая об этом депутатам, я еще раз обратил внимание на необходимость строгого соблюдения принципа, когда «… республика сама обязана поддерживать порядок на своей

территории. Когда своих сил не хватает, помогает центр. Вместе с тем я уже докладывал Верховному Совету и остаюсь убежденным в том, что насилию нельзя уступать. Демократия – не произвол. *Верховенство закона должно быть обеспечено, если потребуется, и силой. Силой, опирающейся на Закон.* Но вся трагедия в том, что у нас нет таких законов. А те, которые есть, не работают с всеобщего «демократического согласия».

Срочно нужен Закон о режиме чрезвычайного положения и полномочиях сил правопорядка. В противном случае разгул произвола и беззакония не сдержать.

И все-таки, хотя на этот раз события были достаточно драматичны, удалось избежать больших человеческих жертв.

Я здесь вижу личную заслугу ныне покойного Юрия Васильевича Шаталина, в то время командующего внутренними войсками. Это смелый человек. В Очамчире на вертолете спускался на мост между двумя сторонами, ведущими перестрелку, вставал между ними, требовал прекратить огонь и добивался успеха.

Нам нередко говорили: «Вы опоздали». Но страна не могла держать внутренние войска во всех «горячих точках». Войска оперативного назначения могут быть переброшены куда угодно за 12 часов, но чтобы они повсеместно дежурили – это невозможно. Есть власть, есть политики, есть подстрекатели, есть местная милиция. Они всегда на месте. Им некуда опаздывать. К сожалению, местная милиция (не только в Грузии) оказалась заражена национализмом и практически была малоэффективна при пресечении межнациональных конфликтов. Это была беда, с которой еще можно было бы справиться, если бы национализм не парализовал главную силу – КПСС.

С осени 1990 года начали разыгрывать юго-осетинскую карту. Противопоставили сепаратизму и национализму грузинских лидеров приверженность осетинского народа целостности Союза. При активнейшей помощи бывшего первого секретаря КП Грузии Гиви Гумбаридзе тогда удалось избежать кровопролития.

Вообще в то время, когда я был министром, из партийного руководства всех республик выделил бы грузин как наиболее самостоятельных, стремившихся решать конфликты без вмешательства центра, без насилия, путем диалога внутри республики. И пожалуй, в большей степени, чем другим, им это удавалось, кроме одного досадного исключения. К сожалению, в последующие годы именно Грузия давала и продолжает давать примеры кровавых как межнациональных, так и, пожалуй, в большей степени – политических распрей. Но драматизировать ситуацию в Грузии не следует. России не надо разыгрывать карту

сепаратизма, вести двойную игру, рвать вековые связи. Испортить отношения между Россией и Грузией в принципе невозможно. И будущие поколения это докажут.

Фергана – красивое слово, от которого с некоторых пор меня бросает в дрожь. Фергана – это Средняя Азия. Насилие страшно везде, но здесь по-особому. В то время именно здесь мы ощущали особую сложность в анализе политической, социальной, религиозной, психологической обстановки. «Восток – дело тонкое». Здесь все переплелось. Тысячелетние традиции и ультрасовременность, нищета и сверхбогатство, безработица и невероятное трудолюбие, пустыни и перенаселение, древняя культура и антисанитария с экологическими катастрофами, уважение к старшим и религиозный фанатизм…

Организаторы ферганских погромов и жестокого изгнания турок-месхетинцев приурочили свое грязное дело к открытию I съезда народных депутатов. Фергана и все последующие межнациональные конфликты происходили уже на ином политическом фоне – свободно избранных съезда Советов, Верховного Совета Союза, республиканских органов. Но потребовалось более двух лет для того, чтобы, пройдя через трагический опыт вспышек провокационного, демонстративного насилия, в значительной степени отражающих последствия большевистского решения национального вопроса, «демократам-законодателям» удалось если не овладеть ситуацией, то по крайней мере снизить масштабы кровопролития. Хотя организаторов и вдохновителей спецслужбы, правоохранительные органы и политики так и не осмелились определять.

Последующие события подтвердили, что среди республиканских национальных элит было немало борцов против Кремля. Политический центр не мог этого не понимать, но боялся решительных действий, безвольно заигрывал с республиками, ограничивался косметическими кадровыми перестановками да округлыми постановлениями.

А советская правоохранительная система по определению не могла выйти за рамки партийной политики. Закон, партия, государство были слиты и перемешаны в одной «бочке».

На самолете МВД с командующим ВВ Ю. Шаталиным и тогда еще первым секретарем ЦК КП Узбекистана Р. Нишановым прямо с заседания съезда мы полетели в Фергану. Когда ночью самолет заходил на посадку, увидели панораму пожаров. Тлеющие угли… Сотни догорающих домов… Это было изгнание турок-месхетинцев, бессмысленная, жестокая расправа. На аэродроме «баня» среднеазиатской жары. Треск цикад и рев моторов. Каждые

полчаса приземлялся самолет с внутренними войсками. Дома еще не успели догореть, как мы прилетели, но… Мы опять опоздали. Прилететь можно было и тогда, когда не зажгли еще первую спичку, но надо, чтобы этого хотела местная власть.

В 3 часа ночи поехал в областное управление внутренних дел. Начальника управления нашли только на следующий день. Прятался и… врал. Пришлось тут же снять его с работы.

С Р. Нишановым по городу и области мы ездили на автобусе. Помню, на въезде в город останавливает нас группа милиционеров: «Нельзя ехать. Там бандиты!» Все-таки поехали. «Бандитами» оказалась группа подростков с завязанными черными тряпками физиономиями и палками. Увидев солдат, мальчишки сразу разбежались.

Очень не понравилось мне, как местное руководство использовало внутренние войска. Ставили их вокруг райкома, и на этом дело кончалось. Вскоре Шаталин навел порядок. Ситуация быстро была взята под контроль. Не одобрял я действий тогдашнего предсовмина Узбекистана, который без всякой нужды продолжал и продолжал свозить турок-месхетинцев в спецлагеря. Под видом «спасения людей» доделывалось то, что не успели сделать погромщики. Всячески саботировалось начало восстановления разрушенных домов. Для чего же тогда мы ввели войска?

Вместе с председателем Совмина, областным начальством поехал на территорию воинской части под Ферганой, где был устроен подобный лагерь. Большего безобразия в жизни мне еще не приходилось видеть! Люди, многие из которых были ранены, старики, женщины, дети размещены в абсолютно нечеловеческих условиях. Страшная жарища, живут в палатках, готовят еду на кострах. Сколько чисто бытовых вопросов пришлось решать. Кормить из походных кухонь, организовывать медицинское обслуживание, подвозку воды, хлеба. Было стыдно за нашу советскую власть.

Тут же собрался стихийный митинг. Несколько тысяч оскорбленных, униженных людей недоумевали: «За что новое надругательство?» Требовали от меня одного – не возвращать в дома, откуда их только что выгнали, а вернуть их на родину, откуда они были депортированы «отцом народов». Я не мог им этого гарантировать. Но обещал обязательно съездить в Грузию и попытаться уговорить руководство республики способствовать этому непростому процессу.

Я сделал это. Помню осенние краски Южной Грузии, следы былой жизни, былых поселений, террасных садов. Очень старая женщина в черном одеянии медленно идет в гору. Несет яблоки.

Около нас останавливается, что-то говорит, угощает желтыми ароматными яблоками. Прежнее, коммунистическое правительство Грузии с большим пониманием относилось к проблеме возвращения турок в Месхетию. Но активисты из неформальных обществ устроили мне «стихийный» митинг, массовое «волеизъявление» местного населения. Стыдно стало за них, не похожих на грузин, но я понял: не позволят вернуться этому несчастному народу. Нынешнее грузинское правительство, как мне кажется, занимает здесь еще более жесткую националистическую и отнюдь не гуманную позицию.

Позже я сопровождал в Фергану Н.И. Рыжкова. Были мы и в том же лагере. Две женщины взяли Николая Ивановича под руки и повели. Объяснили, что по их обычаю это значит, что гость в безопасности, его никто не тронет. Предусмотрительность была не лишней. В то время у членов политбюро охранников было много меньше, чем сейчас у какого-нибудь банкира. Был и «митинг». Под впечатлением безысходного положения этих людей и под влиянием узбекских лидеров Н.И. Рыжков принял ошибочное, как я считаю, решение расселить турок-месхетинцев в ряде областей Нечерноземья. Ничего из этого не могло получиться и не получилось.

После Ферганы, Коканда Средняя Азия много раз давала знать о себе. Под видимым благополучием насаждавшейся многие десятилетия лжи о «братстве», о решенном национальном вопросе скрываются мощные пружины проблем, противоречий и потенциальных конфликтов. Ни одного из них советской власти решить не удалось. Не удалось изжить байство и клановость. В конце перестройки пришли новые люди – Назарбаев, Каримов, Акаев, но и они ничего не смогли сделать. И как была безраздельной в советское время в Средней Азии власть КПСС, вкупе с властью «денежных мешков», так все и осталось, только… без КПСС! А проблемы земли, воды, экологии, безработицы, жилья, нищенства никуда не исчезли. Тем не менее больших беспорядков, за исключением трагедии Таджикистана, удается избежать. В наше время Средняя Азия вспыхивала чуть ли не ежемесячно.

Были беспорядки и жертвы стычек на межнациональной почве в городе Новый Узень Казахской ССР, в городе Исфара Таджикистана. 12–20 февраля 1990 года массовые беспорядки, погромы, поджоги, попытка захвата власти в городе Душанбе. В феврале – марте 1990 года уже лично И.А. Каримову пришлось гасить новую вспышку насилия между узбеками и турками-месхетинцами в ряде районов Ташкентской области. Почти месяц продолжались особенно жестокие бесчинства и насилие в городах

Ош, Узген, частично Фрунзе Киргизской ССР.

Прокуратура, которая вела расследование этих дел, сталкивалась с колоссальными трудностями. Командированные следователи местных обычаев, языка не знали. Преступные кланы запугивали свидетелей. Власти, которые по большому счету в той или иной степени, той или иной «группой товарищей» причастны к бесчинствам, следствию только мешали. Бессилие центральной власти нарастало…

7 июля 1990 года я отчитывался в Совете Национальностей:

«…В эти дни из-за бюрократического равнодушия к социальной неустроенности людей, высокомерного пренебрежения к национальным чувствам лиц так называемой «некоренной национальности» со стороны властей Ошской области пролилась кровь многих, в том числе и ни в чем не повинных узбеков, киргизов, русских. Конфликт разрастается, и масштабы его могут быть непредсказуемы. Опять местные власти требуют, чтобы центр принял меры, ввел войска. Опять подлецы и подстрекатели, истинные виновники, начинают «раскручивать заезженную пластинку», обвиняя центральные власти в том, что они опоздали.

Так больше продолжаться не может. Межнациональная напряженность и даже дикий пещерный национализм не могут измеряться в часах подлетного времени самолетов с войсками. Войска МВД и Советской армии разрываются, гася то одну, то другую вспышки вандализма. Но войска не могут устранить причин, не смогут предотвратить межнациональную вражду, масштабы и география которой все более и более разрастаются.

Не мне давать вам советы, уважаемые товарищи депутаты. Но может быть, вы поверите министру внутренних дел. Вам, депутатам Совета Национальностей, представляющим все народы Советского Союза, надо немедленно проявить инициативу – организовать встречу авторитетнейших людей всех союзных республик для совместного решения по крайней мере двух вопросов:

1) подписания декларации о том, что каждая республика сама гарантирует все права всем гражданам любой национальности, а тем более представителям национальных меньшинств на своей территории. Честно прописать, как гарантирует и какие санкции будут приниматься Союзом;

2) определения порядка подготовки, содержания и календарных сроков разработки, согласования и подписания обновленного Союзного договора.

Дальнейшее затягивание этих вопросов больше недопустимо! Люди устали, и в войсках – тоже люди. Извините».

Этот довольно невежливый призыв не был услышан. Все шло по-старому. Власти бездействовали и потворствовали экстремистам «своей» национальности, стремясь таким образом развалить Союз. Все случаи были разные по причинам, сценариям. Одно было общим у всех – *везде после насилия* местные республиканские органы вводили режим чрезвычайного положения и обращались в центр с просьбой послать войска. Но был один случай, когда такого решения Верховный Совет республики не принимал. Это было в Азербайджане.

Начало нового витка обострения было связано с реакцией на постановление ВС СССР от 28 ноября 1989 года «О мерах по нормализации обстановки в Нагорно-Карабахской автономной области». Обе республики не пожелали им воспользоваться. Мало того, в пику этому постановлению сессия Верховного Совета Армении 01.12.1989 в нарушение Конституции СССР приняла постановление «О воссоединении Армянской ССР и ИКАО». Это была неприкрытая провокация. Провокация власти! И никто за это не ответил. В жертву приносились армяне, проживавшие в Азербайджане. Ответ не заставил себя долго ждать.

Лидерами экстремистских общественно-политических организаций Азербайджана были организованы массовые акции, в том числе сопровождающиеся насилием, блокадой. Действовали группы террористов, забрасываемых и с территории Армении. 29 декабря после освобождения силами МВД от хулиганов автофургонов «Совтрансавто» массовые беспорядки прокатились по Джалалабадскому району. Не прекращались бесчинства на границе с Ираном, где сносились пограничные столбы и защитные сооружения. 2 января в НКАО армянские боевики напали на колонну автобусов с азербайджанцами. Пятнадцать человек было ранено, один – убит. Сразу после этого в Азербайджане Народным фронтом были организованы массовые беспорядки.

Всего в обеих республиках за 1988–1989 годы погибло 200 человек (в том числе 99 азербайджанцев, 74 армянина, 27 лиц иных национальностей), ранено было 3600 человек.

Принятое 10 января постановление Президиума Верховного Совета СССР о несоответствии Конституции СССР актов обеих республик по НКАО воздействия на ситуацию уже не оказало и в обеих республиках замалчивалось руководством.

11 января в Ленкорани экстремисты захватили власть. Самозванцы своим решением «приостанавливают» деятельность Советов и партийных комитетов «до справедливого решения карабахского вопроса». В Джалалабаде – бесчинства. Руководство

республики, утратившее всякую возможность влиять на ситуацию, оценки этому не дает. География беспорядков расширялась и охватила 28 городов и районов Азербайджана.

Партийные, советские, правоохранительные органы заигрывали с экстремистами. Все это происходило в условиях автомобильной и железнодорожной блокады Армении и НКАО, актов диверсий, саботажа, забастовок, захватов заложников и вооружения. Оружие захватывалось по негласному указанию республиканских чинов при попустительстве министров внутренних дел. Фактически в обеих республиках шла подготовка к вооруженной борьбе. Формировали группы Армянской национальной армии.

12 января произошли вооруженные нападения на армянские села Ханларского и Шаумяновского районов. В Баку прошли антиармянские шествия, в городах и районах звучали требования увольнения с работы и выдворения армян, захвата их квартир. Взрывоопасный потенциал несли более 170 тысяч человек, азербайджанцев, жестоко изгнанных из Армении.

После обращения правительства Азербайджана 12 января в Баку была направлена пятитысячная группировка внутренних войск. Просьба МВД о введении чрезвычайного положения принята не была. 13 января, после стопятидесятитысячного митинга, группы агрессивно настроенных лиц и преступных элементов направились в различные районы Баку, учиняя беспорядки, убийства, избиения, погромы жилищ армян. Погибло 56 человек, и 156 человек получили телесные повреждения. В основном это были лица армянской национальности. Разгромлено 587 квартир.

Внутренние войска блокировались живыми заслонами из женщин и детей. Некоторые подразделения по трое суток пробивались от аэродрома до города. Им всячески мешал Народный фронт, а власти не помогали. Столкновения и нападения, захваты оружия распространились на многие другие города и районы Азербайджана. Зараженная национализмом милиция крайне слабо пресекала бесчинства и погромы. За эти дни задержан всего 41 преступник. Вывезено и спасено в служебных помещениях около 2 тысяч армян. 20 тысячам оказана помощь в эвакуации. Но это была не столько помощь, сколько самый настоящий позор. Часть местных работников милиции действовала пассивно, а некоторые проявили трусость и предали интересы службы.

В Армении продолжали осуществлять нападения на воинские части и склады, горрайорганы, объекты ДОСААФ. Захвачено более 6 тысяч единиц огнестрельного оружия. Все шло к

масштабной войне двух советских республик. По сути, война уже велась.

В эти дни я как министр каждый день требовал введения чрезвычайного положения в Баку. Внутренние войска, направленные в этот город, не имели правовой базы.

Но решение откладывалось. До сих пор не знаю почему. Нерешительность М.С. Горбачева и А.И. Лукьянова поражала. Кто на них влиял? Может быть, у них были какие-то более высокие мотивы. Может быть, они чего-то боялись. Поскольку собирались мы в тесной комнате за сценой, я видел близко их глаза. Страха в них не было. Была какая-то блудливость. Лукьянов все время отводил глаза, когда встречался взглядом со мной. Я думаю, какие-то круги могли его шантажировать. Положение было архискверным, но мы с Язовым не отставали. 15 января указом Президиума Верховного Совета СССР введено чрезвычайное положение на территории НКАО и в некоторых других районах. Властям республики рекомендовано ввести комендантский час в Баку. Однако рекомендации не возымели действия. События развивались в сторону достижения главной цели тех, кто представлял Народный фронт, или тех, кто скрывался за ним, – захватить власть.

18 января в Баку были заблокированы завалами и техникой въезды в город, введено патрулирование отрядами боевиков. Народный фронт оказался решительнее Советов и ввел комендантский час. Забастовка парализовала транспорт и большинство предприятий. Шли непрерывные митинги с призывами брать власть, расправляться с коммунистами. Сегодня этот парадокс трудно понять. Националист-антикоммунист ненавидит националиста-коммуниста. 19 января после многотысячного митинга перед зданием ЦК КП Азербайджана была предпринята попытка штурма здания. Фактически – переворот свершился.

Без разрешения Народного фронта ни один министр ничего сделать не мог. Законная власть ни на что не влияла, не хотела. В целом ряде районов партийные, советские, правоохранительные органы были либо отстранены, либо сомкнулись с экстремистами. Руководство Азербайджана, пораженное национализмом, не могло выступать против экстремистских сил и поэтому делало вид, что оно не желает введения чрезвычайного положения в Баку. В то же время конституционная власть была бессильна и не могла предпринимать каких-нибудь мер для восстановления порядка. Она уже не была властью. Ее загнали в комендантский час.

Все эти дни в Москве каждый день заседала кризисная

группа, где участвовали министр обороны, министр внутренних дел, председатель КГБ, А.И. Лукьянов. Утром 19 января нас собрали в комнате президиума в Большом Кремлевском дворце. Там шло какое-то всесоюзное совещание. Меня, Язова, Крючкова попросили доложить членам политбюро о ситуации. Дмитрий Тимофеевич разложил карту. Доложили, что наращиваем силы, что погромы армян прекращены, что будем стараться предотвратить незаконный захват власти. Мы уже собрались уходить, как вдруг раздался телефонный звонок. Нас с Язовым вернули.

Михаил Сергеевич сообщил, что в Баку совершено нападение на ЦК, захватывают власть, перегорожены все улицы, Народный фронт объявил комендантский час. Надо срочно лететь туда. Я сказал, что войскам там нечего делать, если не будет правовой основы, если опять (в который уж раз!) в Баку не будет введено чрезвычайное положение. Лукьянов сказал: «Хорошо, летите, будет решение о введении чрезвычайного положения».

И мы с Язовым полетели в Баку. Потом на вертолете облетели город. Улицы забаррикадированы груженными машинами, троллейбусами, толпы людей… Язов собрал командиров, попросил их доложить обстановку:

– Где находишься?

– Нахожусь на аэродроме.

– Сколько времени?

– Трое суток. Все полностью блокированы.

Перед армейскими частями и внутренними войсками стояла задача – овладеть положением, обеспечить безопасность населения любой национальности и контроль за обстановкой. В городе оказались блокированными 3,6 тысячи военнослужащих СА и около 12 тысяч ВВ. На подступах было 6,4 тысячи сил СА, которым предстояло войти в Баку.

План с разбивкой города на комендантские участки был разработан. Решение Верховного Совета СССР о введении в Баку чрезвычайного положения получено. Комендантом я назначил начальника штаба внутренних войск генерала В. Дубиняка, разумного, спокойного, опытного человека. Подразделениям была поставлена задача – к трем часам утра 20 января занять комендантские участки.

При входе в город частям было оказано ожесточенное сопротивление с применением огнестрельного оружия. В ходе преодоления преград и сопротивления мятежников погибли 7 военнослужащих, 51 человек был ранен. Войска были вынуждены применить оружие. 19 и 20 января погибло 69 граждан. Общее число погибших в Баку с 20 января по 19 февраля составило 142

человека, раненых – 498, в том числе из союзных сил охраны порядка убито 35 человек, ранен 101.

Что мешало Верховному Совету, правительству Азербайджана самим, при помощи республиканской прокуратуры, КГБ, МВД, если надо – внутренних войск, с опорой на поддержку людей, самим навести порядок в собственном доме? Никто и ничто, кроме полного отсутствия авторитета, безволия, капитулянтства и страха, а может быть, и тайного желания попробовать «самостийности», избавиться от Москвы, от «убийцы» Горбачева, как писали на всех заборах. Об убитых и растерзанных семьях армян никто не вспоминал, зато поразительным образом находились все новые и новые жертвы среди азербайджанцев: стариков, женщин, детей. Как только войска подавили бесчинства и вернули местной власти власть, она, оправившись от испуга, во всем, что произошло, начала винить центр, Москву. Это была циничная ложь.

Положение постепенно удалось стабилизировать. Но трагизм ситуации был очевиден. Центральные власти и мы, как исполнители воли Верховного Совета СССР, оказались в странном положении.

Республиканские советские и партийные органы фактически ничем не управляли. Первый секретарь ЦК КП Азербайджана А. Визиров уехал в ту же ночь, как установили режим чрезвычайного положения. После этого все государственные структуры Азербайджана, начиная с Верховного Совета, осудили Указ ВС СССР от 19.01.1990 и потребовали его отмены. Конечно, это была игра, это была ложь: «Мы против войск и чрезвычайного положения!» На самом деле после того, как произошла стабилизация обстановки, я как министр неоднократно обращался в Баку с предложениями снять комендантский час и чрезвычайный режим и неизменно получал отказ. Но тогда, в январе, когда страсти кипели, все делали вид, что они «против» ввода войск. Все: и республиканское управление КГБ, и прокуратура, и министерства – все приняли гневные резолюции, осуждающие введение режима чрезвычайного положения. По их мнению, в Баку было «все в порядке». Вот оно где, «двоевластие», раздвоение союзных и республиканских спецслужб и министерств.

Как-то в один из первых дней, утром, мне сообщили, что аппарат Министерства внутренних дел республики собрался во дворе на митинг с целью принять решение, осуждающее ввод войск. Срочно выехал в министерство. Шум, гам. Все кричат. Подошел к одному из наиболее активных: «Здравствуйте!» Он в

ответ: «Я вам руки не подам, в крови ваши руки». Я говорю: «Вы можете не подавать мне руки, но, пока я министр, приказываю: прекратить галдеж! Чего здесь собрались?»

Народ в МВД все-таки дисциплинированный. Сразу поняли. Начали объяснять. Я сказал, что в митингах участвовать не собираюсь: «Если у вас есть какое-то помещение, соберитесь! Я готов прийти и спокойно разобраться, ответить на все ваши вопросы». Нашлись разумные люди. Собрались в красном уголке, набились в него, что называется, битком, человек четыреста, не меньше. Спокойного разговора, конечно, не получилось. Часа два я их убеждал, охрип. Говорю: «Не переживу позора, если работники МВД поддержат беззаконие. Вы что, забыли, как резали армян, как сорок шесть человек выбросили на ваших глазах из окон квартир? Это – на вашей совести! А теперь, когда из-за вашей бездеятельности ввели войска, вы зашумели. Вы клятву давали, присягу принимали».

Мне там тоже досталось. И за позицию центра по Карабаху, и по другим вопросам. Но коллектив МВД Азербайджана не поддержал ни КГБ, ни прокуратуру республики и не стал конъюнктурщиком от политики. Они мне поверили, что нельзя принимать такое решение. Я потом со многими из них встречался. С руководителями главков, райотделов. Анализировали конкретно все вопросы. Попросил и министра МВД Азербайджана разобраться: тех, кто предал, – поувольнять; тех, кто честно выполнял свои обязанности, – отметить, поощрить. Там я лучше узнал В.П. Баранникова, который позже стал министром МВД России. Он был тогда первым заместителем у Мамедова. Произвел хорошее впечатление. Мужественный человек. Жаль его. Рано ушел из жизни.

Л.А. Воронин, А.Н. Гиренко, Е.М. Примаков и мы с Д.Т. Язовым, опираясь на активно работающих депутатов Союзного парламента от Азербайджана – Т.К. Исмаилова, Л.В. Барышеву, С.М. Вазирову, А.Д. Меликова, В.П. Поляничко, здраво настроенных людей из самых различных слоев бакинцев, старались стимулировать стабилизацию обстановки по трем направлениям:

– политические меры, включающие информацию населения, опору на ислам, реанимацию партийных и советских органов;

– меры правового и военного характера. Отлаживание комендантской службы. Изъятие оружия. Координация следственных органов, активизация КГБ, МВД, прокуратуры;

– восстановление экономики. Прекращение забастовок, блокады транспорта и связи. Налаживание торговли хлебом, санитарной очистки города и т. д.

За это время я хорошо узнал Дмитрия Тимофеевича Язова. Две недели провели вместе, расставаясь, по сути, только на время короткого сна. Большая часть прессы была необъективна к нему. Это исключительно высокопрофессиональный военный. Сверхработоспособный, дисциплинированный и внутренне организованный, человек широкой эрудиции, энциклопедического знания истории. Любит и прекрасно знает поэзию А.С. Пушкина. Как политик он, конечно, был консервативен, но это право каждого, во что верить.

Мы много летали по республике. Каждый день поддерживали связь с Горбачевым. В конце концов не по своей воле и не по воле министров войска вошли в Баку. Выполнено решение ВС СССР по пресечению бунта против власти и насилия, против людей.

Азербайджанскому народу трудно пережить боль этой трагедии. Эту боль трудно пережить и родственникам тех армян, в большинстве своем престарелых, которые погибли в Баку в январе. И я знаю, что эту боль не пережить матерям и отцам тех солдат, которые погибли в Баку, в Азербайджане и все еще продолжают погибать в зонах межнациональных конфликтов, никому не желая зла…

14 января 1990 года при выполнении служебно-боевой задачи в районе села Азах Ханларского района Азербайджанской ССР были убиты военнослужащие войсковой части 5477 капитан С.Н. Осетров, ефрейтор А.Н. Мороз, рядовые А.В. Прижимкин и В.Л. Федотов. Я несколько раз встречался с родителями этих ребят. Как министр я готов был сделать для них все. Но им ничего не было нужно. Они, как и матери погибших армян и азербайджанцев, не хотят верить, что сыновья погибли, а главное – зачем, во имя чего? Какой «свободы»? Избавились от партийных «баев и ханов», чтобы пришли другие набитые «денежные мешки»? Так в итоге и получилось. Можно было догадываться, что так и получится…

Ни МВД СССР, в пожарном порядке гасившее разжигаемые межнациональные и социальные конфликты, ни КГБ, трудно сказать, чем занимавшееся, ни законодатели Союза ничего не смогли сделать. Внутренние пороки системы, склонной к национализму, да еще поддерживаемые всякими демократами извне, оказались нам не по зубам. Надо было не пожарными работать, а подумать о серьезных реформах тогда, когда еще оставались политические механизмы для их реализации, когда еще можно было получить доверие людей.

Но было то, что было…

Глава 8
Преступность

Судья, который не способен карать, становится в конце концов сообщником преступника.

И.В. Гёте

В советское время преступность, как и многое другое, была закрытой темой. Она считалась «рудиментом социальных антагонизмов эксплуататорских обществ» и, согласно официальной партийной доктрине, была обязана отмирать по мере «совершенствования развитого социализма». Но отмирания не происходило. А раз так – гриф «секретно» и ложь. Бывшему директору Института государства и права Чикваидзе принадлежат такие слова: «Если есть такой участок, где больше всего было обмана и лжи, то это – вопрос борьбы с преступностью…»

Когда я в МВД начал знакомиться с делами, мне дали справку. «Секретно. Экз. № 1. О состоянии преступности в СССР:

Анализ статистических данных за последние 30 лет свидетельствует об устойчивой тенденции роста зарегистрированных преступлений. За этот период их количество увеличилось с 713,8 тысячи (1956 год) до 2085 тысяч (1985 год), или в 2,9 раза. Уровень преступности в расчете на 100 тысяч населения возрос за тридцатилетие в 2,1 раза (с 354 до 755 преступлений)».

Преступность росла темпом семь процентов в год. Если сопоставить это с темпами урбанизации, развития производства и распределения, темпы вполне соответствующие, далеко не катастрофические. Но тем не менее и они, весьма недостоверные, приглаженные, тщательно скрывались. Это, конечно, не самое страшное и даже не преступление, а общий для нашей системы порядок. Ситуация очень знакомая. Истинное положение дел скрывалось не от заграницы, а от советского народа, который, по партийным лозунгам, и должен быть главным борцом с преступностью.

Я тоже считал, что без поддержки общества милиция не справится. Но играть нужно честно. И сразу предложил М.С. Горбачеву рассекретить статистику. Он согласился, однако посчитал нужным оставить в тайне число заключенных и расстрельных приговоров. Позже и здесь запрет сняли.

Никогда не был удовлетворен степенью достоверности милицейской, прокурорской и судебной отчетности. Нестыковки и манипулирование продолжались и в годы перестройки, в годы «реформ». Но общая тенденция абсолютно очевидна. Снятие тоталитарного пресса, попытка реформирования системы, экономики, общества вызвали бурный всплеск преступности в наиболее опасных, новых, незнакомых социализму формах. Обвинять в этом реформаторов не следует. Это вполне типичное явление. Давно известно: развитие не порождает преступности. Но непропорциональное, нескоординированное, хаотическое «развитие» без сильной власти, без превентивных мер против побочных эффектов и резкого социального расслоения – прекрасная среда для роста преступности.

Конечно, сегодня по большому счету милиции нет смысла прятать преступления. Это происходит, но уже далеко не по идеологическим мотивам. Сравнивать статистику преступности «при социализме» с «демократаческой» можно лишь с учетом многих оговорок. Но все-таки посмотрите.

Коммунистическое государство боялось разгласить рост преступности в 2,1 раза за тридцать лет. Семь процентов в год. Пугал, конечно, не процент, а тенденция, не укладывающаяся в теорию «развитого социализма». При М.С. Горбачеве и Б.Н. Ельцине (трудно подобрать определение этой весьма своеобразной власти, может быть – «условно демократической») преступность за десять лет к 1996 году выросла в 3,5 раза. 35 процентов в год. В пять раз более высокий темп, чем при социализме. Пока в стране хаос, безвластие – это неизбежно.

Привожу эти скучные цифры только для того, чтобы наши политики и литераторы до конца уяснили: замены министров не могут приводить к снижению преступности. Скорее наоборот. Пора понять, что преступность происходит не «от милиции». Она скорее уж «от политиков», которые расшатывают Конституцию, Закон, разваливают экономику, через средства массовой информации пропагандируют вседозволенность, ненависть, насилие, жестокость, восхищение роскошью, пренебрежение к труду и т. д. Масштабы преступности – всего лишь концентрированное отражение состояния совокупного здоровья общества и экономики.

В чем определенно вина органов государственного управления, так это в том, что не предвидели тенденции и не приняли упреждающих мер по укреплению правоохранительной системы.

Преступность в годы перестройки бурно росла.

Реформаторские идеи отрывались от социалистической правовой базы, человеческая сущность жаждала творчества и «красивой жизни» сейчас, немедленно. Все, что «не запрещено», было разрешено. Собравшиеся на I съезд депутаты были очень озабочены ростом, как они считали, «организованной преступности» и потребовали от генерального прокурора и министра внутренних дел доложить на следующем съезде о мерах.

В декабре 1989 года, готовясь к столь спонтанно возникшему в повестке дня II съезда народных депутатов вопросу о борьбе с организованной преступностью, я встречался с группой очень уважаемых, известных стране крупных ученых-юристов. Это были замечательные беседы самоуверенного дилетанта с мудрыми, тактичными людьми. Они искренне убеждали меня в том, что нет у нас в стране организованной преступности. И быть не может. И не надо пугать людей. С тем, что не надо пугать, я соглашался. Однако прежде чем заявлять, есть «организованная преступность» или нет, следовало бы понять, что это такое.

Любое преступление, которое совершается в стране, вполне укладывается в состав действующего Уголовного кодекса, а там понятия «организованная преступность» нет. А раз нет понятия, значит, нет и явления.

Убедительный пример воздействия идеологии на право. Идеология утверждает, что при социализме организованной преступности не может быть. А когда все-таки что-то такое в жизни происходит, следует называть это не «организованной» преступностью, а «групповой». Но времена меняются, и ответить на вопросы, что же такое организованная преступность и есть ли она у нас, наверное, следует…

Опираясь на мнение специалистов, я не соглашался с писателями, которые изображали организованную преступность в виде пирамиды, на вершине которой расположен некий центр, «папа коза ностра», правящий всей преступностью страны… Нет и не может быть такого единого центра. Все гораздо сложнее. Нельзя рассматривать организованную преступность в отрыве от вульгарной уголовной преступности. Организованная преступность – закономерный этап ее развития. Качественный скачок. Это естественно образующаяся в преступной среде система связей, ведущая к концентрации и монополизации отдельных видов преступной деятельности. Ни в коей мере не претендуя на юридическую точность формулировок, исключительно с точки зрения сущностных оценок считаю, что организованную преступность можно рассматривать как сложную систему с различными разнохарактерными связями между

группами, осуществляющими преступную деятельность в виде промысла и стремящихся обеспечить свою безопасность с помощью подкупа, коррупции.

Во всяком случае, очевидно, что в последние годы советской власти в нашем обществе паразитировали преступные структуры, «фундаментом» которых являлся финансовый потенциал теневой экономики, а «крышей» – коррумпированные сотрудники прежде всего правоохранительной системы, а также перерожденцы из партийного, советского государственного аппарата. Отсюда исключительная общественная опасность организованной преступности, которая позже очень быстро приспособилась к рыночным устремлениям реформаторов и при безволии и попустительстве ослабленного политическими экспромтами государства криминализовала то, что стало называться постсоциалистическим рынком…

По оценкам зарубежных специалистов, СССР входил в число двадцати стран мира с наиболее развитой теневой экономикой. Особенности ее в нашей стране определялись административно-командным методом ведения народного хозяйства, многочисленными дефицитами на рынке товаров и услуг, жестким фондовым распределением ресурсов.

На каком месте сейчас находится Россия среди стран с «развитой» теневой экономикой, трудно сказать.

Академия МВД предлагала законодательной и исполнительной власти в условиях переходного периода к рыночной экономике декриминализировать многие составы преступлений, относящиеся к коммерческой деятельности «теневиков», и ввести новые, соответствующие преступлениям, характерным для рынка. Разработать четкую систему, не позволяющую преступникам «отмывать» нечестно нажитые ранее капиталы в условиях рыночной экономики. По крайней мере, на первое время обязательно необходим Закон о контроле за происхождением собственности. А о борьбе с коррупцией тем более. Могу только сожалеть, что все, в общем-то, своевременные, внесенные законодателям еще в 1989 году предложения МВД на эту тему были практически проигнорированы.

До сих пор разговоры идут, но сказать, что воз и ныне там, нельзя: коррупция из стеснительного подростка давно превратилась в нахального, циничного громилу.

Когда 12 декабря 1989 года обсуждалась повестка дня съезда, А.Д. Сахаров совершенно обоснованно связал проблемы организованной преступности и коррупции. Это правильно. Предложение совпадает с давними проработками специалистов МВД, и, мне представляется, его нельзя забывать, тем более что

актуальность борьбы с коррупцией сегодня несравненно выше, чем в коммунистические времена. Ее просто стало неизмеримо больше.

Проблемы, которыми должен заниматься министр внутренних дел, разнообразны. Основополагающий принцип – милиция и ее деятельность должны быть открыты для людей и понятны людям.

Это может показаться странным, но среди проблем были и вопросы культуры. МВД и культура? Я до сих пор убежден, что в то время МВД, мощное, хорошо финансируемое ведомство, должно было и могло способствовать развитию культуры. С тогдашним министром культуры РСФСР Ю.С. Мелентьевым мы утвердили программу совместных действий. Выделялись средства на реставрацию Коломенского кремля, архитектурных памятников Бухары… Вместе со скульптором А. Бичуговым восстановили созданную еще при Щелокове студию художников. Часто и регулярно встречались с религиозными деятелями, привлекая их для работы в колониях. Популярное ныне издание «Совершенно секретно», созданное неповторимым Юлианом Семеновым, в то время без МВД не смогло бы появиться. Вместе с журналистом А. Черненко начали издавать газету «Щит и меч». Опытный организатор средств массовой информации А. Янченков запустил телепередачу «По сводкам МВД». Было намерение открыть министерское издательство. Помогали С. Говорухину в создании его убийственной ленты «Так жить нельзя». Правда, ее антикоммунистическую направленность я тогда не поддержал… Активно сотрудничали с И.Н. Вороновой, известным деятелем культуры, в ее усилиях поддерживать молодые таланты.

Крайне важно было поднимать авторитет милиции. Может быть плохой министр, плохой милиционер. Но не может быть плохой милиции или полиции. Нельзя, чтобы в обществе через средства массовой информации, через произведения искусства целенаправленно создавалось плохое мнение о милиции. Делать это – все равно что рубить сук, на котором сидишь.

Каким образом определять, хорошо работает милиция или плохо? Милиция работает для людей. Если население того участка, где служит участковый, говорит, что он работает хорошо, значит – все в порядке. Несмотря ни на какие проценты. То есть в основе критериев должен лежать учет общественного мнения. Необходимо организовать его «мониторинг». Создали в академии специальную группу, которая начала этим заниматься.

Однако прежде всего была необходима коренная перестройка подготовки кадров. В нее все и уперлось. Это и сейчас один из

самых отстающих в милиции участков. В то время мы все надеялись, что Академия МВД, начавшая под руководством Анатолия Алексеева свою кардинальную перестройку, сможет сложную и важнейшую для страны проблему подготовки кадров милиции поставить на современный научный уровень. Дело не только в качестве новых программ и материальной учебной базе. Необходимо существенное (если не сказать больше) изменение отношения и в самом МВД, и, что еще более важно, в обществе к милиционеру. Конечно, милиционер должен измениться. Но он не сможет этого сделать, если и общество не изменит своего отношения к нему.

Могу судить об этом по себе. Не скажу, чтобы я слишком любил или не любил милицию. Скорее всего, отношение было близким к нейтральному. Первые встречи министра с чиновниками аппарата были весьма настороженными. Все-таки сказывались приобретенные стереотипы. Как деятели искусств ни старались, наиболее распространенное отношение к милиционеру было негативным… Однако скоро я убедился, что это несправедливо. Не будем впадать из крайности в крайность. Идеализировать милицию не следует. Там, как и в обществе, безобразий хватало и хватает. Но для меня, хорошо знавшего аппараты разных ведомств, явилась приятной неожиданностью высокая культура милицейских чинов в «бескультурной», как принято считать, милиции. Я встретил много весьма образованных, воспитанных людей, да еще одержимых убежденностью неприятия беззакония и преступности. Особенно это было заметно у следователей и в УГРО. Редкий дар сыщиков. Глаза горят, как у охотников или игроков. Честно скажу, мне этот детективный азарт никогда не был знаком. Я изменил свое отношение к милиции. Много лет с тех пор прошло, а я уважаю эту мужскую работу.

Опасный, напряженный, с постоянными физическими, нервными и моральными перегрузками милицейский труд требует общественного признания. Может быть, для кого-то В. Высоцкий не авторитет, но я опять вспоминаю его точные строчки: «Побудьте день вы в милицейской шкуре, вам жизнь покажется наоборот…» Надо ли иллюстрировать? Не надо. Но попробуем вспомнить, что дальше. «…Давайте выпьем за тех, кто в МУРе! За тех, кто в МУРе, никто не пьет». А зря. Не надо романтизировать милицию, но и пора прекратить выполнять антиобщественный, преступный заказ – поливать ее грязью. За дело и без оного.

Общество в долгу перед милицией, ее социальной, правовой и моральной защищенностью милиционера. Это не значит, что

генералитет МВД исчерпал свои внутренние возможности. Далеко не так. Не значит, что хамства, грубости, равнодушия, вымогательства, бескультурья и трусости милиционеров в то время не существовало. Скорее наоборот, они набирали обороты. К сожалению, сегодня беспределом и жестокостью милиции уже никого не удивишь… Время страшно и бездарно потеряно. Однако от проблемы не отмахнуться. Только замкнув кольцо уважения и заботы общества о милиции с перестройкой самой милиции, мы сможем начать продвижение к более безопасной жизни. Иного выхода все равно нет.

МВД была суперзацентрализованная система. Министр чуть ли не еженедельно подписывал кадровые приказы в несколько сотен страниц. Дошло до того, что приносили… только первую и последнюю страницы: «принять…», «уволить…», «присвоить очередное звание…» по всей стране. Большинство прав по кадрам передавалось вниз. То же – финансы. Утверждена смета расходов, все остальное – дело творчества на местах.

Это не понравилось. М.С. Горбачев высказался, что целостность МВД надо сохранить. При чем здесь «целостность»? Конечно, надо. Но надо учесть, что если все права наверху, то и ответственность тоже наверху, а внизу – ни прав, ни ответственности, ни инициативы. Там – полный паралич. А когда вниз отдаются права, то, естественно, с ними и ответственность. Тогда можно спросить и можно проконтролировать. Это не развал. Это, наоборот, оживление. Привычка работать по команде была очень сильной и порождала безынициативность. Отдать права не означает освободить себя от контроля, возможности и обязанности помочь, когда надо.

Самая серьезная проблема возникла с поветрием «суверенизации». Республики заявили, что они самостоятельны. Они сами определяют, какие министерства нужны, а какие не нужны. И буквально все заявили, что МВД для них не «союзно-республиканское», а «республиканское» министерство. *Вот это и был развал «целостности».*

Министр СССР не может несерьезно относиться к свершившемуся факту. Законно избранный парламент Эстонии или России постановил, что у них будет республиканское МВД. Что министр должен делать? Сказать, что это незаконно? Это должен был сказать Верховный Совет СССР.

Но он молчал, поскольку сказать было нечего. В чем же суверенность республики, если ей не позволено определять даже структуру своего правительства?

Тогда я считал, что из этой конституционной коллизии можно выйти без потери управляемости. Основу будущей

структуры МВД СССР должны были составить республиканские министерства, которые полностью отвечают за правопорядок на своей территории по всем направлениям. МВД СССР сотрудничает с ними на основе заключенных договоров и берет на себя функции «внутреннего Интерпола», транспортную милицию, охрану атомных станций, подготовку кадров высшей категории. Академия одна, и наука одна. И на первых порах важно не развалить снабжение.

Обострений между МВД Союза и МВД республик у нас никогда не было. Была дисциплина, основанная на взаимоуважении и взаимопонимании. Обострения отношений между МВД ССР и руководителями республик были. Это правда. Здесь всегда были споры. То белорусский парламент не разрешает своих следователей отправлять в Киргизию, то украинский парламент против организации «шестых» подразделений: «Зачем нам эти соглядатаи из Москвы?»

Для того чтобы не спорить, решили пойти по пути заключения договоров между правительствами республик и МВД СССР. Н.И. Рыжков, надо отдать ему должное, сразу понял эту необходимость и поддержал. Это было важно. Надо же было работать в новой политической ситуации.

Первым мы подписали Соглашение между МВД СССР и правительством Эстонии. Газета «Московские новости» заметила принципиальную новизну этого маленького события. У нас не было никаких проблем, никакой дискриминации ни по одному вопросу. Никакого криминала. Единственный криминал не в содержании Соглашения, а в том, что действуют две нестыкующиеся конституции. По Конституции СССР МВД Эстонии – «союзно-республиканское министерство», а по закону Эстонии – только «республиканское», МВД Союза не подчиняющееся. Наш совместный договор снимал все проблемы для практической работы. Устранять конституционные нестыковки – дело законодателей.

Подобные отношения были положены в основу с другими республиками. Они по аналогии разработали свои договоры, и, если бы мы успели их подписать, это было бы большим вкладом в готовящийся Союзный договор.

МВД каждый день надо работать. Политикой милиция не должна заниматься. Это дело КГБ, который увлекся в то время борьбой с «саботажем», то есть с припрятыванием товаров. Хотя это был вопрос скорее торговли. КГБ, конечно, за торговлю сработает. Но сработает ли торговля за КГБ?

М.С. Горбачев как-то говорил, что «за спиной демократов кто-то стоит». Я не думал, что там стоит кто-то, кроме самих

демократов. Но если вопрос возник, это вопрос для КГБ. Кто стоит за группой «Союз», за ленинградскими коммунистами, а самое главное, за национал-сепаратистами, за генералами, которые требовали отставки президента? Если есть люди, которые к антиконституционным, насильственным методам либо призывают, либо уже прибегают, это как раз вопрос для Комитета государственной безопасности. И чекисты демонстративно, открыто, публично, гласно должны были заняться этим. Представить доказательства антиконституционной деятельности против законного правительства. А вот этого-то как раз КГБ и не делал. По крайней мере, я ничего подобного не слышал, кроме конфиденциальной информации для депутатов о «кознях западных спецслужб». Даже если это и так, то твоя задача не столько «информировать», сколько пресекать эти «козни». Но, как позже стало ясно, «козни» против президента тайно готовил сам КГБ.

Очень важным был и, по-моему, до сих пор остается вопрос внутренней контрразведки. Организованная преступность тем и сильна, что она имеет своих людей везде: и в органах управления, и в правоохранительных. Думаю, что и в КГБ не могли бы сказать, что среди них нет коррумпированных кадров. Хотя, конечно, это была наиболее чистая и надежная структура по сравнению с другими.

А милиция весьма ненадежна, и здесь очень много кадров и внизу, и на среднем уровне, и вверху, которые кому-то служат. И этот «кто-то» далеко не государство.

За коррупцию в 1989 году было привлечено милиционеров процентов на тридцать больше, чем в 1988-м. В абсолютных цифрах – 120–130 человек. Это капля в море.

Внутренней контрразведкой занимался КГБ. В МВД не было таких служб. Как только я пришел, мне стали шептать: надо бы избавиться от контроля КГБ, это ведь стыдно: за нами смотрят, за нами подглядывают… Я был против: чего нам стыдиться? Если ты не воруешь, не берешь взятки, чего бояться? Наоборот, мы договорились с В.А. Крючковым развивать это дело. Однако в аппаратах все заволынили. Полгода готовили приказ, но положение серьезно не изменилось…

О том, что чекисты следили за мной, я знал. Делать, наверное, им было нечего. Когда союзным министром меня взяли в Москву, квартиры несколько месяцев не было. Жил в гостинице. Как-то ко мне приехала жена. Поздно вечером ее встретил, утром пошел на работу. Когда вернулся, она мне рассказывает: «Как тебя проводила, пошла умываться. Выхожу из ванной комнаты, мокрая, в халате, настроение прекрасное… И вдруг… О ужас! От

страха онемела. Какой-то мужчина в нашем номере… У письменного стола роется в твоих бумагах… Меня увидел, испугался, по-моему, больше, чем я… Прилично одет… стал извиняться. И быстро, быстро так к выходу… Чуть ли не бегом. Кто это может быть?» – «Не нервничай, – говорю. – Какой-то чекист прокололся. Не передали, наверное, ему, что ты приехала. Больше при тебе лазить тут не будут. Не бойся…»

Это было в СССР. А о том, что мой телефон прослушивали уже «демократические» чекисты России, сообщил мне один высокий чин. Сам сообщил. Не прерывая беседы, написав на бумажке: «Вас прослушивают». Бумажку показал и порвал. А я и сам это знал. Меня нисколько это не волновало ни в советское время, ни при «реформаторах».

Не волнует и сейчас. Преступникам надо волноваться. Но, судя по всему, теперь они сами кого надо прослушают и запишут.

Свои отношения с кадрами оперативно-разыскных и следственных служб старался строить так, чтобы не вмешиваться непосредственно в уголовный процесс. Сразу отучил докладывать в подробностях о существе конкретных дел, считая, что профессионалы должны быть полностью свободны в выборе плана действий, а вольные или невольные замечания министра могли по старым привычкам восприниматься как «ценные указания». Конечно, просил регулярно докладывать, как идет расследование отдельных, получивших широкий общественный резонанс дел. Таких, например, как дело ростовского маньяка, насильника и убийцы Чикатило, дело об исчезновении парижского коллекционера Г. Басмаджана, убийство священнослужителя А. Меня и другие.

Очень много дел было связано с преступлениями в сфере экономики и финансов. «Золотым дном» для преступников явились кооперативы или, точнее, противоречивое законодательство о них. Вал преступности и прежде всего хищений все более и более нарастал. Одной милиции трудно было справиться. В новых условиях свободы предпринимательства нужны были действенные контролирующие финансовые органы. Сегодня эта проблема в какой-то мере решена как будто.

В то время в обществе начинало складываться понимание, что законность превыше всего, но происходило это весьма однобоко. Как-то один очень уважаемый мною автор, правовед, сказал такую фразу: «Пусть хоть все казнокрады гуляют на воле, если мы столь беспомощны профессионально, что не можем по закону их покарать». Это было типично для того времени. Здесь как бы заранее задана низкая оценка профессионализму

милиции. Берется априори, что закон правильный, хороший, а милиционер плохой, раз не может на базе хорошего закона поймать преступника. А раз не может, пусть преступник гуляет на свободе. Но мы никогда не смотрели, а каков закон? Закон должен быть от жизни, учитывать реальное состояние общества, милиции, преступности. И если нормальный, средний следователь не может на основании действующего закона привлечь к суду нормального среднего жулика, значит, закон мертв, не действует. Если не работает закон, надо подумать, почему? Только ли в милиции дело? Можно наплодить сколько угодно красивых с точки зрения теории законов, но они будут мертвыми с точки зрения практики. Они не учитывают реальной ситуации. У нас это было сплошь и рядом.

Мы понимали, что надо постепенно, по плану, заниматься реформированием законодательства, приводя его в соответствие с целью создания правового государства.

Этот процесс шел очень трудно, и в нем, пожалуй, было больше неожиданностей, чем логики. Яркий пример – нашумевшее постановление Верховного Совета СССР от 4 августа 1989 года «О решительном усилении борьбы с преступностью». Повсеместно создавались временные комитеты по борьбе с преступностью, о которых можно теперь и не вспоминать. Министру внутренних дело было предложено в месячный срок, по согласованию с генеральным прокурором СССР, в соответствии с законодательством разработать порядок использования исключительных мер борьбы с уголовными элементами.

Мы вместе с первым заместителем председателя КГБ Ф.Д. Бобковым, генеральным прокурором А.Я. Сухаревым и учеными из Академии МВД немало голову поломали, как совместить несовместимое: исключительность мер с соответствием законодательству. Конечно, ни министр, ни генеральный прокурор не вправе предлагать меры, выходящие за рамки закона, а что предусмотрено законом, надо применять и никого не спрашивать. Не министру, а законодателю следовало бы внести в закон изменения, расширяющие права милиции в критических ситуациях. Проект такого документа был представлен Верховному Совету, но так никогда и не был принят.

С трудом, но все же удалось провести через Верховный Совет принятие поправок к уголовно-процессуальному кодексу, позволяющих использовать под контролем прокурора технические средства, в том числе прослушивание телефонных разговоров обвиняемых для доказательства наиболее опасных преступлений, а также поправок, предусматривающих обязанность защиты свидетелей, повышенную ответственность

организаторов и т. п. Я считал это прорывом.

Начал я работу при старом Верховном Совете, через полгода был избран новый – «демократический» Верховный Совет СССР, на котором уже утверждали все правительство. Я был там, мягко говоря, своим человеком. Никого так часто не ставили на трибуну для отчетов. Но в целом я был удовлетворен пониманием правоохранительных проблем депутатами. Не могу их ни в чем упрекнуть в отношении к милиции. Но считаю, что Верховный Совет как высший законодательный орган на отступления от конституции реагировал неэффективно, с запозданием, а иногда, как в случае с Эстонией по статусу МВД, зря не соглашался с республиками.

Когда Верховный Совет Армении «присоединил» Карабах, на это среагировали, но только через полтора месяца, когда уже начались погромы. Или декларации о суверенитете… В речах – признаем, а в правовых документах все расплывчато. Пример: январские события 1991 года в Литве. Это вопрос следствия, кто начал, кто виноват и кого надо отдавать под суд. Это не вопрос Верховного Совета.

Но как Верховный Совет среагировал на факт образования какого-то «комитета национального спасения», который заявил о том, что взял власть в свои руки? Что это, как не преступление, попытка захвата власти неконституционным путем? Но мы не реагируем только потому, что нам не нравится идеология Ландсбергиса. Но нельзя же к закону подходить в зависимости от того, нравится нам чья-то идеология или не нравится. Закон есть закон. Я считаю, что в развернувшейся «войне законов» именно Верховный Совет сыграл разрушительную, деструктивную, по крайней мере, далеко не лучшую роль. Дело не только в президенте и тем более не в премьер-министре. Законодатели растерялись, отстали от жизни. В конечном счете это сработало на национальных авантюристов, на развал Союза.

Ни с одной серьезной криминальной и социальной проблемой в современном сверхвзаимозависимом мире коммуникаций, идей и информации в одиночку, отгородившись, ни одной стране не справиться.

Мне посчастливилось по-настоящему начинать работу нашего, «милицейского», вхождения в открытый мир.

Внешние дела у МВД раньше практически сводились к обмену группами отдыхающих, оказанию помощи в налаживании милицейских структур таким странам, как Вьетнам, Куба, Ангола, Никарагуа, Афганистан, и большей частью к формальной работе по обмену опытом с социалистическими странами. Хотя были и

исключения.

Мне пришлось практически начать реализацию принципов внешней политики Горбачева, основанной на приоритете общечеловеческих ценностей, ненасилии, открытости и взаимной выгодности в сфере правопорядка и борьбы с преступностью. Мы как крупнейшее правоохранительное ведомство страны должны были найти свое место в многочисленных национальных межгосударственных и неформальных структурах, связанных с защитой и контролем соблюдения прав человека, борьбой с наркотиками и терроризмом, организованной преступностью. Необходимо было активизировать наше участие в разработке этих проблем через структуры ООН, использовать для этого же Интерпол и, избавившись от идеологических и случайных факторов, строго исходя из взаимных практических интересов, наладить необходимый и оптимальный круг двусторонних связей.

Последовательность политического руководства и внешнеполитического ведомства страны в проведении открытой внешней политики создали для нас прекрасные возможности для достижения вышеизложенных задач. К этому надо добавить, что по нашей инициативе Совмин СССР создал Совет по координации всей международной деятельности правоохранительных органов, возглавил который министр внутренних дел.

Это была очень интересная и довольно интенсивная работа. В конечном счете отлаживание взаимодействия с правоохранительными органами зарубежных стран – не самоцель и не дань моде. Интеграция нашей экономики в мирохозяйственные связи, как бы этому ни противились «защитники отечества», была и необходима, и неизбежна. Невозможно было продолжать ограничение прав граждан на выезд из страны и въезд в страну. Все это кардинально изменяло условия, в которых должна будет работать милиция, столкнувшись с преступностью совершенно иного качества. Хотя это можно было видеть и в то время. Поскольку уже тогда почти все внешнеэкономические и иные внешние связи стали легкой добычей коррумпированных преступных групп.

Выход был только один: еще более интенсивная интеграция в мировую правоохранительную систему, подготовка кадров, создание и совершенствование внутренней структуры для борьбы с международной преступностью.

Вспомнить о том, как начиналась эта работа, не трудно. Трудно об этом рассказать… Около ста личных встреч на уровне министров внутренних дел, послов, сенаторов, руководителей крупнейших международных ведомств…

6 октября 1989 года в Москве был подписан Меморандум о

взаимопонимании между МВД СССР и Центром ООН по социальному развитию и гуманитарным вопросам. Заместитель генерального секретаря ООН, генеральный директор Венского отделения ООН Маргарет Дж. Энсти лично очень много сделала для скорейшего внедрения наших правоохранительных органов в разнообразные институты ООН и использования МВД их богатейшего интеллектуального потенциала и опыта. Здесь действительно заложен огромный потенциал и широкий круг интересов: от борьбы с наркомафией, профилактики преступности, социальной защиты при переходе к рыночным отношениям до координации деятельности международных институтов по оказанию помощи в ликвидации последствий чернобыльской трагедии.

А если вдуматься в искренние слова бывшего министра внутренних дел Французской Республики Пьера Жокса о том, что если еще два года назад мы не могли себе даже представить, что столь чувствительную и оберегаемую каждым государством сферу внутренних дел сможем спокойно и откровенно обсуждать, это значит, что мир действительно реально меняется.

В то время мы у себя в стране так и не сумели осознать значение прорыва, который (по идеологическим соображениям, да и за ненадобностью) долгое время всячески тормозился. Речь идет о том, что международная полицейская организация Интерпол приняла в свои ряды нашу милицию. Большую роль здесь сыграли наши консультации с руководителями многих правоохранительных ведомств различных стран, но, главное, практически налаженная работа с генеральным секретарем Интерпола Раймондом Кендаллом, одним из опытнейших детективов мира. С ним было несколько встреч. Большой вклад в реализацию нашего проекта внес президент Интерпола Иван Барбо. Лично я не мог не гордиться тем, что профессионалы МВД СССР стали на равных говорить с полицейскими мира, но понимал, что тот огромный опыт и потенциал, доступ к которому мы получили, пока еще плохо используется для реформирования всей нашей правоохранительной системы.

19 сентября 1990 года, за семьдесят дней до моего освобождения с поста министра внутренних дел СССР, на Генеральной Ассамблее в Оттаве был принят в Интерпол сто пятьдесят первый член. Против голосовали всего две делегации.

Глава 9
Отставка

Плохо, если министры часто меняются; но еще хуже, если плохие министры остаются на местах.

Пеле де ла Лозер

Все искусство управления состоит в искусстве быть честным.

Т. Джефферсон

Мне не стыдно сейчас вспоминать период конца моей карьеры, моей отставки. Это не я хватался за соломинку. Это у М.С. Горбачева была иллюзия поправить свою политику сменой кадров, серией отставок.

На самом деле причины провала поздней перестройки лежали, конечно, не в кадрах министров, а в политической неопределенности, в противоречиях с сущностью КПСС. Как частный случай, как иллюстрация к этим противоречиям и неопределенностям была моя и не только моя отставка. Работа министра внутренних дел Союза столкнула меня с верхушкой КПСС, увидевшей в политике перестройки самое для себя страшное – свою политическую гибель. Лидеры КПСС не хотели ничего менять в принципе. Надо было брать инициативу в свои руки и хотя бы на ход опережать тех, кто без усилий подбирал, что само отваливалось от власти, от Союза.

Отдать то, что все равно уже не может принадлежать только КПСС, и тем самым получить политический выигрыш – на это партия была не способна.

Министру внутренних дел некогда было ждать гармонизации политики. Надо было работать. Каждый день. Отсюда эти мои частные решения. Они позволяли действовать в условиях конституционных нестыковок, суверенизации, первых опытов демократической практики, входившей в конфликт с тоталитарной сущностью КПСС.

Оставаясь честным перед самим собой, я не мог больше отстаивать нашу однопартийную систему. Я понимал, что жизнь ее сметет. И чем раньше КПСС перестанет быть идеологическим монополистом, тем будет лучше и для КПСС, и для страны.

При развитии даже «социалистической демократии» одна

партия не сможет выразить все многообразие общественных интересов. Закрепленная Конституцией монопольная руководящая и направляющая роль КПСС стала тормозом для демократизации общества и несчастьем для самой партии. Необходимы были мудрость и мужество, чтобы отказаться от этого «конституционного комфорта», ослаблявшего партию, приводящего к деградации ее руководство. В обществе началась борьба за отмену 6-й статьи Конституции.

Руководство партии, включая и М.С. Горбачева, всячески сопротивлялось этому. В результате теряло политическую инициативу и тактические возможности лучшего «входа» в принципиально иную систему.

Мало того, это отражалось и на общественном порядке. Кадры Министерства внутренних дел ежедневно и непосредственно сталкивались с проявлениями политической напряженности, которая часто выходила на улицы, к сожалению, иногда и в экстремистских формах. Я видел явное двурушничество власти. Нестыковки между призывами к демократии и упорным нежеланием ее правового оформления. Противоречия между декларируемой политикой и реальным законодательством дезориентировали милицию и не только не способствовали общественному согласию, но усиливали напряженность там, где ее можно было избежать.

На декабрьском (1989 г.) пленуме ЦК КПСС я выступил за признание многопартийности.

Пленумы всегда проходили в роскошном Мраморном зале на территории Кремля. Все высшее руководство партии и страны рассаживалось в мягких удобных креслах, обшитых золотистым плюшем. В перерывах спешили в подвал, где был расположен буфет с изысканной кухней. Всем хватало места. Кормили бесплатно. Стояли за столами, острили, обсуждая наиболее запомнившиеся выступления и злободневные темы. Все было как всегда. Но на самом деле атмосфера пленумов за четыре года перестройки очень изменилась. От солидности, чинопочитания, корректности апрельского (1985 г.) пленума не осталось и следа. Резкая критика, нервозность, бурная реакция зала. ЦК КПСС перестал быть монолитом. «Одномыслие» исчезало. И хотя у некоторых приверженцев «доброго старого времени» мыслительную деятельность заменяло топанье ногами, все равно это был прогресс.

В такой же нервозной обстановке проходил 9 декабря 1989 года пленум ЦК, собравшийся накануне открытия II съезда народных депутатов СССР.

Я не сомневался, что меня «затопают», но решил выступить с

предложениями по 6-й статье Конституции. Выступал экспромтом. У меня не было заранее подготовленного, отпечатанного текста. Только наброски тезисов в блокноте. Выступление получилось эмоциональным, сумбурным. С некоторыми сокращениями я привожу его здесь.

…Мы за глубокое единство. Но, с другой стороны, я сейчас буду выступать по вопросу, по которому у меня есть расхождение с членами политбюро.

…Мы не сомневаемся, что будет немало провокаций со стороны всевозможных неформальных организаций. Но тем не менее мы надеемся обеспечить надлежащие условия для работы депутатов.

…Но я хотел бы здесь немножко себя поправить. Я сказал «неформальные» организации. Это штамп. Штамп, к которому мы привыкли: «неформалы», «неформальные организации». Как-то ленинградское телевидение, вообще весьма своеобразное телевидение, говорило о том, что этот штамп устарел. В данном случае я согласен с ленинградским телевидением.

Мы сами дали время этим так называемым неформальным организациям прекрасно формализоваться, прекрасно организоваться, провести съезды, утвердить уставы, программы, выйти на международный уровень, получить разнообразную помощь, иметь средства массовой информации…

…Давайте смотреть правде в глаза. Практически мы имеем стихийно возникшую (при правовом непротивлении) сложную многопартийную систему… Эти организации обладают в большей или меньшей степени реальным влиянием на массы. Они имеют разные цели – от позитивных, которые действительно нужно поддерживать, до сугубо антисоциалистических, антисоветских, сепаратистских…

Но у всех их есть нечто общее – они не несут никакой ответственности за свои действия. За все, что происходит, всю ответственность продолжает нести только КПСС.

Мне кажется, отсюда надо взглянуть на корни борьбы за отмену статьи шестой. Статья сегодня мешает узаконить реально сложившуюся многопартийность. А мы упорно говорим: нет!..

…Но если мы не отступим от того пути, от той политики, которой присягнули в апреле 1985 года и основой которой, если одним словом эту политику назвать, является демократия… то нам не избежать многопартийности…

…Если идти от реалий жизни, то надо нам перестать терять время и, глядя действительности в глаза, начать готовиться

(хотя готовиться уже поздно!) к политической борьбе за массы в массах в условиях многопартийной системы. Потому что тот комфорт однопартийности, который у нас долгое-долгое время был, комфорт монополии на идеологию сослужил партии, честно говоря, плохую службу. Она забыла, что такое настоящая политическая борьба.

Мне кажется, что нам надо не допускать шагов, которые бы работали против авторитета партии. А борьба за сохранение шестой статьи – как раз один из таких шагов. Зачем, скажите, партии, которая уверена в своих силах, уверена, что ее идеи поддержатся подавляющим большинством, закрепленная в Конституции, декларированная руководящая роль? Если партия в этом не уверена – тогда другое дело. Но я думаю, нам нельзя терять уверенность. У партии есть еще мощный, далеко не раскрытый интеллектуальный потенциал. И вообще за политическое лидерство, за власть партии еще можно побороться, как говорится, на равных, и без этой статьи…

Зал зашумел, загудел. Я замолчал. Ведущий пленум М.С. Горбачев попросил, чтобы я продолжил: «Вы же свое мнение высказываете…»

Да, я высказываю свое мнение. И я считаю, что вопрос не в том, что надо отдавать кому-то политическую власть. Политическая партия, которая не стремится к власти, – это нонсенс, нелепость какая-то. Это не партия. Такого не бывает.

Но надо все-таки увидеть, что эта статья и борьба ЦК за ее сохранение работают сегодня не на партию, а против партии. Дает лишние очки нашим политическим противникам. И партия должна была (может быть, здесь мы уже опоздали) давно выступить с такой инициативой – не нужна партии шестая статья! Мы потеряли время. Но все равно сегодня должны рассмотреть этот вопрос. Хуже будет, если его рассмотрит съезд. Хуже будет.

Думается, что активным членам партии эта статья не нужна вообще, а пассивным членам партии и эта статья не поможет. Это совершенно очевидно…

Предложение принято не было. Но уже через четыре месяца, в марте 1990 года, пленум ЦК под давлением масс вынужден был согласиться с отменой 6-й статьи Конституции. Партия проиграла. Однако выводов она не делает. В ней ничего не меняется, если не считать бурно размножающегося вируса национализма. Авторитет КПСС продолжает падать. Идет

дискуссия об образовании Российской компартии, спешная подготовка к XXVIII съезду.

Съезд действительно был нужен для того, чтобы прежде всего изменить программу партии, отказаться от идеологических догм, приведших к краху экономики. Изменить Устав с учетом процессов «суверенизации» и демократизации.

29 июня 1990 года я выступил на пленуме ЦК КПСС с предложением строить КПСС как Союз компартий союзных республик. Представил в редакционную комиссию «свой» проект устава. Предлагал предстоящий съезд прервать с тем, чтобы уже в декабре 1990 года, возобновив работу, утвердить новую программу партии. Тогда я уже был убежден, что спасение партии не в степени ее внутренней демократизации, а в смене целей, в смене программы, повороте к политике здравого смысла, в признании возможности существования частной собственности.

Затеяв перестройку, КПСС, сама того не ведая, начала путь к своему политическому самоуничтожению. Здесь находилась большая потенциальная опасность для страны. Парадокс состоял в том, что задачи реформирования конгломерата нашей старой жизни невозможно было решить как без КПСС (это – единственный механизм), как и без того, чтобы партия, все «склеивающая», постепенно бы перестала быть таковой.

Взамен должны появиться другие связи, более тонкие, сложные и разнообразные. А КПСС нужно было превратиться в обычную политическую партию, одну из частей политического спектра. И главное, на какое-то время при этом постараться остаться правящей партией.

Но этот парадокс оказался неразрешим. Процесс перестройки запущен, общество готово принять перемены, но механизм «буксует», КПСС оказалась не способной к принципиальным изменениям и в себе, и в стране.

В условиях идеологических разногласий и путаницы моя позиция по отдельным вопросам, отличная от официальной линии КПСС, не оставалась незамеченной и, конечно, не могла не привести к тому, чтобы определенные силы в руководстве КПСС потребовали у Горбачева отставки «министра-демократа».

Едва ли я мог бы дольше задержаться на посту руководителя Министерства внутренних дел, которое всегда: и в годы культа, и в годы застоя – было опорой КПСС, если бы только делал вид, что «перестраиваю систему» для работы в условиях демократии и многопартийности, оставляя все по-старому. Если бы, пусть даже негласно, считал для себя указания политбюро выше Закона. Я не мог этого делать.

Отставка была неизбежна…

Ее активно добивались члены политбюро ЦК КПСС, руководители компартий Прибалтийских республик, Украины и Белоруссии, руководство КГБ, председатель Совмина, наиболее «решительные» депутаты из фракции «Союз».

Было бы нормально, если мои недостатки как должностного лица открыто и гласно рассматривались либо в парламенте, либо Кабинетом министров, в конце концов, на политбюро, но на это не шли. Если не считать попытку Н.И. Рыжкова заслушать мой отчет на Совмине. Был взят удобный повод – рост преступности. Отчет заслушивали с заранее поставленной задачей – показать неудовлетворительную работу милиции и министра. Но из этого ничего не вышло. Мне удалось убедительно доказать, что не там ищем причины наших неудач. После отчета мои позиции скорее укрепились.

Ничего не было. Обычный нормальный отчет в Совмине. Но была закулисная игра. Было постоянное ощущение какой-то гнусной атмосферы, когда тебе улыбаются, поддакивают, но про себя знают, что дни твои сочтены… Часто заходили возбужденные депутаты, которые хотели меня предупредить о каких-то действиях и разговорах, направленных на мою отставку.

Все это, конечно, рождалось не на пустом месте, накапливалось от события к событию, от решения к решению в обычной, непрерывной и напряженной будничной работе. Партия стояла на месте или шла своим путем, а общество своим. Этот разрыв все более и более возрастал. МВД должно было быть с обществом. Но у партийной верхушки еще хватало сил, чтобы посчитаться с министром. Поводов было достаточно.

Взять хотя бы отношение к демонстрациям и митингам. Я как министр с самого начала внес предложение перейти от «разрешительного» к «уведомительному» характеру взаимоотношений между властью и организаторами акции, возложив на них ответственность за обеспечение порядка. Фактически такая практика и сложилась. Милиция, не вмешиваясь в политическое содержание (в любом случае это не вопрос милиции, а вопрос КГБ), в контакте с организаторами обеспечивала общественный порядок. Я всегда выступал против запретов митингов и демонстраций, так как по закону для этого оснований не было, а фактически именно запреты и могли привести к массовым беспорядкам.

Первое испытание МВД выдержало в январе-феврале 1990 года. За эти два месяца митинговало около 7 миллионов человек, тогда как за весь 1989 год – 12 миллионов. Общественный порядок был везде обеспечен. Но Президиум Совмина и

политбюро, испуганные размахом движения, остались недовольны «пассивной» позицией министра.

Идеология «запрета» не давала покоя. Казалось: вот запретить демонстрации и митинги – и все образуется. А ведь, напутствуя меня на этот пост, М.С. Горбачев занимал именно ту позицию, которую я сейчас отстаивал. Запрет только обострит ситуацию. По большому счету экстремистам и нужен запрет. Милиции было приказано: «не пасти» митинги, выделять минимум сотрудников, не отрывая их от главного дела – борьбы с преступностью.

Я старался не вмешивать президента в дела МВД. Не спрашивал у него разрешения по поводу и без повода. А информировать считал нужным только по исключительно важным делам, просился на прием для того, чтобы поставить проблемные вопросы.

В то же время я стал замечать, что вопросы, относящиеся к сфере деятельности милиции, появляются из «других источников», причем скрытно от меня. Работало окружение председателя Совмина. Примеров много. Расскажу об одном, известном указе о запрете демонстраций в пределах Садового кольца в Москве.

22 апреля 1990 года как член Президентского совета я должен был участвовать в церемонии, посвященной памяти В.И. Ленина. С небольшим опозданием вошел со стороны Кремля в помещение перед Мавзолеем, где уже собрались члены Президентского совета, политбюро и некоторые члены правительства. Вижу – М.С. Горбачев только что подписал какую-то бумагу. Заметив меня, он как-то смутился и пошутил: вот, мол, и исполнитель пришел. И зачитал мне суть того, что только что они с Рыжковым «сочинили»: демонстрации в пределах Садового кольца запрещены, если на то нет разрешения Совмина СССР.

Я пожалел Совмин. Надо же было меня спросить. Ничего не изменится. Разрешения будут давать. Так и получилось. Уже через неделю Совмин вынужден был «разрешить» проведение первомайских демонстраций.

Никогда не надо запрещать то, что запретить невозможно, что все равно состоится. А указ этот, поскольку он противоречил Конституции, вскоре был отменен Комитетом конституционного надзора.

Самая серьезная стычка по поводу демонстраций произошла накануне Октябрьских праздников 1990 года.

Проходило заседание Президентского совета. До этого было поручено А. Лукьянову, председателю Мосисполкома Ю. Лужкову и мне разобраться в ситуации, складывающейся по празднованию Седьмого ноября. Намечалось проведение нескольких

альтернативных демонстраций. По всей стране была сложная ситуация… В Москве в контакте с Моссоветом много работал П. Богданов, начальник московской милиции. Свели все многообразие демонстраций к трем: одна – официальная, вторая – альтернативная (Т. Гдлян и группа, с ним связанная) и третья – демонстрация демократических сил, желавшая пройти от Лубянки до дома Сахарова. Лукьянов доложил, что мы выработали общее мнение – демонстрации не запрещать. Горбачеву это не понравилось. Я выступил, сказал, что мы запрещать демонстрации не можем. На основании чего? Права нет. Тут В. Крючков резко, что не вязалось с его мягким обликом, потребовал наконец «показать силу». Я согласился: «Вот и покажите. Кто хочет запрещать, пусть свой запрет сам и реализует, милиция этим заниматься не будет».

Здесь взорвался Горбачев. Первый раз я его видел таким возбужденным. Горячо выступил против, обвинил меня в трусости. Получилась небольшая перепалка, как на базаре. Я сказал, что боюсь не за себя, а за него, за авторитет власти и за жизнь людей и, если кого-то не устраиваю, готов хоть сейчас уйти с этой работы, но участвовать в этом не буду.

Демонстрации так и не запретили. Смелых или, точнее, глупых не нашлось.

Когда заседание закончилось, я подошел к Михаилу Сергеевичу: «Кому сдавать дела?» Он даже не посмотрел на меня, но, уже остывая, сказал: «Продолжай работать! Я скажу, когда сдавать».

Я написал заявление, но до праздников не смог попасть на прием. В праздники надо было обеспечивать безопасность. За эти дни остыл и понял, что был не прав. Нельзя устраивать демонстрации президенту на Президентском совете. Хочешь уходить – уходи. Геройства здесь было мало, больше было несдержанности. Позже он мне сказал: «Сам-то ты зачем демонстрации устраиваешь?»

Я решил, что больше заявлений об уходе писать не буду.

Если проанализировать эволюцию тактики милиции за 1989–1990 годы по обеспечению общественного порядка при массовых выступлениях трудящихся, то здесь налицо был определенный прогресс. Применяя принцип контакта с организаторами, кадры МВД СССР научились спокойно и все меньшим числом личного состава обеспечивать общественный порядок при самых сложных массовых акциях с участием сотен тысяч человек. Примером тому могут быть и демонстрации, и митинги, и шахтерские забастовки.

Не могу не сказать здесь доброго слова о начальниках Кемеровского, Донецкого УВД В. Шкурате, В. Недригайло,

министре Республики Коми Е. Трофимове, министрах Украины И. Гладуше и А. Василишине.

Вторая тема, которая шла против официальной линии и постепенно подводила меня к отставке, – отношения с правительствами Прибалтийских республик. Здесь я не был оригинален. Выступал за диалог, против блокады и тем более каких-либо силовых мер. Считал, чем меньше мы успеем испортить отношения, тем легче будет жить и российским, и прибалтийским народам в будущем. Со всеми правительствами был контакт и нормальное взаимопонимание по большинству вопросов. Один раз только подвел меня председатель правительства Латвии И. Годманис, поспешив освободить министра Б. Штейнбрика и утвердив в парламенте А. Вазниса. Но и этот вопрос вскоре был решен в соответствии с законом, а не с желанием лидеров КП Латвии.

Участвуя в переговорах с Литвой, которые вел Н.И. Рыжков, я видел всю заранее заданную неуступчивость, но в то же время слабость позиции центра и, конечно, был плохим помощником Николаю Ивановичу.

Моя позиция была простой. С любым законным республиканским правительством я как союзный министр был обязан работать, обеспечивая общественный порядок и борьбу с преступностью. Что я и делал. Хорошо ли, плохо, но делал. И никто не показал, как это в тех условиях можно было делать лучше. Все республиканские министры (не только прибалтов) оставались в подчинении союзного министра, естественно, в соответствии с республиканскими конституциями, находясь и в подчинении соответствующего республиканского премьера. Иначе быть не могло.

Вместе с республиканскими министрами мне приходилось бороться против раскалывания милиции по идеологическому или национальному признаку. Этого усиленно добивались те, кто, потеряв власть, взял на вооружение тактику «чем хуже, тем лучше», абсолютно беспочвенно надеясь таким образом взять реванш за проигрыш на выборах. Ничего хорошего из этого не вышло. Примером тому драма рижского ОМОНа, который использовали как пешку в игре коммунистов с сепаратистами…

Мне грех жаловаться, что у меня не было поддержки Верховного Совета СССР. Большинство депутатов поддерживали МВД.

Конфликты начались с партийными лидерами. Когда демократизация стала набирать силу, в республиках Закавказья, Молдавии, Прибалтики, в Москве, Ленинграде коммунистическая партия в структурах государственной власти не получила

большинства, не сформировала «свои» правительства. Партийные лидеры проиграли, остались на обочине, озлобились, стали искать опору в силовых ведомствах. Если рассуждать по-старому: служить государству – служить партии, служить партии – служить государству. Разницы не было. Но после поражения КПСС работать на государство – уже не означало служить партии.

Для себя я твердо определил: милиция служит государству, подчиняется закону, и только закону. После ухода В.М. Чебрикова «партийный телефон» у меня в кабинете замолчал. Конечно, это не значит, что контакты или звонки прекратились. Но звонок звонку рознь. Одно дело – совет с руководством республиканской компартии, как вместе предотвратить новую вспышку насилия в Абхазии или Комрате; другое – когда тебе звонят ночью домой из Киева и требуют принять меры к студентам, которые «нам октябрьскую демонстрацию срывают». На такие звонки я не реагировал.

Ситуации, конечно, были интересными.

Министр Союза, приезжая во Львов, первым делом должен идти в обком? Нет, я иду в исполком. Меня, может быть, и волнует, что идеология В. Чорновила – антикоммунизм. Но он народом избранная власть. Мы три часа говорили. Обо всем договорились. Не сошлись только в понимании необходимости сохранения Союза. Но это не нам решать.

Нормальные коммунисты, без догматических комплексов, включая и руководство Львовского обкома КПУ, меня понимали, но у некоторых это вызывало раздражение. Как это так? Министр внутренних дел сказал, что с «ними» можно говорить, а они демонтируют памятники? Нужно говорить! Если не говорить, тогда что делать?

Конечно, осквернение памятников Ленину, и не только Ленину, – безобразие. Это вандализм в любом государстве. И задача милиции – найти вандалов. А что делать, когда демонтаж производится по решению советской власти? Арестовать председателя Совета, который расписался под этим решением? Это уже не в компетенции милиции. Но такая позиция не устраивала С.И. Гуренко. Милиция все равно должна защищать идеологические святыни партии. А как быть с законом? Это КПУ не интересует. Не лучше ли коммунистам организовать общественное мнение против решения Совета и добиться его отмены? А то и переизбрать председателя.

Как я уже говорил, поводом для моей отставки стал рост преступности. Здесь недовольство деятельностью министра имело объективную основу. И здесь первую скрипку играл председатель Совмина Н.И. Рыжков. Думаю, он искренне хотел покончить с

преступностью, а заодно и с министром, который на президентских советах не соблюдал субординацию, упрекал Николая Ивановича в том, что лично им был упущен шанс начала конструктивной работы на базе политического согласия с программой «500 дней».

Правительство хотело идти вперед, ничего не меняя. Но кто-то (без участия правительства?) все-таки развалил экономику. Как сказал Н.И. Рыжков в интервью «Правде»: «Надо было отдельные венцы заменить, а мы всю избу раскатали…»

Я тоже против того, чтобы сначала все сломать, а потом строить. Но должна быть ясная цель. А цели у правительства не было. Спросите у любого специалиста, это – великолепные условия для роста преступности. Что и произошло. Но ведь преступность вторична. Не она порождает развал экономики, а развал экономики порождает преступность. Николай Иванович говорил, что люди готовы мириться с тем, что сегодня молока, мяса нет, но они не могут мириться с преступностью. Причем представлялось, что стоит милиции заработать – и проблема решена. Молоко появится. Милиция работает, но у сложных проблем нет легких решений. Административными мерами нельзя покончить с преступностью. Отголоски этого упрощенного подхода никак не могут исчезнуть. Никогда с преступностью не покончить. Другое дело – пора бы начать с ней бороться[8].

Как и полагается, организовали кампанию в партийной прессе. У меня хорошие отношения с журналистами. Мне рассказывали о заседании редколлегии в газете «Правда»: «Как это так: преступность растет. И популярность Бакатина растет. Примите меры».

И меры приняли вплоть до поиска компромата. В мусорных баках найти ничего не смогли. Не воровал я, в отличие от некоторых. Стали придумывать всякие небылицы.

Конечно, о примитивных нападках в прессе не стоило бы и говорить.

В общем, сговорились и били в одну точку: министра в отставку. Я два раза поднимал этот вопрос перед президентом: «Не доверяете – уйду». Горбачев мне говорил:

«Ну что ты ходишь? Я ведь тебе претензий не предъявляю. Я тебе доверяю».

На политбюро осенью 1990 года пригласили неожиданно, без повестки: Крючкова, Сухарева и меня. Шел разговор о ситуации в стране. Выступил В. Крючков. На вопрос «что делать?» предложил вводить президентское правление по всей стране. Его с восторгом поддержали.

Выступил и я. Как мне потом говорил один товарищ,

выступил я «неприлично». Сказал, что мне страшно за партию с такими членами политбюро, и был категорически против введения в стране чрезвычайного положения. Горбачев тоже был против. Тогда началась вторая волна выступлений, уже не за чрезвычайное положение, а за то, чтобы поставить на место какого-то там министра, который бог весть что себе позволяет…

Сильно меня раскритиковали. Не меньше досталось и А.Я. Сухареву. Вскоре после этого его сняли. Позже он мне позвонил, сказал: «Скоро то же будет с тобой. Нельзя позволять, когда безвластие валят на правоохранительные органы». Я сказал: «Не позволим».

В октябре Михаил Сергеевич меня пригласил и предложил работу заместителем председателя Совета Министров СССР по вопросам национальностей. Я попросил время подумать.

На следующий день утром во Дворце съездов шло какое-то мероприятие. До начала встретиться не удалось. «Посиди в зале, послушай. Тебе полезно. Потом поговорим». По-моему, шел профсоюзный съезд. Горбачев и Рыжков сидели рядом в президиуме. Немного погодя пошептались, и Николай Иванович прошел в зал. Подсел ко мне: «Ну как, согласен?» Я сказал, что хотел бы говорить с Горбачевым. Он вернулся в президиум, и вскоре Горбачев ушел за сцену, куда пригласили и меня. Я готовился к длинному разговору. Чтобы чего-нибудь не упустить, даже изложил его схему на бумаге. Начал. Но Горбачев не дал мне много говорить: «Ты говори, согласен или нет?» – «Нет, не согласен, считаю, что это ошибка…» – «Ну иди работай, но только смотри, спрашивать будем…»

Мне почему-то стало смешно. Я говорил президенту, что все обвинения в мой адрес шиты белыми нитками.

«Развалил милицию…» У нас плохая милиция. Но если сравнивать милицию с экономикой, то милиция выглядит блестяще. И хоть развалить ее стараются со всех сторон и кризисные явления в ней есть, милиция еще держится. И в то время даже пользовалась некоторым уважением среди людей.

«Милиция недорабатывает…» Все относительно. Смотря с кем сравнивать. Условия, в которых последний год работает милиция, небывало трудные. Работает она как умеет. Не хуже и не лучше. Но работает гораздо больше, чем раньше.

Вопрос в другом. Всех тех, кто информирует президента, не устраивает не милиция, а моя позиция по ряду вопросов. Главные обвинения – «перебежчик, переметнулся к демократам, потакает сепаратистам, деполитизирует милицию и вообще…». Интересно, курс на демократизацию – это чья политика? Я ее придумал? Михаил Сергеевич – демократ? И я к нему «переметнулся»? Да я

всегда с ним. Критикую? Да. Но какая демократия без критики?

Я свою позицию никогда не скрывал. Неоднократно излагал в средствах массовой информации, в выступлениях, докладывал лично президенту. Она не застывшая. Она меняется. Я – за отказ от идеологических догм и за переход к политике здравого смысла.

В деятельности милиции главный принцип – законность при минимуме насилия. Для этого надо, чтобы милиция была сильной, а не слабой. Не допускать раскола правоохранительной системы по национальным, территориальным, политическим, профессиональным или иным мотивам.

Нельзя допустить, чтобы идеологические споры решались силой. И важно, чтобы именно КПСС нашла выход из этой трудной ситуации политическим путем, не прячась за спины административных органов.

Поручая мне этот участок работы, на мои возражения мне говорили, что нужен «не милиционер, а политик».

Я плохой политик для московской политической элиты. Язык мой – враг мой. В этой среде откровенность почитается за глупость. Здесь нельзя быть откровенным.

Моя отставка не будет способствовать стабилизации ситуации. Может быть, она будет использована лидерами КП Литвы и Латвии для демонстрации своего «веса», но это им не поможет. Они уже давно проиграли, и милиция здесь ни при чем.

Если говорить об идее зама по межнациональным вопросам, то она в тех условиях не могла сработать. Это будет просто «мальчик для битья». У него не будет никаких реальных рычагов власти. В Министерстве внутренних дел для решения межнациональных проблем могло быть больше возможностей. Мне представлялось, что этот вопрос надо решать именно через МВД. Кто бы министром ни был.

Я говорил Горбачеву, что сомневаюсь в чистоте замыслов тех, кому мешаю. Как бы они в очередной раз не ошиблись. Тактика проволочек, обмана, полумер, равно как и бодряческие призывы к «действию», к «порядку» через насилие, ведут к поражению.

Развязка наступила в ночь с 16 на 17 ноября. Верховный Совет заслушал доклад президента «О положении в стране». Доклад оставил тяжелое впечатление. По-видимому, Михаил Сергеевич пережил мучительную ночь. Держал совет с товарищами. Эти «товарищи», как говорят, предъявили ему ультиматум. В итоге утром, вне регламента, новое короткое и энергичное выступление из восьми пунктов, вызвавшее аплодисменты.

Горбачев сделал выбор. Не все и не сразу это заметили. Он

вновь качнулся от «так называемых демократов» к «товарищам по партии». Смысл выступления был в демонстрации «сильных» мер. Но на самом деле была продемонстрирована слабость, уступки членам политбюро. Ничего там толкового не было. Упразднить Президентский совет («второе политбюро»). Ну и что? Что от этого изменилось? Осуществить безотлагательную коренную реорганизацию исполнительной власти, подчинив ее непосредственно президенту. Прямо по басне Крылова.

Предложение через 10–12 дней сформировать орган по координации деятельности правоохранительных органов. Дело не в новых органах, а в политике государства. Орган так фактически и не заработал, если не считать сотворенного беззакония в Прибалтике да демонстрации бессилия перед российскими депутатами.

Такие же спешные дежурные перлы, как «мною поручено срочно разработать и представить в ближайшие десять дней перечень неотложных мер по продовольственному снабжению населения», говорят либо о том, что в предыдущие месяцы не нашлось этих «десяти дней» по столь жгучей проблеме, либо о том, что президент плохо представлял реальное положение вещей. И так далее и тому подобное…

Короче, речь мне совсем не понравилась. А больше всего не понравилась уступка демагогам, прозвучавшая так:

«Справедливо звучат требования укрепить правопорядок, обеспечить защиту безопасности каждого из граждан нашей страны. И здесь оправданы безотлагательные организационные и кадровые изменения…»

Что касается «кадровых изменений», все ясно: меня по настоянию бессильных членов политбюро, полностью потерявших влияние в своих республиках, но сохранивших какое-то влияние на генсека, снимают с работы. Горбачев им уступил ради какого-то секундного удовольствия от похвалы «единомышленников», которые очень скоро… его предадут.

Заседание Верховного Совета закончилось. Все возбуждены. Ну, теперь дело пойдет! Прошел в президентский блок. Михаил Сергеевич с помощником что-то обсуждают. Спрашиваю:

– Михаил Сергеевич, как понимать задачу укрепления руководства правоохранительных органов? Мне продолжать работать? Думать над тем, как реализовать ваши восемь пунктов, или, может быть, дела готовить к сдаче?

Горбачев собирался лететь в Испанию, Италию.

– Слушай, освободи ты меня. Видишь, какая кипа бумаг. Завтра вылетать. Давай занимайся. Приеду, поговорим.

Ему лететь, а мне что делать? Вопрос серьезный. Решил

представить А.И. Лукьянову для депутатов свое видение ситуации (см. приложение 2).

В день подписания указа о моей отставке Горбачев в три часа дня пригласил меня:

– Ну вот, как мы говорили с тобой, теперь время подошло. Тебе надо уйти с этой работы.

Я ему сказал:

– Вы правы, Михаил Сергеевич, вы меня сюда поставили, вы вправе меня убрать. Я это много раз вам говорил, и у меня на вас никаких обид не может быть. Если бы я был кадровым милиционером, прошел бы всю жизнь до генерала, то это – крушение моей жизни. МВД для меня все-таки случайность. Я не просился на эту работу – вы меня поставили. Я вас не устраиваю, вы меня можете убрать… Но я уже вам говорил, что это ошибка…

Он слушать не стал.

– Все, вопрос решен.

Но разговор был добрым.

– Сейчас намечаются большие структурные изменения. Николай Иванович Рыжков будет уходить. Будет создан Совет безопасности. Думаю, что и тебе можно найти место в этих структурах…

Я ему сказал:

– Та политика, которую вы начали, мне понятна, поэтому я согласен с вами работать. Совет безопасности, как я представляю, интересная работа.

– Ну хорошо, догуляй отпуск, а потом определимся спокойно…

Я ушел неожиданно расстроенным.

Указ вышел в тот же день. 3 декабря, в понедельник, выхожу на работу, звоню Лукьянову:

– Что мне делать?

– Я не знаю.

Звоню Рыжкову, он отвечает:

– Не знаю. Работай.

А потом звонит уже Рыжков:

– Собирай коллегию на 12:30.

Собираю коллегию. Он приезжает с Б.К. Пуго. Очень коротко: вот указ президента, вот – новый министр, Борис Карлович Пуго, вопросы есть? Вопросы какие-то были…

С Пуго просидели с часу до шести часов, не вставая. Говорили откровенно обо всем, что его интересовало и что я ему хотел сказать. Потом собрал руководителей, поблагодарил за совместную работу, попросил прощения за вольные и невольные

прегрешения, пожелал удачи… Прения не открывали.

Потом был Верховный Совет СССР, который не соглашался с моей отставкой. Горбачев нервничал, несколько раз вставал, убеждал депутатов. Я не стал выступать.

Попросил только не вносить дополнительное напряжение там, где его можно не вносить: «Вчера от президента требовали решительных действий, сегодня – объяснений. Нет логики». Решение так и не проголосовали.

Мне было жаль расставаться с милицией, но ничего не поделаешь. Всегда считалось, что замена кадров является прекрасной имитацией бурной деятельности, силы и решительности генсека ли, президента ли… Какая разница?

Слабым утешением могла служить, конечно, притянутая за уши некоторая общность с судьбой моего деда Александра Бакатина. Колчаковское правительство сняло его с должности начальника дружины по охране шахт и электростанции за демократизм, выразившийся в умышленном бездействии. Не стал стрелять в митингующих пролетариев. И меня теперь уже «пролетарская» власть отправила в отставку, считая «демократом», неспособным силой милицейского оружия разгонять демократические демонстрации трудящихся и препятствовать демонтажу монументов В.И. Ленину.

Глава 10
Провал

Побеждают лишь те, кто сражается.

Луи Антуан де Сен-Жюст

После отставки, с декабря 1990 года, большую часть времени я уже не был активным участником событий, которые все более и более выходили из-под контроля властей.

Итоги 1990 года впервые после начала перестройки принесли снижение производства и национального дохода. Разбалансированность экономики и ущербность социалистического рынка были налицо. Страна вступала в новый год без утвержденного бюджета. Незаключенные договоры грозили остановкой промышленности. Перспективы на селе были еще более туманны.

Неуправляемость нарастала по мере того, как республики демонстрировали свою суверенность, стремясь то ли спастись в одиночку, то ли что-то доказать теряющему власть Кремлю.

После 17 ноября 1990 года маятник пошел в сторону «закручивания гаек». Началась демонстрация поворота к «сильной руке». Политическая борьба вступила в новый этап. Мне не было там места. В то время в своем понимании перестройки нашего социализма я уже серьезно расходился с партийным руководством, остававшимся, по существу, верным старым догмам ленинизма. Уходить из КПСС я не собирался, все еще надеясь на ее трансформацию. С другой стороны, не принимал примитивный, митинговый антикоммунизм демократов. И как оказалось, не ошибся, считая, что «антикоммунистическая демократия» ущербна и не сможет естественно войти в приемлемый для постсоветских условий политический спектр. Центристская позиция социал-демократов, которую я разделял, существовала только в воспаленном мозгу небольшой группы политиков и не имела серьезной поддержки народных масс.

Освобожденный Горбачевым с поста министра по настоянию сторонников силовых методов решения политических проблем, я вскоре заметил и недовольство демократов. Отсиживаюсь, мол, не оправдываю надежд, продолжаю поддерживать президента. Они были правы. Так уж получилось, что я, как и многие, остался один, сам по себе, не примкнул ни к одной из множества новых политических групп. Если внимательно посмотреть мою карьеру,

то «политическое одиночество» встречается в ней довольно часто. Во многом это происходит и происходило из-за моего воспитания и характера.

А Михаила Сергеевича Горбачева я действительно всегда поддерживал. И виноват в том, что считал важным поддерживать даже тогда, когда наши взгляды на проблему в чем-то расходились. В свое оправдание скажу, что делал это сознательно, поскольку верил, что курс «перестройки», ставший курсом на демократические преобразования экономики и общества, – верный курс. В русле исторической перспективы общечеловеческого развития его невозможно изменить. Затормозить можно, хаосом безвластия замучить людей тоже, оказывается, можно… Однако все равно этот процесс не остановить. И возврата назад нет.

Я был убежден, что Горбачев искренне и глубоко понимает необходимость и неизбежность коренного преобразования страны, ее экономики, политической системы. Мне нравилась его внутренняя демократичность, мягкость, человечность. В то же время в это трудно поверить, но самый большой реформатор нашего века страдал своеобразным догматизмом. Слепая, какая-то фатальная приверженность «социалистическому выбору» очень ему мешала. И ее давно, по крайней мере, значительно раньше, чем он впоследствии это сделал, следовало бы теоретически примирить и совместить с полноценной нормальной рыночной экономикой, допускающей частную собственность на средства производства, а значит, и… «эксплуатацию». Я не понимал демократии без рынка, рынка – без частной собственности, частной собственности – без «эксплуатации» и в этом был ближе к «демократам», чем генсек. За что и критиковали меня товарищи по партии. Объясниться с Горбачевым было довольно трудно. По-видимому, он не хотел этого и шутливо уходил от разговора: «Да знаю я твои заблуждения…» Тем не менее сомнения у меня были, и я для успокоения души как-то написал жалобное письмо, выдержку из которого привожу здесь:

…Я не скрываю своих взглядов, и тем более я не намерен скрывать их от Вас. Вместе с тем в последнее время я ощущаю какое-то расхождение между своим пониманием отдельных сторон политики, стратегии и тактики перестройки и «официальным» курсом.

…Я должен коротко изложить свою позицию.

1. В экономике я за постепенный, взвешенный, дозированный переход от централизованного планирования к регулируемому рынку. За смешанную экономику. За допущение (под контролем)

частной собственности. А значит – и эксплуатации.

2. В отношениях с республиками. Перестать их уговаривать, а тем более держать насильно. В основе может быть только взаимная заинтересованность.

Не важно, как назвать: «федерация» или «конфедерация». Существо Союза в содержании обновленного Союзного договора.

3. Я за создание Российской компартии. И лучше союз самостоятельных компартий, чем раскол КПСС по платформам.

4. Меня беспокоит все более и более проявляющаяся позиция части политического руководства страны. Призывы к решительному применению силы. Суть этой позиции в заблуждении, когда трудности КПСС в борьбе с политическими противниками пытаются переложить на правоохранительные органы.

На деле это приводит к сталкиванию правоохранительной системы с массами…

Несколько позже при очередной встрече он сказал мне: «Давай работай, я знаю твои убеждения!»

Обвинения М.С. Горбачева чуть ли не в организации карабахской, тбилисской, бакинской трагедий – полнейшая чушь шизофренических «писателей». Если его и можно в чем-то упрекнуть, если за это можно упрекать, так это в патологической осторожности при применении силы. Горбачев здесь абсолютный антипод Ельцину. Последний вначале бил, а потом думал.

Очевидно, что применение административных и «силовых» мер, если они не выходят за рамки закона, и необходимо, и допустимо, но окажется вредным и бесполезным, если эти меры не будут способствовать углублению демократических преобразований экономики и Союза. Что и произошло в конце 1990 – начале 1991 года, когда президент дрогнул.

Вильнюсская кровавая авантюра и беззаконие милиции в Риге конечно же не работали на укрепление дружбы народов. Политики, которые на это пошли, думали, что Союз и «дружбу» они, как прежде, будут держать силой. Жаль, что они не понимали, что именно этим они Союз разваливали окончательно.

После отставки я продолжал находиться в кругу высших государственных чиновников. Получил в Кремле огромный кабинет. Был небольшой аппарат. Готовили проекты документов, чтобы могла реализоваться неожиданно воспринятая М.С. Горбачевым идея Совета безопасности. Но я чувствовал, что Горбачев изменил ко мне отношение, что меня все более и более отстраняют от дел. На совещания, как это было раньше, к себе не приглашал. Информацию скрывали. Попасть к нему на прием

стало непросто.

Мы с Е.М. Примаковым главным образом по собственной инициативе занимались массой самых различных вопросов, докладывая свои предложения президенту. Продуктивность работы была весьма низкой. Не думаю, что более эффективными были и решения «президентской кухни», которая варилась втайне от нас и от А.Н. Яковлева. В то время он находился в опале. Наши кабинеты были рядом, и мы часто советовались с ним по многим вопросам. Но о подготовке вильнюсской авантюры никто из нас не знал.

Поздним вечером 13 января позвонил мне на квартиру министр внутренних дел Литвы Мисюконис. То, что он рассказал, было для меня полной неожиданностью. Мисюконис сообщал, что не может дозвониться до руководства МВД, чтобы попытаться остановить побоище, которое идет в Вильнюсе. Армия с применением танков и спецназ, прибывший из Москвы, штурмуют телецентр, на защиту которого вышли толпы жителей города. Есть жертвы. Погибло более десяти человек. Действует какой-то Комитет национального спасения во главе с руководством компартии Литвы. Чувствовалось, что этот мужественный человек на этот раз был в полной растерянности. В еще большей растерянности оказался я. Надо было что-то делать. Но что? Я пообещал ему немедленно доложить о случившемся Горбачеву, который, надеюсь, даст команду на прекращение беззакония.

Тотчас же позвонил Михаилу Сергеевичу. Он был на даче. Информация его не удивила. Как он сказал, Крючков уже докладывал. Я сильно преувеличиваю и зря нервничаю. Погибло где-то один-два человека. Самоуправство военных прекращено.

Я возмущался, кричал, что ручаюсь за точность информации, давно знаю Мисюкониса, врать он не будет. Ничего не прекращено. И дело не в спорах о числе погибших, а в том, что творится беззаконие, в котором опять участвует армия и гибнут люди. Горбачев сказал, что он возмущен не меньше меня: «Завтра разберемся».

С утра мы с Е.М. Примаковым и А.Н. Яковлевым были у него в приемной. По телевидению шла трансляция заседания Верховного Совета. Депутаты кипели от негодования. Требовали Горбачева. Не знаю, чем таким важным он занимался, но из кабинета не вышел. Нас принял где-то через час. Мы, перебивая друг друга, прямо от двери, даже не садясь, стали убеждать его в том, чтобы он немедленно выступил и отмежевался от авантюры, которую организовали в Литве коммунисты, немедленно поручил расследовать беззаконие и виновных предать суду.

Горбачев не был похож на себя. Вроде бы и возмущался

вместе с нами, но чувствовалось, что у него на этот счет свое мнение. Он не мог «отмежеваться», ибо, конечно, не мог не знать того, что замышлялось в Литве КГБ и армией. Выступил он с оценкой вильнюсских событий по телевидению только через неделю. Оценки были весьма расплывчаты. Политика «сильной руки» начала давать сбои, продемонстрировав бездарность организаторов. Ночью танками захватить телецентр. Неужели других вариантов не было? Без танков? Как покажет позже путч, у этих «спасителей отечества» танк был самой любимой игрушкой.

Столь же неожиданной для меня была и февральская глупость, организованная МВД по указанию Горбачева. Ко дню открытия российского съезда наводнили Москву войсками. Слава богу, танки не ввели. Что хотели продемонстрировать? Кого хотели напугать? Ясно показали, что сами боятся, что аргументы реформаторской власти оказались исчерпаны.

Короче говоря, М.С. Горбачев сам, поворотом к политике «сильной руки», на что он абсолютно не способен по своему характеру и которая, как и следовало ожидать, провалилась после появления первых жертв, сам организовал начало конца перестройки. Ибо перестройка – это демократия и закон, но никак не спецназ и не тайные операции.

«Рокировочка», которую для имитации энергичной деятельности провел М.С. Горбачев, заменив Президентский совет на Совет безопасности, вскоре выявила свою показушность. Президент работал сам по себе со своей командой, Совет безопасности значился только на бумаге. Концепции безопасности не было. Хотя, переходя от тоталитаризма к демократии, надо было о ней позаботиться. И для переходного периода особенно.

Серьезной ошибкой команды Горбачева было легкое отношение к проблемам сокращения и реформы армии, а главное, конверсии гигантского военно-промышленного комплекса. Его потенциал был мощной основой для экономического роста, энергичного изменения структуры экономики в пользу рынка, в пользу потребностей человека. Но здесь требовалась не менее мощная политическая воля. Ее не оказалось ни у «перестройщиков», ни у «демократов». Вместо спасательного круга получился камень на шее, который пришлось снимать уже в XXI веке В.В. Путину.

Вся гамма радикалов и демократов поддержала Ельцина. КПСС была против демократов и против Горбачева. Он остался один.

Как это ни парадоксально звучит, победить антикоммунизм можно только путем отказа от коммунистического догматизма.

Так я считал. И считал, что инициатива – в руках КПСС.

Об этом я не раз говорил и писал генеральному секретарю, выступал на пленумах ЦК, в печати.

Но тогда, в 1991 году, понял, что КПСС упустила время и достижение политической стабилизации через возврат народного доверия компартии невозможно. Да и было ли когда-нибудь это доверие? По-видимому, это просто изначально было невозможно. КПСС была уникальной партией по своей природе. И даже не партией вовсе, а чем-то большим. Огромным мавзолеем по хранению застывших остекленевших догм ленинизма-сталинизма и ненависти к инакомыслию. Доказательство тому – нынешняя политика немногочисленных остатков от КПСС. И самой респектабельной из них – КПРФ. Заходя значительно дальше материалистов социал-демократов в отношении к религии, не брезгуя националистическими лозунгами «псевдопатриотов-державников», элита этой партии, как какое-то проклятие, какой-то рок несет и не может сбросить с себя догматическую шелуху ленинизма, придуманную «верным продолжателем дела» – И.В. Сталиным. И это очень мешает ей стать настоящей парламентской социал-демократической партией.

Идеология идеологией, но еще более сложно разрешимым был в то время комплекс межнациональных проблем и национально-государственного устройства.

Национальной политики в стране, где еще недавно заявлялось о полном и окончательном решении национального вопроса, конечно, не было. Понять, какой она должна быть, не смогли ни тогда, ни, к сожалению, сейчас.

С одной стороны, сквозь пальцы смотрели на экстремистский сепаратизм армян Карабаха, с другой – не желали понять, обсудить, договориться с прибалтийскими народами, правовую сомнительность присоединения которых к СССР нельзя было отрицать. Вспомните, как М.С. Горбачев «не мог найти» секретных протоколов к пакту Молотова – Риббентропа. Это можно назвать по-разному, но это – не национальная политика.

Плохо, что и руководство России, используя критику горбачевских ошибок в своих, как оказалось, далеко идущих личных планах, так же не понимало опасности ситуации, не знало путей выхода из явного кризиса системы, преодолеть который перестройка не смогла. Мало того, именно непонимание руководством РСФСР специфической, ни с чем не сравнимой роли России в Союзе, в необходимости его сохранения в конечном счете и привело к трагедии.

Я считал, что Союз должен быть сохранен. Многонациональный, культурный, экономический,

интеллектуальный и нравственный потенциал народов Союза являлся гарантией более спокойного, менее драматичного переходного периода к новому обществу. Любая дезинтеграция не имеет исторической перспективы, идет против хода объективных геополитических процессов. СССР представлял собой комплекс реальностей гигантской массы, чтобы его разрушение не потрясло не только народы нашей страны, но и весь мир. Был только один путь сохранения Союза – мирный путь. Путь добровольного согласия союзных республик и признания союзной властью их деклараций о суверенитете. Только слепец или злоумышленник не может признать преимуществ добровольного Союза, где центр не командует, а служит интересам каждой республики, не имея каких-то своих интересов, кроме совокупного интереса всех республик.

Но если какая-то республика выскажется за выход из Союза, пусть уходит. Держать нельзя. Есть Конституция, и есть Закон, но как минимум три условия должны быть соблюдены:

– это должно быть действительно свободное волеизъявление большинства;

– все права меньшинства должны быть гарантированы;

– интересы Союза в области стратегической обороны транспортных, энергетических систем и тому подобное должны быть соблюдены на основе долгосрочных договоров.

Однако это было мое мнение. Пусть и не только мое. Конечно, не только мое. Но оно ничего не стоило. Об этом можно было писать в газетах, говорить с членами правительства, но власть шла своим путем, мнение отставников, упавших с телеги власти, ее не интересовало.

Вместо постепенного, планомерного перехода к рыночным отношениям – политизированные экспромты с кооперативами, заигрывание с «самоуправлением» трудовых коллективов и т. п. Воспитанное десятилетиями полунищенского, но одинакового для абсолютного большинства существования чувство социалистической социальной справедливости надо было если и не уважать, то по крайней мере учитывать при проведении любых реформ.

Окончательного, ясного выбора цели и пути к этой цели в главном, в базисе, в экономике мы так и не выработали. Все эти «основные направления» и «программные заявления» больше вносили путаницы, чем ясности.

Горбачев в этом со мной не был согласен. Наверное, ему как президенту были ясны цели его политики. Но беда в том, что не все понимали эту политику и ее цели. Мало того, понимали по-разному. Как кому удобно. Одни – за «больше социализма»,

другие – за «больше демократии», то есть за рынок. Как у Козьмы Пруткова: «Многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы; но потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий».

Вопрос может быть сформулирован по-разному, но суть его очень проста.

Что для страны важнее?

Нормальная деидеологизированная рыночная экономика.

Или важнее наши личные переживания и мучения вокруг вопроса: изменяем мы «социалистическому выбору», теории марксизма-ленинизма или нет?

Для меня ответ был только один. Экономика важнее. А все идеологические мучения просто надуманы. Ибо любой мало-мальски толковый младший научный сотрудник как дважды два четыре докажет, что «социализма», измеряемого в том числе и прежде всего уровнем реального благосостояния народа на базе эффективной современной рыночной экономики, может быть гораздо больше.

А «больше социализма» – это же наш родной партийный лозунг… Чего боялись?

Конечно, нам рано говорить о победе демократии.

Нет демократии, потому что для ее формирования и становления необходимы естественные и весьма продолжительные сроки, а главное, экономическая и социальная база. Конечно, тот, кто считает демократией «демократический централизм» одной партии или «демократию денежных мешков», может поспорить, но объективно надо признать необходимость довольно сложного периода замены партийно-государственной власти новыми демократическими структурами.

Здесь много опасностей *перескочить от произвола власти к произволу безвластия или власти олигархии.* Воспитанная десятилетиями вера в чудодейственность «доброго царя», к сожалению поддерживаемая и в ходе перестройки и впоследствии, в ходе «реформ», обязательно сменится на всеобщий нигилизм, неверие, недовольство и агрессивность.

Для эмбрионального периода демократии характерно и нетерпение в отношении к кадрам, желание частых замен, причем, как правило, для этого используются известные политики «старой колоды», хотя иногда появляются и новые имена.

Эту закономерность я испытал непосредственно на себе. Были конкретные предложения и выдвижения. Группа «Союз», которая позже добивалась моей отставки, на съезде народных депутатов в марте 1990 года неожиданно выдвигает мою кандидатуру на пост

президента СССР.

В Кремлевском дворце съездов члены правительства располагались справа от сцены на анфиладе, спускающейся в партер зала. Во время заседания ко мне подсел один из лидеров «Союза». Сейчас уже точно не помню, кажется, это был депутат из Эстонии. «Вадим Викторович, – говорит, – вчера мы собрались и решили голосовать против Горбачева. Будем выдвигать в президенты вас…» От этого «простенького» предложения я отшутился. Однако на следующий день понял, что ребята не шутили. Они все-таки внесли мою кандидатуру для обсуждения в список для тайного голосования. Я тут же написал в президиум съезда записку:

В президиум съезда
от В. Бакатина
Уважаемые товарищи депутаты!
Я слишком высоко ценю и дорожу вашим доверием и потому прошу снять мою кандидатуру с обсуждения.
Выдвижение произведено без моего согласия и явилось для меня полной неожиданностью. Принять такое предложение я не вправе.
14.03.90
В. Бакатин

А.И. Лукьянов, председательствовавший на съезде, по-видимому, был заинтересован, чтобы я был включен в список. Почему? Не знаю. Выиграть я не мог. Как потом говорили некоторые аналитики, максимум, на что я мог рассчитывать, семьсот голосов. Может быть, он что-то обещал группе «Союз», с которой у него были весьма неформальные отношения… Не знаю. Но только мое заявление он «потерял»… Когда начали обсуждать мою кандидатуру, мне пришлось выйти на трибуну и попросить Анатолия Ивановича «найти» бумажку. Что он и сделал.

Был целый ряд выдвижений на партийные должности. Как на I съезде Российской компартии, так и на XXVIII съезде КПСС, где мой земляк Т.Г. Авалиани из города Киселевска не снял свою кандидатуру на генерального секретаря ЦК КПСС и тем самым позволил мне красиво выйти из игры. Делегаты согласились, что даже из такого прекрасного, рожденного социализмом города, как Киселевск, двух кандидатов многовато. Но если серьезно, в то время я для себя решил, что хватит менять работу. Надо осваивать трудный хлеб министра.

Со стороны М.С. Горбачева мне никаких предложений не было. Он, видимо, совершенно справедливо не видел меня среди политбюровской верхушки. По крайней мере, когда группой

секретарей райкомов и горкомов вносилась моя кандидатура на пост его заместителя и его попросили поговорить со мной на эту тему, он пообещал, но мне ничего не сказал. Товарищи сильно потом возмущались.

Где было давление ЦК КПСС и лично М.С. Горбачева, и довольно мощное, так это тогда, когда проходил I съезд российских депутатов и в ходе драматического равновесия благодаря неуклюжей партийной агитации председателем Верховного Совета РСФСР стал Б.Н. Ельцин. Меня же хотели включить в эту борьбу, спешно выдвинув кандидатом в депутаты РСФСР от Хакасии по какому-то отставшему округу. Но я отказался. Нехорошо бежать за ушедшим поездом, а тем более быть пешкой в чужой игре. Михаил Сергеевич теперь при наших редких встречах упрекает меня за это. «Все, – говорит, – ты испортил, могло бы пойти по-другому».

После того как россияне высказались за президентскую форму правления, советы – и приезжающих из глубинки, и москвичей, и даже представителей других республик – были, как правило, одни: будет непростительной ошибкой, если опять, в очередной раз, откажешься от борьбы. М.С. Горбачеву на эту тему присылали записки, письма, рассуждения политологов. Вначале он меня убеждал, что это необходимо, но позже характер разговоров изменился.

У него появились сомнения. Немаловажную роль сыграл здесь Н.И. Рыжков, заявивший, что включается в борьбу за президентство. Его шансы в военно-промышленном комплексе, на селе были высоки. Компартия России решила его поддержать.

Что мне было делать? Конечно, не в пику сомнениям Михаила Сергеевича, а исключительно по собственной глупости и совести я принял, как теперь совершенно ясно, ошибочное решение баллотироваться в президенты России.

Я не имел морального права отступать после того, как кировчане собрали более ста тысяч подписей. Но, наверное, определяющим явилось мое психологическое состояние. Состояние начальника – отставника, который десятки лет командовал, привык властвовать, а теперь фактически не у дел. По сути, режим советника, в чьих советах не нуждаются. И хотя я никогда не был и сам себя никогда не считал чересчур властолюбивым, тем не менее состояние после отставки было если и не скверным, то уж точно довольно двусмысленным. Мне казалось: я знаю, понимаю, что надо делать. Вижу, что многое 2 делается не так, но был бессилен повлиять на принятие решений. Отсюда, скорее всего, и эта отчаянная авантюрная попытка снова вернуться во власть.

17 мая 1991 года я направил в Центральную избирательную комиссию по выборам президента РСФСР заявление о согласии баллотироваться в качестве кандидата в президенты РСФСР и выступил по первой программе телевидения о том, что мы с Рамазаном Гаджимурадовичем Абдулатиповым, председателем Совета национальностей Верховного Совета РСФСР, согласившимся баллотироваться в вице-президенты, берем на себя всю ответственность, вступая в предвыборную борьбу.

…Никто не может упрекнуть нас, что мы ищем легкой работы в это трудное для народов России и всего Союза время…

Еще не вечер, и судьба России – в руках ее народа.

Как потом оказалось, это были напрасные слова.

Я думал, что смогу решить главный вопрос – сменить конфронтацию между центром и Россией на сотрудничество. Это был ключ к сохранению Союза, ключ ко всему.

М.С. Горбачев сказал мне, что будет соблюдать нейтралитет, но, по-видимому, «болел» за Рыжкова. В ходе выборов я с ним ни разу не встречался и не говорил. Своим советникам и части сотрудников аппарата он разрешил исполнять мои просьбы. Но просьб было немного.

Общероссийскую сеть из доверенных лиц и группы поддержки создавать времени уже не было. Работал только штаб в Москве.

Кто-то предложил посмотреть, как я среагирую на предложение идти вместе с Б.Н. Ельциным вице-президентом. По крайней мере, буквально через несколько часов после того, как я направил заявление в избирком, мне позвонил, как он сказал, по поручению Б.Н. Ельцина Сергей Степашин и попросил конфиденциальной встречи. Встреча тут же состоялась. Я попросил поблагодарить Бориса Николаевича. Сказал, что думать на эту тему уже не имеет смысла, только что мной подано заявление в избирком.

«Прощупывали» меня на предмет избираемости и Г. Бурбулис, другие известные демократы. Я сказал Бурбулису, что в любом случае, когда приму решение баллотироваться, сразу поставлю в известность председателя Президиума Верховного Совета РСФСР, а главное – я не намерен вести кампанию «против личностей». Работать должны программы кандидатов.

Я считал, что можно провести кампанию без обычной суеты и мишуры, плакатов, листовок, помпезных встреч и тем более без популистских обещаний и заигрывания с различными группами, социальными слоями населения ради голосов. Достаточно

донести до людей через средства массовой информации, через теледебаты существо программы и общие жизненные принципы кандидата, а люди сами разберутся.

Но здесь я тоже ошибся. Коммунистическая печать поддерживала Н.И. Рыжкова. Другие средства массовой информации работали на Б.Н. Ельцина. Всех остальных держали в информационной блокаде.

Рассудочно, без эмоций я понимал, что иных итогов выборов, кроме победы Б.Н. Ельцина, быть не может, но в глубине души на что-то надеялся, считал, что смогу составить ему какую-то конкуренцию. Во всех остальных я не видел серьезных конкурентов, участие Н.И. Рыжкова считал ошибкой. В итоге – ошибся сам и проиграл всем.

Первый и единственный раз за всю жизнь я писал заявление о приеме на работу в июле 1960 года: «…прошу принять меня на работу мастером-строителем с окладом по штатному расписанию…» А через 31 год написал второе заявление уже «в президенты».

Со всех сторон эксперты давали советы, приводили аргументы. Нарастание в обществе пессимизма и тревоги… Глубокие разочарования и в Горбачеве, и в Ельцине… Несоразмерный популизм российского правительства, в связи с чем ни одна из широко разрекламированных акций не реализована: ни жилищная, ни земельная реформы, ни приватизация. Эффективность управления российским хозяйством близка к нулевой, что в такой же мере, естественно, относится и к бессильному кабинету Павлова.

…Опираясь на эти настроения, эксперты советовали мне предложить программу политика, способного консолидировать «левых» и «правых». При этом важно не выставлять себя конкурентом Б.Н. Ельцина или Н.И. Рыжкова, а аккумулировать все лучшее, что есть в текущей политической жизни. Это совпадало с моими убеждениями. Были советы отмежеваться от М.С. Горбачева.

Мне представлялось несколько вариантов программ. Но я ни на кого не могу «спихнуть» даже часть вины за свой проигрыш, ибо все принципы программы выбрал сам.

Семь принципов, семь первых дел, семь социальных групп, поддержку которым в первую очередь должен оказать президент. Три семерки. Трижды семь. «Очко». Коротко и, как мне казалось, ясно.

Но уже первые встречи показали, что в «очко» я не попал, был явный «недобор». Хотя в то же время не было ни одной встречи и

ни одного выступления, где бы я почувствовал, что проиграл, что меня не поняли, не поддерживают, не сумел ответить на вопросы.

Принцип экономии средств, ресурсов и времени, который я с самого начала навязал своему штабу, действовал и в отношении поездок. Времени было очень мало. Объять необъятное нельзя.

Бежать галопом в день по две области нехорошо. Планирование было гибким, на два-три дня вперед, не более. Сорвалась в последний день только поездка в Кемерово. Теледебаты затянулись за аэрофлотовское расписание полетов. И честно говоря, я боялся, что Кемерово будет не за меня, а за Бориса Ельцина.

Начал с Вятки. На машине проделал тысячекилометровый путь по России. Киров, Котельнич, Кикнур, Нижний Новгород, Владимир, Лакинск, Москва. Потом Ленинград, Брянск, Новозыбково, Ижевск, Глазов, Краснодар, Воронеж, Волгоград, Тюмень. Ездили только туда, куда нас приглашали. Обязательным условием было предоставление прямого телеэфира для ответов на вопросы телезрителей. Это было везде.

Многочисленные микрофоны, теле-, кино– и фотокамеры, сопровождающие лица, а кое-где и ГАИ со спецсигналами формировали такую «свиту», которая, безусловно, вызывала раздражение и скорее давала обратный эффект… Сразу свели все это к минимуму.

Везде опирался на своих доверенных лиц, которые работали на совесть. И я перед всеми в долгу. Все было четко организовано.

Одним словом, работа была проделана. Я бы не сказал – большая или малая. Нормальная. Какого-то перенапряжения, гонки, суеты не было. Но и результат известен.

Закономерный результат. В то время Б.Н. Ельцин казался наиболее оптимальной кандидатурой на пост президента России. Народ это подтвердил. Не подтвердил Ельцин. Он так и не смог понять, что только конструктивное последовательное сотрудничество с Горбачевым в состоянии было обеспечить начало движения вперед. Популизм исчерпал себя. Властолюбие порочно. Осталась работа. Работы не было. О том, что получилось, мы знаем.

После встреч с кировчанами, сормовичами, ткачихами Лакинска и Тюмени, металлургами волгоградского «Красного Октября», хлеборобами Кубани, Подмосковья и Вятки, самолетостроителями Воронежа, нефтяниками Севера, судостроителями Ленинграда, студентами МГУ и ЛПУ программа претерпела серьезную эволюцию, укрепив меня в главном – в понимании необходимости согласия ради дела. Осознав сущность переходного периода, каждый политик должен направлять усилия

на защиту человека от трудностей этого периода, отказаться от амбиций и нетерпения.

Да, перед нами – сверхсложная задача преобразования нашего общества. Но то критическое состояние, в котором мы оказались, – следствие затянувшейся неопределенности. Пора было заканчивать спорить о словах. Для меня и, как я убедился, для подавляющего большинства людей не так важно, как называется общество: развитой социализм или что-то другое, лишь бы народу жилось по-человечески. Пора от идеологических споров переходить к нормальному делу – это и будет настоящая политика, политика здравого смысла.

Мы много лет обманывали народ, доказывая, что капиталистов нет и он, народ, – хозяин страны. Да, не было «капиталистов», но мало какой народ подвергался большей эксплуатации.

Было бы величайшей глупостью допустить массовую безработицу. Необходимы программы подготовки и переподготовки рабочей силы, системы информации о рабочих местах, страхования на случай потери места работы, общественных работ, изменения института прописки, ипотечного строительства жилья.

Встречи с избирателями еще и еще раз демонстрировали, что, рассуждая о программах, правительства как России, так и центра забыли главное: любой экономикой, а тем более в сложный переходный период надо управлять.

Пока же, как мне говорили и кубанские хлеборобы, и металлурги Волгограда, геологи и нефтяники Тюмени, правительства проповедуют один принцип: «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих».

Нет в мире второго такого государства, где бы добыча нефти из богатейших месторождений приносила убытки.

Нас ждет тяжелейший кризис, по сравнению с которым шахтерские забастовки покажутся благом, если государство не разберется и наконец не решит проблемы нефтяников. Одним словом, создавалось такое впечатление, что никому «в правительствах» ничего не надо.

Самое тяжелое впечатление, когда ты стоишь в цеху или на заводском дворе в окружении главным образом женщин, самых разных, но исключительно симпатичных, рассерженных, но все-таки доброжелательных… И когда после десятков вопросов: как можно жить, когда пальто двухгодовалой дочке стоит сто рублей, а колготки стали в три раза дороже, иголок и ниток не купишь, а в магазинах нет молока, овощей, на рынке картошка пять рублей килограмм… как можно жить? И вдруг кто-то начинает плакать.

И это как запал…

Что я мог сказать этим женщинам? Говорил правду.

Не надо врать.

Все, с кем ни приходилось встречаться: рабочие, крестьяне, руководители – все были за рынок. Это не столько экономическая, сколько социальная и психологическая проблема. Необходимо учитывать психологию людей, интересы трудовых коллективов, каждого человека. Должен быть регулируемый переход, а не анархия.

Конечно, рынок процесс естественный. Там действуют не команды, а законы. Но сам переход от командной экономики к рынку не может быть стихийным. Если он будет стихийным, мы будем все время продолжать работать знакомым для нас методом проб и ошибок. Бороться с теми трудностями, которые сами себе создаем. В итоге родим урода, а не рынок, что уже и происходит, – писал я тогда после выборов.

Возникает вопрос: можно ли после семидесяти лет социализма махнуть на все проблемы рукой и кинуться в стихию «повсеместной приватизации», к которой призывал проект закона, предложенный правительством? Я был уверен, что нельзя.

Первое, что следовало бы сделать, – создать мощную, независимую государственную финансовую налоговую инспекцию.

Я могу гордиться, если вообще гордиться прилично, что предложил это на семь лет раньше «реформаторов», которые с большим опозданием заговорили о роли государства.

Безусловно, надо было разделить собственность. Вычленить союзную собственность, которая должна быть единой и неделимой для всех республик. Это структуры, которые не в состоянии функционировать, разделенные на части, например: единая энергетическая система или система магистральных газопроводов. А кроме того, те предприятия, которые имеют общесоюзное значение и создавались трудом и ресурсами большинства республик, например Волжский автозавод. Но основой должна быть собственность республик, она должна составлять львиную долю. И наконец, третий вид собственности – муниципальный.

Если подавляющее большинство населения в этом «празднике жизни» участвовать не станет, то нетрудно представить, какое настроение появится в обществе. Оно будет чувствовать себя еще раз обманутым… Так и произошло.

Я считал, что должна быть комплексная государственная программа, касающаяся изменения структуры нашей экономики и вывода из производства устаревших основных фондов с

обеспечением новыми рабочими местами тех, кто сейчас на них трудится, создания социальной и рыночной инфраструктуры. Также важно было препятствовать попаданию собственности в руки антиобщественных преступных элементов. Причем на союзном уровне не нужно писать «большую инструкцию». Принять только основные принципы этой работы, оставив все детали республикам.

В решении проблем преобразования экономики необходимо использовать внешнеэкономическую деятельность. Нам нужны не чьи-то подачки, а интеграция в мировую экономику. России есть чем заявить о себе, встав в один ряд с развитыми державами Запада и Востока. Должна быть скоординированная взаимовыгодная долгосрочная программа. И кто здесь теряет, а кто находит – трудно сказать. Мир может идти либо к единству, либо к катастрофе.

Когда-нибудь итоги этих первых в России демократических выборов будут изучать ученые-политологи. Я их не изучаю и не подвожу итогов. Для меня 27 дней предвыборного общения с избирателями – всего лишь истинное удовольствие. Удовольствие общения с единомышленниками. Кто-то сказал: «Счастье, когда тебя понимают». Я чувствовал, что меня понимали. Но счастья не чувствовал.

Я выступал десятки раз, ответил на сотни вопросов.

И как бы ни были трудны, прежде всего в морально-психологическом отношении, эти встречи, все они заканчивались убежденностью, что большинству присутствующих близки и понятны мои принципы, оценки, подходы и предложения.

Почти повсеместно аудитория делилась на две неравные части. Одна клеймила тебя и твоих товарищей, включая президента, позором за «измену» Ленину, партии и социализму. Вторая, наоборот, считала, что центр, который я олицетворял, лежит как бревно на пути у команды Б.Н. Ельцина и не дает быстрее двигаться к рыночной экономике. Все вместе возмущались развалом рынка. Заканчивалось всегда примирением и аплодисментами.

Я еще и еще раз убеждался в том, что люди толком не знали ситуации, в которой мы оказались, реальных путей, возможностей и трудностей выхода из нее, не знали целей политиков, за которых голосуют, не знали, что и сами «политики» такие же люди… Но некоторые знали. Приведу одну телеграмму, которую я получил на телевидении после передачи «Кто есть кто»:

Талица, райцентр.
Здравствуйте. Не рубите, мужики, молодые деревца

перестройки. Никто из кандидатов не сможет решить сложнейший каскад вопросов СССР – Россия. Просьба: наберитесь мужества, мудрости, откажитесь сегодня от борьбы за президентство, объединитесь вокруг президента Горбачева.

Доведите начатое дело перестройки до конца. Работайте, работайте сообща. Иначе крах всей системы при любом президенте России. Не голосую ни за одного кандидата – Исеть Тобольска Тюменской обл. Чекенко Виктор Иванович.

Ну что же, итоги голосования известны. Почти 28,5 миллиона избирателей поступили как Виктор Иванович. И те политики, которые будут продолжать дело преобразования страны, должны очень серьезно задуматься: как, какими идеями и делами растопить этот айсберг недоверия.

Несмотря на поражение, на очередную отставку, я считал и считаю правильными те принципы, которые изложил в начале этой главы. Не должно быть ни одного слова неправды. Только честный, прямой и открытый разговор.

В то время ничего еще не было потеряно и все зависело от того, какие отношения установятся между президентом России и президентом Союза. Между Ельциным и Горбачевым. Мне задавали провокационный для выборной кампании вопрос: кто вам ближе, Ельцин или Горбачев. Тогда я, не задумываясь, отвечал: Горбачев. После избрания президента России я сказал: «Оба должны быть ближе друг другу, иначе полный крах». Российская политика, построенная только на конфронтации с центром, и политика центра, не считающаяся серьезно с республиками, должны быть похоронены. Оба президента должны вместе решительно пресечь тех политиков, которые продолжают все активнее разыгрывать карту сепаратизма, национализма, а равно и карту русской национальной идеи.

Они этого не сделали.

14 июня 1991 года. Пятница. После полудня. Я позвонил первому президенту России Борису Ельцину. Попросил принять поздравления от побежденного и пожелал удачи. На мою оговорку, что звоню искренне, без всякого заднего умысла, Борис Николаевич очень живо отреагировал, сказав, что и не думает подозревать меня в этом, уверен, что мы сможем в дальнейшем сотрудничать, поблагодарил за поздравления.

Мне показалось, что у него было хорошее настроение. Он был несколько возбужден. Конечно, причина – не звонки, которых в это время было немало. Ни с чем не сравнимая колоссальная

личная ответственность за то, чтобы остановить падение и распад России. Я почувствовал это очень ясно и, уже положив рубку, еще раз про себя пожелал удачи и чуть больше счастья многострадальному народу… и первому президенту России.

В открытое окно кремлевского кабинета смотрели четырехсотлетние купола Ивана Великого, немым упреком достоинства и спокойствия вечности сегодняшним суете, страстям и тщеславию. Пить надо меньше.

Глава 11
Кгб. Ловушка

Поскольку клевета на меня возводилась продажными перьями, я противопоставлял ей презрение.

Жан Поль Марат

Работая над вторым изданием этой книги (после первого прошло пятнадцать лет), я заметил, что со многими старыми оценками не совсем согласен. Дожили. Сам с собой не согласен! Слишком много, в прямом смысле, увлечения демагогией, пустословием, пустяковых бездоказательных оценок и выводов. Такое легкое (легковесное) заражение «демократическим вирусом». Многовато штампов и ярлыков. Время прошло и все поменяло.

Как сказал популярный поэт XX века Павел Антокольский:

Я вижу: с годами и время само,
И чувства становятся проще.

Он прав.

Вернувшись из Фороса после путча, М.С. Горбачев назначил исполнять обязанности председателя КГБ СССР Л.В. Шебаршина. Однако на следующий день, 23 августа, собравшиеся на Госсовет президенты союзных республик устроили скандал, потребовали отменить все назначения. Тут же на ходу, спешно, искали новые кандидатуры, кем заткнуть образовавшиеся вакансии.

М.С. Горбачев по радиотелефону разыскал меня: «Срочно выезжай ко мне».

Во втором часу дня я в приемной президента СССР. Меня торопят, говорят, что Михаил Сергеевич давно ждет. Вхожу в знакомый кабинет. За столом сидят президенты союзных республик, Горбачев – в председательском кресле, рядом с ним справа – Ельцин, с левой стороны место свободно. Я сел.

– Вадим Викторович, – произнес президент, – вот мы тут все вместе решили предложить вам возглавить Комитет государственной безопасности.

Не могу понять почему, но воспринял это предложение спокойно. Привык уже.

– Конечно, для меня это – большая неожиданность. Только

думаю, на такую должность подошла бы другая кандидатура.

– Какая? – спрашивает Горбачев.

– Я бы предложил председателя Комитета Верховного Совета СССР по безопасности Юрия Рыжова, – отвечаю.

– Юрий Рыжов – хорошая кандидатура, но он не найдет достаточной поддержки. Ведь важно, чтобы все мы его поддерживали.

– А меня, значит, вы поддерживать будете? – спрашиваю.

– Конечно, – отвечают, – будем поддерживать.

– Только ведь вы направляете меня в такую организацию, – говорю, – которую, на мой взгляд, вообще надо расформировать.

– Так вот мы вам это и поручим, – отозвался президент России Борис Ельцин и предложил включить это в указ.

Горбачев на решении о моем назначении от руки приписал второй пункт, в котором значилось, что я должен представить предложения по коренной реорганизации Комитета государственной безопасности.

В приемной меня встретил исполняющий обязанности председателя комитета, начальник Первого главного управления КГБ генерал Л.В. Шебаршин.

– Сразу поедем? – спрашивает.

– Назначайте коллегию на три часа дня, – отвечаю. – Я сам приеду.

А зря. Зря. Л.В. Шебаршин пользовался колоссальным авторитетом в КГБ, в ПГУ. Председатель КГБ – это его место и выигрыш для страны. Горбачев был прав, подписывая указ о Шебаршине. Но немного забыл, что он только вчера ночью освобожден из Фороса. Не учел изменений в стране. Такая, казалось бы, мелочь, день подождать. Но все состоит из мелочей. В итоге количество меняет качество. И все идет не так, как надо.

Комитет госбезопасности являлся всепроникающим ведомством, способным контролировать все. Без серьезного реформирования этой организации и установления системы эффективного государственного и общественного контроля над спецслужбами невозможно было надеяться на успех демократических реформ. Но Горбачев до самого путча (до Фороса) видел в КГБ не угрозу своим преобразованиям, а опору. А могло ли быть иначе?

Вспоминаю его политический доклад на XXVII съезде КПСС в 1986 году. Для КГБ найдены только позитивные эпитеты: «В условиях наращивания подрывной деятельности спецслужб империализма против Советского Союза и других социалистических стран значительно возрастает ответственность,

лежащая на органах государственной безопасности. Под руководством партии, строго соблюдая советские законы, они ведут большую работу по разоблачению враждебных происков, пресечению всякого рода подрывных действий, охране священных рубежей нашей Родины».

Подобные оценки, явно противоречившие реалиям жизни, повторялись и в последующие годы. На протяжении всех лет перестройки КГБ являлся одной из немногих государственных организаций, структура и, главное, функции которой оставались практически неизменными. Конечно, изменения не самоцель и не всегда благо. Но подумать о своей роли в меняющемся мире надо. Уже ушли в прошлое Верховные Советы, уступив свое место действительно избираемым законодательным органам, которые, хоть и не отражали всю палитру общественных настроений, делали первый маленький шаг к демократическому обществу. Канула в Лету 6-я статья Конституции СССР, закрепляющая «руководящую и направляющую роль» компартии, хотя КПСС не спешила работать по-новому… Но Комитет госбезопасности ветры перемен обходили стороной. Он по своей сути оставался прежним «карающим мечом партии». Но этот «меч» ржавел в ножнах. Использовать его как прежде было страшно. Новые же идеи больше зарождались в низовых звеньях самого комитета, но власти было не до них. В итоге – затухающая энергия, блуждания, потеря ориентиров, недовольство, разложение…

Особенно опасным для государства, его конституционного строя являлось то, что КГБ функционировал в условиях фактического отсутствия правовой основы, хоть как-то ограничивающей его деятельность. Закон об органах КГБ СССР, проведенный через Верховный Совет СССР в мае 1991 года по инициативе В.А. Крючкова, устарел еще до его принятия.

Созданная после провала августовского путча Государственная комиссия по расследованию деятельности органов государственной безопасности под председательством Сергея Степашина в своем заключении, доведенном до сведения президента СССР М.С. Горбачева и президента России Б.Н. Ельцина, пришла к выводам, которые я разделяю на все сто процентов:

Длительное функционирование Комитета госбезопасности в условиях фактического отсутствия правовой базы, сколько-нибудь регулирующей его деятельность, привело к тому, что он, по существу, стал сверхцентрализованной структурой, осуществляющей контроль всех сторон жизни общества, и под предлогом наиболее эффективного обеспечения безопасности

страны сосредоточил в своих руках огромную политическую и военную силу. Не выполнил своих конституционных обязанностей Верховный Совет СССР, поскольку не были разработаны необходимые нормативные акты и не был обеспечен контроль за деятельностью КГБ СССР. За работой органов госбезопасности не осуществлялся и действенный прокурорский надзор со стороны Прокуратуры СССР. В результате Комитет госбезопасности стал самостоятельной политической силой с собственными интересами и объективно превратился в надгосударственный институт, стоящий над органами высшей власти и управления Союза ССР и республик…

Комиссия Степашина справедливо обратила внимание и на то обстоятельство, что даже после отмены 6-й статьи Конституции СССР сохранялся контроль и даже прямое руководство КГБ со стороны Центрального комитета КПСС. В архивах секретарей ЦК эти документы накапливались в специальных фондах под названием «Документы КГБ СССР». КГБ по поручению Секретариата ЦК готовил справки, ответы на запросы, в том числе и в отношении различных политических деятелей. Все это никак не соответствовало Закону об общественных организациях в СССР, согласно которому все политические партии имели равный статус, а их комитеты не имели права на непосредственное государственное управление.

Нет ничего удивительного в том, что по мере развития процессов демократизации КГБ становился все более непримиримым к политике перемен, выступал в качестве одной из главных сил, стремившихся законсервировать устои старого, отжившего свой срок общественного строя.

Сейчас уже очевидно, что КГБ не останавливался перед проведением мероприятий явно провокационного характера.

Но было бы большой ошибкой считать именно КГБ первичным злом. Комидеология породила и общество, и государство, и КГБ – всего лишь как часть, пусть важную, обеспечивающую тайным сыском, беззаконием и насилием жизнеспособность системы, но все-таки только часть партийно-государственной системы, где все определяли сидельцы высших кабинетов Старой площади.

Когда же стал обостряться кризис идеологии, ускоренный горбачевской перестройкой, роль КГБ как «охранителя единомыслия» резко возросла. Именно здесь, в его руководстве, сохранились в наибольшей неприкосновенности и высоко чтились догмы сталинизма, трансформировавшиеся в «теорию развитого социализма». Поэтому после того, как между Горбачевым и

частью высшей партийной элиты начала разрастаться пропасть непонимания, КГБ выдвинулся на первый план как хранитель идейных основ, располагающий к тому же немалой силой и опытом «активных мероприятий».

Сформировался антиперестроечный блок между догматиками КПСС – РКП, КГБ, депутатами-«патриотами» и частью генералитета ВПК. Председатель КГБ В.А. Крючков, насколько мне приходилось наблюдать его на многочисленных заседаниях у президента и генсека, играл важную активную роль, постоянно предупреждал о «кознях» демократов, призывая к наведению порядка путем введения чрезвычайных мер. Кто знает, может быть, он был и прав? Надо признать, что Горбачев находился под сильным влиянием КГБ. Верил Крючкову и его информации.

Это и предопределило теперь уже общеизвестную корректировку перестроечного курса с осени 1990 года.

На Верховном Совете СССР выступили премьер-министр Павлов, министр обороны Язов и председатель КГБ Крючков. Стращая депутатов реальными и мнимыми экономическими трудностями, «происками» внутренних и внешних врагов, требовали чрезвычайных полномочий. Но Горбачев в очередной раз проявил нерешительность. Уверен, если бы тогда Павлов, Крючков были отстранены от должностей, не было бы государственного переворота, да и судьба всей страны и самого Горбачева сложилась бы иначе. Но… история не признает сослагательного наклонения. Поэтому путч, организованный руководством КГБ, произошел. Но организован он был плохо.

Путчисты пали жертвой собственной ограниченности, недальновидности, некомпетентности в оценке происходивших в стране перемен.

Путч провалился. Я же волею судьбы оказался в организации, десятилетиями внушавшей людям страх. Настрой на реформирование КГБ у меня был решительный. Но в те дни всеобщего ликования по поводу победы сил демократии я не мог предвидеть и малой доли тех трудностей, которые стояли на моем пути. Не знал я тогда, что мне будет отведено чуть больше трех месяцев, чтобы попытаться сделать КГБ безопасным для общества.

В 3 часа дня 23 августа 1991 года, в пятницу, я вошел в новое серое здание ГКБ на Лубянской площади. В приемной меня уже ожидали члены Коллегии КГБ СССР – заместители Крючкова, руководители основных управлений. Прошли в кабинет, бывший кабинет Крючкова, сели за длинный стол.

«Вы, наверное, знаете, – сказал я, – что час назад состоялось решение президента СССР и Госсовета о моем назначении

председателем КГБ. Кто-нибудь – против? Молчание. Тогда будем считать, что я приступил к своим обязанностям».

Я попросил собравшихся продолжать работать и вместе с тем провести служебное расследование относительно участия конкретных лиц и подразделений в событиях начала этой недели, не устраивая при этом тотальной чистки. Ответственность должны понести только первые руководители, которые принимали непосредственное участие в подготовке и проведении путча.

Как выяснилось, комиссия по служебному расследованию приказом Л.В. Шебаршина уже была создана.

Завершая совещание, я сообщил, что в самое ближайшее время встречусь с каждым членом Коллегии отдельно. *Это было последнее заседание Коллегии КГБ СССР.*

23—24 августа здание комитета находилось чуть ли не на осадном положении. На Лубянской площади шел постоянный митинг вокруг памятника Дзержинскому, у входов в здание[9].

Через средства массовой информации 23–24 августа я обратился к москвичам с объяснением ситуации: «…Реакция не прошла. Виновные в организации государственного переворота понесут заслуженное наказание. Однако в последние дни народный гнев зачастую переносится с кучки безответственных авантюристов на весь личный состав КГБ. Это проявляется в пикетировании зданий, попытках их захвата, призывах к физической расправе.

Некоторые рвутся к оперативным архивам, преследуя далеко не благовидные цели.

Прошу москвичей проявить выдержку, не поддаваться стихии эмоций, подстрекательским и провокационным призывам…

…Есть все возможности, чтобы органы КГБ никогда больше не стали орудием преступной политики.

Прошу вашей поддержки…»

После того как памятник убрали, все на время успокоились.

При всей этой напряженной обстановке и обилии дел в КГБ в конце той памятной недели значительную часть времени пришлось провести в Кремле, у Горбачева.

Президент все еще оставался генеральным секретарем ЦК КПСС, руководство которого в дни путча его фактически предало. Была явно двусмысленная, противоречивая ситуация, затягивать которую было невозможно.

Вечером в воскресенье прозвучали известные обращения Горбачева к партии, которые потом во всем мире назвали историческими. Та пуповина, которая связывала государственную власть с ЦК КПСС, была перерезана.

Проблема формальной департизации КГБ была решена неожиданно очень легко. После государственного переворота последовал указ Ельцина, приостанавливавший деятельность Российской компартии.

Я считал и считаю сейчас, что департизация ни в коем случае не должна означать запрет на профессию в зависимости от членства или нечленства в той или иной партии. Запрет на профессию по политическим мотивам – это прямое нарушение прав человека. Но я полностью солидаризировался с той точкой зрения, что партийные структуры не должны существовать в государственных организациях или на предприятиях. За воротами же шахты, министерства или Комитета госбезопасности человек вправе осуществлять свое конституционное право на участие в политических организациях.

Именно с таких позиций я подходил к вопросу о департизации КГБ. Приказ по этому вопросу за день до моего прихода уже был подписан Л.В. Шебаршиным. Парткомы в комитете свою деятельность прекратили без каких-либо протестов или голодных забастовок. КПСС была слишком дискредитирована, чтобы в ее защиту выступили даже сотрудники КГБ, поголовно состоявшие в партии. Впрочем, не обошлось без маленьких эксцессов. Помню, пришел ко мне на прием сотрудник комитета, явно взволнованный. «Имейте в виду, – говорит, с трудом сдерживая эмоции, – был и умру коммунистом! Можете выгонять, но от своих убеждений не откажусь!» – «Да с чего вы взяли, что я собираюсь выгонять коммунистов? – отвечаю. – Этак всех надо будет уволить. Важны ваши профессиональные качества, верность конституционной власти, а то, во что вы верите, меня не интересует».

Полагаю, что коммунистам КГБ, многие поколения которых безуспешно силой пытались насадить только одну марксистско-ленинскую идеологию, лучше, чем кому-либо, известно, что нельзя насильно заставить людей во что-то поверить или в чем-то разувериться. Нельзя кому-то запретить верить в «светлое будущее всего человечества», тем более что сама идея (не ее воплощение в нашей стране) не так уж и плоха, хотя и утопична. Хочешь верить – верь, но только в нерабочее время.

Департизация стала первым звеном в реформировании КГБ, который должен был стать организацией, служащей не какой-то одной идеологии или партии, а государству, народу, закону.

Конечно, это сейчас, оглядываясь назад, легко анализировать свою работу. Но тогда первые дни с их невероятным темпом, бестолковщиной, восторгом и злостью, десятками встреч, звонков, информационным валом в системное русло ввести не

удавалось. Это был калейдоскоп, мгновенное реагирование, и если я наделал не слишком много ошибок, значит – повезло.

25 августа. Воскресенье. 8 часов утра. Встреча с председателем Верховного Совета Латвии Анатолием Горбуновым по его просьбе. Решением парламента КГБ Латвии ликвидирован, здания опечатаны, создана комиссия. Договариваемся не спешить. Совместно спокойно разобраться и с архивами, и с собственностью, а главное, не допускать произвола и несправедливости в отношении бывших сотрудников…

Звонок от Гавриила Попова. Есть сведения о возможных терактах. Такое указание об усилении охраны как лидеров демократического движения, так и бывшего руководства КПСС уже дано…

Генерал докладывает о разложении в Министерстве обороны. Генштаб деморализован. Дисциплина упала. Пьянство. Особенно тяжелое настроение среди политработников. Люди замкнулись. Боятся расправы.

Готовится указание усилить внимание прежде всего частям стратегического назначения, а также по всему комплексу – от производства до хранения атомного оружия…

Звонок. Депутат слышал от кого-то, что в КГБ идет уничтожение архивов. Объясняю, что указания, запрещающие на время любое движение архивов, уже даны. Всего же, что касается путча, в архивах не было, нет и, по-видимому, никогда не будет.

О кадрах лучше и не говорить. Обличение за обличением. Кто строит дачу, используя солдат. Кто участвовал в путче. Кто совершил самый большой «грех» – снял у себя в кабинете портрет Горбачева. Кто творит расправу над демократически настроенными сотрудниками. Много информации и о других ведомствах. Как вело себя руководство Верховного Совета СССР, правительства, тот или иной министр. Отмахиваться от любой информации не в моих правилах, принимать все сразу на веру от порой незнакомых людей – тоже. Кому поручить проверить? Поскольку официальных заявлений о предполагаемых «преступлениях», как правило, не было, большинство этой информации осталось без последствий.

Обеспокоенный, пришел Григорий Явлинский. В это смутное время могут быть уничтожены или сфальсифицированы документы, связанные с бюджетом, валютными и финансовыми операциями, внешним долгом, золотым запасом. Немедленное персональное поручение начальнику 6-го управления Савенкову получить необходимую информацию, составить оперативный план контроля…

В первые дни часто звонил Ельцин: «Считаю, что следовало

бы передать дивизию в Теплом Стане Министерству обороны…» – «Это уже делается».

Снова звонок. Вносит предложение по первому заму, которое принимается… (но потом эта кандидатура не прошла). Разговор о необходимости сделать Московское управление КГБ двойного подчинения и… тому подобное.

Длинной и тяжелый была беседа с Витаутасом Ландсбергисом, который требовал немедленно передать все архивы на агентуру. Я возражал. Оба остались при своем мнении.

Егор Яковлев по-дружески просит отозвать всех офицеров действующего резерва из Гостелерадио. Я согласен. Но когда это произойдет, не следует впадать в иллюзию, что позиций у КГБ там уже нет.

26 августа. 8 часов утра. День начинается с беседы с сотрудником комитета Гамзой. Он предлагает свою, на мой взгляд, толковую концепцию реформирования служб безопасности. Это уже пятый имеющийся у меня вариант. Завожу специальную папку для предложений о реформах… Их было немало, в том числе и взаимоисключающих…

Но больше было информации оперативного характера. Завтра покушение на… (называется известный политик). Готовится новый путч! По Симферопольскому шоссе в сторону Москвы движется, не реагируя на сигналы ГАИ, колонна бронемашин… и тому подобное.

Я благодарен этим дням – они укрепили мои нервы…

Возвращаясь от суеты «чекистских» будней к анализу замысла и реализации реформы КГБ, следует, наверное, начать с кадровых проблем. В прежние времена наши руководители любили повторять, что «кадры решают все». Так это или не так, но это был тот случай, когда начинать надо было именно с кадров.

Я исходил из того, что вина за участие КГБ в путче лежит на руководителях, а не на рядовых работниках, и именно в этом духе было выдержано мое первое обращение к сотрудникам центрального аппарата КГБ СССР, которые в то время ничего не делали и были в полной растерянности от неопределенности ситуации (см. приложение 3).

Наивное обращение. И тщетные надежды. Хотя вовсе не питал иллюзии, что обрету большое количество сторонников в КГБ. Вполне естественно, что, когда в такую устоявшуюся консервативную организацию пришел человек с отличными от старого руководства убеждениями, это вызвало внутри комитета не только определенного рода тревогу, но и реакцию отторжения, и скрытый саботаж.

Как я и обещал, я встретился с каждым из членов Коллегии, которые приходили ко мне на беседу с рапортом, где они излагали свои действия в дни государственного переворота и в конце выносили себе вердикт. В большинстве случаев это были прошения об отставке, которые удовлетворялись. Некоторых руководителей я отправил в отставку сам.

У меня никогда не было желания расширять этот список уволенных или затягивать «исследования» комиссий. Не было и времени на спокойное изучение кадров «в работе». Менять надо было быстро, ибо тогда я еще считал, что КГБ работает и эту работу нельзя прекращать ни на минуту. Поэтому я все время «взывал» к окружавшему меня генералитету: пусть профессионалы занимаются своим делом. На улицу никого не выкинут.

На первых порах заместителем председателя КГБ продолжал оставаться Л.В. Шебаршин, по-прежнему возглавлявший ПГУ. Он был кадровым разведчиком с большим опытом работы в странах Востока, в том числе в Афганистане – в период войны. Он импонировал мне своей эрудицией, спокойствием, фундаментальным знанием своего дела. В путче он замешан не был, хотя как член Коллегии не мог не чувствовать ответственности за случившееся. Об этом он сам написал в конце августа в рапорте, где просил об отставке. Я попросил его продолжать работать. Но, по-видимому, это не входило в его планы. Отставка состоялась тремя неделями позже и вызвала тогда массу недоумения и сожаления в прессе, приближенной к «разведчикам». Объяснялось все просто. Это была реакция на первый демарш старых кадров шефу-непрофессионалу.

Столь быстрый уход Л.В. Шебаршина был нежелательным, но не был трагедией. В разведке, привыкшей к самостоятельности, было достаточно опытных заместителей.

Однако ситуация, сложившаяся в этот момент вокруг КГБ, о которой я скажу позже, требовала принятия немедленных шагов по выделению разведки в самостоятельное, независимое от КГБ ведомство. Шебаршин был сторонником как этой меры, так и поэтапного сокращения разведки примерно на одну треть. Поэтому его уход несколько, но только – несколько, осложнял ситуацию.

Необходимо было быстро найти крупного известного политического деятеля, способного в новых условиях возглавить самостоятельное и очень важное для Союза специфическое ведомство. Таким человеком стал Евгений Примаков. Все, от кого это зависело и с кем советовались, считали, что это – наиболее

подходящая кандидатура. Сам Евгений Максимович, которому претила неопределенность неоформившихся президентских структур, с большим желанием шел на эту работу.

Все упиралось в позицию Б.Н. Ельцина. В эти дни он отдыхал далеко за пределами Москвы. Мне удалось связаться с ним по телефону, когда он был на пляже, и уговорить его дать согласие.

Я пишу об этом не потому, что «удалось уговорить». Это не так. Ельцина не уговоришь. Дело в другом. Президент России поверил мне. Он так и сказал: «Я вам верю». Позже он сказал Е.М. Примакову, что для него это было непростое решение. А еще позже, после личной откровенной встречи с кадрами разведки, он убедился, что это был правильный выбор.

Я был убежден, что прекрасная осведомленность Е.М. Примакова в области международной политики, опыт, оперативность, организаторский талант, открытый к новому аналитический ум будут способствовать выходу разведки на качественно более высокий уровень, отвечающий подлинным интересам России и реалиям новых межгосударственных отношений. Что, собственно, и произошло. Здесь никто не ошибся.

Одна из идей, с которыми я шел в комитет, заключалась в том, что, по моему убеждению, спецслужбам совершенно не обязательно строиться по военному принципу – с присвоением званий и т. д. Такая милитаризованность неизбежно приводит к жесткой иерархичности, погоне за «звездами», поиску высоких «потолков», к насаждению своего рода «духа казармы». Не случайно, что во многих странах мира спецслужбы не строятся по армейскому принципу. Конечно, невозможно сразу отменить старую практику. Звания много значат для кадрового сотрудника КГБ, прежде всего в моральном плане. Да и система денежного содержания крепко с этим связана. Менять это надо. Но это – дело далекого будущего.

Забегая вперед, скажу, что одна из моих главных ошибок заключалась в том, что я пришел в КГБ без своей команды, без большой группы преданных делу единомышленников. Я переоценил свои силы. Без команды перевернуть эту махину, называемую КГБ, оказалось невозможно.

Несколько кадровых перестановок было связано с результатами расследования действий должностных лиц КГБ в период антиконституционного переворота. Приказом от сентября я отстранил от руководства работой ведомственной комиссии Титова и назначил ее председателем Олейникова, а заместителем – начальника Инспекторского управления И. Межакова, исключительно активного, с обостренным чувством

справедливости человека. Всем подразделениям было предписано оказать всеобъемлющее содействие в проведении расследования, предоставлении необходимых материалов.

Комиссия Олейникова работала в тесном контакте с Государственной комиссией по расследованию деятельности органов КГБ, куда помимо Степашина входили многие известные народные депутаты СССР и РСФСР – С. Станкевич, Ю. Рыжов, К. Лубенченко. Государственная комиссия имела поручение президента СССР в срок до 26 октября 1991 года представить заключение о роли органов госбезопасности в перевороте. Мое положение было сложнее. Необходимо было прекращать и без того затянувшуюся кадровую неопределенность.

Ведомственная комиссия закончила свою работу 25 сентября, и я подписал приказ по результатам служебного расследования.

Должен сознаться, принимая решения по результатам расследования, я проявил известный либерализм. Комиссия предлагала уволить большее количество людей, чем я реально уволил. Тринадцать человек ограничились указаниями на «проявленную политическую незрелость и недальновидность в действиях по выполнению распоряжений вышестоящих начальников, способствовавших деятельности путчистов». Руководствовался я при этом вовсе не стремлением выгородить «заговорщиков», а желанием избежать формального подхода, индивидуально, внимательно разобраться с каждым человеком, кто, как мне казалось, в большей степени был жертвой обстоятельств, а не собственных убеждений.

Кадровые перетряски на этом в основном закончились. Работу следовало продолжать, но на первый план вышли вопросы уже иного уровня – организация и проведение всего комплекса реформ системы органов безопасности страны.

Не могу сказать, что уже с первого дня, как я обосновался в кабинете на Лубянке, у меня существовала стройная, законченная концепция реформы Комитета госбезопасности, хотя понимание общей направленности перемен, конечно, было. Детали отшлифовывались постепенно. В многочасовых встречах с сотрудниками комитета всех уровней. В ходе совещаний с руководителями КГБ республик. В беседах с представителями комиссии Степашина. В разговорах с видными государственными и общественными деятелями, представителями спецслужб зарубежных стран.

Мой вариант был вариантом реформ, а не разрушения.

Конечно, любая реформа служб безопасности в идеале должна была базироваться на новой концепции безопасности Союза и суверенных республик. То есть теоретически структура и

функции спецслужб должны органично вытекать из тех потребностей в обеспечении безопасности, которые сформулированы на уровне высшего политического руководства. Одна из наших бед, к сожалению, далеко не единственная, заключалась в том, что такой концепции у лидеров СССР и республик в тот период просто не было. Различные проекты, которые готовились группами экспертов в недрах Совета безопасности или Верховного Совета СССР, отвергались другими группами экспертов. А главное – отвергались временем, опровергались стремительными изменениями в политической обстановке, прежде всего – во взаимоотношениях центра и республик.

Таким образом, реформа КГБ не укладывалась в рамки какого-либо четкого «государственного заказа» с союзного или российского политического олимпа. Таких рамок просто не было.

В первые дни пребывания в КГБ я дал поручение аналитическим подразделениям разработать проект собственной концепции, отражающей видение параметров безопасности в совершенно новой внутри– и внешнеполитической обстановке. Но работа эта затянулась. Действовать приходилось исходя из собственного понимания, опираясь прежде всего на советы профессионалов.

На протяжении десятилетий руководство СССР исходило из того, что для решения проблем безопасности необходимо гарантировать страну от угрозы извне, обеспечить единомыслие в обществе, и проявляло готовность заплатить любую цену для решения этих задач. Понятие «государственная безопасность», официально появившееся в 1934 году, отражало господствующую точку зрения 2 о приоритете государства над интересами общества и правами отдельной личности. В результате главную угрозу обществу создавал выход государства за рамки своих функций, когда оно вмешивалось в личную жизнь человека. Но что это составляет угрозу, не могло даже в голову прийти органам ГБ, озабоченным все большим и большим расширением контроля над людьми и поиском доказательств, все более коварных «происков империализма».

Однако коренные преобразования в стране и мире ставили задачу переосмысления самого подхода к проблемам безопасности. Демократизация требовала создания качественно новых отношений в триаде государство-общество-личность, где именно человек должен занять центральное место. Главные цели концепции безопасности я видел в том, чтобы гарантировать неотъемлемые права и свободы граждан, в том числе от посягательств со стороны самого государства, обеспечить

максимально возможную неуязвимость общества к внутренним конфликтам и кризисам, защитить суверенитет Союза и образующих его республик, создать возможности для отслеживания ситуации в зонах их интересов на мировой арене.

Эти самые общие установки обусловливали логику реформы Комитета госбезопасности. КГБ, а точнее, то, что от него предполагалось оставить, должен был стать инструментом поддержания стабильности в демократическом обществе и мире.

Отсюда вытекали основные принципы реформы:

1. Дезинтеграция. Раздробление КГБ на ряд самостоятельных ведомств и лишение его монополии на все виды деятельности, связанные с обеспечением безопасности. Разорвать комитет на части, которые, находясь в прямом подчинении главе государства, уравновешивали бы друг друга, конкурировали друг с другом, – это уже значило усилить общественную безопасность, ликвидировать бренд КГБ как КГБ.

2. Децентрализация или вертикальная дезинтеграция. Предоставление полной самостоятельности республиканским органам безопасности в сочетании с главным образом координирующей и в относительно небольшой степени оперативной работой межреспубликанских структур. Это определялось не столько моей волей, сколько вовсю идущими процессами «размежевания» республик Союза. (Неужели кто-то мог надеяться, что Л. Кравчук потерпит у себя в Киеве подчиненный Москве, центру КГБ Украины?)

3. Обеспечение законности и безусловное соблюдение прав и свобод человека в деятельности спецслужб. (Комментарии здесь, наверное, не нужны.)

4. Деидеологизация, преодоление традиций чекизма. Избавление от сомнительной славы ведомства как карающего меча партии, организации всеобщего политического сыска и тотальной слежки.

5. Эффективность. Поворот от шпиономании и борьбы с инакомыслием к реальным потребностям общества в условиях кардинально изменившейся политической окружающей среды – к безопасности на основе сотрудничества и доверия. Главное внимание – внешнему криминальному влиянию на наши внутренние дела, борьба с организованной преступностью, представляющей угрозу безопасности страны.

6. Открытость, насколько это возможно в деятельности спецслужб. Действия спецслужб должны быть понятны обществу, поддерживаться обществом, а для этого – служить обществу.

7. Ненанесение своими действиями ущерба безопасности страны.

После формулирования принципов дело оставалось за «малым» – реализовать их на практике.

Прежде всего, КГБ лишился нескольких десятков тысяч войск специального назначения. Это были дивизии, которые В.А. Крючков взял под командование в марте 1991 года, вероятно надеясь опереться на них в период введения чрезвычайного положения.

Довольно быстро решили со службой охраны. Безусловно, было совершенно ненормально, когда организация, которая охраняет президента, ему напрямую не подчиняется и может его изолировать по приказу председателя КГБ, как это произошло в августе. «Девятка» была передана в непосредственное подчинение президенту СССР и должна была также выполнять функции охраны президента Российской Федерации.

Управление охраны пополнилось за счет дислоцированных в Москве подразделений группы «А» Седьмого управления («Альфа»), командиром которой стал М. Головатов. К сожалению, из-за затянувшейся неразберихи по отлаживанию механизма использования суперпрофессионалов по их прямому назначению возникла реальная угроза развала самой «Альфы». Ведь готовилась она не для охраны, а прежде всего для решения антитеррористических задач. У ее офицеров – своя профессиональная гордость. И главное, психология не охранников. Если они будут только и делать, что сопровождать черные лимузины, то либо потеряют профессионализм, либо просто разбегутся…

После первых, сравнительно небольших по масштабам структурных изменений подошла очередь самых крупных подразделений комитета – разведки, военной контрразведки, пограничных войск.

Вряд ли наше поколение доживет до тех времен, когда разведки всех государств прекратят свое существование. Некоторые утверждают, что разведки вообще никогда не прекратят свою деятельность, доказывая, что они – определенный элемент доверия. Одно дело, что говорят политики, дипломаты, другое дело, когда слова подтверждаются данными разведки, – возрастает доверие к информации.

Не берусь судить, насколько такое мнение оправдано. Но, скорее всего, это так. Уже сейчас реализация международных соглашений об инспекциях на местах для контроля над вооружениями позволяет получить столько ранее секретных данных, сколько не снилось всем разведкам мира, вместе взятым. Но это вовсе не значит, что секретов, задевающих национальную безопасность той или иной стороны, которые можно добыть

только разведывательными путями, больше не существует.

В новых условиях необходима была коренная реформа самой концепции разведывательной работы. Прежде всего я считал нужным избавиться от всеохватности, от стремления иметь «своих» людей повсюду, даже там, где им делать явно нечего. Познакомившись с работой ПГУ, я пришел к выводу, что сокращение его штатов не нанесло бы ущерба нашим разведывательным возможностям, а сужение целей и повышение внимания «нелегалам» эти возможности повысило бы.

В сентябре 1991 года в КГБ прошла паника, связанная с сообщениями ряда центральных газет о якобы достигнутой договоренности между руководством союзного Министерства иностранных дел и КГБ отозвать всех сотрудников комитета из МИДа СССР. Конечно, никакой такой договоренности с Б. Панкиным у меня не было и быть не могло. Такое решение означало бы фактическую ликвидацию зарубежной разведки, основу которой традиционно составляли резидентуры в посольствах. Именно так, с опорой на посольские резидентуры, работают разведки практически всех крупных западных стран. В чем министр иностранных дел был, безусловно, прав, так это в целесообразности сокращения численности представителей ПГУ в наших посольствах за рубежом.

В деятельности разведки, на мой взгляд, на первый план должны были выходить проблемы, представляющие угрозу для всего человечества: контроль над нераспространением ядерного оружия и критическими технологиями, на основе которых возможно создание оружия массового уничтожения; борьба с международным терроризмом, наркобизнесом. Нельзя было оставлять без внимания вопросы внешнеэкономической безопасности, понимаемые, конечно, не как кража передовых технологий, а предвидение мировых технологических прорывов, отслеживание случаев незаконных экономических акций, посягающих на интересы нашего государства. Никуда не деться от разведки военной, поскольку вооружения, нацеленные на нас, продолжают производиться и размещаться. В условиях нового политического мышления, перехода от двухполюсного к многополюсному миру не только не падает, но, наоборот, возрастает значение разведки политической. Безусловно, речь уже идет не об отслеживании «реакции на официальное заявление» и сборе сплетен из официальных кругов, а о таком анализе развития политической, межнациональной, религиозной, социальной ситуации в отдельных странах и регионах, который позволял бы с большей долей достоверности прогнозировать эту ситуацию, соотнося ее с интересами безопасности нашей страны

и ее граждан.

Но главное, что требовалось изменить в концепции работы разведки, – это отказаться от образа врага, от взгляда на «империализм», на Запад только как на источник возможных бед и напряжений. Знаменитая формула Уильяма Гладстона об отсутствии у его страны постоянных врагов и наличии только постоянных интересов была созвучна и моим мыслям.

Таких общих принципов в организации разведывательной деятельности придерживался я в тот период, когда ПГУ находилось в составе КГБ. Однако это дело политиков и президентов – ставить цели перед разведкой. Дело профессионалов – определять, в какой пропорции для их достижения наиболее эффективно использовать агентуру и электронику.

Первоочередным шагом – и прежде всего для спасения разведки – я считал необходимость скорейшего выделения ее из КГБ в независимую службу. У этой идеи было много сторонников, как и немало противников.

Противники полагали губительным разделять разведку и контрразведку, которые всегда работали в тесном контакте, часто решая общие задачи. Доказывали, что с уходом элитного Первого главка с институтами снизится общий интеллектуальный потенциал комитета. Говорили о невозможности разорвать единую инфраструктуру хозяйственных служб и обслуживающих подразделений. Все эти аргументы не имели под собой серьезных оснований. Разделение не исключает, а, наоборот, побуждает к действительно независимому полноправному сотрудничеству профессионалов. В одной же организации всегда превалирует не сотрудничество, а команда вышестоящего начальника.

Более убедительными были доводы сторонников «развода» КГБ и разведки, главным из которых выступал сам начальник ПГУ Л.В. Шебаршин. По его словам, это требование уже давно вызревало в коллективе разведчиков, и ему в прежней ситуации приходилось сдерживать своих коллег, как бы ни был он с ними согласен. Шебаршин полагал, что только создание самостоятельной службы центральной разведки позволит ей избавиться от неприятного кагэбэшного «хвоста», который за ней тянулся, и ограничить ее выполнением только тех функций, которые действительно нужны государству.

Обстоятельством, которое в первую очередь заставило меня спешить с принятием решения о «разводе», стало все более отчетливое стремление ряда республик «под шумок» разговоров о реформе КГБ растащить разведку по национальным углам. Такие устремления могли привести только к одному – полному развалу

разведки. Нельзя было допускать, чтобы ПГУ было разделено на разведки: киргизскую, украинскую, российскую и т. д. Это привело бы к полной утрате ее дееспособности. Вместе с тем я был решительным сторонником того, чтобы единая разведка обслуживала не только, и даже не столько, союзное правительство, как это было в прошлом, сколько – республики, действуя в соответствии с их запросами и потребностями их собственной национальной безопасности.

Предвидя нависшую над разведкой угрозу, я направил президенту Горбачеву записку, в которой предлагал оперативно решить вопрос о создании независимой центральной службы разведки. Также я предлагал, учитывая важность этой организации, назначить на должность ее руководителя одного из видных государственных или общественных деятелей. Первой в этом списке была фамилия академика Евгения Примакова.

Как я уже говорил, Горбачев и Ельцин поддержали мою точку зрения. октября Примаков в соответствии с указом президента СССР возглавил ПГУ, сначала на правах первого заместителя председателя КГБ. Не могу сказать, что это назначение было встречено ортодоксами КГБ и политики с большим восторгом. Во главе ключевого главка появлялся еще один как будто бы непрофессионал, который сам не работал в «поле» и не знал организации. Я же был убежден, что в руководстве разведки нужен был именно политик такого масштаба, как Е.М. Примаков. Разведке хватало профессионализма. Ей не хватало четкого выбора политических приоритетов, нравственных ориентиров, понимания того, для кого и во имя чего она работает.

Перед ПГУ после путча встала проблема, связанная с публичными призывами со стороны высокопоставленных представителей спецслужб ряда стран к советским разведчикам с предложениями переходить на их сторону, с обещаниями всяческих мирских благ в обмен на информацию о нашей разведке. К чести ее сотрудников надо сказать, что эти беззастенчивые призывы, даже учитывая непростой моральный климат в разведке и безрадостную ситуацию на родине, не встретили ни малейшего отклика. В конце 1991 года Примаков констатировал, что в это тяжелое время не было ни одного случая «бегства» из рядов разведки.

Я поддерживал стремление Примакова сохранить единую службу внешней разведки, не отрицая при этом права республик создавать любые нужные им структуры, включая разведку, и прежде всего разведку с территории. Мне представлялись здравыми его указания о прекращении агентурно-оперативной работы в советских колониях за рубежом, которая являлась

отголоском старой шпиономании, тотального подозрения каждого нашего гражданина в возможной «измене»; о ликвидации программы слежения за внезапным ракетно-ядерным нападением на СССР (ВРЯН).

В реализации этой программы с разной степенью интенсивности в течение десятилетий участвовал почти весь загранаппарат КГБ и ГРУ Генерального штаба Вооруженных сил СССР. Поглощая огромное количество средств из государственной казны, она была крайне неэффективной, показушной и сводилась, по сути, лишь к составлению регулярных донесений, что та или иная страна не собирается в ближайшие дни сбросить на СССР ядерную бомбу. Еще один атавизм холодной войны был ликвидирован.

Реализация идеи о выделении из КГБ разведки не вызывала особых противоречий. Иначе обстояло дело с Третьим главком, который я первоначально, соглашаясь с маршалом Шапошниковым, планировал передать Министерству обороны.

Вопрос о военной контрразведке имеет давнюю предысторию. Были времена, когда она входила в военное ведомство, как, например, в период Великой Отечественной войны. Позже боязнь Сталина потерять контроль над армией вынудила его вернуть военную контрразведку в систему госбезопасности, наделив ее функциями «надсмотрщика» за Вооруженными силами. Августовские события, когда некоторые органы военной контрразведки оказались в первых рядах путчистов, заставили вновь вернуться к этому вопросу. Новое руководство Третьего главного управления, казалось, проявило некоторое безразличие к своей судьбе. Сначала они выказывали энтузиазм по поводу перехода в Министерство обороны и даже начали готовить совместно с ним ряд соответствующих документов. Потом, с не меньшим энтузиазмом, стали доказывать необходимость Третьему главку остаться в КГБ, ссылаясь на неподготовленность перехода в организационном и психологическом отношениях.

Было еще одно соображение, которое заставляло меня не спешить расставаться с военной контрразведкой. Передача ее Министерству обороны сделала бы ее «карманной», послушной руководству министерства. Это противоречило самой идеологии создания «сдержек и противовесов», которой я руководствовался, усиливало монополизм, но только уже не КГБ, в другой силовой структуры – армии.

Но и, самое главное, в чем мне пришлось убедиться с первых дней: в армейской среде из-за политической неразберихи, застарелых социальных болезней нарастала нестабильность, падала дисциплина. А какая ситуация складывалась вокруг

подразделений, имеющих на вооружении ядерные боеголовки? Кто-то независимый должен был помогать министру обороны, командующим округов получить по этим вопросам объективную информацию. Взвесив все за и против, вместе мы решили так: пока армия остается единой и для того, чтобы она оставалась единой, армейская контрразведка тоже будет единой. В итоге Третий главк остался в КГБ.

Наконец, предстояло определиться с пограничниками. С самого начала я взял курс на то, чтобы они стали пограничными войсками СССР, а не погранвойсками КГБ. Такие предложения были подготовлены еще в августе.

Но если в случае со службой охраны или Комитетом правительственной связи, которые переходили в аппарат президента СССР, достаточно было указа Горбачева, то выделение пограничных войск (так же как и разведки), получавших права центральных органов государственного управления, требовало решения Государственного Совета СССР и последующего утверждения Советом Республик Верховного Совета СССР. Кроме того, с отделением разведки и погранвойск фактически исчезала та структура, которая долгие годы именовалась КГБ СССР. *Ликвидация КГБ СССР также была вне рамок компетенции президента СССР. Строго говоря, это – вопрос Верховного Совета СССР,* хотя от него практически уже ничего не осталось, да и собраться он никак не мог…

Начинать надо было с Госсовета. И надо было спешить, так как, судя по его первым заседаниям, мало было шансов, что он начнет регулярно и результативно работать.

Однако, когда на первом заседании Госсовета я заикнулся о необходимости выделения бюджетных средств на четвертый квартал и повышения денежного содержания личному составу, мне было предложено выполнять поручение, полученное при назначении. Эти вопросы – внести вместе с предложениями по изменению структуры КГБ.

22 октября 1991 года вопрос о реорганизации органов ГБ рассматривался главами государств и президентом СССР на заседании Госсовета.

Дело было в Кремле. На третьем этаже. Там, где не так давно заседало политбюро ЦК КПСС.

Я подготовил на Госсовет короткий доклад, в котором рассказал, что собой представлял КГБ, чем он должен был заниматься, насколько неэффективна и небезопасна для государства его работа.

Доложил о направлениях реформы КГБ и что уже в этом направлении сделано.

Доклад, как говорится, выслушан был с большим интересом, но обсуждение не было слишком бурным. Заготовленные резкие возражения белорусского лидера С. Шушкевича против передачи в армию военной контрразведки повисли в воздухе, так как я сам снял это предложение. Б.Н. Ельцин позицию поддержал. Кроме того, он был, пожалуй, больше других в курсе, так как я несколько раз информировал его о предлагаемых изменениях и просил поговорить с комиссией Степашина, которая в какой-то момент попала под влияние политиков, желавших немедленно забрать в Россию все, что было «союзным».

Некоторую неясность и споры вызвала формулировка «объединенное командование погранвойск», но вопрос в конце концов прошел.

По итогам обсуждения было принято постановление № ГС-8, которое явилось первым крупным шагом к ликвидации КГБ СССР.

В тот период в прессе начались разговоры о том, что якобы Госсовет, пойдя на поводу у президента СССР, специально рассмотрел вопрос о реформе органов госбезопасности за несколько дней до завершения работы Государственной комиссии Степашина, чтобы принять решения, противоречащие рекомендациям этой комиссии. Президент СССР здесь был совершенно ни при чем. Как я уже говорил, противоречия были не в сути, а в той «новой» политической линии, которая в конечном счете пробила себе дорогу, ликвидировав СССР со всеми его институтами. Со Степашиным и большинством членов комиссии у нас было полное совпадение позиций по основным направлениям реформирования спецслужб: и в том, что касалось принципов, и в конкретных аспектах структурной реорганизации. В этих условиях затягивать решение об упразднении КГБ до следующего заседания Госсовета значило просто продлевать агонию старого комитета, не давая новым структурам безопасности обрести официальный статус.

Хотя это решение Госсовета с точки зрения правовых норм требовало еще подтверждения Верховным Советом Союза, в своей практической деятельности мы с этого момента стали исходить из новых реалий. Вскоре последовали указы президента СССР о назначении Примакова директором Центральной службы разведки (ЦСР), Калиниченко – председателем Комитета по охране государственной границы (КОГГ), меня – руководителем Межреспубликанской службы безопасности (МСБ).

С этого момента формально вопросы внешней разведки и охраны границ к моей компетенции не относились. Моя основная

работа заключалась в создании дееспособной МСБ, которая по своим задачам и функциям, пожалуй, ближе всего сравнима с Федеральным бюро расследований США. Велась разработка структуры организации, подготовка положения о МСБ, налаживание координации между всеми службами безопасности.

Временное положение о Межреспубликанской службе безопасности, которое должно было заложить правовой фундамент под нашу деятельность, было утверждено указом президента СССР от 28 ноября 1991 года. МСБ руководствовалась в своей деятельности законодательными и другими нормативными актами республик и Союза ССР (если акты не опротестованы республиками), а также собственно Временным положением. МСБ подчинялась 2 непосредственно президенту СССР, а контроль над ее деятельностью был возложен на Верховный Совет СССР, Государственный Совет СССР. В компетенцию Межреспубликанской службы безопасности входила, прежде всего, выработка «общих принципов в деятельности органов безопасности республик и координация их деятельности в целях наиболее эффективного использования имеющихся возможностей в интересах безопасности Союза и республик».

Из множества возлагавшихся на МСБ функций я выделил бы, в качестве приоритетных, следующие.

Проведение согласованной с органами безопасности республик контрразведывательной работы по предотвращению и пресечению деятельности специальных служб иностранных государств и зарубежных организаций, наносящих ущерб безопасности Союза и республик.

Что такая деятельность продолжалась, я думаю, ни у кого сомнений нет и не было. В октябре в одном из своих выступлений президент США Джордж Буш заявил: «Успех в борьбе против коммунизма не означает, что работа ЦРУ завершена. Мы можем и должны найти лучшее применение для ресурсов, которые требовались для проникновения в советские секреты. Мы не собираемся ликвидировать наши разведывательные возможности, создать которые нам стоило столько трудов. Однако мы должны приспособить их к новым реальностям». Ослабления активности спецслужб других стран на территории Советского Союза также не было замечено. Более того, у некоторых из них она даже возросла и все чаще проявлялась в деликатных предложениях нашим соотечественникам об оказании им помощи при каких-либо финансовых затруднениях.

Но, как и американцам, нам предстояло тоже приспособиться к новым реальностям. Мы уходили от «расширенного» понимания

контрразведывательной работы, которая ранее заключалась чуть ли не в поголовном контроле над всеми иностранцами и знакомыми с ними советскими гражданами.

Слишком большие перемены произошли в мире, во внешней и внутренней политике нашей страны, чтобы продолжать проповедовать такой подход к организации контрразведки.

Кроме того, исходя из реальной ситуации в стране я считал важным использовать профессионализм и оперативные возможности Второго главка для борьбы с организованной преступностью, прежде всего – международного характера. Контрабанда, валюта, терроризм, наркотики, коррупция.

Перед органами военной контрразведки ставились задачи обеспечения не только внешней безопасности Вооруженных сил, понимая под этим контрразведку в ее традиционном смысле, но и внутренней – ограждения армии от организованной преступности, терроризма, хищения и торговли оружием.

Таким образом, в один ряд с традиционной «ловлей шпионов» становилась вторая задача – опасными формами организованной преступности.

Актуальность этой задачи очевидна. Организованная преступность в условиях политической и экономической нестабильности в стране беспрецедентно возросла, создавая реальную угрозу безопасности не только граждан, но и всего общества, государственности как таковой. В этих конкретных условиях я отошел от своего старого предложения объединения КГБ и МВД, считая, что сегодня монополизм был бы опасен. Кроме того, надо на чем-то остановиться. Нельзя держать спецслужбы в состоянии непрерывной реорганизации. В конце концов, успех дела решают не структурные построения.

В то же время я считал необходимым срочно определить, разграничить в нормативном порядке круг правовых полномочий и компетенции различных правоохранительных органов в борьбе с организованной преступностью и коррупцией, что, безусловно, не исключало бы совместные меры и оправданный параллелизм на ряде участков этой работы.

Но надо признать, что нигде в правовых государствах спецслужбы не являются органами управления. Их важнейшая функция – добывать и поставлять руководителям исполнительной и законодательной власти информацию, которая поможет предотвратить развитие опасных для общества тенденций, выявить проявления нелегальной и экстремистской антиконституционной деятельности, зафиксировать возникновение очагов социальной напряженности.

МСБ должна была заняться координацией информационно-

аналитической работы органов безопасности республик в общих интересах обеспечения безопасности, а также совместной со спецслужбами республик эксплуатацией автоматизированных информационно-аналитических систем и информационных банков единой системы информационного обеспечения контрразведки, реализацией договорных обязательств по разработке аналитических систем. В нашем ведении оставались оперативные архивы и оперативные учеты.

Кроме того, в функции МСБ входили разработка и осуществление совместно с органами безопасности республик мер по обеспечению безопасности объектов оборонной промышленности, атомной энергетики, космоса, транспорта, связи, других военных и стратегических объектов, находящихся на территории республик.

Учитывая ситуацию в стране, где в некоторых регионах, по сути, идет «горячая» война, а экстремисты все чаще захватывают у армии оружие и военное снаряжение, нетрудно себе представить, сколько бед могут натворить фанатики, которые прорвутся на атомную электростанцию, или, того хуже, если в их руки попадут ядерные или химические боеприпасы. Исключить даже малейшую возможность этого – актуальнейшая задача спецслужб.

За МСБ оставалась и подготовка, переподготовка, повышение квалификации кадров для органов безопасности Союза и республик.

Было признано целесообразным сохранить подготовку кадров за МСБ, оставляя двери ее высшей школы открытыми для абитуриентов из независимых республик.

В кардинальных изменениях нуждалась вся система преподавания, в которой явно непропорциональное место отводилось идеологической накачке, работе по пресечению «подрывной деятельности» мнимых врагов строя в лице демократов и прочих «некоммунистов», пропаганде «чекистских традиций».

Еще 21 сентября я издал приказ о первоочередных мерах по приведению содержания профессионального образования в соответствии с изменившимися задачами, стоящими перед органами госбезопасности в условиях демократического общества. Исключить идеологизацию программ, сделать упор на освоение действительно необходимых профессиональных знаний и навыков.

Конечно, перестройка преподавания дело долгое, и надежд на быстрые перемены у меня не было. Но импульс к переменам был дан.

Важнейшим для МСБ, как считали многие руководители

республиканских спецслужб, должна была стать разработка, изготовление и поставка органам безопасности республик по их заявкам специальных технических средств, оказание методической помощи в их использовании.

Проведенная дезинтеграция Комитета государственной безопасности СССР не встретила серьезных возражений со стороны Верховного Совета СССР, который, правда, почти на полтора месяца затянул утверждение решения Госсовета об упразднении КГБ и о создании ЦСР, МСБ и Комитета охраны государственной границы. Первый законопроект, который президент СССР без комментариев направил парламентариям и обсуждение которого почему-то прошло без участия «сторон», был с возмущением сразу отвергнут и направлен на проработку в комитеты. Последовали согласования на уровне экспертов, затем у меня было несколько встреч с председателями комитетов по безопасности А. Котенковым, В. Стадником, которые были решительными сторонниками законопроекта и, на мой взгляд, намеревались серьезно и профессионально поставить на современную правовую основу деятельность спецслужб и проблемы безопасности республик и Союза.

Наконец 27 ноября Совет Республик приступил к повторному рассмотрению проекта закона «О реорганизации органов госбезопасности».

Завершил я свою речь оставшимся незамеченным пассажем, касающимся больше Союза, чем МСБ…

Сегодня народы республик осознали преимущества свободного суверенного развития перед прессом централизма, перед диктатом идеологической монополии. Но не все еще успели осознать преимущества экономической свободы производителя в политическом сообществе перед изоляционизмом. Еще не все успели осознать опасность национал-сепаратизма в уникальных исторических условиях нашей многонациональной страны. Совершенно очевидно, что процесс осознания идет. Важно, чтобы он не затянулся. Республикам придется добровольно взаимно поступиться частью суверенитета во имя общего блага и от «демократии вседозволенности» опять встать на путь строительства правового государства, где место спецслужб, безусловно, необходимо, но должно быть определено законом.

Сегодня в этом направлении может быть сделан первый исторический шаг.

Прошу вас, уважаемые депутаты, узаконить упразднение КГБ СССР и начало жизни новых спецслужб.

Не могу сказать, что обсуждение было легким. Пришлось отвечать на вопросы. Разведка и погранвойска почти не вызывали сомнений. Но не всем было ясно, зачем нужна МСБ. «Обойдемся в республиках и без нее». На этот вопрос я ответил очень просто: «В той же мере, в какой вам нужен конфедеративный или какой-то иной, но Союз, в той мере, в какой нужны республикам вы – Верховный Совет Союза, в такой же мере нужна Межреспубликанская служба безопасности…»

А. Котенков от имени комитета также призвал депутатов утвердить закон. Однако сделать этого так и не удалось. На заседании, как это часто бывало в Верховном Совете в те дни, не оказалось кворума.

Кворум собрался только 3 декабря.

Заседание Совета Республик прошло без помпы и вызвало вялый интерес у журналистов. Между тем этот день можно считать в каком-то смысле историческим. В 13 часов 13 минут с принятием закона «О реорганизации органов госбезопасности» КГБ СССР официально прекратил свое существование.

Как я надеялся, чтобы никогда не возродиться вновь в прежнем виде.

Децентрализация органов безопасности в наименьшей степени зависела от моей воли или воли любой другой организации и политика. Даже если бы я очень хотел помешать децентрализации, я не смог бы этого сделать. Ослабление централистского начала и усиление суверенитета республик шло во многом объективно.

Страна находилась на перекрестке двух исторически неизбежных процессов. С одной стороны, неизбежным был распад имперского сверхцентрализованного, основанного на насилии Союза. С этой точки зрения стремление республик к самостоятельности и независимости было прогрессивным.

Но, с другой стороны, столь же исторически неизбежен мировой интеграционный процесс. От него не спрятаться. Его не остановишь. С этой позиции сепаратизм и все с ним связанное – исторически обречено.

Оказалось очень сложно плавно перейти от одного процесса к другому.

В подходе к проблемам взаимоотношений между центром и республиками и децентрализации спецслужб я исходил, как теперь оказалось – ошибочно, из того, что Союз в той или иной форме, пусть самой слабой, будет сохранен. Основания для подобного осторожного оптимизма давали события

послепутчевых дней, особенно решения Съезда народных депутатов СССР, который собрался на внеочередную сессию в начале сентября и где прозвучало Совместное заявление президента СССР и лидеров республик.

Было ясно, что процессы в сфере национально-государственного устройства страны первичны по отношению реформирования КГБ.

Такая постановка вопроса и видение проблемы, не вызывавшие, кстати, возражений ни у одного из представителей республик, лежали в основе подхода к децентрализации органов безопасности.

На совещании 5 сентября я предложил схему, которая в целом встретила понимание республик. Задолго до ликвидации СССР и КГБ СССР.

К совещанию был уже подготовлен проект соглашения о сотрудничестве между КГБ Союза и КГБ республик, в котором речь шла о делегировании республиками полномочий Комитету госбезопасности СССР в сфере обеспечения общественной безопасности. Я видел все несовершенства этого проекта, главный недостаток которого заключался в том, что он не учитывал, да и не мог учесть, всего многообразия условий, которые существовали в каждой из республик. Позднее мы пошли по пути подготовки специальных соглашений с органами безопасности отдельных республик. Тогда же меня интересовала в первую очередь сама реакция их представителей на идею существования некоего центрального координирующего органа, деятельность которого строилась бы на новой, договорной основе.

С удовлетворением отметил для себя, что все выступившие на совещании представители республик поддержали идею координации их работы на уровне Союза. Председатели КГБ: Украины – Н. Голушко, России – В. Иваненко, Казахстана – Н. Вдовин, Киргизии – Г. Кузнецов, Армении – У. Арутюнян, Азербайджана – В. Гусейнов, Молдовы – А. Плугару, председатель комиссии по законодательству Верховного Совета Белоруссии Д. Булахов, государственный советник Казахской ССР Ю. Хитрин, председатель Совета при президенте Туркмении по координации деятельности правоохранительных органов Б. Ниязов – все считали необходимым сохранить общесоюзные структуры безопасности.

На этом же совещании была поддержана идея создания вместо старой Коллегии КГБ – Координационного совета в составе председателей комитетов республик, что и было реализовано указом президента СССР уже 11 сентября. Позже, 24 октября, был подписан указ президента СССР «О

Координационном совете Межреспубликанской службы безопасности», в состав которого помимо 2 руководителя МСБ входили директор ЦСР и руководители органов безопасности суверенных республик (государств). Решения Координационного совета должны были проводиться в жизнь приказами руководителя Межреспубликанской службы безопасности, на которого возлагалась координация деятельности спецслужб Союза и республик.

28 октября мы провели в новом составе первое заседание Координационного совета МСБ. Организовали на первое время зал с некоторым подобием «круглого стола», в оформлении которого не было ни портретов президентов, ни чекистской символики – одни пейзажи. Первый блин не вышел комом. При очень разнообразной ситуации в республиках согласие по всем принципиальным вопросам удавалось находить. Всеми без исключения был подписан, как я считаю, очень важный протокол. Теперь это исторический документ, свидетельствующий об упущенных возможностях, но и подтверждающий необходимость создания координационных механизмов в СНГ.

Серьезная проблема заключалась в том, что председатель республиканского комитета был вынужден согласовывать с КГБ СССР все вопросы штатного расписания, финансирования, структурных перемен. Без визы Управления кадров КГБ СССР республиканские подразделения не могли даже переставить какого-нибудь старшего опера с одного участка работы на другой, не говоря уж о праве назначить начальника областного управления. Эта закосневшая чиновничья практика, как ничто более, ярко иллюстрировала отсутствие каких-либо перестроечных веяний в КГБ, прежнее руководство которого просто игнорировало или втихую саботировало процессы суверенизации республик.

18 сентября был подписан приказ о расширении прав руководящего состава органов госбезопасности в связи с формированием в стране принципиально новой системы отношений между республиками и центром. Председатель КГБ союзной республики получал право вносить любые изменения в штаты в пределах фонда денежного содержания и заработной платы, штатных должностей, их наименования и окладов; назначать начальников областных управлений, зачислять на военную службу и увольнять сотрудников, присваивать им воинские звания.

Не видел я никаких проблем и в том, чтобы республиканские органы власти самостоятельно назначали руководителей своих комитетов. При таком подходе руководители республик

ставились в совершенно иное положение и уже сами были заинтересованы согласовать со мной свою кандидатуру.

Звонит президент Молдовы Мирча Снегур, просит принять А. Плугару, которого он намерен своим указом назначить руководителем органов безопасности республики. Знакомлюсь с Плугару. Кстати, очень здравомыслящий человек, журналист. Договариваемся о совместной работе. Издается указ президента, объявляется нашим ведомственным приказом. Чьи интересы при этом ущемлены? Абсолютно ничьи. В таком духе я полагал строить отношения со всеми республиками, которые оставались в Союзе.

Иначе обстояло дело с государствами Балтии, которые в начале сентября формально обрели свою долгожданную независимость. У меня не было никаких сомнений в праве Латвии, Литвы и Эстонии на самостоятельное развитие, прерванное закулисными сталинскими сделками в 1939–1940 годах. Совершенно очевидно, что деятельность комитетов госбезопасности этих республик должна была быть прекращена. Но чтобы сделать это, требовалось решить целый комплекс организационных, правовых, политических вопросов.

Во-первых, надо определиться с будущим сотрудников комитета, которые легко могли стать заложниками и жертвами во внутриреспубликанских политических баталиях. Я считал, что они не были виноваты в том, что, верные присяге, вынуждены были служить союзным законам и союзному органу. Не они породили эту ситуацию, а, скорее, Ландсбергис и Горбачев, которые, отстаивая каждый свои интересы, разрывали общество на непримиримые группы. Мог ли я, оказавшись в такой ситуации, допустить, чтобы бывшие сотрудники КГБ в отделяющихся республиках были лишены каких-либо социальных гарантий – пенсий по старости, возможности получить другую работу? Конечно нет.

Во-вторых, предстояло решить очень болезненную проблему архивов КГБ. Они хранили в себе не только бесценные исторические материалы, но и документы текущей работы, агентурные досье, способные взорвать любое общество. Я не считал допустимым передачу агентурных дел и картотек в распоряжение местных органов власти. Но коль скоро они на этом настаивали, вопрос мог быть решен только на межгосударственном уровне при достаточных законодательных гарантиях их неразглашения.

В-третьих, вставала проблема спецтехники, в первую очередь шифровальной и дешифровальной. Оставление всей этой техники на территории отделяющихся, теперь – «иностранных» государств

грозило нанести большой ущерб всей шифровальной (и не только шифровальной) работе, на налаживание которой ушли годы и огромные суммы.

Наконец, важно было определиться с охраной границ. Ситуация складывалась парадоксальная: пограничные силы Союза охраняли обращенный на Запад периметр трех «зарубежных» государств, тогда как охраняемых рубежей с самими этими государствами Союз не имел вовсе.

Весь этот комплекс вопросов мог быть решен только путем переговоров всех заинтересованных сторон. Мне неоднократно приходилось беседовать с премьер-министром Эстонии Сависааром, Латвии – Годманисом, представителем Литвы – Вайшвилой. Должен сказать, что лучшее взаимопонимание установилось у меня с Эдгаром Сависааром. Во все три государства я практически сразу же направил полномочные делегации для подготовки проектов соглашений, руководители комитетов госбезопасности этих стран регулярно приезжали в Москву.

Интенсивные консультации и согласования позволили достаточно быстро выйти на подписание соглашений, в которых предусматривалось полное прекращение деятельности союзно-республиканских комитетов госбезопасности в Латвии, Литве и Эстонии. Устанавливался короткий переходный период, в ходе которого решались все спорные вопросы. КГБ Союза брал на себя гарантии по трудоустройству и выплате социальных пособий действовавшим и бывшим сотрудникам КГБ этих государств за счет союзного бюджета. Создавались возможности для их использования в органах безопасности различных республик Союза.

К сожалению, не обошлось без сложностей. Наша кадровая служба оказалась очень неповоротливой, а на местах проявлялся вполне понятный эгоизм. Пришлось несколько раз посылать Н. Столярова для активизации этой работы. В Литве и Латвии начались спекуляции вокруг архивов. Некоторые лидеры не смогли удержаться от соблазна использовать полученные документы для сведения счетов со своими политическими противниками. В итоге они получили только разжигание вражды, обострение обстановки в правительственных и парламентских кругах.

Судьбу спецтехники рассматривали созданные совместно с заинтересованными сторонами экспертные группы. Отдельные виды специальной техники, автотранспорта, оргтехвооружения передавались бывшим республикам безвозмездно либо за плату, другие виды вывозились на территорию СССР.

Проблемы организации пограничной охраны решались путем установления определенного переходного периода, необходимого для подготовки Прибалтийскими государствами своих кадров пограничников, для определения массы правовых вопросов, связанных с установлением визового режима, порядка въезда и выезда, механизма паспортного контроля и так далее.

Прекращение деятельности комитетов госбезопасности Прибалтийских стран требовало не только двусторонних соглашений, но и односторонних мер с нашей стороны. В частности, необходимо было оказать практическую помощь в вопросах дальнейшего прохождения службы военнослужащими, трудоустройства рабочих и служащих, а также членов их семей, прибывавших из этих стран, изыскивать возможности для обеспечения их жилплощадью, создания других социально-бытовых условий. Все это было не так просто, учитывая, что во всех регионах страны с жильем и со всем остальным тоже было не густо. Особенно тяжело складывалось дело с бытовым устройством сотрудников госбезопасности и в без того истощенной Чернобылем Белоруссии, куда перемещалась значительная часть сотрудников из соседней Прибалтики. В октябре я приказал оказать помощь КГБ Республики Беларусь в создании собственного военно-строительного отдела, запланировать строительство в 1992–1995 годах здания военно-медицинской службы в Витебске, поликлиники в Могилеве, домов в Минске. Сегодня грустно об этом читать. Но такой приказ был.

В республиках, остававшихся в составе Союза, реформы органов безопасности (кроме России) шли почти исключительно по пути усиления их независимости от Москвы. Трудно даже было назвать это реформами, поскольку чаще всего просто менялось название комитета, он переходил в подчинение республиканским органам власти, но направления, формы, сам дух и работа серьезных изменений не претерпевали. Меня не покидало ощущение, что новые власти республик рассматривали органы госбезопасности и контроль над ними как важные символы национальной государственности, не видели здесь потенциальной угрозы демократии. А может быть, к демократии еще не пришли? Какие могут быть сомнения? Может быть, я не прав (хотелось бы быть не правым), но, по-моему, темпы реформы союзного КГБ опережали эти процессы в республиках. Мои же возможности влиять на ситуацию там были весьма ограниченны.

Характер взаимоотношений КГБ СССР (МСБ) с республиканскими комитетами, сферы их компетенции и объем делегированных в центр функций определялись в двусторонних соглашениях, подготовка и подписание которых интенсивно шли

в октябре-ноябре. Первое такое соглашение было подписано 8 октября со Службой национальной безопасности Украины, за ней последовали КГБ Республики Беларусь, Министерство национальной безопасности Республики Молдова, КГБ Республики Таджикистан. В середине ноября состоялся мой первый и единственный за три месяца визит за пределы Москвы – в Казахстан и Киргизию, где у меня состоялись очень интересные и полезные встречи с руководителями этих республик и были заключены соглашения с комитетами госбезопасности.

Сложнее шел процесс достижения договоренностей с Закавказскими республиками. Доверия к КГБ Союза там не было и быть не могло. Грузинское руководство во главе со Звиадом Гамсахурдиа, верное политике автаркии и самоизоляции, не проявляло желания идти на установление каких-либо контактов на межреспубликанском уровне, в том числе и по вопросам безопасности. «Грузинскую стену» мне сломать так и не удалось. Что же касается служб безопасности Армении и Азербайджана, то их объективная заинтересованность в сотрудничестве оказалась сильнее предубежденности против центра – договоры с ними в начале декабря были подписаны.

Конечно, сотрудничество с этими республиками, которые фактически находились в состоянии необъявленной войны друг с другом и с одинаковым недоверием и предубеждением относились к центру, было не таким простым делом. Точная и объективная информация о событиях в Закавказье требовалась постоянно, однако десятилетиями налаженные традиционные каналы ее получения уже не срабатывали. От комитетов безопасности Армении и Азербайджана информацию мне давали часто неполную или «подправленную».

Я считал главным принципом взаимоотношения с Закавказскими республиками невмешательство в противоборство сторон. Звучавшие порой обвинения – особенно часто из уст Гамсахурдиа по поводу «провокаций КГБ» в Закавказье – не более чем вымысел, хотя и не столь безобидный.

К началу декабря из всех республик, входивших в состав Союза, МСБ не имела соглашений с тремя. С Грузией, которая принципиально не шла на контакты. С Узбекистаном все спорные вопросы были уже решены, и я планировал поездку в Ташкент для подписания документа. И наконец, Россия.

Безусловно, главная проблема, связанная с децентрализацией, решалась в процессе создания самостоятельной службы безопасности ВСФСР. В этом случае нельзя было сказать, что формировалась еще одна республиканская спецслужба. Возникала качественно новая

ситуация, при которой КГБ Союза лишался какой-либо «своей» территории, что еще сильнее подчеркивало необходимость для союзного КГБ (МСБ) ограничиться координирующими функциями.

КГБ РСФСР был впервые образован 6 мая 1991 года, когда председателем Верховного Совета России Ельциным и председателем КГБ Крючковым (действовавшим по уполномочию президента СССР) был подписан соответствующий протокол. За последующие четыре месяца для создания КГБ России не было сделано почти ничего.

В его центральном аппарате насчитывалось едва ли два десятка офицеров, а все областные российские управления по-прежнему подчинялись КГБ СССР.

Так что начинать пришлось практически с нуля.

4 сентября 1991 года я издал приказ «О неотложных мерах по обеспечению формирования и деятельности КГБ РСФСР». В подчинение КГБ России были переданы все комитеты бывших автономных республик и управления по краям и областям. Управлению кадров КГБ Союза было поручено произвести передачу российскому комитету штатной численности за счет подразделений КГБ СССР; передача осуществлялась одновременно с занимаемыми помещениями, имеющимися средствами связи, вычислительной техникой, транспортом и другим имуществом. Запрещалось препятствовать переводу сотрудников, изъявивших желание проходить службу в КГБ РСФСР. Устанавливалась принципиально новая практика, следуя которой руководители подразделений центрального аппарата КГБ СССР могли направлять любые указания в органы госбезопасности России только по согласованию с КГБ РСФСР. Для размещения центрального аппарата КГБ РСФСР предписано было на первых порах выделить то центральное здание КГБ на Лубянской площади, которое в течение десятилетий являлось символом КГБ.

Конечно, надо было быть очень наивным, чтобы надеяться создать новую огромную организацию одним приказом.

Я помню, на создание МВД России в свое время понадобился почти год. Никто не спорит, трудно даже на базе КГБ 2 создать принципиально новую службу. Проще поменять вывески. Тут надо всего – молоток и четыре гвоздя.

Уже в сентябре я отчетливо почувствовал стремление ряда российских политиков полностью ликвидировать союзные структуры КГБ, просто переподчинив их в юрисдикцию России. Эта тенденция в полной мере укладывалась в логику тех людей из близкого и далекого окружения Б.Н. Ельцина, которые уже тогда

взяли курс на полную ликвидацию союзной государственности и максимальное усиление атрибутов государственности России даже в ущерб интересам других республик. Подобная тенденция в какой-то момент проявилась и в подходах некоторых членов Государственной комиссии по расследованию деятельности органов госбезопасности, в состав которой, кстати, входили только российские политики. Как я уже упоминал, в середине сентября, более чем за месяц до официального срока представления заключения, Степашин направил в Госсовет СССР предложение о прекращении деятельности КГБ СССР и создании на его базе Комитета госбезопасности России. Речь, таким образом, шла о том, чтобы поменять вывеску с «КГБ СССР» на «КГБ РСФСР».

Мне такой путь представлялся не очень продуктивным. Не о себе я заботился. Плохо это или хорошо, но за свое кресло никогда не держался. Меня прежде всего беспокоило, что такой шаг будет открытым вызовом другим республикам и поощрением сепаратистских тенденций. Такая политика работала не на сохранение и без того хрупкого Союза, а на окончательный его развал. Именно с этим я не мог согласиться. Кроме того, это бы инициировало и без того сильные тенденции в республиках на «захват» общей для всех служб безопасности собственности (радиоперехват, связь, инфраструктура, здравоохранение, стройбаза). Все они не в меньшей степени, чем Россия, могли претендовать на «свою» долю «наследства» от союзного КГБ. Кроме того, с корнем рушилась общая для всех республик система безопасности, а новая «объединенная» еще не была создана даже как концепция.

В тот момент только с помощью Б.Н. Ельцина мне удалось отстоять свою точку зрения, которая базировалась на убежденности в необходимости сохранить межреспубликанские структуры. Комиссия Степашина также изменила эту свою случайную, извне привнесенную позицию, поддержав в конечном счете создание МСБ, ЦСР СССР и объединенных пограничных сил. До тех пор, пока существовал Союз, такой подход был единственно возможным и разумным.

Другая часть трудностей, которая возникала при создании КГБ России, могла быть отнесена к межведомственным и чисто личностным противоречиям, на мой взгляд неизбежным при выделении одной организации из другой. Я исходил из того, что КГБ России сам должен разработать структуру, функциональную подчиненность подразделений и штатную численность. Как и в других случаях, я считал интересы республики первичными. Однако следует признать, что общая установка не всегда

срабатывала, когда дело доходило до конкретных исполнителей и вставал, скажем, вопрос о немедленном освобождении того или иного служебного помещения. Мелкие трения могли бы перерасти в конфронтацию, если бы не разумная, конструктивная позиция В. Иваненко, с которым у меня практически не было каких-либо спорных вопросов.

К сожалению, далеко не все в руководстве КГБ России проявляли и половину такта, терпения и взвешенности, которые были присущи Иваненко. Некоторые свое организационное бессилие прикрывали надуманными или просто ложными обвинениями в адрес центрального аппарата и лично Бакатина. Я считал и считаю ниже своего достоинства вступать в «полемику», не считал нужным как-то специально реагировать на все эти потуги, за которыми, по моему убеждению, скрывалось одно – стремление старых кадров КГБ поменять фасад и оставить все по-прежнему. Обвиняя меня во всех смертных грехах, сами они ничего конструктивного не предлагали и предложить не могли.

Я считал нецелесообразным раскалывать отдельные управления КГБ на союзную и республиканскую части. За исключением тех случаев, когда это было неизбежно (например, контрразведка, которой, как предполагалось, должны были заниматься и республиканские, и межреспубликанские органы), управления и отделы либо целиком переходили в КГБ России, либо оставались в МСБ. По моему убеждению, всегда можно было бы договориться о задействовании возможностей МСБ в мероприятиях КГБ России и наоборот.

К 26 ноября, когда был издан указ президента РСФСР № 233 «О преобразовании Комитета государственной безопасности РСФСР в Агентство федеральной безопасности РСФСР», в центральном аппарате российской Службы безопасности работали двадцать тысяч сотрудников и двадцать две тысячи – на местах. Это была уже полноценная организация, способная самостоятельно решать крупные задачи.

После создания АФБ разговоры о «смертельных схватках» между АФБ и МСБ не окончились…

Чтобы лишить политиканствующих деятелей в аппарате КГБ и АФБ удовольствия распространять сплетни и побудить их заняться будничной тяжелой работой, мы с В. Иваненко решили выступить с совместным заявлением (см. приложение 4).

Однако будущее МСБ и АФБ России зависело уже не от Бакатина и Иваненко. Оно решалось в тех драматических политических схватках, которыми был отмечен последний месяц 1991 года, последний месяц существования Союза.

Я уверен, что нормальный мыслящий читатель сумеет понять и оценить мою работу. Прежде всего, давайте не будем забывать, в каком всеобщем хаосе оказалась страна после путча. И в это безвременье спецслужбы (не КГБ СССР, а спецслужбы) были защищены от всяких сомнительных поползновений растаскивания, разрушения, использования в узких целях той или иной группировки. Чего-чего, а любителей тайных интриг вокруг КГБ всегда было немало, а с победой «демократии» их появилось видимо-невидимо. В это тяжелое время, при распавшейся старой и несформированной новой власти, как это ни удивительно, страна была защищена от многочисленных угроз. Без ложной скромности скажу: это была хорошо выполненная трудная работа, которой я до сих пор горжусь. Спецслужбы были сохранены, а «чекизму» в той мере, в какой это было возможно, был поставлен заслон, сказано – «нет». Конечно, кое у кого с окончательно атрофированной способностью непредвзято смотреть на жизнь, это вызвало лютую ненависть.

В какой-то мере этого я ожидал. По-другому быть не могло. «Чекизм» – это идеология, а идеологию какими-то советами или приказами уничтожить нельзя. Все было так, как и должно быть. Так и продолжается сейчас, в середине 90-х гг. Мало этого, «чекизм» вместе с большевизмом переживает подъем. Пять лет перестройки, казалось, стали началом их заката в нашей стране. Но семь лет губительного «курса реформ» вернули большевизму такой авторитет в обнищавших массах, которого не было и в застойные годы. Так что «чекизм» рано укладывать в мавзолей. Он жил, жив и будет жить. До тех пор, пока в стране не начнется серьезный экономический подъем.

Заигрывать с чекистами я, в силу своего скверного характера, не мог и не могу. Всегда говорю то, что думаю.

Но никогда не думал, не говорил и не делал, что в тех очень сложных и опасных условиях могло бы ухудшить и без того находившуюся в плачевном состоянии систему безопасности страны. Она была в нокауте после нелепого удара путчистов, которые и сами, наверное, не могли понять, что они наделали… Большего вреда триаде КГБ – КПСС – СССР, чем нанесли путчисты, не мог бы вообразить в своих мечтаниях даже самый отъявленный антисоветчик. «Империя зла» рассыпалась в одночасье. Все партийные «программные заявления», постановления и резолюции о «социалистическом выборе» унесло ветром истории.

Путч расчистил дорогу оголтелому антикоммунизму – большевизму наоборот. Восемнадцати– или уже шестнадцатимиллионная, «авангардного типа» партия даже не

пикнула. Союз был на краю пропасти. КГБ затаился.

Я не собирался спасать КГБ как символ, как системообразующий стержень большевистского, сталинского государства, как «щит и меч» ленинской партии. Все это надо было разрушить. Но при этом следовало спасти и сохранить систему безопасности страны как таковую. Кадры спецслужб на сто процентов состояли из коммунистов, только они знали дело. Других профессионалов в стране не было.

При этом любая идеология должна была уйти из спецслужб и не показываться. Может быть, где-то я перегнул палку, и КГБ потерял по моей ошибке какого-нибудь талантливого генерала… Мне жаль этого генерала, но что поделаешь?

Тем не менее система спецслужб за три месяца после августовского паралича была оживлена и, более чем любое другое ведомство Советского Союза, подготовлена к тому, чтобы вписаться в новую союзную государственность.

Для всех разбегающихся республик сохранялись: единая внешняя разведка, объединенное командование пограничными войсками, общая система спецсвязи, Межреспубликанская служба безопасности с координационным комитетом, в который входили руководители КГБ всех республик, кроме, к сожалению, прибалтов. На базе бывшей «девятки» создана самостоятельная служба охраны высшего руководства СССР и России. Мало того: на материальной, оперативной, кадровой основе бывшего КГБ, без деления и дробления функциональных подразделений, очень быстро была сформирована с ходу заработавшая служба безопасности России (АФБ).

Так что, «развалив» развалившийся КГБ, я сохранил спецслужбы для России и республик, за что, конечно, имею одни неприятности. Лжецам и демагогам пора заткнуться.

Не моя вина, а наша общая беда в том, что усилия по спасению Союза после путча оказались ненужными российским и украинским «национал-патриотам», что Ельцину, Кравчуку и примкнувшему к ним, по недомыслию, Шушкевичу, под влиянием своих советчиков и шампанского, захотелось побыть в роли гигантов мысли и отцов-оплодотворителей русской демократии, поиграть народами и странами. Они доделали то, что не доделали путчисты. Отказались от «империи» – СССР только потому, что больше всего им хотелось освободиться от «занудного центра», от навязчивой КПСС, а возможно, и от – излишней для президентов – собственной совести. Они хотели… пожить свободно и показать, как надо царствовать. Может быть, они желали и чего-нибудь другого… Трудно сказать.

Но точно сохранения единого для всех КГБ СССР они не

желали. Что, собственно говоря, было вполне естественно.

Где был КГБ, когда страна все более и более скатывалась к своей гибели? На этот вопрос есть немало ответов в мемуарах истинных чекистов. Они считали, что сделали все, что могли. Наверное, они правы. Значит, плохо сделали и мало смогли. На большее оказались не способны.

Потому что, кто бы что ни говорил, факт остается фактом: страна – СССР – распалась. С точки зрения оценки роли КГБ причины не имеют значения. Пусть называют любые причины, но всегда останется главной причиной то, что госбезопасность страны была не способной предвидеть и предотвратить распад.

А после путча, когда уже спасти Союз могло только чудо, все, и спецслужбы тоже, быстро сориентировались, в какую «лодку» пересесть. Все покидали Горбачева, тонущий «беззубый центр» и суетились вокруг первого демократического президента России – Б.Н. Ельцина. Играли против Союза за Россию (без республик).

И доигрались… Но в этом, как и положено чекистам, они никогда не признаются.

В начале сентября 1991 года в КГБ СССР шла подготовка к встрече с госсекретарем США Дж. Бейкером. Впервые в истории госсекретарь посещал «логово империи зла». Среди перечня вопросов, которые в ходе переговоров могли затронуть американцы, была названа проблема посольских зданий. Я об этом ничего не слышал и попросил дать мне подробную информацию. Дали. Что же я узнал?

Оказывается, еще в 1969 году политбюро ЦК КПСС приняло решение об установке спецтехники для прослушивания в предполагавшемся к строительству здании посольства США в Москве. Был выполнен проект, и с 1976 по 1982 год, по мере строительства, в части конструкций внедрялись так называемые жучки.

Однако в 1982 году разразился крупный международный скандал (за девять лет до моего направления в КГБ). Американские спецслужбы жучки обнаружили, подняли мощную антисоветскую кампанию. Операция КГБ провалилась. Мы об этом, как было принято, промолчали.

Политбюро ЦК КПСС приняло секретное постановление: операцию прекратить; все, что поддается уничтожению, – уничтожить; советским дипломатам все отрицать.

Все было исполнено. Дипломаты лгали с отвращением, но вполне искренне.

Американцы прекратили строительство и по данным нашей разведки досконально разобрались со схемой наших

микрофончиков. Кто думает иначе – просто обижает нашего главного противника, недооценивает его великолепные технические возможности. Конгресс США принял закон, запрещающий нам вселяться в наше новое посольское здание в Вашингтоне, пока американцы не построят в Москве свое новое. Недостроенную коробку, где были обнаружены жучки, они решили (с возмущением) снести.

Короче, было чем заняться серьезным государственным мужам как с той, так и с другой стороны. Уже и перестройка с ее «новым мышлением» заканчивалась, а «друзья-президенты» оставались – во власти своих спецслужб. КГБ знал, что провалился, и, как и полагалось, помалкивал. ЦРУ знало, что сделало здание безопасным (иначе они просто зря едят хлеб налогоплательщиков), но все время поднимало ставки, распуская слухи о каких-то изощренных методах нападения с нашей стороны. Вроде такого анекдотичного рассуждения «знатоков», что все здание является огромной мембраной и, следовательно, резонирует от малейшего звука, направляя его прямо на Лубянку. Видимо, купившись на подобную информацию, конгресс США выделил на проблему, не стоящую выеденного яйца, 300 миллионов долларов. Взять ответственность на себя, что это недостроенное здание полностью безопасно, никто за десять лет так и не захотел.

Когда мне доложили, что спроектированная двадцать лет назад спецтехника морально устарела, секрета для специалистов не представляет, что система выведена из строя и восстановлению не подлежит, я решил разрубить этот дипломатический узел. Я полагал, что в то время политически выигрышной была бы демонстрация конкретного сотрудничества по устранению всех проблем, возникших в годы холодной войны вокруг новых посольских зданий.

Кстати, не знаю, какое «политбюро» Соединенных Штатов принимало решение, но и наше здание в Вашингтоне было напичкано весьма изящными жучками. Наш КГБ оказался не хуже «ихнего» ЦРУ и так же, как и американцы, обезвредил подслушивающие устройства.

«Разрядка» воплотилась в реальные действия.

Я со многими посоветовался, переговорил с М.С. Горбачевым и написал ему письмо:

Президенту СССР
т. Горбачеву М.С.

В 1969 году политическим руководством страны было принято решение об оборудовании намеченного к строительству нового

комплекса зданий посольства США в г. Москве средствами специальной техники для съема информации, представляющей политический и оперативный интерес. В этих целях в период с 1976 по 1982 год в часть строительных конструкций административного корпуса посольства были внедрены элементы систем съема акустической информации и электромагнитных излучений шифровальной аппаратуры посольства.

В дальнейшем, в связи с изменением политической обстановки и активными поисковыми работами, предпринятыми американскими специалистами, оборудование объекта было прекращено. Кабели, заложенные в грунте для соединения внедренных элементов с аппаратурой регистрации, изъяты. Оставшиеся в строительных конструкциях элементы не представляют собой законченной системы и не могут быть использованы для целей съема информации.

Следует отметить, что до настоящего времени поисковыми группами Комитета госбезопасности СССР изымаются системы съема информации, внедренные американскими спецслужбами в административные и жилые здания посольства СССР в г. Вашингтоне.

В интересах развития отношений между СССР и США, а также в целях укрепления доверия между государствами, представляется возможным сообщить американской стороне, на взаимной основе, сведения об элементах систем съема информации и местах их расположения в строительных конструкциях здания без раскрытия технических параметров и схемных решений систем, подтвердив тем самым безопасность эксплуатации здания от утечки информации.

Полагаем, что реализация изложенного позволит ускорить задействование зданий посольств США в г. Москве и СССР – в г. Вашингтоне.

Докладываем на решение.
Председатель Комитета В. Бакатин

Горбачев наложил резолюцию:

Тов. Панкину Б.Д.,
тов. Бакатину В.В.
Обсудите и определитесь (при согласии) по шагам.
М. Горбачев
19 сентября 1991 год

Сам он дал согласие. Без всяких оговорок согласился и Б.Д. Панкин. Приветствовали эту, как считалось, политическую акцию

и Б.Н. Ельцин и министр иностранных дел России А. Козырев.

Я встретился с послом США в СССР господином Р. Страусом, передал ему письмо:

Роберту Шварцу Страусу,
послу США в Москве
Ваше превосходительство!

В нашей с Вами беседе 2 октября с. г. затрагивалась проблема безопасности функционирования нового комплекса посольства США в Москве.

Мы с полным пониманием относимся к озабоченности американской стороны, тем более что и нас в равной мере беспокоит безопасность нашего посольства в Вашингтоне.

В целях радикального решения этого вопроса Комитет государственной безопасности СССР готов предоставить американской стороне документацию, касающуюся установки конкретных элементов технических средств получения информации в новом комплексе посольства США в Москве.

Мы не увязываем этот шаг ни с какими действиями американской стороны, но были бы признательны, если соответствующие федеральные службы США передадут в наше распоряжение аналогичную документацию по новому посольскому комплексу СССР в Вашингтоне.

Думаю, что такой выход из, казалось бы, тупикового положения отвечает интересам наших стран, поможет избежать бессмысленных затрат, упрочить доверие, что само по себе бесценно.

Выражаю надежду, что это предложение найдет у Вас поддержку и Вы, господин Посол, употребите свое влияние для его реализации.

С уважением, Вадим Бакатин,
Председатель Комитета
государственной безопасности СССР

В начале декабря Р. Страус сообщил мне ответ Государственного департамента США:

Мы заинтересованы в Вашем предложении, которое является жестом доброй воли. Я уполномочен довести до Вашего сведения, что мы готовы урегулировать претензии по разведывательной деятельности относительно нового здания посольства (т. е. те взаимные претензии, которые, по нашим оценкам, составляют примерно 300 млн долларов) в обмен на получение материала. Вы понимаете, что мы не урегулируем эти претензии, если материал

окажется не тем, как Вы его описывали.

Наше согласие не связано с дефектными претензиями по строительству здания, оцениваемыми суммой в 30 млн долларов. Мы будем продолжать наши встречи по этим претензиям в рамках переговоров по вопросам собственности, которые ведутся послом Сальго и заместителем министра иностранных дел Обуховым.

Принимая документы, мы не будем оказывать воздействие на варианты строительства или решения, относящиеся к тому, что мы собираемся сделать с новым зданием посольства. В данный момент наш план заключается в продолжении строительства новой защищенной пристройки к северной части нового здания посольства, а также переносе принятия решения по этому вопросу до тех пор, пока не будет сформулирована наша окончательная позиция относительно использования нового здания посольства.

Наше согласие ни в коей мере не связано с возможностью занятия нового здания советского посольства его сотрудниками. Ваши люди могут занять это здание тогда, когда у нас будет новое, в смысле безопасности, здание в Москве. Это является законом и нашей политикой.

В качестве практического предложения по данному вопросу я буду рад направить моего советника по вопросам руководства и других лиц для встреч с теми должностными лицами, которых Вы можете назначить.

Р. Страус (подпись)

Ответ мне не понравился. Он подтвердил правоту тех, кто говорил об эгоизме, неискренности и супербюрократизме американских чиновников. Любят только себя. Брать готовы, но не отвечают взаимностью. Но не в моих правилах было отступать. Тем более я был уверен, мы «послали мяч» на их сторону, никуда им не деться, ход за ними, запрет на заселение нашего здания в Вашингтоне придется снять.

Схему наших мертвых жучков мы им передали. Они, конечно, стали делать вид, что их надули. Писали, что Бакатину верить нельзя, он отдал не все, нельзя «попадаться на удочку» и тому подобное. К тому времени мне уже стало ясно, что для Госдепа и ЦРУ невыгодно терять своих заклятых «друзей», КГБ и СССР – «империю зла».

Мы буквально были для них слишком дороги. Вместе с исчезновением врагов исчезали ассигнования из сверхщедрого бюджета США. За дружбу долларов не получишь.

Получилось так, как я предполагал. В июле 1992 года американская сторона отменила положения, препятствующие заселению нашего посольского комплекса в Вашингтоне.

Для дипломатов эта грязная десятилетняя история завершилась. Для спецслужб – не изменилось ничего. Они как работали, так и работают. «Дружат» – друг против друга.

А я на всю оставшуюся жизнь получил скандальную репутацию, благодаря мощнейшей многолетней кампании в средствах массовой информации, инспирированной «обиженными» чекистами. Журналистов, продавших свою совесть, более чем достаточно, тем более таких, которым лестно блеснуть своими связями со спецслужбами. Кому не лень и где попало говорят: «Бакатин передал американцам схему наших жучков». Комментарии могут быть различными, но никто не скажет, что жучки эти давно «скончались» и ничего, кроме вреда – после провала операции КГБ в 1982 году, нашей стране не принесли.

Для нашего общества, за долгие-долгие годы несвободы впитавшего в свои поры патологическое любопытство ко всему, что связано со шпионами и разведчиками, это – любимое чтиво. Передал, и все. А что, почему – не важно. Оправдание невозможно. Поэтому – не надо оправдываться. Бесполезно.

Глава 12
Конец

Во всех делах твоих помни о конце…

Библия

Нередко оптимизм – всего лишь еще одно проявление лености мысли.

Э. Эррио

24 июня 1991 г.

Дорогой г-н Бакатин!

Благодарю за теплую встречу во время моего последнего пребывания в Москве.

Я доволен нашим визитом и надеюсь, что и Вы посетите Соединенные Штаты Америки. Добро пожаловать в Арканзас, если Вы хотите увидеть настоящее сердце Америки.

С уважением, Билл Клинтон

P. S. Я пережил два поражения на выборах.

Это – еще не конец света. Удачи Вам.

Конечно, и я пожелал удачи человеку, который вскоре стал одним из самых удачливых президентов США[10]. Если не считать… личной жизни. Здесь он оказался самым несчастным мужем, до конца испив чашу коварства далеко не лучших представительниц рода Евы. Самый банальный адюльтер привел к беспрецедентной по обнаженности драме человеческих отношений и беспрецедентным по ничтожности причины общественным треволнениям. Примитивнейшее событие, правда более подходящее для ковбойского ранчо, чем для Овального кабинета, безжалостной вседозволенностью информации было доведено до уровня национальной трагедии. Оно явилось неожиданно великим испытанием для Б. Клинтона, его семьи и всего американского народа. Мужество и самообладание, проявленное семьей, мудрость и великодушие – народом, заслуживают уважения. И мораль сей басни известна и поучительна: терновый венец всегда предпочтительней, чем фиговый листок…

Не могу сказать, почему М.С. Горбачев не смог принять губернатора штата Арканзас, прибывшего в СССР с частным

визитом. Масштаб, по-видимому, показался ему мал, или занят был. Но факт остается фактом – принимал Б. Клинтона я, «простой член Совета безопасности». Билл Клинтон производил впечатление… Стройный, высокий. Густая с легкой проседью шевелюра подчеркивала южный загар… Он был в джинсах и ковбойской клетчатой рубахе.

В то время в Кремле так никто еще не появлялся. Этот американец меня и поразил, и восхитил. По крайней мере, настолько, чтобы запомнить его визит среди других. Запомнил, конечно, из-за ковбойки и раскованности. Не мог же я знать, что вскоре он станет президентом Соединенных Штатов, «другом Бориса», которому я только что бездарно проиграл выборы… И здесь Б. Клинтон был прав – это не конец света. И даже не конец жизни. Но конец служебной лестницы явно просматривался. Я свалился с последней ступеньки.

Кому-то, может быть, трудно поверить, но я не планировал свою карьеру. Жизнь – планировал. Например, заранее определил, что у нас с Людмилой будет два сына.

Конечно, это была ошибка. Рожать надо было больше… Отсюда запоздалый вывод: планировать жизнь – глупо. Отдавайтесь судьбе. Пусть будет то, что будет… Так шла моя служебная карьера. Все происходило само собой. Карьера – как производное от случайностей жизни, достоинств и недостатков образования, воспитания, характера. Задумался о перспективах я слишком поздно, когда понял: все то, что можно было назвать «моей карьерой», заканчивается. Пятьдесят четыре года – далеко уже не молодость, но и не совсем тот возраст, когда пора сматывать удочки. Однако так получилось. Меня «смотали». Таковы обстоятельства. Таков итог.

Наверное, я был не самым плохим, как любит говорить моя жена, «госдеятелем». В отличие от многих своих коллег, большей частью карьерных комсомольцев, имел немалый производственный опыт. Старался быть самим собой. Юлить, хитрить не было необходимости. Это помогало обретать чувство уверенности. Отставка с поста министра, которую, казалось бы, ждал и встретил легко, на самом деле все круто изменила.

Я стал походить на карася, выброшенного на берег, судорожно хватающегося за что ни попало. Карась-идеалист… Я всегда презирал властолюбие. Хотя и был болтлив, но не тщеславен. На Страшном суде не признал бы за собой этого греха. Но, как оказалось, власть была очень важной, если не главной, составляющей моей жизни. Лишенный власти, я был вырван из привычной среды. Искать новую было поздно. Уверенность сменилась растерянностью. Я не понимал новой политики М.С.

Горбачева после ноября 1990 года. Да он и не посвящал меня во все хитросплетения войны с демократами. Я отошел от губительной «твердости» ортодоксальных марксистов-ленинцев, не принимал и пустого воинствующего антикоммунизма «демократов». Тем более был далек от всех их тайных интриг. Иначе как мерзостью эту «политику», типичным образчиком которой было «купание» лидера демократов в пруду, назвать нельзя. Я плохо это понимал. Просто представить себе не мог, что одни способны на подобные дешевые «активные мероприятия», а другие – на наглую, фантастическую ложь «во спасение». Причем, как вскоре стало ясно, все это было не столь уж бессмысленно. Власть оказывалась в дураках, а ложь поднимала популярность антисоветской оппозиции.

Когда журналисты спрашивали меня, какой период работы принес мне наибольшее удовлетворение, всегда без сомнения называл 1961–1962 годы, когда был прорабом на стройках Кемерова. Нравилось сочетание уже вполне приличной самостоятельности с возможностью быстро и зримо ощущать результаты своего «командирского» творчества. Если бы меня спросили: а какой период был самым тяжелым? Немало таких периодов и ситуаций нашел бы за время службы в МВД. Но самым тяжелым оказался период с 3 декабря 1990 года до августа 1991 года. Чувство беспомощности, ненужности, неопределенности, иллюзия деятельности при вынужденном безделье – отвратительны. Личные страдания, в конце концов, личные страдания. Но с некоторых пор мне уже не оторвать их от переживаний за страну, которая все более и более катилась куда-то не туда. Это была уже не перестройка – был развал. Я это видел, чувствовал и свою вину, но помочь, повлиять на что-то практически не мог. Любители теоретизировать, к которым в какой-то степени отношу и себя, находили в том времени много интересного. То ли это конец перестройки, то ли начало ее нового этапа… А может быть – реакционный поворот к диктатуре? Е.К. Лигачев назвал «новый курс» Горбачева в Литве своей победой.

Я с уважением отношусь к Лигачеву, считал и считаю его честным, мужественным человеком. Но так и не смог понять, где он увидел «победу». Насилие окончательно вытолкнуло Литву и всех прибалтов из Союза. Это – победа?

Это крах. Никогда мне не понять «кремлевских мудрецов». Не мне их судить и о них судить. В сравнении или без сравнения со столпами московско-политбюровской политики я все равно остаюсь провинциалом, «белой вороной», и суждения мои о столичных коридорах власти поверхностны, интуитивны и провинциальны…

Моя продолжавшаяся по инерции после отставки активность затухала. Привычка к «наркотику власти» проходила. Бессилие и растерянность становились реальностью. Вскоре я понял, что между М.С. Горбачевым и теми, кто добился моей отставки, была договоренность: Бакатина от дел отстранять. Эпизодов, иллюстрирующих это, было много. Приведу лишь один, весьма эмоциональный, документ:

Президенту СССР
товарищу Горбачеву М.С.
Глубокоуважаемый Михаил Сергеевич!

Вынужден обратиться к Вам официально и надеюсь быть правильно понятым.

Докладываю Вам, что 23 апреля с целью получения информации о положении в Южной Осетии и выработки проекта рекомендаций для разрешения конфликта я пригласил к себе командующего внутренними войсками СССР генерала Ю.В. Шаталина в удобное для него и согласованное с ним время.

Однако министр Б.К. Пуго запретил Шаталину являться ко мне, без объяснения каких-либо причин.

Я не считаю для себя возможным испрашивать у кого бы то ни было разрешений на проведение встреч и бесед. Это уже второй подобный случай. После первого Б.К. Пуго дал мне понять, что действует с Вашего согласия. Я не намерен дважды объясняться с ним по одному и тому же вопросу и прошу Вас, уважаемый Михаил Сергеевич, либо указать товарищу Пуго на недопустимость его поведения, мешающего делу, и порекомендовать впредь подобных случаев не допускать, либо, если Вы считаете, что он прав, прошу освободить меня от обязанностей члена Совета безопасности СССР, поскольку в этом случае у меня не останется абсолютно никаких возможностей (при отсутствии информации, аппарата и прав) для того, чтобы хоть каким-то образом их исполнять.

С уважением, В. Бакатин
23 апреля 1991 года

Горбачев поставил на письме завитушку. Мне же сказал что-то вроде: «Работай. Борис Карлович не прав.

Я скажу ему…» Думаю, что он ему ничего не сказал.

Отступив от текста, еще раз повторю, что всегда с уважением относился к Б.К. Пуго, который доказал, что был исключительно честным человеком. И в этом эпизоде дело не в нем. Он точно исполнял договоренности, которые были достигнуты между Горбачевым и членами политбюро. Они хотели отстранить меня от власти. И отстранили.

Мое участие в выборах было тоже в какой-то мере не вполне осознанной реакцией этого состояния, состояния отверженного, обреченной на неудачу попыткой вернуться во власть. Почему мне этого тогда так хотелось, сегодня трудно понять. Но скорее всего, это было именно так. Трезвого расчета здесь было мало. Эмоции и оптимизм. Откуда он брался, этот оптимизм? Но он был.

Я верил, что все еще можно поправить, что в принципиальном плане курс на демократизацию жизни уже не изменить. Однако со своей верой, отстраненный от рычагов власти, уже мало на что мог повлиять. Отсюда увлечение публицистикой. Слово заменяло дело. Неожиданное желание высказаться привело к тому, что я очень быстро, за отпускное время, написал небольшую книжку «Освобождение от иллюзий». В 1992 году ее издали в Кемерове. Ни на что, конечно, она не повлияла.

Моя длительная практика на начальствующих должностях приучила не только командовать, но и чтить исполнительскую дисциплину. Я не мог допускать ослушания после того, как решение принято. Отменить команду было можно, не выполнять – нельзя. Так нас воспитывали. И я на всю жизнь усвоил эти уроки, которые давал молодым инженерам наш «батька», управляющий трестом-96 Николай Александрович Малинин.

Странная роль без прав и обязанностей в так называемом Совете безопасности была для меня сущей мукой. Вроде бы ты «большой чиновник», а сделать ничего не можешь. Слабым «утешением» было то, что подобное бессилие было распространено повсюду, стало характерным качеством власти в целом. Управление страной ускользало от президента и его правительства. Да и его ли было это правительство? Решения, принимавшиеся М.С. Горбачевым, сплошь и рядом не исполнялись. Примеров можно приводить сколько угодно. Возьмем близкую мне тему: положение в угольной отрасли, на шахтах и разрезах Кузбасса…

Секретарь Кемеровского обкома КПСС А.М. Зайцев докладывал М.С. Горбачеву: «…Волна забастовок, начавшаяся в Кемеровской области 4 марта, достигла своего апогея. Ущерб, нанесенный ею, уже сейчас трудно оценить. Продолжение забастовок может привести к полной дестабилизации и неуправляемости народного хозяйства, к развалу экономики и социальному взрыву…»

Горбачев принял представителей шахтерских коллективов. Совместно с членами правительства В.С. Павлова были выработаны удовлетворившие забастовщиков решения. Надо

было их исполнять. Но что-то Павлову мешало. Можно предположить: он сознательно нагнетал ситуацию, полагая, что это будет работать против Горбачева. Иначе трудно объяснить затеянную вокруг президентских решений бюрократическую волокиту. То, что это было действительно так, подтверждала информация, получаемая мной из Кемерова. Кузбассовцы возмущались, писали, что «…о принятом у президента решении сообщено населению. Волокита кабинета министров в значительной степени влияет на политическую обстановку в области, порождает у людей неверие руководству страны». Я это знал. Не раз говорил с членами правительства, В.С. Павловым, внушал ему, что «…среди массы сложнейших экономических, политических и иных проблем есть одна, без которой ничего не решить. Это – доверие к власти. У каждого из нас свой уровень и своя мера ответственности. Но все мы должны заботиться прежде всего об авторитете президента…».

Но дело не двигалось. Меня это злило.

Власть в стране растерялась. По-старому, по привычке, не давали работать республики, забастовки. Не помогала, а уже мешала дискредитированная, разваливающаяся КПСС… Власти не было.

24 апреля на эту же тему выступал я на пленуме ЦК и ЦКК КПСС. Бурным было собрание. Все переругались. Мне тоже досталось. Почему-то за плохое (?) отношение к армии и за то, что латвийский парламент назначил министром внутренних дел не того генерала, которого хотел А. Рубикс. Критику я не принял, так как дела парламента – это дела парламента, а к армии я никогда плохо не относился. Но мое выступление было о другом. Привожу из него некоторые выдержки:

…Последние пленумы ЦК, собрания депутатских фракций мы употребляем на то, чтобы позором заклеймить «так называемых демократов», которые оказались настолько мощны и коварны, что в момент развалили все завоевания развитого социализма.

В то же время премьер Павлов в упор не видит политиков, с кем бы он мог выйти на «ринг переговоров». Не та весовая категория.

Может быть, он и прав. Действительно, КПСС остается пока единственной политической партией, способной влиять на ситуацию в стране в целом.

Но если это так, то в условиях очевидного все большего и большего развала можно предположить: либо эта 18-миллионная сила, как мы утверждаем, «авангардного» типа на обстановку не влияет, либо влияние руководящих органов КПСС на ситуацию

деструктивно.

Нам не хочется признать ни первого, ни второго. Поэтому секретари ЦК, члены политбюро нашли «выход» из щекотливой ситуации: «Во всем виноваты президент, генсек и его команда».

По поводу команды я готов согласиться, единственно уточнив, что понимать под «командой». Два месяца пребывания в «коридорах власти» дают мне основание сказать, что главная президентская «команда» сидит здесь, позади этой трибуны и в этом зале.

Нет пока у президента аппарата, соизмеримого по своей мощи с аппаратом ЦК. Аппарат же Кабинета министров не в счет. К сожалению, он работает скорее против президента, чем на президента. Проявляет элементарную неисполнительность, волокиту и игнорирование указаний Горбачева.

…Нет элементарного политического планирования, нет увязки работы союзных органов. Примером тому наш пленум…

…Не думаю, что нужны какие-то речи в защиту Горбачева. Речь должна идти о защите политики общественного обновления…

…Я, безусловно, уважаю право каждого члена ЦК КПСС на собственную точку зрения. Но также имею право на свою.

…Убежден, что поиск «ведьм» и неприятие инакомыслия в понимании социализма – как раз то, что окончательно разрушит КПСС.

…Мне совершенно ясно, что не идеологические стенания о преданности идеалам определяют пути к экономической эффективности и демократии, а только практические дела.

Народу если и нужна партия, то только партия конкретных дел и здравого смысла.

Но правда в том, что дел нет. Есть декларации, но нет действий. «Мы за рынок», а дальше – какое-то уродство и топтание на месте.

Мы за село. Село пропадает.

Мы за социальную справедливость и год толчем закон об индексации… Теряем инициативу, не приобретая ничего взамен.

Пленум впервые наконец-то признал, что у партии нет экономической программы. Причина в том, что не хватает мужества освободить экономику от идеологических пут…

…Республики больны одной болезнью – сменить союзную командно-административную систему на свою, родную, республиканскую…

В одном они правы. В том, что пора и центру относиться к республикам не надменно-покровительственно, а по-серьезному, заинтересованно, честно, поняв, что республики все вместе – это и есть Союз, это и есть народ, а центр – всего лишь структура

власти…

…«Когда человек хвастается, что никогда не изменит своих убеждений, – это болван, уверенный в своей непогрешимости» (Бальзак). «…Ни в одной области не может происходить развитие, не отрицающее своих прежних форм существования. На языке же морали отрицать значит отрекаться… Этим словечком критизирующий филистер может заклеймить любое развитие, ничего не смысля в нем; свою неспособную к развитию недоразвитость он может в противовес этому торжественно выставлять как моральную незапятнанность». Это последнее сказал Карл Маркс. Прошу не обижаться на Карла Маркса.

Стало тихо. Был маленький шок. К. Маркса уважали. Но что толку от этих слов, этих цитат? Бессилие осталось.

В то же время вновь ясно проявились и мои старые комплексы, скрытые под напускной начальственной самоуверенностью и грубостью: стремление к одиночеству, гипертрофированная скромность, желание «не высовываться», затеряться, не быть на виду…

Помню, как мастером-строителем ездил на работу трамваем. В тесноте, среди массы людей чувствовал себя в комфортном одиночестве. А обкомовская черная «Волга» довольно долго была для меня пыткой обнаженности, испытанием всеобщим пристальным вниманием. Удовольствия от этого я не получал. Скорее наоборот. Но вскоре привык как к неизбежной необходимости. На междугородных трассах часто просил водителя притормозить, подсадить голосующих попутчиков. Увидев общеизвестный номер 00–01, не все еще садились, а некоторые приходили в ужас, извинялись и ни за что не хотели залезать в машину. Боялись. Как один вятич сказал: «Ишо в тюрьму увезешь…»

Вспомнить прелести неизвестности я позволял себе иногда во время поездок в Москву, отдыхая душевно в забитом людьми троллейбусе или вагоне метро… Кто-нибудь не поверит, скажет: «С жиру бесится». Но это было так.

Когда мы с Е.М. Примаковым были утверждены членами Совета безопасности, он как-то сказал мне: «Обрати внимание, только мы с тобой ездим на «Волгах», все остальные члены – на ЗиЛ. Думаю, это дискриминация. Давай потребуем у Горбачева «членовозы». Я замахал руками: «Еще не хватало!» Черная «Волга» в Москве меня устраивала. Их тут было гораздо больше, чем трамваев…

Всю жизнь во мне боролись эти два чувства: необходимость быть на виду и даже удовольствие от лидерства, от

«командования» и – стремление к замкнутости, желание побыть одному.

В то время как-то разом, быстро ушли из жизни мои старики. Когда видишь смерть, начинаешь лучше понимать суетность жизни, думать об иных, более высоких ценностях, чем власть. Стоило ли так раскисать из-за какой-то отставки.

Отец умер в День советской милиции, 10 ноября 1990 года. Неожиданно у него отказало сердце. Ему не пришлось узнать о моей отставке, до которой оставалась, по существу, неделя. Отец очень гордился своим сыном, хотя делал это потихоньку, незаметно. Он был скромный, умный человек. Никогда не навязывал своего мнения, но и не позволял никому: ни начальству, ни даже соседям на трибуне стадиона – вести себя по-хамски.

Сын «врага народа», работавший на шахтах с 1935 года всю войну и далее, вплоть до хрущевской оттепели, он очень многим рисковал со своей принципиальностью. Аварийность при угледобыче в то время была колоссальной, попасть в тюрьму можно было очень просто. Позже выяснилось: на отца был не один агентурный донос. Его готовы были арестовать, но киселевский чекист оказался порядочным человеком – спас отца. Сам рисковал, но дутому делу хода не дал.

Мама не смогла жить без отца. Его смерть явилась для нее неожиданной катастрофой, невероятным ударом, который спровоцировал болезнь.

Всю зиму мы ездили с ней на кладбище. Весной болезнь стала для нее очевидной. На Пасху сестра Женя свозила ее в Малоярославец. Мама никому ничего не говорила, но ехала прощаться… Прощаться с могилами предков, с домом, садом, с жизнью… Тогда же она сказала, чтобы похоронили ее «в Малом».

После Пасхи она слегла. Из больницы попросилась за три дня до смерти. Захотела умереть дома, на старой своей супружеской кровати, в спальне, завешанной картинами отца, художника А.Е. Куликова. Умерла она рано 3 утром 7 августа 1991 года в Москве, в своей квартире на площади Ю. Гагарина.

Те дни в моей памяти смешались, перепутались. Все было нереально, размыто, словно на старых, тусклых фотокарточках… На каком-то небольшом автобусе мы с сестрами, сыновьями едем в Малоярославец, поддерживая руками гроб… Бессонная ночь в мастерской моего деда в старом родительском доме. Выхожу в палисадник. Бесконечность ночного неба, яркая пыль звезд. Тишина. Издалека – собачий лай. Знакомый запах белых цветов, название которых за всю жизнь не запомнил… Так было здесь вечно. Так было и в годы юности мамы, спокойно, абсолютно

равнодушно лежащей сейчас в гробу на старом столе, сделанном еще в начале века ее отцом. Горят свечи перед образами… Вьются какие-то мотыльки… Так будет здесь и через сто лет.

Всего три недели тому назад приезжал я в этот дом. Еле-еле насобирал в одичавшем саду пол-литровую банку последних, почерневших вишен, нарезал цветов, привез маме в больницу. Никогда не забуду, как она радовалась – как в последний раз. Это и был последний раз, последний привет с бесконечно любимой земли ее детства.

Утром гроб вынесли в палисадник. Беспощадное яркое солнце. Какие-то старушки в черном. Слабенький голос священника… Мамино восковое лицо… Дорога. Белый булыжник, которым она была вымощена и который так поразил меня в 1947 году, куда-то исчез. Время поглощает все, даже камни… Кладбище. Красивые парни с лопатами. Сырая рыхлая земля. Все. Закопали Бакатину Нину Афанасьевну.

Совсем недавно, каких-то несколько лет назад, возил я свою маму «во глубину сибирских руд»… Туда, где она в первой половине XX века только-только начинала свой трудовой путь, где прошла ее молодость. Тисульский район Кемеровской области, Центральный рудник. Яркие краски осенней сибирской тайги. Мама была в восторге. Узнавала знакомые места. Макарак. Река Кия. Сохранилась почерневшая от времени бревенчатая столовая, около которой на волейбольной площадке встретилась она впервые с моим отцом… Все. Жизнь прошла. Теперь их нет.

Во всех делах своих помни о конце. Они не думали об этом. Они жили ради жизни, строили новый мир.

Удивительна судьба поколения, к которому принадлежали мои родители. Одна их жизнь вместила в себя начало и конец социалистической индустриализации страны. Их молодость была отдана строительству бесчисленного количества промышленных предприятий, освоению новых, далеких от Москвы районов. Они состарились вместе с шахтами и городами, созданными их энтузиазмом, их энергией, здоровьем…

Они ушли из жизни в годы, когда власть большевиков, которой они честно служили, агонизировала. К власти рвались антикоммунисты-демократы. На пороге стоял совершенно случайный, никем не просчитанный, авантюристический «курс гайдаровских реформ», то есть начиналась деиндустриализация страны, разрушение ее производственного потенциала, разрушение того, что создавало их поколение.

Это была уже не перестройка. Отношение родителей к политике перестройки мне хорошо известно. Оно не отличалось от моих взглядов. Скорее даже, это мои взгляды на

необходимость реформ, реформ взвешенных, последовательных, управляемых государством, появились во многом благодаря родителям, благодаря их жизни, которая не могла не влиять на меня, поскольку это была и моя жизнь.

Дурацкие мысли могут приходить в голову бывшему партийному номенклатурщику, склонному к лиризму, случайно попавшему на работу в кремлевский кабинет, «святая святых» недавних сталинских времен моего социалистического детства. Ведь именно здесь, в этих древних стенах, работали они, богочеловеки. Кстати, тоже случайные люди, но, в отличие от нас, они знали или делали вид, что знают, как нужно переделывать мир, как заставить рабочий класс стать счастливым.

…Вечером, когда в предоставленном мне кремлевском кабинете горит одна настольная лампа и сумерки заполняют углы, через открытое окно кремлевские куранты каждые 15 минут напоминают, что время уходит… Мне рассказывали, что в 20-х годах, во времена Совнаркома, именно здесь, в этом кабинете, напротив квартиры В.И. Ленина, работал Я.М. Свердлов, а позже М.И. Калинин. Да мало ли было их тут, верных ленинцев, сподвижников вождя. Могли ли они тогда думать, какие проблемы вырастут из их искреннего стремления построить новый мир? Едва ли. Наверное, первые большевики и в страшном сне не могли себе этого представить. Хотя… трудно сказать. Неглупые люди, они должны были понимать, что через насилие, на крови, на костях счастья не бывает. Их последователи уже не могли пойти на насилие. А без насилия сталинский социализм развалился…

А что сказать про тех, кто рвался в Кремль, к власти? Антикоммунисты-демократы-реформаторы. Они оказались еще более худшими и провидцами, и хозяевами. Тогда, в 1991 году, никто из них представить себе не мог, что их не начавшимся толком реформам суждена короткая жизнь. Крови будет пролито немало, и народ вымирать и голодать будет. Так намучают «реформами» рабочих и крестьян, что большевистский полуголодный социализм будет раем казаться.

Но здесь я немного поспешил. В те летние вечера, когда в кремлевских стенах я пытался пообщаться с «духами» народных комиссаров, советская власть еще продолжалась, доживая последние дни… И уж что-что, а ее близкий конец всем нам, из команды Горбачева, следовало бы предвидеть… Об этом говорили, но в это никто всерьез не верил. Оптимизм обволакивал мозги. Все должно быть хорошо…

Помню, в 1990 году отдыхал я в партийном санатории в

Форосе. Как оказалось, последний раз. Прекрасный был август. До путча, о котором никто и не думал, оставался год. Собралась приличная компания. Нишанов, Каримов, Примаков, Шенин, Пуго. Солнце, море. Я с сыном изнурял себя игрой в теннис, не предполагая, что скоро позировать с ракеткой перед телекамерой станет модным… Между пляжем и кортом нашел время съездить с министром внутренних дел Украины В. Василишиным в Симферополь. Встретились с постоянно митингующими крымскими татарами, а также с их гораздо более агрессивными русскими оппонентами… Но речь о другом. Как-то после раскаленного крымского дня, вечерком заглянули к нам в кондиционированную прохладу Каримовы. Ислам Абдуганиевич с супругой и красавицами дочерьми. Он в шлепанцах на босу ногу, в руках огромная излучающая медовый аромат дыня…

О многом говорили мы за столом. Год был девяностый.

В союзных республиках к власти пришли новые люди. Новые мысли роились вокруг глыбы распадающегося ортодоксального ленинизма. И.А. Каримов, на мой взгляд, и тогда выделялся высоким уровнем интеллекта, прекрасным знанием финансов и экономики. Проще сказать, умный он мужик. Знакомы мы были с 1984 года. Я его уважал. Почему и запомнился наш разговор. На мои разглагольствования о важности сохранения Союза, центра он резко, без обиняков сказал: «Знаешь что. Захотим – и не будет никакого центра. Пятнадцать плюс ноль. Вот и вся ваша горбачевская «схема». Уважать надо республики. Уважать людей…»

Жены затихли, а дети уж давно ушли. Шел август 1990 года. Начинался последний год Союза. Зарождалась схема: «Пятнадцать плюс ноль».

«Брось ты, – сказал я. – Надо уважать. Никто не спорит. Но не может быть такой самоубийственной схемы. Сдохнете, передеретесь. Вавилонское столпотворение раем покажется. Давай выпьем за Союз».

Выпили. Успокаивающе, размеренно шумел прибой. Как всегда. Так было в 1917 году, в 1922-м. Так будет в 1991-м. Море вечно, как и человеческая глупость.

В августе 1991 года М.С. Горбачев со спокойной совестью, как и подобает президенту-генсеку, отбыл на крымские берега в отпуск.

Он имел на это право. Огромная работа по подготовке Союзного договора подходила к завершению. Она требовала от президента больших нервных перегрузок, терпения,

дипломатического таланта и юридической изощренности. Практически все республики, и, как это ни нелепо звучит, прежде всего Россия, выступали против. Потом, после уговоров, согласований, компромиссов, соглашались, визировали, парафировали… Проходило какое-то время, и все начиналось сначала. М.С. Горбачев демонстрировал нечеловеческое терпение.

15 августа 1991 года очередной, согласованный с республиками проект Договора о Союзе суверенных государств был опубликован. На 20 августа было намечено начало его подписания.

Конечно, все было далеко не просто и не безоблачно. Сопротивление подписанию нарастало. И опять впереди были российские демократы: Ю. Афанасьев, Е. Боннэр, Л. Баткин, С. Филатов, Координационный совет движения «Демократическая Россия». Настаивали на отсрочке, призывали не торопиться.

Почему же – не торопиться? Ведь мы и так уже опоздали, не заметили, как подошли к черте, за которой – только развал. Здесь я был согласен с С. Бабуриным, писавшим 2 июля 1991 года в «Советской России»:

…Возможность предотвращения развала страны была если не в 1985-м, когда многое осознавалось лишь интуитивно, то в 1987-м и даже в 1989 году. Но союзное руководство, прежде всего руководство ЦК КПСС, отвергнув в тот момент идею Союзного договора и не предложив ничего взамен, упустило время. Так же упустил время и съезд народных депутатов СССР. А в 1990 году центр потерял контроль над событиями, настала эпоха тотальной суверенизации…

Как бы кто-то ни старался забыть, но 12 июня 1990 года I съезд народных депутатов РСФСР (абсолютно коммунистический съезд) принял Декларацию о государственном суверенитете РСФСР. 20 июня то же проделал Узбекистан, 23 июня – Молдова, 16 июля – Украина, и пошло-поехало… Коммунисты, члены единой партии КПСС, с тупостью, достойной лучшего применения, отстаивавшие это единство, в каком-то затмении восторга стали разрушать свое государство – СССР.

Союзное руководство оказалось недальновидным, безвольным, неспособным предотвратить этот «парад суверенитетов», вылившийся в «войну законов». Но надо было, лучше поздно, чем никогда, исправлять положение. Подписание нового договора, намеченное на 20 августа, с точки зрения чистого права не было безупречным. Как писал Н. Федоров в «Известиях» за 10.08.91: «Невозможно реформировать Союз, не

вступая в противоречие с действующей Конституцией СССР…», но, с другой стороны, Конституция уже нарушена, «дело уже сделано, тот самый «парад суверенитетов», «развал империи» (уже) произошел…».

Однако торжественная, расписанная Г.И. Ревенко поминутно церемония подписания в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца не состоялась. Нежелание демократов подписать договор нашло энергичную поддержку у советского коммунистического руководства. Для них договор был излишне либеральным, для демократов – слишком центристским. Две крайности столкнулись и не оставили никаких шансов сохранению Союза[11]. Невольно на ум приходит не столь уж нелепое предположение, что коммунисты-ортодоксы и радикальные российские демократы, по сути своей непримиримые противники, играли каждый свою игру, но в тот же момент имели общую цель: убрать Горбачева. То, что это произойдет ценой окончательного распада Союза, в расчет не принималось. Если они и не сговорились (хотя на каких-то уровнях наверняка это было), то были явно полезны друг другу. Тем не менее это факт. За сутки до подписания договора, утром 19 августа, группа высших руководителей государства объявила, что власть в стране берет Государственный комитет по чрезвычайному положению СССР (ГКЧП СССР), «в отдельных местностях СССР на срок 6 месяцев с 4 часов по московскому времени 19 августа вводится чрезвычайное положение».

Первоначально эта безусловная глупость вместе с введением в Москву под аккомпанемент «Лебединого озера» танков производила суровое впечатление. Не скрою, я был в растерянности и даже слегка испугался. Но оказалось, достаточно одного дня наблюдений за действиями путчистов, так и «не сумевших», а если назвать вещи своими именами, не захотевших арестовать Ельцина и его окружение, чтобы прийти в себя и понять, что организаторский талант этих «революционеров» едва ли потянет на большее, чем писание абсолютно невыполнимых «постановлений» в типичном совминовском духе.

Все было как всегда. «Запретили» митинги, демонстрации, забастовки, «установили контроль» за средствами массовой информации, «особое» внимание уделили первоочередному снабжению всем и всех, от детей до пенсионеров, оказали «максимально возможную помощь труженикам села» и тому подобное. Единственно, где действительно был революционный прорыв, так это в пункте 13, где Совмину предписывалось уйти от шести соток и в недельный срок разработать программу по наделению всех желающих землей для садово-огородных участков

в размере 0,15 га. Стало ясно, что этот путч, крайне глупый и вредный по самому своему замыслу, еще и не в состоянии хоть в какой-либо степени исполняться. Впрочем, на третий день он, как по команде, бесславно завершился. Его организаторы были арестованы для того, чтобы вскоре выйти на свободу героями. Странный мимолетный союз «демократов» и путчистов закончился. Дело было сделано. «Демократия победила». Начался шабаш по крушению памятников советской эпохи. По своей внутренней содержательной сути «демократы» проявили себя верными наследниками рафинированного большевизма.

Хронологию этого позорного путча, сделавшего необратимым распад СССР, я, как и масса других мало-мальски известных участников тех событий, подробно описал в своей книге «Избавление от КГБ», изданной в 1992 году. Так что «литературы» о путче более чем достаточно. Множить ее не имеет никакого смысла.

Уникальная ситуация, где законы заменялись энтузиазмом, здравый смысл – «демократической целесообразностью», трезвый анализ – дешевым оптимизмом, вновь вынесла меня из пучины бездействия на вершину власти. Госсоветом, состоящим из президентов всех союзных республик, мне было поручено возглавить (для того чтобы реформировать) главного организатора путча – Комитет государственной безопасности СССР.

Об этом не столь уж важном событии я уже рассказал в предыдущей главе. Здесь же проследим за последними днями Союза.

Это были дни, беспрецедентные по драматизму. сентября, в воскресенье, М.С. Горбачев собрал первый раз группу людей, которая позже будет названа Политсоветом. В Кремле, в Ореховой комнате, рассаживались вокруг овального стола: Г. Попов, Ю. Рыжов, А. Собчак, А. Яковлев, Е. Яковлев, Г. Шахназаров, Г. Ревенко, И. Лаптев. Речь шла о предстоящем съезде народных депутатов. Я был поражен общей беспомощностью. И своей, конечно, тоже. Позиция каждого, кто считал нужным ее выразить, была ясна, но механизмов реализации предложений не было. Не было достоверной информации и прогноза. Вопросы повисали в воздухе. Соберутся депутаты или нет? Кого не будет? Сорвут съезд? Потребуют отставки президента? Самому подать в отставку? Кому вести съезд? Какой доклад? Чей? Какова позиция России? Плохо, что опять «их» здесь нет. Какие документы можно предложить съезду?

Наиболее уверенно чувствовали себя Г. Попов и А. Собчак.

Они были и «здесь», и «там». Ситуация исключительная. Прежний Союз разваливается. Страна в хаосе. Съезд начать совместным заявлением руководителей республик. Призвать к заключению нового Союзного договора и немедленно подписать краткое соглашение об экономических отношениях. Создать временные союзные структуры. Определиться по выборам и готовить новую Конституцию. Немедленно заключить соглашение о коллективной безопасности, единстве Вооруженных сил. Подтвердить соблюдение всех международных обязательств.

На этом и разошлись. Михаил Сергеевич попросил каждого передать ему, если возникнут, соображения к съезду… Но было ясно, что времени уже нет.

Съезд начался с «Заявления», с которым выступил президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. Прошел съезд очень драматично, но, в конце концов, как мне тогда представлялось, принял единственно возможные решения. Я был полностью с ними согласен. Начался «переходный период». Подавляющему большинству людей трудно было представить, к чему он ведет и чем закончится. Тем более решения съезда стали нарушаться сразу же, как только депутаты разъехались по стране. Новая российская элита играла свою игру.

Надежды, порожденные провалом путча, победой демократии, съездом, завершившимся на удивление конструктивно, стали таять, осыпаться вместе с осенними листьями этой красивой, затянувшейся осени, последней осени Союза ССР…

6 сентября было первое заседание Госсовета. Присутствовали руководители всех республик. Был даже представитель Грузии, который после того как выяснил, что никто не намерен рассматривать вопрос о признании независимости его страны, покинул собрание.

Очень долго и сумбурно дебатировались проблемы внешней задолженности. Никто никого не слушал. Горбачев блистал глубиной знания проблемы и был бесспорным лидером. Он подавлял всех эрудицией и энергией и, казалось, был доволен собой. Это было плохо. Возникавшие противоречия и споры между руководителями республик 3 не получали разрешения. Президент Союза оставлял последнее слово за собой. На слабые возражения всегда был испытанный прием: «Хорошо, давайте будем считать, что в принципе договорились, а детали доработаем в рабочем порядке…»

Положение наше было плачевным. Объяснения причин, вроде того, что «планируя валютные поступления, считали, что будем продавать нефть по 105 долларов за тонну, а продаем за 68»,

были неубедительны. Кто же это так «планировал»? Такие наивные вопросы оставались без ответа.

14 сентября, накануне заседания Госсовета, назначенного на 16-е, М.С. Горбачев вновь собрал Политсовет. Обсуждался «текущий момент». Все активно критиковали председателя Верховного Совета Украины Леонида Кравчука и позицию российских политиков, направленную на поглощение союзных структур, а фактически на бесчестное стремление усилить Россию за счет развала Союза. Предлагали президенту активизироваться в вопросах, жизненно важных для людей. Издать указ о земельной реформе, которая зашла в тупик. Стимулировать продажу земли. Указ о приватизации, о содействии мелкому предпринимательству, формированию частного права. Вопросы конверсии. Гарантии иностранным инвестициям и тому подобное.

Говорили и о необходимости немедленной президентской реакции на акты, подобные действиям Украины в отношении союзной армии. Самое страшное – застой, который явно наметился. Надо все возможное энергично использовать, невзирая на реакцию президентов, для усиления настроений в пользу Союза.

Госсовет, который обсуждал вопросы продовольствия и заслушал доклад Григория Явлинского об экономическом союзе, прошел по тому же сценарию. Доминировал президент СССР. Объективно он действительно лучше других знал ситуацию. Но он не должен был это демонстрировать. Следовало бы дать выговориться другим и, помолчав, поставить руководителей республик перед необходимостью договариваться. Горбачев же хотел, как ему казалось, как лучше, а в итоге вызывал недовольство членов Госсовета, которые в перерывах в приемной махали руками: «Опять та же говорильня…» После Госсовета я зашел к Михаилу Сергеевичу, сказал, что, мне представляется, он делает большую ошибку. Ему надо быть председателем и только, проводя заседание так, чтобы каждый руководитель республики ощущал себя хозяином, ответственным за Союз в целом, а не затыкать ему рот, не навязывать свои решения. Горбачев согласился со мной.

Это был редкий случай, который, однако, ничего не изменил.

На этом заседании меня поразила новая энергичная позиция Ельцина, аргументированно, немногословно потребовавшего скорейшего подписания экономического соглашения, немедленного (до конца сентября) заключения продовольственного соглашения, а также создания МЭКа (Межреспубликанского экономического комитета). Удивила и позиция уважаемого мною президента Киргизии Аскара Акаева,

который оппонировал Явлинскому, выступая против экономического союза.

Как же так? Ведь еще двух недель не прошло, как президенты подписали заявление, где говорилось о необходимости «безотлагательно» (!) заключить экономический союз… Все это была игра. Каждый начинал озвучивать свою роль в общем спектакле развала страны, и о какой верности слову здесь могла идти речь?

В сентябре борьба с «тенью», с практически исчезнувшим, ослабленным центром, которая велась лидерами республик уже по инерции, бездумно, была бы смешна, если бы не приводила к углублению общего кризиса. Центр (Горбачев и его окружение) не понимал, что он уже не власть. Лидеры республик, ставшие благодаря путчистам властью, продолжали видеть ее в Горбачеве, ломились в открытые двери.

Еще один шаг, предоставленный историей для спасения Союза, не использовался должным образом. Дело не двигалось с места, тонуло в разговорах.

Б.Н. Ельцин решил не отставать от М.С. Горбачева и вскоре уехал в отпуск. М.С. Горбачев уже не обладал реальной властью. Центральные исполнительные структуры во главе с Силаевым находились в ложном положении: «царствуют, но не правят». Все вопросы так или иначе для верности надо было согласовывать с Ельциным. Прошел месяц после путча. Ситуация все более и более вызывала беспокойство.

Симптомы развала, обретающего всеобщий характер, можно было замечать совершенно в разных сферах. Особенно тревожила ситуация в армии. Ежедневная информация была достаточно серьезной. Как внешние, так и внутренние объективные и субъективные силы и противоречия раздирали Вооруженные силы. Сведение счетов за поддержку путча или наоборот. Демократы и ортодоксальные коммунисты. Псевдопатриотизм, шовинизм и национализм. Все это вместе, помноженное на социальную и моральную незащищенность, накапливало опасный потенциал недовольства и раздоров.

Конфликты возникали даже там, где их и при желании трудно было предположить. Например, среди уважаемых мною руководителей движения участников Афганской войны. Я, как мог, старался способствовать единству этого движения, его объединяющему, сдерживающему насилие потенциалу при условии держаться вне политики.

Глубокую обеспокоенность процессами, происходящими в церковной среде, грозящими расколом, высказывал мне при личной встрече его святейшество патриарх Алексий. Я сам

попросил принять меня с тем, чтобы заверить его, что впредь КГБ не будет вмешиваться в дела церкви, ни в малейшей степени не будет использовать священнослужителей в интересах спецслужб. Копии с любым материалом из архивов КГБ, касающиеся церкви, мы готовы передать в ее распоряжение.

На всем лежало проклятие политики раскола. Даже на благотворительных организациях (Детский фонд), даже в среде спортсменов.

Тем не менее я по-прежнему считал, что реально существующая единая экономическая, социальная, психологическая среда и объективно неизбежные интеграционные процессы не позволят нам развалиться больше, чем до уровня разумной, свободно избранной децентрализации в Союзе Независимых Государств.

Однако я не был одинок, плохо представляя себе мощное неутолимое желание новой молодой волны политиков обрести полную свободу и независимость, свергнуть ненавистный Кремль, стать «единоначальными правителями» новых суверенных государств.

Между тем октябрь и ноябрь были для Горбачева, для центра месяцами возобновившейся активности ради восстановления договорного, так называемого ново-огаревского процесса.

2 октября члены Политсовета, собравшись у Горбачева, обсуждали главным образом эту новую политику российских лидеров. Конечно, главным идеологом этой политики был Геннадий Бурбулис. Накануне состоялась его встреча с депутатами, где были изложены его идеи. Россия должна заявить о независимости и стать правопреемником СССР, который исчезает с политической карты мира. Депутатами высказывалась критика в адрес Б.Н. Ельцина, что после путча он упустил шанс ликвидировать Союз, взять на себя все союзные структуры. Эти политики были убеждены, что Союзный договор не нужен.

На Политсовете обсуждались и другие вопросы. Юрий Лужков проинформировал, «где мы находимся с продовольствием…». Посетовали, что так и не движется нормальная предпринимательская деятельность в производственной сфере. Договорились, как запустить переговорный процесс с прибалтами. Отправили А. Собчака и академика Е. Велихова в Таджикистан.

Но главным оставался вопрос Союзного договора и соглашений между республиками. октября Горбачев разослал всем членам Политического консультативного совета проект Союзного договора, «доработанный с учетом замечаний Б.Н. Ельцина и с ним согласованный». Над этим текстом и работали.

Благодаря невероятному терпению, гибкости и способности убеждать, которые проявили Г. Явлинский и М. Горбачев, благодаря согласию Б. Ельцина и Н. Назарбаева, 18 октября республики подписали экономическое соглашение.

Казалось бы, разум восторжествовал. По крайней мере, вспомним, как больше месяца назад Д. Бейкер, находясь под впечатлением от встреч с нашими лидерами, говорил об этом соглашении как о вопросе решенном, как о том стержне, который всех объединит. Я был согласен с ним, но мою оговорку, что в нашей ситуации экономика и здравый смысл, как уже не раз случалось, могут быть принесены в жертву политическим целям, он, как мне показалось, не воспринял.

Тем не менее 18 октября я искренне радовался вместе со всеми… Работа по согласованию нового текста Союзного договора шла достаточно успешно. И некоторые лидеры республик, в частности Назарбаев, шли в вопросе о сохранении общих координационных и управленческих структур даже дальше самого Горбачева.

Как частный аргумент в пользу Союза я расценил и единодушное решение Госсовета о создании вместо КГБ Межреспубликанской службы безопасности, основанной на принципах не команд, а сотрудничества, координации. У меня начали отлаживаться контакты с республиками. Очень полезными они были с Россией. Проблемами межреспубликанских, межнациональных отношений, как мне представляется, разумно и взвешенно здесь занималась Галина Васильевна Старовойтова. Обмен информацией с ней еще раз продемонстрировал, что зачастую российские политики склонны руководствоваться не документами, не истинным положением дел, а эмоциями, почерпнутыми из средств массовой информации.

Очередная запущенная «нашими» телесекундная утка, например, по поводу агентуры, якобы переданной Бакатиным эстонцам, сразу вызывает вполне понятное возмущение в политических кругах, способствует усилению настроений побыстрее избавиться от этого «вредного» центра. Г.В. Старовойтова никогда таким политиком не была. Прежде чем «возмущаться», она считала необходимым выслушать вторую сторону, тем более когда порядочность первой вызывает сомнение.

1 ноября было очередное заседание Политсовета. Разговор о том, что Ельцин за Союз, что Назарбаев прислал свой вариант статьи, где более четко трактует обязанности и права центра. О том, что надо всемерно поддерживать Ельцина. Опять сетовали, что нет механизмов влияния на процессы. Кое-кто говорил о

близкой диктатуре. Сетовали на отсутствие экономической программы у россиян и республик.

Тем не менее в ноябре все по-прежнему исходили из того, что у Союза или Содружества были шансы на выживание. Идея сохранения межреспубликанского единства в какой-то форме не вызывала открытых возражений у лидеров республик, продолжала пользоваться широкой общественной поддержкой.

27 ноября, менее чем за десять дней до исчезновения СССР, были опубликованы результаты опроса, проведенного фондом социально-политических исследований. Они показали, что по сравнению с 17 марта, когда 73 процента граждан на референдуме проголосовали за сохранение Союза, настроения избирателей не изменились. По данным опроса, в городах РСФСР, Казахстана и Украины за Союз высказались 75 процентов ответивших. В Москве число его сторонников возросло с 50 до 81 процента, в Киеве – с 45 до 60 процентов.

11 ноября на заседании Госсовета М.С. Горбачев выступил перед президентами с короткой речью, в которой сквозила боль. Его трудно было узнать. Вдруг он заговорил о том, что мы теряем время, являемся заложниками конъюнктурных политических страстей. Мы должны ответить людям, снять их тревогу и беспокойство. Кое-кто хочет столкнуть центр и республики, уничтожить центр, уничтожить Союз. Он заявил, что не держится за свое место и готов уйти. Но пришло время занимать позицию. Предложил не разъезжаться, пока не договоримся.

14 ноября в Ново-Огареве участники заседания Госсовета СССР в принципе согласовали текст Договора о Союзе Суверенных Государств. В нем предусматривалось конфедеративное устройство Союза, всенародное избрание президента ССГ, принцип двойного суверенитета – и Союза, и образующих его республик – при наделении республик статусом полноправных субъектов международного права, сохранение союзного правительства и единства Вооруженных сил. Предполагалось, что текст договора в сочетании с принятой на сентябрьском съезде народных депутатов Декларацией прав человека станут достаточной заменой Конституции СССР, надобность в которой таким образом отпадает. Теперь предстояла окончательная редакция документа, его обсуждение в парламентах республик и еще одно рассмотрение Госсоветом.

Мне довелось присутствовать на этом ново-огаревском заседании, которое состоялось 25 ноября.

К двенадцати часам собрались в старинном особняке, расположенном в величественном подмосковном парке. Было ожидание чего-то значительного. Много журналистов, с

которыми, правда, обращались, на мой взгляд, не очень цивилизованно – гоняли с места на место.

Горбачев сразу предложил простую схему – идти по тексту. Ельцин, который сидел рядом с ним, подал короткую реплику, что, мол, к сожалению, в тексте появились какие-то новые формулировки, о которых не договаривались. Горбачев мягко на это среагировал: «Ну, ничего… Дойдем до них – обсудим. Итак – ССГ. Ни у кого не возникает?..» «Возникло» у кого-то: СЕАР (Союз Евроазиатских Республик), но – отвергли.

Ельцин снова настаивает на том, чтобы вернуться к началу обсуждения. Он говорит, что речь должна идти не о конфедеративном демократическом государстве, а о конфедерации демократических государств. Горбачев: «Не вижу смысла…» Борис Николаевич говорит, что тогда он при парафировании приложит протокольное заявление.

Михаил Сергеевич: «…это – бессмыслица». Ельцин не соглашается с такой оценкой и говорит, что Верховный Совет России не утвердит договор. Горбачев говорит, что «утвердит», и начинает вспоминать, как он был в Иркутске и как народ за Союз…

А я вспомнил другое. Как еще совсем недавно все хотели подписать новый Союзный договор на конфедеративной основе, а Горбачев вместе с Лукьяновым сопротивлялся этому: «Ни в коем случае. Только – федерация!

Мы еще не жили в федерации… Поживем, а там видно будет…»

Но так и не пожили… Теперь уже и конфедеративное государство не устраивает тех же, но очень изменившихся лидеров, как правило, бывших членов политбюро ЦК КПСС.

На этом историческом заседании М.С. Горбачев еще раз попытался сохранить шаткую конструкцию единого государства, которую, казалось, ему удалось скроить на обломках партийно-государственного тоталитаризма. Однако Госсовет так и не парафировал Союзный договор. Вместо этого он был направлен Верховным Советам государств, выражавших желание образовать новый Союз, которым предстояло обсудить его и вынести решение – одобрить или отклонить. Открытый для «творческого усовершенствования» проект отправлялся в непредсказуемое парламентское плавание, откуда он мог уже не вернуться… И – не вернулся.

На заседании 25 ноября я взял слово только один раз, чтобы задать руководителям республик «свой» вопрос о том, каким им видится будущее структур безопасности. Мнение всех присутствовавших президентов и председателей Верховных

Советов было однозначным: межреспубликанские органы безопасности следует обязательно сохранить. МСБ, Центральная служба разведки, пограничники и другие «отпочковавшиеся» от КГБ структуры найдут достойное место в будущем Союзе. На том и расстались.

Итоги провала на ново-огаревском совещании 29 ноября были обсуждены на очередном Политсовете. Но что это меняло? Да, все согласны, что если год назад логично впереди ставили экономическое соглашение, то теперь все, и экономика в том числе, упирается в политический союз. Надо твердо стоять на позиции Союз – государство. Конечно, справедливы волнения в связи с Украиной. Что же это за Союз без Украины?

Михаил Сергеевич удивлялся метаморфозе Бориса Николаевича, возмущался его госсоветником Сергеем Шахраем, который «за унитарную Россию, но за развал Союза»…

Очевидно, что мы опять имеем дело с колебаниями российских лидеров. Как они не понимают, что по мере обострения межреспубликанских взаимоотношений нужда в Союзе возрастает?.. Но они не понимали… Что делать? Опять заниматься жизненно насущными вопросами? Опять продовольствие? Опять предпринимательство? Резервы и так далее, и так далее…

Очевидно: российские «верхи» приняли решение. Они играют свою игру. Колебание не в цели, а в тактике. Цель одна – убрать центр, то есть Союз, самим сесть в Кремль. Пока они боятся открыто сказать об этом народу. Помимо прямой ликвидации Союза предполагается тактический вариант постепенного перерезания всех кровеносных сосудов союзного руководства. Председатель Госбанка Геращенко переметнулся к Ельцину, уже требует от президента Союза «письменных указаний», но и их не исполняет. Союз умрет сам, а Россия выйдет на сцену правопреемницей.

В то же время к экономическим реформам Россия оказалась не готова. Программы не было. С захватом союзных структур думают получить выигрыш времени и политический выигрыш. Однако это – губительная для России политика. В итоге демократия, не справившись с возложенной на нее ролью и не оправдав ожиданий народа, потеряет его поддержку.

Бюрократизма, неразберихи и привилегий стало больше. Суета. Коррупция. Никто ничего не решает, ни до кого не дозвонишься, но каждый требует спецтелефон в автомобиль.

Публично выступать бесполезно. Критика России центром на руку российским сепаратистам. Будет обратная реакция. Но крутой разговор, без огласки, с точками над «i», необходим. Или

союзное государство, или всем уходить. Коллективная отставка…

Последний разговор обреченных политиков обреченного государства, доставшегося им в наследство из прошлого. Государства, оказавшегося неспособным преодолеть это прошлое в себе иначе как ценой собственного разрушения. Но при чем здесь государство? Это – абстракция. Не оно виновато. Просто время и политическая примитивная партийная практика не сумели генерировать политиков под стать гигантской исторической задаче – без потерь преодолеть последствия тоталитаризма и достойно войти в русло естественного исторического развития.

1 декабря 1991 года проходили президентские выборы на Украине, в Казахстане, Приднестровье и Гагаузии. Избранный президентом Украины Леонид Кравчук заявил, что «с выходом из империи для Украины никакой катастрофы не будет, потому что она потенциально богатое государство. Союзный договор Украина не подпишет».

Трудно сказать, чего здесь больше: идиотизма, эгоизма или цинизма. Но эта губительная политика как будто бы базировалась на волеизъявлении 90 процентов избирателей Украины, которые в тот же день на референдуме высказались в поддержку акта о провозглашении независимости республики. Исход референдума был предопределен заранее. Разве можно себе представить, чтобы кто-то проголосовал против «свободы»?

3 декабря президент РСФСР Б.Н. Ельцин поспешил поддержать Л. Кравчука: «Российское руководство заявляет о признании независимости Украины в соответствии с демократическим волеизъявлением ее народа». В документе отмечалась необходимость как можно скорее приступить к становлению новых межгосударственных отношений между Россией и Украиной.

Накануне, 2 декабря, я был принят Б.Н. Ельциным.

Короткая встреча. Я был вынужден просить президента России решить вопрос финансирования МСБ до конца года. В ходе разговора напомнил о его согласии принять в России в январе 1992 года миссию сэра Аллана Пикока, организованную директором Венского отделения ООН госпожой Маргарет Энсти по моей просьбе. Цель этой миссии – рекомендации по организации социальной защиты населения в условиях перехода к рынку. Еще я попросил Бориса Николаевича подписать короткое обращение к сотрудникам новой службы – МСБ. Разговор не мог не коснуться ситуации на Украине. Здесь у нас было общее мнение. Надо отнестись к этому спокойно, признать итоги

референдума, а дальше посмотреть, что будет. Но через пару дней неожиданно для меня – звонок из КГБ Беларуси. На субботу и воскресенье ждут в Минске Ельцина и Кравчука. Зачем?.. Не знаем…

Однако неофициальная встреча трех лидеров имела своим результатом решения поистине трагические. Согласно Соглашению о создании Содружества Независимых Государств от 8 декабря 1991 года, СССР прекращал свое существование, деятельность органов теперь уже бывшего Союза на территориях государств – членов Содружества прекращалась.

Договоренности, спонтанно родившиеся в глуши Беловежской Пущи, положили конец мучительным попыткам сохранить единое государство. Объективные и субъективные процессы, связанные с обретением республиками независимости, далеко обогнали ново-огаревский процесс. М.С. Горбачев слишком долго боролся за федерацию и опоздал в очередной раз.

В воскресенье, 8 декабря, вечером он был взволнован, брошен всеми и, как мне показалось, растерян…

Он позвонил мне домой где-то около 20 часов.

– Они ищут Назарбаева. Из Минска, – сказал Михаил Сергеевич.

– Нет, – заметил я, – Назарбаев не полетит, не тот он человек…

– Да, конечно…

Что еще можно было сказать, а тем более – сделать?

Но президент СССР в этих безнадежных условиях принял решение бороться за Союз до конца. Когда мы утром собрались у него, он сказал, что в отставку не уйдет, будет наблюдать за развитием событий и пытаться влиять на них. Особые надежды все возлагали на возможность перевести процедуру прекращения существования Союза ССР на конституционные рельсы. Коллективно помогли М.С. Горбачеву подготовить «Заявление президента СССР», отговорили его в тот день от выступления по телевидению. Е. Яковлев организовал прощальную видеозапись, и мы пошли по знакомым, полуосвещенным, пустынным и длинным кремлевским коридорам. Вся наша суета оказалась ненужной. Завтра сюда придут другие люди. Хорошо бы, чтобы что-то стоящее – для людей, для страны – получилось у них…

Силы беспомощного, брошенного всеми центра и политически могущественных республик были слишком неравны. Три славянские республики считали себя вправе самостоятельно, без учета мнения центральных органов власти и других республик, вопреки воле собственных народов, распустить Союз, у истоков создания которого они стояли в 1922 году. 10 декабря

Соглашение о создании СНГ ратифицировали Верховные Советы Украины и Беларуси. 12 декабря за ними последовал российский парламент. Все три республики приняли решения о прекращении полномочий депутатов от них в союзных законодательных органах.

Трудно описывать свои ощущения тех дней, и не только потому, что трудно отрешиться от «вируса современности». Трудно потому, что до сих пор чувствую, что произошла невосполнимая потеря. Исчезло государство, в котором прожил всю жизнь. Оно было обречено на реформу, но переходить за грань его уничтожения было нельзя. Однако истории и недальновидным политикам суждено было распорядиться по-иному.

Но история не кончается, и я тогда верил, что интеграция неизбежна.

Политики же избрали самый легкий путь утверждения своих амбиций, сыграв опасную игру на естественной тяге народов к национальной государственности и гипертрофированном стремлении к «независимости». Опасность здесь в том, что, переходя грань разрушения единого многонационального государства, можно незаметно перейти грань от здорового «национального самосознания» к безумству фашизма в различных его формах. Я уже не говорю об общеизвестных социально-экономических и политико-правовых издержках, опасности того, что процесс распада Союза перекинется внутрь «независимых» государств.

Драматизм ситуации был в том, что огромное число граждан – за сохранение Союза, но их желание перекрыто общим синдромом «независимости», прошлым негативным опытом и надеждой на авось, мол, хуже, чем было и есть, уже не будет.

Какова в этих условиях могла быть позиция центральных союзных структур? Ее практически не было, так как центра уже не было. Чтобы избежать бессмысленной слабой попытки насилия, которую в то время никто бы не поддержал, у союзной власти не оставалось другого пути, кроме как согласиться с решением трех республик. В этом случае исключалась опасность кровопролития, а значит, быстрее смогли бы возобновиться объективно неизбежные интеграционные процессы.

25 декабря 1991 года, в 19 часов, президент СССР Михаил Сергеевич Горбачев заявил о своей отставке:

В силу сложившейся ситуации с образованием Содружества Независимых Государств я прекращаю свою деятельность на посту президента СССР. Принимаю это решение по принципиальным

соображениям.

Я твердо выступал за самостоятельность, независимость народов, за суверенитет республик. Но одновременно – и за сохранение союзного государства, целостности страны.

События пошли по другому пути. Возобладала линия на расчленение страны и разъединение государства, с чем я не могу согласиться.

…Тем не менее я буду делать все, что в моих возможностях, чтобы соглашения… привели к реальному согласию в обществе, облегчили бы выход из кризиса и процесс реформ.

25 декабря в 19 часов 38 минут над Кремлем был спущен красный флаг Союза ССР.

Тогда казалось, что это еще не конец, что, возможно, это – начало чего-то принципиально нового. Содружества народов и правительств свободных, развивающихся, процветающих демократических государств…

Но это был конец.

Часть вторая
Возвращение будущего…

Эта книга – о прошлом. Свидетельство о бесконечно малых жизнях и судьбах, случайно соприкоснувшихся с тканью исторических событий и будничного многообразия прошедшего XX века. Великого века испытания человеческого разума, сотворившего фантастический научно-технический взлет, но не сумевшего найти противоядия бурно вспыхнувшей эпидемии человеческих пороков.

Где его искать, это лекарство от насилия, лжи, тщеславия, алчности, жестокости, тупости?.. Мне ли, некрещеному материалисту, говорить о Боге, о неверии, о том, что искушения потребительским раем, роскошью и властью развратили даже церковных иерархов? Эту дорогу к Богу – не к храму, а к Богу – люди, наверное, будут искать и в третьем тысячелетии от Рождества Христова, с именем которого прожит микроскопически малый отрезок человеческой истории. Малый, если мы поверим, что человек живет на Земле уже много более миллиона лет. Полтора миллиона! Страшно об этом подумать. Человеку – 500 000 лет, а история христианства насчитывает всего 2000 лет. И переживает сейчас трудные годы.

Но если сравнить с судьбой марксизма, которому было отпущено менее 150 лет – от рождения до триумфа и провала, – Христовы заповеди покажутся гораздо жизнеспособней… Конечно, и марксизм – не погиб. Идеи не умирают. Но все-таки представляется, что люди ищут свое будущее уже на иных дорогах. И конечно, найдут.

Вслед за XX веком торжества человеческого разума в науке и технике придет век торжества человеческого духа. Может быть, и скорее всего, на это потребуется больше времени. Но это обязательно произойдет. В противном случае полуторамиллионная история человека закончится самоубийственным взрывом технического потребительства. Я верю, что этого, «противного», случая не будет. Однако сам, как и большинство моих современников, не сумевших отыскать своих дорог, растратил отпущенное время попусту. Хотя и витал в облаках, дороги к Богу не нашел. Слишком много суеты загромождало мою дорогу.

* * *

Кто-то сказал: «…у человека можно отнять все, кроме его будущего». Наверное, это не точно. У конкретного человека будущее можно отнять, подменить, изувечить. И его уже не вернуть. Нельзя отнять Будущее у Человека как такового, у народа, у страны.

Безумством самовластия, ослеплением и ослаблением народа можно довести страну до такого состояния, когда покажется – будущего нет, все в прошлом. Это так, и это – не так. Будущее возвращается. Если народ захочет, он вернет свое будущее. То, которого достоин. И я убежден: будущее моей Родины не будет мрачным.

Сейчас у кого-то могут возникнуть иллюзии, а у кого-то опасения возвращения прошлого, превращения его в наше будущее. Это исключено.

* * *

Страна по инерции всенародно отпраздновала восьмидесятилетие со дня трагического поворота в сторону всемирно-исторического тупика. И за юбилейными побрякушками как-то не особенно заметила, что ушел из жизни один из ее великих сынов, много сделавший для того, чтобы этот тупик преодолеть.

Умер Станислав Сергеевич Шаталин. Вечером был у друга, а утром не приехал на работу. Он долго и тяжело болел. Казалось, его смерть не должна была явиться неожиданностью. Но он так долго, мужественно и даже весело пренебрегал болезнью, что те, кто его знал и любил, не могли поверить в столь резкий обрыв этой мученической жизни. Смерть казалась ужасной несправедливостью.

Не собираюсь анализировать жизнь и творчество, а тем более писать некролог о Станиславе Сергеевиче. Просто я не могу его забыть и думаю, что никогда не забуду. Серьезное исследование его биографии, надеюсь, найдет смелого автора. Ему будет чрезвычайно трудно в полной мере показать этого во всех отношениях выдающегося человека. Трудно хотя бы потому, что Шаталин и в самой сложной, и в простейшей жизненной ситуации оставался самим собой и в то же время был неожидан. Ибо этот сильный и цельный человек представлял совершенно невообразимое сочетание превосходных человеческих качеств.

Крупнейший ученый, талантливый публицист, азартный спортсмен, тонкий знаток культуры, спорта, искусств, жесткий и честный политик, преданный друг, остроумнейший, язвительный

полемист, «хулиган» – и джентльмен, галантный кавалер и… просто добрый, скромный, порядочный человек. Если хотите, это был настоящий русский интеллигент. И это только малая часть того, что вмещала в себя его далеко не богатырская плоть.

А какая же светлая была голова! И какой это был боец!

Он всегда рвался в бой и всегда был честен.

Первый раз я увидел и услышал его на одном из пленумов ЦК КПСС. Дикция после болезни была у него неважная, но остроумнейшая критика очередной полурыночной-полукоммунистической «платформы» казалась столь неординарной, точной и убийственной, что сидевшие в зале главным образом его идейные недоброжелатели были непривычно тихи и внимательны. Ногами не топали, только иногда смеялись…

С тех пор все его не столь уж многочисленные выступления помечены в моих записных книжках восклицательными знаками.

Хорошо помню заседание Президентского совета в апреле 1990 года. Доклад Ю.Д. Маслюкова «О программе перехода к регулируемой рыночной экономике». Обсуждение, растянувшееся на два дня, открыл дипломатичный А.Г. Аганбегян. Далее – созвездие академиков: Г.А. Арбатов, О.Т. Боголюбов, М.А. Мартынов, Е.М. Примаков и так далее… Выступали: Горбачев, Назарбаев, Каримов, Гумбаридзе, Айтматов, Ревенко… Даже я выступил и оставался доволен собой до тех пор, пока не сказал свою речь С.С. Шаталин. Вот это был анализ! Это был разгром, явно не понравившийся М.С. Горбачеву.

Шаталин, как всегда, выражений не выбирал: «Нужна частная собственность, без этого приличной страны не будет… – Так и сказал: «страны», а не «экономики». – Или «измы», или благоденствие народа, третьего не дано…Но нельзя – очертя голову. Действовать надо по плану, продуманно, взвешенно… Но – действовать, а не делать вид…»

Здесь его прервал Горбачев: «Разработанные до деталей планы, модели… Что-то знакомое. Чепуха все это! Только жизнь…»

Шаталин не дал ему договорить: «Невозможно все учесть, но то, что надо и можно учесть, на что мы способны, – надо и можно учесть. И уж если в этом кругу мы будем говорить друг другу полуправду, рассуждать о полубеременности, нечего нам всем здесь делать!..»

Станислав Сергеевич часто болел. Иногда я ходил к нему в больницу, иногда домой. Приносил в бутылке, закамуфлированной под книгу, по глотку виски. И мы, делая вид, что прячемся от его товарища и жены, милой Татьяны Ивановны,

изображали тайное бражничество…

Для поддержания комплекса рыночных реформ С.С. Шаталин создал международный фонд «Реформа», вокруг которого (а точнее, вокруг Шаталина) собралось немало молодых и не очень, но, как правило, профессионалов, да еще талантливых. Однако с первых же шагов пресловутого жульнического «курса реформ» шаталинский фонд выступил против этой безумной политики, которая вела страну из коммунистического тупика прямо в пропасть криминала и нищенства. Шаталин реально возглавил интеллектуальную оппозицию этому «курсу», банкротство которого он с уверенностью предсказывал, и, как теперь все видят, оказался прав. Однако он никогда не был желчным, злобствующим критиком. Его позиция была конструктивна и доброжелательна. Под руководством С.С. Шаталина, С.А. Ситаряна, Л.И. Абалкина, Н.И. Шмелева ученые и производственники готовили фундаментальные доклады. Они обязательно доводились до сведения властей. Но, увы, наша власть потому и наша, что она знает только одно, а именно: что она сама все знает. А какие-то там «советские академики» могли бы и помолчать перед демократами – «завлабами», как говаривал Виктор Степанович Черномырдин.

По поводу каждого безобразия власти С.С. Шаталин реагировал остро и резко. По-спартаковски. Здесь академизм ему изменял. Да и о каких церемониях могла идти речь в случаях, когда власть из танков расстреливала депутатов, посылала на смерть своих солдат – воевать с чеченским (российским же) народом, когда проявляла бесхребетность в отношении НАТО или организовывала псевдовыборы?..

Блестящий математик-экономист С.С. Шаталин буквально с головой ушел в разработку своего «шаталинского» варианта российской конституции. Работавшие с ним над этим документом доктора юридических наук Ю.И. Скуратов и В.А. Кряжков говорили мне, что в нем от Бога талант правоведа-государственника. И сегодня мы опять видим, как был прав Станислав Сергеевич, выступая против авторитарной конституции Ельцина, конституции, «дарованной монархом».

Политолог В.А. Никонов восхищался фундаментальными познаниями Шаталина в новых для всех нас, вчерашних коммунистов, политологических дебрях. В дебрях, но не дрязгах. В политических дрязгах участвовать Шаталин брезговал.

Был, правда, грех. Не мог Станислав Сергеевич обидеть хороших людей и, хотя не верил в успех, поддался энергии молодых партстроителей: отдал свое имя абсолютно безнадежному делу – формированию быстро развалившегося

«Моего Отечества». Может быть, этот опыт и будет кому-нибудь полезен…

Однако перед своим старым коллегой А.Н. Яковлевым Станислав Сергеевич устоял. Тот приглашал его принять участие в оргкомитете по созданию объединенной социал-демократической партии. Не пошел Шаталин. Хотя настоящим, убежденным социал-демократом он стал намного раньше, чем Яковлев. А не пошел потому, что не хотел участвовать в мероприятии, проводившемся под тайным патронажем президента Ельцина.

Никогда не вернутся те дни, когда мы с Г. Гумбаридзе заходили в кабинет к только что освободившемуся от очередного недомогания Станиславу Сергеевичу. Заказывали кофе, чай и вели неспешные беседы. Я бессовестно называл его Стасом, хотя уже тогда догадывался, как мне повезло работать и общаться с действительно Великим Человеком. Если бы он услышал эти слова, обязательно спросил бы меня, как это иногда бывало: «Ты это что, Вадим?» Но на этот раз был бы не прав…

* * *

Накануне Нового года получил традиционное поздравление из Парижа от своего друга, честного старого социал-демократа К.Л. Кароля. Шлет добрые пожелания России. Приглашает в Париж…

В. Высоцкий вспоминается по поводу лыж и русской бани, конечно, не из-за Парижа (где прекрасно), а из-за… бани, через маленькое окно которой тускло светит серый январский день. Идет снег, и Новый, 1999 год. Редкие снежинки заметны только на фоне черных разлапистых елей. Соседи по даче Шишкины, Мартыновские в этом году почему-то не приехали. Виктор и Лиля Савиных привезли на Новый год из Кирова нестареющую Ольгу Павловну, с которой познакомился на Вятской земле в давнем 1985 году. Четырнадцать лет промелькнули… Все как прежде.

Внучки ждут: когда, наконец, придет Новый год? Готовятся. Шумят, кричат, поют, танцуют, разбираются в подарках…

Потом наступают тихие, короткие январские дни… Теперь вот есть хорошая новость. Завтра поедем навестить нашего внука, маленького полугодовалого любимца Вадика.

У него уже не будет «социалистического» детства. Будет другое. Совсем другое. А так – все как прежде. Короткий новогодне-рождественский отпуск… на странной работе. Был, помню, иной отпуск…

* * *

В июле 1961 года рано-рано утром взял я полотенце и по пустым кемеровским улицам прошел на берег Томи на остров, на городской пляж. Там находилось еще два-три таких чудака. Солнце только вставало. Было свежо и тихо. Так, как может быть тихо в рабочем городе ранним утром на берегу реки. Расстелив полотенце на гальке, я улегся с чувством исполненного долга и слушал эту тишину.

С правого берега, от деревни Красная, чудо техники 60-х годов – переносной транзисторный приемник – напоминал о цивилизации… Звенел трамвай по Коммунальному мосту, тарахтела одинокая моторная лодка, плескалась вода о гальку… Все это не только не мешало ощущению покоя и счастья, а, наоборот, усиливало его. Было первое утро первого дня моего первого в жизни отпуска.

Через несколько часов мы с женой поедем в аэропорт и улетим в Москву. Там – бабушка, родители. Там Лужники, пиво, футбол. Там Москва, где я проведу свой первый отпуск, а впереди еще – вся жизнь, прекрасное будущее, полное интересной работы, встреч и счастья. В общем-то, так оно и вышло. Только… быстро закончилось. И о будущем как-то не очень хочется говорить. Вспоминается прошлое…

Уважаемый т. Фесуненко И.В.!

Примите мое письмо как отклик на передачу «Кто есть кто?» от 28 мая 1991 г. И передайте сие послание т. Бакатину.

Т. Бакатин!

Ясно, что никакой конфронтации в Вашей интерпретации между Ельциным Б.Н. и Горбачевым М.С. нет. Есть разное понимание задач и целей. И нечего, уважаемый т. Бакатин, спекулировать на вражде, якобы являющейся большим изъяном в поведении Ельцина. Б.Н. Ельцин всегда стоял на позиции разумного сотрудничества, и не его вина (Вы прекрасно знаете чья), что подчас оно не получалось. Очень жаль, что Вам, т. Бакатин, не хватило ни благородства, ни чести, ни мужества гражданского, чтобы снять свою кандидатуру, как снимали ее перед Горбачевым, а не спекулировать мелко в этой мышиной возне. И помнить бы Вам, что Ельцин и «расчистил дорогу» к всеобщим народным выборам президента России таким, как Вы, и поиметь бы элементарное благородство – пусть человек до конца себя реализует. Пост этот по праву должен принадлежать Борису Николаевичу Ельцину. Так нет же. Бросились все, как коршуны на

добычу. О других претендентах на пост президента России даже говорить не хочется… Не стоят они даже слов человеческих. А вот на Вас была надежда, что Вы свою кандидатуру снимете. Ошиблись. Жаль.

Так вот, т. Бакатин, для начала сумейте хоть образ жизни (в бытовом плане) вести такой, как ведет Ельцин и его семья, а уж тогда равняйтесь. Семья Ельцина (жена, дочери) так же стоят в очереди с талонами в рядовых московских магазинах с рядовыми москвичами, а у Вас, видите ли, заказы… Знаем мы эту систему заказов. А Вы (или жене это поручите) купите курицу за 14 руб. кг, а не по госцене (ведь 750 г колбасы на месяц хоть как, а не хватит. 750 г мясных продуктов на месяц – хоть колбаса, хоть кг пельменей вместо колбасы. Ешь не хочу!). Да сумейте «поймать» свои 200 г сливочного масла в месяц, да постойте несколько часов в очереди, и тогда поговорим о Ваших заказах. А уже потом будете рассказывать, какую жизнь для россиян будете строить, естественно, вместе с ними. Но сначала станьте с ними в одну очередь.

С неуважением к Вам.
Любовь Максимовна Гаркавенко,
Маргарита Михайловна Кузнецова,
Фаина Петровна Ноженко
и другие пермяки
29.05.91 г.

Ни слова я не добавил и не убавил из этого письма. Опоздав на восемь лет, признаю, что вы правы, дорогие пермские демократки. Ни я, ни моя жена никогда не стояли в одной очереди с Ельциным. До сих пор, когда встречаю человека, который говорит, что голосовал за меня, чувствую себя перед ним виноватым. Подвел я 2 719 757 человек. Но и после поражения я не встал в очередь к Ельцину, остался верен своим избирателям и себе самому. Я не изменил ни себе, ни им. Я не мог даже подумать о том, чтобы поддержать «шоковую терапию», участвовать в пресловутом «курсе реформ».

Борис Николаевич оказался куда «добрее» Леонида Ильича, позволил группе избранных (за пару-тройку лет – без всякой очереди) приватизировать самые доходные куски государственной собственности, а все остальное производство задушили бездумным реформаторским усердием. И что парадоксально: при «независимых» средствах массовой информации лжи в оправдание этого весьма трагического курса было не меньше, чем во времена «безгрешной» «Правды», отстаивавшей путь к коммунизму.

* * *

За Кольцевой дорогой, над подмосковными лесами и деревнями возвышается, как пусковая этажерка космических ракет, нечто залетевшее сюда из XXI века. Супер-офис организаций, имеющих отношение к Великому и Ужасному «Газпрому» – правительственной, и не только, дойной корове.

С трудом, за несколько сот метров, нашли, где припарковать машину. Прошел через проходную мимо выгоревших газонов и попал в иной мир. Прохлада, фонтанчики, цветочки… Суровая охрана, полные собственной значимости чиновники и посетители, которых сразу можно узнать по заискивающим физиономиям… С «Газпромом» не шутят.

Хозяин роскошного кабинета прост и искренен. Мы пьем в уютной комнатке ледяную водку и больше говорим, чем закусываем, утонув в воспоминаниях. Вспоминаем ЦК КПСС, сельскохозяйственные проблемы, крах перестройки… Да всего не перескажешь и не вспомнишь. Крупный партаппаратчик помаленьку приспособился к иной, не назову ее рыночной, системе. Его дружелюбие, контактность и организаторский талант оказались востребованными. Странно, но и здесь, в этом жестоком мире, он не потерял чувства товарищества, желания помочь старым друзьям и коллегам. И они, а точнее, мы не отказываемся от искушения попользоваться его возможностями.

Прощаясь, он проводит меня по своим апартаментам и с каким-то особым значением предлагает посмотреть небольшой зал для совещаний. Смотрит испытующе, как я среагирую…

На стене – большой, цековский, фотопортрет Ленина. Здесь, среди административной роскоши итальянского мрамора и шведской мебели, Ильич в простенькой деревянной рамочке смотрится неважно. Мне становится жаль его: знал бы, чем все кончилось… «Дело хозяйское, – говорю, – если нынешняя власть называет себя демократической, каждый волен вешать на стенку любую икону».

(У меня здесь нет комплексов. Нет проблем. Дело же не в том, чтобы портреты поменять… Шаг от Москвы шагните – везде Ленина встретите.)

Хозяин говорит: «Как-то доложили Рэму Вяхиреву о столь странном присутствии. Позвонил он мне: «Что это ты там Ленина держишь?» Отвечаю: «За пять лет ни разу пить-есть не попросил. Кому он мешает?» Засмеялся Вяхирев. «Нет, – говорит, – вопросов». А портрет этот я из Белого дома забрал после того, как Бэ эН нас, депутатов, оттуда танками выбил. С тех пор вот – глухой на одно ухо. И горжусь тем, что снова поднялся. Поднялся

самостоятельно. А пенсию, которой купили депутатов расстрелянного Верховного Совета, получать отказался, как меня ни уговаривали. Между прочим, знаешь, какую пенсию им дали? Ни за что не угадаешь… В три раза больше твоей «генеральской»…»

* * *

В конце декабря 1991 года у меня была последняя встреча с Б.Н. Ельциным. Тогда он еще не в полной мере ощущал свое безграничное всевластие, не позволял себе уволить государственного чиновника с высокого поста, не побеседовав, не проявив внимания. После беловежского сговора, во время технической работы по ликвидации остатков союзных институтов, такое внимание было уделено и мне.

Пришел я в знакомое цековское здание на Старой площади. В приемной встретил Г. Бурбулиса. Почему-то он многозначительно улыбался. Похлопал меня по плечу, сказал, чтобы не волновался: все будет хорошо. Не помню, чтобы я волновался. Правда, травля со стороны «демократических чекистов» по поводу дерьмовой схемы жучков в недостроенном американском посольстве была в самом разгаре.

Президенту Ельцину, вместе с Горбачевым санкционировавшему эту абсолютно безвредную для России, по сути политическую, акцию, достаточно было в то время бровью повести, сказать два слова, чтобы прекратился этот шабаш. Но, видимо, это доставляло ему удовольствие, и он помалкивал.

Тем не менее в этот декабрьский день у меня состоялась с Б.Н. Ельциным весьма доброжелательная и продолжительная беседа. (Тогда Ельцин еще умел и мог быть обаятельным, корректным, подчеркнуто вежливым, располагающим к себе.) Он предложил мне любой пост в российском правительстве. Так и сказал: любой пост, хотя, конечно, он совсем не намеревался реализовывать это предложение. Он знал, что я откажусь. Я отказался. Честно сказал, что не готов морально. Считаю неприличным так вот сразу перескакивать из команды в команду. Он принял отказ и предложил мне поехать послом в «любую страну, кроме Франции и США». Я также отказался. Мне казалось недопустимым покидать Родину в это время. Я попросил Бориса Николаевича рассмотреть возможность использовать меня на работе в структурах создающегося СНГ. Он согласился. Мы по-доброму расстались.

Однако позже три мои попытки вернуться на

государственную службу в исполнительные структуры власти Б.Н. Ельциным демонстративно игнорировались, как бы не замечались. «Бакатин?.. А кто это такой?..» – соизволил он как-то пошутить перед журналистами.

Бывший министр внутренних дел Латвии Бруно Штейнбрик рассказал мне, что слышал, как Б.Н. Ельцин в пьяной компании пообещал меня «по стеклу размазать». А.Н. Яковлев после беседы с Борисом Николаевичем пришел к выводу, что тот затаил на меня глубокую обиду и даже слушать обо мне ничего не желает. Он поставил крест на моем будущем.

Прямых указаний, наверное, он не давал, но в темных недрах «кремлевской администрации» должны и так все понимать. Установка была взята к исполнению и в соответствии с планом спокойно реализовывалась.

* * *

«Неустойчивый мартовский лед пешеходами изувечен»

(Н. Браун).

Заря разгорается. В ее тусклом желтом свете проснулись три старых дерева. Три тополя. Алексей Архипович Леонов, который еще с детства мастерски владел карандашом, делает почеркушки на темы старого заводского района и скучает. Скучает в президиуме Кемеровской областной партийной конференции. Так было принято, приглашать скучать в президиум знаменитых земляков. Они поднимали авторитет партии, авторитет области. Так считалось. Авторитет Кузбассу Алексей Архипович поднял и опять заскучал, загрустил, но ненадолго. Вскоре он опять оживился и попросил партийное начальство съездить в город, поискать барак, в котором он жил после войны. Сопровождать Леонова, к моей радости, поручено было мне. Мы честно пропахали все намеченные квадраты пропитанной химическими отходами земли. Но барак не нашли. Все-таки Советы тоже кое-что делали для народа. Зато Алексей Архипович нашел три тополя. Три старых, больных дерева. Он долго стоял, приобняв их, и тихо что-то говорил. Когда-то майским весенним утром он сам их посадил. И был рад встретиться с ними вновь. Я тоже был рад. Наше землячество оказалось значительно глубже. Наши корни проросли в кузбасскую, лежащую на теплых угольных пластах землю.

Отец мой родился в Тисуле, а Леонов – в Тисульском районе.

Можно считать, если смотреть из космоса, оба они родились на берегах озера Берчикуль.

* * *

Так называемый «ренегат» К. Каутский, один из выдающихся представителей европейской социал-демократии, еще в 1930 году в книге «Большевизм в тупике» высказал свой взгляд на «приватизацию»:

…Как должен поступить демократический режим с национализированными крупными промышленными предприятиями, которые он получит в наследство от Советского государства? Требует ли демократическая программа попросту передачи этих предприятий капиталистам на том основании, что Россия еще не созрела для социалистического производства?

Такой образ действия был столь же нелеп, как и противоположный образ действий большевиков – быстро и по шаблону проведенная национализация.

Для всякого общественного организма, каково бы ни было его строение, необходимы непрерывность, бесперебойный ход производства. Всякое сколько-нибудь значительное и длительное расстройство означает кризис, страшное бедствие.

Такое страшное бедствие и сотворили наши «либеральные демократы». Скорее всего, по глупости, нежели по злому умыслу, а тем более по указке ЦРУ. Хотели выглядеть умными перед всеми этими мелкими западными советниками. То, против чего я, как и многие, выступал в 1990–1991 годах, команда великого администратора свершила с большей решимостью, чем в свое время большевики провели национализацию. Путем очевидного жульничества с ваучерами легализовали теневые капиталы советских цеховиков, кооператоров и за бесценок разбазарили создававшийся многими поколениями производственный потенциал страны, ее недвижимость.

Государство и при социализме не было особенно богатым, а точнее, не очень рационально использовало свои богатства, отдавая предпочтение обороне. После приватизации оно ничего не приобрело, потеряло самые доходные отрасли, стало совершенно нищим. Это ведь факт. Что тут доказывать? И это – результат деятельности не Ленина – Сталина, не каких-то там инопланетян, а всем хорошо известных реформаторов-приватизаторов. Не так сделали приватизацию. Не для создания

миллионов собственников, а для создания скороспелых миллионеров. И власть сама активно участвовала в самообогащении за счет госсобственности. А за счет чего еще? Другой-то собственности в стране не было. Эта тотальная госсобственность состояла из какой-то относительно небольшой части зданий и сооружений, построенных еще до революции 1917 года, но подавляющая часть производственного потенциала была создана первым в мире социалистическим государством. Создана по планам партии, ценой жертв и лишений. Зачастую на костях ГУЛАГа, позже на бескорыстном энтузиазме комсомольских строек: «Через четыре года здесь будет город-сад». Ужасна судьба этой «материально-технической базы коммунизма». Ее создателям, получавшим Красные знамена за победы в соцсоревнованиях, и в страшном сне, под телегой в степи, где… будет «город-сад», не могло присниться, что весь этот символ могущества Страны Советов станет принадлежать каким-то акционерам, банкам, олигархам, международным фондам, а по сути – «акулам-капиталистам», тем, которых стахановцы и ударники строек коммунизма ненавидели всей своей комсомольской душой…

В итоге же избранный ими президент отдал всю гордость Страны Советов за бумажки, за бесценок, за скупленные за бутылку ваучеры. Не было хозяина при социализме – не появился он и при «капитализме». К тому, что легко досталось, по-хозяйски не относятся.

* * *

Моя жизнь была бы менее интересной, если бы я не имел возможности более 15 лет наблюдать в новой изменяющейся российской действительности интернациональную команду высокообразованных, веселых людей, целью которых было привлечение инвестиций в российскую экономику. В какой-то мере я и сам участвовал в этом исключительно важном деле, помогая иногда советом, иногда скепсисом, иногда организовывая контакты с высоким бывшим советским начальством (например, Горбачев, Примаков, Яковлев, Щадов, МВД (но только не КГБ). А иногда мешал, исполняя партию профсоюзов, препятствовал сокращению рабочих мест (конфеты в Казани, лес на Сахалине, цемент в Вольске). Не нравилось мне и то, что мы какую-то часть все более и более увеличивающихся возможностей потратили на развитие отвратительной московской рекламы. Но это мелочь. Все остальное было прекрасно.

Бессменные капитаны нашей команды Майкл Калви и Алексей Калинин в любой шторм и кризис крепко держали руль. Конечно, нам повезло. Мы не особые, а особенные. У нас своя вселенная.

Ее открыл нам и всему человечеству наш мужественный президент космонавт А.А. Леонов. У нас своя история с географией. Ибо мы носим славное имя Витуса Беринга, сумевшего заглянуть в настоящее и поспешившего открыть пролив, соединивший нас с Америкой. Сотрудничество России и США очень важно для всего человечества. И я бы сказал, что оно неизбежно.

* * *

Хотелось бы понять причину провала, казалось, обреченного на успех «курса реформ». Проще всего обвинять президента Б.Н. Ельцина и его размазанную по времени команду в злом умысле. Чуть ли не в сговоре с «мировой закулисой», ЦРУ и прочими «жидомасонами»… Все это, конечно, бред сумасшедших и для сумасшедших. Можно согласиться, что эти реформы изначально были исключительно трудны. Но это не причина провала. От ошибок никто не застрахован. Честный профессионал либо исправит ошибку, либо уйдет.

Они реформы провалили, ошибки не признали и не ушли. Почему? В ответе на этот вопрос и есть разгадка причины провала. Нам опять не повезло в частностях, в субъектах, личностях. Все дело в человеческих качествах. Точнее, в человеческих слабостях.

Когда Ельцин и его приспешники, свергнув Горбачева, ценой отказа от Союза пришли к власти, они, конечно, очень скоро поняли, что задуманное не получается. Прыжок через «шоковую терапию» в рынок и демократию не удался. Но, к сожалению, еще до того, как они это поняли, они уже ощутили свою полную безнаказанность. В первых главах книги я говорил об огромной власти партийных вождей. Если посмотреть на это «коммунистическое далеко» из нашего «демократизма», получится – я сильно преувеличивал. Там все-таки был какой-то «партгосконтроль», а также скромные рамки портрета Ильича. Власть президента Ельцина была абсолютно бесконтрольна. В этих условиях причиной провала реформ явились банальные человеческие пороки и слабости. Прежде всего – алчность. Вырвавшись, как говорили на Руси, из грязи в князи, обалдев от ранее невиданного долларового изобилия, трудно было удержаться от соблазна не откусить от «ничейной» собственности,

бывшей государственной, подлежащей блицприватизации. Не расширяя всей гаммы чувств реформаторов, можно упрощенно утверждать, что самый пустейший человеческий порок – жадность, разросшийся при бесконтрольности и безнаказанности до неприличных размеров, и сгубил реформы. Аскетов не нашлось. Жадность приобрела форму эпидемии, породила всю эту мерзкую войну компроматов, заказные убийства, раковую опухоль коррупции.

К сожалению, надежды конца 80-х – начала 90-х годов на то, что Моральный кодекс строителя коммунизма заменит мораль христианства, не оправдались. Постсоветская церковь оказалась сама слаба морально. Нам не повезло тотально.

* * *

Наш земляк Алексей Мельниченко был высоким и худым юношей. Гладкая, с румянцем на щеках кожа. Длинные руки, широкая кость. Родом из города Киселевска.

Он учился с моей женой Людмилой и сестрой Ириной в одной группе Новосибирского мединститута. Я не был с ним достаточно хорошо знаком, но он мне нравился.

И мы были как-то особенно взаимно приветливы, когда изредка встречались в районе института… О том, что случилось с Лешей Мельниченко весной 1957 года, расскажет моя жена:

«…Лешка Мельниченко был крупный и симпатичный очень. Глаза большие-большие. И учился он хорошо. Тогда было много общественных дисциплин: диамат, политэкономия, что там еще… По ним велись семинарские занятия. Лешка был очень активен. Всегда имел свое мнение. Задавал много вопросов. Иногда целое занятие так проходило – в «перепалке» Лешки и преподавателя. Он со многим был не согласен. Кончалось тем, что преподавательница уходила разъяренная, а мы, естественно, были довольны… Глупые были. Не помню точно его вопросы, но помню, что преподавательница покрывалась красными пятнами.

Однажды пришел к нам на занятие декан. Сидел, слушал-слушал… И вдруг Лешка вступил в полемику. Видно было, что Лешкины вопросы декану не понравились. Они не были «антисоветскими», просто Лешка удивлялся, почему при капитализме рабочие лучше живут и тому подобное… Декан сказал, что у него много жалоб от педагогов, 3 что Мельниченко ведет себя неподобающим образом, задает всякие вопросы, сбивает людей с толку… Короче, стал его ругать. Лешка оправдывался, пытался что-то объяснить.

Потом с ним где-то беседовали. На какое-то время он притих, но не очень. Вскоре опять стал активным, причем не как раньше. Не только вопросы задавал, а уже сам что-то пытался доказать. В общем, нам все это было интересно и нравилось. Но мы и подумать не могли, чем все это может кончиться…

Декан его вызывал несколько раз. Староста беседовал, он у нас уже пожилой был человек, лет тридцати. Потом устроили комсомольское собрание курса. Пригласили всю группу и сделали Леше «разборку». Сказали, что он – плохой комсомолец.

– И ты выступала?

– Да что ты! Мы сидели, молчали. Выступали в основном преподаватели и активисты, от комитета комсомола… не помню кто…

– Ты же была секретарем комитета комсомола?

– Я? Да ты что! С ума сошел? Я взносы собирала. И всё. И Лешка-то совсем не был активистом. В школе – был. В институте – нет. Там некогда было.

Ну и все. И постановили, что, если он будет продолжать задавать вопросы, его исключат из комсомола. Лешка выступал. Был ни в коей мере не согласен с обвинениями. Я сейчас не помню, что он говорил. Он защищал себя. Не соглашался, что он порочит социализм и комсомол. Говорил, что хочет учиться, что будет полезен стране…

Но он очень поссорился со многими. После этого собрания ходил какой-то поникший, понурый. Ко всем подходил и просил прощения. И ко мне подходил. Я сказала: «Да ты что?..» Ну и все.

Это была весна. Но было холодно. И вдруг однажды утром мы узнаем, что он повесился. Ужас! Мы так все испугались. Он был хороший мальчик. Никогда не пил. Жил один. Снимал угол у хозяйки. А тут, говорят, выпил бутылку водки и повесился в сарае. А перед этим разорвал комсомольский билет. Написал на нем – я сейчас уже точно не помню какие слова – но, в общем, плохо отозвался о Ленине, а нас всех назвал дураками, потому что верим сами не знаем чему.

И вот после этого началось… Приехали и МВД, и КГБ… не знаю… Слух моментально распространился по всему институту. Нас всех вызывали в деканат, в партком. Кто с ним дружил? Что он говорил перед смертью? Никто, конечно, ничего не знает. Устроили большое общеинститутское собрание. Очень строго все организовали. От нашей группы выступал староста. Все Лешку заклеймили. И даже отказались хоронить.

Приехали его родители. Мать была убита горем и все время, помню, падала в обморок… Все повторяла: «Он был очень хороший. Хороший мальчик был…» И потом – бах и упадет с

дивана, где сидела. Ее поднимают. Дают воды. Но в институте сказали: хороните сами, как можете.

А родители были очень бедные. Они были из нашего маленького городка Киселевска.

Потом декан вызвал старосту и сказал, что институт даст грузовую машину. Ребята поехали, сами выкопали могилу. И на этой машине, в кузове вместе с гробом мы все поехали хоронить Лешу. Приехали. А могила занята.

Та, которую они выкопали. Кто-то ее занял… Начали копать другую. Грунт мерзлый. Вечером весной темнеет быстро. Когда уже заканчивали, стало совсем темно. Шофер на палку что-то намотал, сделал факел и поджег. При свете этого факела бедного Лешу и похоронили.

Все страшно замерзли, продрогли, голодные. Студенты, что там… По домам собрались расходиться, но мать сказала: «Нет, нет, нет! Поехали все на поминки». Нельзя было отказать. На этой же машине и поехали. Приехали к хозяйке, где он жил. Там на столе стоял эмалированный таз, полный винегрета, несколько бутылок водки и хлеб. Наши ребята выпили по стакану, и пошли мы все по домам. Ну и все. Кончилась Лешкина жизнь. За что погиб?.. За что? За любознательность?

А дальше началось вот что. Нас с Иркой (из-за того, что мы были из одного с Лешей города) пригласили куда-то, куда – мы даже сами не знали. Дом на Красном проспекте, за совпартшколой… Зашли. Там сидел какой-то мужчина. И еще один. Говорят: расскажите и напишите все, что знаете. Как дела были в школе, в городе. А мы не знаем, что писать. Тогда он сам нам сказал, что написать. Я сейчас даже не помню, что писали. Но ничего плохого не писали…

– Дружили ли вы с ним?.. С кем дружил он?.. С кем встречался?.. Почему жил один?

– Нам тоже не дали общежитие… Мы ничего не знали…

Ну вот. А потом, значит, вдруг он нам и говорит:

– Вы девочки хорошие. Мы вас знаем и просим помогать нам. Сейчас очень неспокойное время. Нам многие помогают. Сообщайте нам, что слышите, кто против власти, что говорит… Вот в Томске студенты выступали… Не знаю, слышали ли вы или нет…

Мы говорим, что ничего не слышали, ничего не знаем.

Короче, он нам предложил:

– Будьте нашими помощниками, сообщайте вот этому человеку, что узнаете. Подумайте и сообщите о своем решении. Но никому ни слова.

Мы вышли с Иркой и бегом бежать. Такой страх нас обуял.

Решили: снова сюда не пойдем и никому ничего говорить не будем. Короче, тут началась сессия, потом каникулы. В общем, мы стали думать, что про нас забыли. А когда встречали в институте этого человека – прятались, старались не попадаться ему на глаза, но он нас не преследовал…

А Лешу мне до сих пор жаль. Не могу его забыть… За что его погубили?»

* * *

Это случилось в наш первый приезд в Канаду осенью 1994 года. В сопровождении скромнейшей Сьюзен, супруги великолепного Дж. А. Кохона, мы посетили с Людмилой детский госпиталь в Торонто. Не буду описывать достоинства этого удобного оригинального здания с прелестным садом под стеклянной крышей. В госпитале на каждого больного ребенка – отдельная палата, рядом с которой комнатка – для папы или мамы. Всю медицинскую информацию круглосуточно пишут компьютеры, посылая сигналы медперсоналу о тревожных отклонениях… Было много специфических профессиональных проблем, которые врачи госпиталя обсуждали с Людмилой. Она ведь была в свое время очень неплохим невропатологом. Людмила ходила, слушала и смотрела.

Я плелся сзади и гордился ею. Сьюзен понимала, что разговор идет на профессиональном уровне, чувствовала взаимное уважение врачей друг друга и была довольна, что экскурсия удалась. Она имела право чуть-чуть порадоваться, поскольку создание этого медицинского дворца для детей осуществлялось и под ее патронажем. Кстати, для канадского ребенка лечение в этом госпитале ничего не стоит, оплачивается страховой компанией.

Когда мы, распрощавшись с любезными, внимательными хозяевами, вышли в осеннюю прохладу спокойной торонтской улицы, это все и случилось… Оживление и энергия Людмилы куда-то исчезли, и она, прислонившись к железобетонному столбу, тихо расплакалась… Никто из наших сопровождающих сразу ничего не понял. Они были в недоумении и разволновались… У Людмилы же никак не получалось взять себя в руки, успокоиться. Вытирала слезы смятым платочком и ничего не могла сказать…

Конечно, я, как всегда, «очень умный», сразу понял мою жену. Но, опять же как всегда, не мог постичь всей сложности ее чувств. Она была и осталась неизмеримо более тонкой натурой. При

моей приобретенной как самозащита толстокожести говорить о какой-то тонкости – просто нелепо. Мне никогда не было дано до конца постичь разнообразнейшую гамму чувств моей жены, пленницей которых она была всегда. Но я всегда знал, что она чувствует.

Мягко проплывали блестящие лимузины. Проходили уверенные в себе, готовые помочь люди. Кружились кленовые листья… А где-то в космосе памяти моей Людмилы прокручивалась вся ее жизнь. Анатомка новосибирского меда, хождение в слякоть и жару по участку, взлеты и посадки санавиации на заснеженные поля Тисуля или Тяжина, ночные дежурства… Наверняка она услышала, как тревожно стучат ее каблучки по гулким, полутемным, пустым подвальным коридорам кемеровской областной больницы: дежурного невропатолога среди ночи срочно требуют на консультацию к какому-нибудь «загрузившемуся» страдающему больному.

Ей было горько и обидно и за себя, и за всех своих коллег, пленников врачебной чести. Завершая врачебную карьеру, они никогда не видели и не увидят такого фантастического медицинского оборудования, не имели и не будут иметь возможности работать для людей в столь прекрасных условиях. Сейчас что-то начинает меняться?

Ей было горько и обидно за нашу жизнь, за нас, советских людей, россиян, как сейчас говорят, за нашу отсталость. Она, врач с тридцатилетним стажем, и ее коллеги, посвятившие здравоохранению свою жизнь, свою молодость, лечили больных совсем в иных условиях, в ином мире. И ведь наши врачи не хуже канадских, но как же мы отстали в технике, технологии, создании условий для больного и врача… Почему? Что мы, хуже? Нет. Мы не хуже. Канадский врач едва ли смог бы работать в российских условиях. Мы – не хуже. Мы такие же люди, но… почему у нас все не так?!

Конечно, это всего лишь жалкая попытка передать чувства Людмилы, заранее обреченная на неудачу. Она, в конце концов, успокоилась, что-то там подкрасила, и мы потихоньку пошли обедать в ближайший ресторан «Макдоналдс».

Мы много говорили с Джорджем Кохоном… Не о слезах Людмилы. Друзья ее давно поняли и не стали жалеть, а то бы она плакала до сих пор. Она сама пожалела и себя, и врачей, и больных, и всех нас – «россиян».

Джордж на какой-то вечеринке наградил ее медалью – «За выносливость». За то, что вынесла Вадима. В отличие от Людмилы меня Джордж «выносит» с трудом. Спасает его только то, что встречаемся мы не очень часто: несколько раз в год и все

реже и реже… И хотя мы чувствуем, что от Бога даны были нам родственные души, различная среда обитания приводит иногда к недопониманию. Что вы хотите?..

Дедушка и бабушка Дж. А. Кохона – Кагановы, евреи из украинского Екатеринославля, эмигрировали в Канаду в начале века, как раз в то время, когда мой дед Александр направлялся из Бийска на учебу. В 1937 году и у Гдалея Каганова (Кохона), и у расстрелянного уже к тому времени Александра Бакатина родились внуки – Джордж и Вадим. Родственные души… Прожили они в разных системах, а через 53 года, на закате перестройки, встретились… Теперь мы – друзья и вечные спорщики.

Не буду рассказывать здесь биографию этого человека. Дж. А. Кохон по праву считается одним из самых динамичных, честных, широко мыслящих, веселых и порядочных предпринимателей России. Мало того, оказывается, он широко известен и в Канаде, и в США, в Израиле и так далее.

Слава, известность, заслуженные трудом и неоспоримым талантом, скромностью и иными добродетелями, нисколько его не испортили, поскольку всю жизнь он руководствовался простым правилом: в любых условиях надо быть человеком. Честно говоря, я тоже стараюсь следовать этому правилу, но не всегда удается. Согласитесь, это не так просто. Человек слаб. Опасности и искушения подстерегают его и в условиях, скажем так, дикой, грубой жизни, и в дебрях изысканной цивилизации.

Джорджу удавалось везде: и в Канаде, и в России; и в общении с президентами и с землекопами; и в бане, и в церкви – оставаться самим собой, парадоксально соединяя в себе трудносоединимое. Он обгоняет время. То, что на моей родине объективно будет только в XXI веке, Джордж организовал уже в нынешнем. Это – человек, устремленный в будущее. И в то же время те, кто его знает, поражаются разумному консерватизму, солидности, даже некоторой старомодности и безусловной сентиментальности, более уместной не в XX, а в XIX веке.

Конечно, читатель поймет, что все вышеперечисленные достоинства Дж. А. Кохона несколько преувеличены. Одно абсолютно точно. Человек он – добрый! Это могут подтвердить спортсмены, инвалиды, дети, жертвы землетрясения в Армении, доктора больниц и даже «Метелица», команда лыжниц-красавиц России, побывавшая в Антарктиде. Не говорю уж о президентах и папе римском…

Джордж попытался «покорить» своими биг-маками Москву еще накануне Олимпиады 1980 года. И это ему почти удалось, но, как принято считать, помешал член политбюро товарищ Суслов.

Тем не менее 31 января 1990 года, преодолев невероятные трудности, Кохон открыл свой первый ресторан в Москве. Один ресторан – это не дело, это скорее символ. Правда, весомый символ, как некоторые считают, развернувший перестройку к капитализму.

Я же все время жаждал услышать от него серьезную программу развития сети ресторанов. И вот в последние годы дело сдвинулось. В России уже (только еще) 50 ресторанов «Макдоналдс». Это смехотворно мало. Но… все начинается с малого. Кстати, Дж. А. Кохон считает, что российский персонал является лучшим в его системе: по скорости, сноровке, качеству обслуживания и, конечно, по красоте.

К чести Джорджа, он не стал свертывать или замораживать бизнес после августа 1998 года. «Макдоналдс» уже крепко стоит на ногах в России.

Когда в Москве появилась сеть ресторанов «Русское бистро», Джорджа спросили: беспокоит ли его их присутствие? Он ответил, как и подобает спортсмену, что его вдвое беспокоило бы, если бы их не было.

Главный лейтмотив наших споров: отношение к реформаторам. Дж. А. Кохон восторгался всей этой «командой»: от Гайдара до Кириенко. Я старался объяснить ему всю лживость и опасность этого шулерского «карточного» домика. Постепенно, все более и более он подходил к согласию со мной. У нас было очень много споров на эту тему…

Как-то вечером звонит. Заходят они с Сергеем Цибуниным, великолепным синхронным переводчиком, без которого Джордж в России будет просто немым. Выслушиваю очередное восхищение:

– Был у Александра Яковлева на даче. Стоим у окна и смотрим, какой «отель» отгрохал себе его сосед. Оказывается, из новых русских. Когда спросил Александра Николаевича, что он думает о них, тот философски пожал плечами: «Бароны-разбойники. Они просто необходимая часть цикла, некая крайность, через которую надо пройти. Это – часть процесса наших преобразований».

Как всегда, Джордж был восхищен мнением А.Н. Яковлева. У меня было другое мнение.

– Это просто хорошая мина при плохой игре, – сказал я. – Вспомни, что говорил Ельцин три года назад: «Нам не нужны миллионеры, нам нужны миллионы собственников». Где эти миллионы? Миллионы нищих?! Да, пожалуйста! И тысячи миллионеров. Откуда они появились? Кто их планировал? Откуда у них эти миллионы и миллиарды? Ведь всего два-три года назад у нас не было иной собственности, кроме государственной. За эти

годы мы ни на каплю не нарастили ни производство, ни собственность. Просто под руководством, с согласия и при участии «так называемых», как говаривал Горбачев, демократов растащили и разворовали наиболее лакомые куски. Вспомни, сколько лет ты шел до своего первого миллиона?

– Восемь лет. Я занял десять тысяч, арендовал ресторан и начал вкалывать. Первое время приходилось иногда самому не чураться никакой работы, помогать при наплыве посетителей…

– Вот и весь ответ, Джордж. Твой, извини за выражение, капитализм с человеческим лицом стоит на прочном правовом, нравственном и моральном фундаменте, будем считать, как правило, честно заработанной и приумноженной частной собственности. На это ушли годы и поколения. Ты еще счастливчик, быстро разбогател. Со Сьюзен тебе повезло. Перед нашими «реформаторами» стояла одна-единственная, но крайне важная и сложная задача: создать условия для таких, как ты в молодости, начать строить и приумножать свою частную собственность. Так Ельцин вначале и хотел. Но не сумел удержать своих «радикальных демократов» от «большевистского наоборот» искушения – все поделить. Поделить госсобственность между собой, между «избранными», допущенными к тому. Так и сделали… Соблазн был очень велик. Ставки – запредельны. А советский чиновник слаб. Сейчас, конечно, ничего не остается, как этих трутней, скороспелых «баронов-разбойников», выдавать за «неизбежный этап» строительства капитализма. На самом деле все гораздо сложнее и хуже. Откуда они «намыли» свои миллионы? Посуду в баре мыли, как ты? Все это страшный обман. Второй раз в этом веке. В 1917 году дедов наших обманули большевики. А в 1992 году обманули… (язык не поворачивается сказать) демократы. И конечно, сейчас идеологам «курса реформ» ничего не остается, как делать вид, что так якобы и должно было быть. Если иметь в виду, что бутерброд в России всегда падает маслом вниз, то – да, так и должно… Но я-то знаю, что А.Н. Яковлев, которого называют «архитектором перестройки», этого безобразия не предусматривал. Все получилось «как всегда».

* * *

В первые годы перестройки за границу из СССР уезжало примерно 5–6 тысяч человек, в том числе до тысячи – в Израиль. Прорыв произошел в 1989 году, когда за год выехало 235 тысяч человек, в том числе в Израиль 105,2 тысячи. Я в то время был министром внутренних дел и хорошо помню нашу согласованную

с первым заместителем председателя КГБ СССР Ф.Д. Бобковым позицию: никого, за исключением секретоносителей, не держать. Кто хочет – пусть едет.

Конечно, то, что евреев ли, немцев ли, не важна тут национальность, не выпускали из СССР, было позором системы. Ну а то, что сейчас идет массовое бегство из России, трудно отнести к достижениям демократии. Это плохо, когда наши граждане (без различия национальности) уезжают из страны и никто из тех, кто при регалиях власти, не только не пытается их удержать, но даже оказывается не в состоянии в течение нескольких месяцев понять: а были ли элементы антисемитизма, было ли разжигание национальной вражды в визгливых выкриках истеричного генерала или в чем-нибудь подобном…

К сожалению (или к счастью?), теперь уже не Россия не отпускает на Запад своих сынов, а Запад ограничивает их прием. Правда, к тем, кто имеет деньги, к «баронам-разбойникам», это не относится.

* * *

Россия – незаурядная страна. Она достойна лучшей доли и прекрасного будущего. Однако наступит оно только тогда, когда народам России удастся преодолеть последствия целого ряда неблагоприятных обстоятельств, берущих свое начало в нашей славной и трагичной истории.

Прежде всего, это – последствия нашего имперского происхождения. Шовинизм, национализм, сепаратизм. Последствия исторической задержки экономического, социального и (что некоторые считают спорным) культурного развития.

Мы были все время страной «догоняющего развития», но одно опережающее действие все-таки сумели совершить. Прыжок, после Октября 1917 года, в социализм, который, к сожалению, не стал нормальным социализмом, а стал сталинским. За семьдесят лет, в течение которых мы были «впереди планеты всей», отставание еще больше возросло.

Можно говорить о преодолении последствий перестройки, последствий путча, но это мелочи по сравнению с почти непреодолимыми последствиями так называемых «реформ» и «приватизации». За годы наконец-то рухнувшего в августе 1998 года «курса реформ» государство в самый сложный и ответственный период ничего не придумало лучше, как «уйти из экономики», предоставив «избранным» свободу воровать, а

массам – свободу нищенствовать. Итог – крах отечественного производителя, криминальный рынок и дискредитация демократии.

Преступность и коррупция в 90-е гг. были подлинным бичом общества. Порожденные безответственными реформами, они стали бревном на дороге действительно необходимых реформ экономики и финансов.

Однако при всем сказанном и несказанном главным звеном подъема был и остается мелкий частник. Именно этим миллионам и миллионам надо создать условия для производства и торговли. Но только не для паразитического посредничества.

Теперь, после августовского провала, можно надеяться, что реформы свернут с прежнего курса, губительность и ошибочность которого были очевидны давно.

Очевидность провала была ясна и самим реформаторам. В самом деле, не глупее же они своих критиков? Но признать бесспорное мешала врожденная большевистская «политическая целесообразность». Отцы реформ, отнявшие руль у горбачевской команды полукоммунистов, семь лет лгали, с высокомерным презрением отвергали любую критику, не жалели долларов на покупку агитационно-пропагандистской машины. Но шила в мешке не утаишь. Как и следовало ожидать, момент истины в конце концов наступил. Истины столько же мерзкой, как и сами «реформы», не добавившие ни грамма в производстве продукции, но позволившие растащить государственную собственность, разворовать ресурсы, производственный, социальный, культурный потенциал нашей страны. Дальше изворачиваться и лгать стало уже невозможно. Но тем не менее и сейчас находят «нужные» слова, позволяющие делать хорошую мину при плохой игре.

«Надо признать: нам предстоит большое и тяжелое отступление, которое будет измеряться не месяцами, а годами…» – это А.Б. Чубайс. Горько сказано, сурово, но опять же, мягко говоря, не совсем правдиво. «Отступать» можно с завоеванных позиций. Но ведь их никогда не было. По сути, мы даже не шесть, а где-нибудь восемь лет отступаем перед валом нарастающих неплатежей и долгов на все более и более худшие позиции, все время осложняем и осложняем возможности создания нормальной, скажем так, чтобы короче, рыночной демократии.

Это происходило реально в жизни, но далекие от нее лидеры все с большим удовольствием входили в роль «мудрецов-небожителей», знающих истину, и постоянно клялись «своему народу» и очередному «заезжему другу», что «курс реформ остается неизменным». При этом, наверное, искренне верили, что народ после такого очередного заявления по телеподсказчику

успокаивается и, довольный, расходится по холодным и темным квартирам дожидаться… задержанной на полгода зарплаты. Все это очень напоминало что-то давно и хорошо знакомое: манеру поведения и речи членов политбюро ЦК КПСС о «неуклонном успешном продвижении», во имя счастья народного, ленинским курсом в… противоположную от рынка сторону…

Удивительно, что буквально через неделю после обвала построенного Минфином и Центральным банком финансового карточного домика, после очередного наглого ограбления граждан те же самые деятели, которые творили это лживое «финансирование», стали предупреждать общественность об опасностях печатания денег.

Это изрядное количество «защитников народа» вновь напоминает нам вечную истину: фарисейство неистребимо. Не эти ли фарисеи, с легкостью необыкновенной взявшись за тнеподъемное дело реформирования социалистической страны, довели до полного краха ее экономику и финансы, до обнищания далеко не малую часть граждан? Теперь, в конце 90-х гг., они как ни в чем не бывало с видом знатоков доказывают ежу известную истину: эмиссия – это плохо. Очень плохо! Выпуск необеспеченных денежных знаков усилит инфляцию национальной валюты, добавит динамики росту цен. Упиваясь собственной «ученостью», спорщики либо забывают, либо сознательно умалчивают о главном. Речь ведь не о том, хороша или плоха эмиссия. Речь – буквально о жизни и смерти многих и многих наших сограждан. И это не пустые эмоции. Жуткая статистика «реформ» это не раз подтверждала. Подтвердит и сейчас.

Выход надо искать. И если известные, уважаемые ученые предлагают какие-то пути, следовало бы их серьезно обсуждать, а не заниматься унаследованной от большевизма привычной «демократической» забавой: навешиванием ярлыков. Это говорит только о том, что аргументы у авторов «краткого курса реформ» иссякли. К сожалению, они обанкротились сами как ученые, политики, управленцы и обанкротили страну. Ускоренного построения капитализма не получилось. Впереди – долгий путь.

* * *

Неожиданно умер Юрий Михайлович Автономов. Умер в своем домике на шести сотках. Хватились его только через несколько дней, думали: грибы собирает… А он… умер. О мертвых не говорят плохо. Но если бы я и захотел найти в его

характере, поведении хоть малейший изъян – не смог бы. Действительно так.

Это был настоящий рабочий человек, которых уже мало остается. Мастер от Бога. Золотые руки. Карусельщик, отделывающий поверхности многотонных заготовок до зеркального блеска. Сорок лет он проработал на заводе, изготовляющем вакуумные печи больших диаметров.

Последние годы завод стоит. Сделали всего одну печь для Германии. Говорят, немцы не нарадуются. А наши мастера сделали свое дело и опять – в бессрочные отпуска на шесть соток. Уникальный станочный парк простаивает. Площади сдаются. Кому попало. Кое-кто приспособился делать кованые каминные решетки да заборы для загородных домов «баронов-разбойников». С горечью обо всем этом рассказывал мне Юрий Михайлович…

Его друзья-заводчане пришли проститься и стыдятся, что у завода нет денег на похороны своего ветерана. Но здесь деньги были не нужны. Его и так «похоронили, как он и не жил» – так сказали его товарищи. Полированный гроб, прощальный зал ЦКБ, откуда в советские времена имели право отойти в мир иной только «очень большие» люди. Г.А. Навосардянца провожал я в 1983 году из этого зала. Все-таки многое изменилось за эти годы…

И простого рабочего можно достойно похоронить. Секрета тут нет. Были бы деньги. Похороны организовал… банк, где работает дочка покойного. Хоронили по высшему разряду. Многочисленные посетители Митинского кладбища не могли взять в толк, какого «авторитета» хоронят…

Чего тут гадать? Хоронили самого авторитетного на земле человека – Рабочего Человека. В России, правда, за последние годы уважения к рабочему у власти (и у журналистов) поубавилось. Как бы потом не пожалеть…

Юрий Михайлович искренне поражал меня своей степенностью, спокойствием, наблюдательностью, а больше всего – начитанностью. Кажется, не было, по крайней мере из известных мне книг, ни одной, которую бы он не прочитал… А уж из неизвестных и говорить нечего… Он очень хорошо помнил детали прочитанного…

Виделись мы нечасто. Главным образом по поводу семейных праздников. У нас была с ним общая радость – наша внучка Катя, для которой день рождения – святой ритуал… А нам-то что еще надо? Дети пищат. А мы сидим на бревнышках, потягиваем пиво да говорим об этой жизни, которая уж «больно однобокой стала»… Работа исчезла, одна семья осталась. Юрий Михайлович деликатный был человек. Но все же интересовался, чем же все это

кончится. Если нет работы, если даже в «передовой» Москве заводы стоят, рабочие не нужны, в магазинах – сплошной импорт…

Он все спрашивал меня: неужели Ельцин этого не видит, не понимает… Я не мог с полной уверенностью ответить на этот вопрос. Откуда я знаю? Может быть, понимает, но ничего уже не может сделать… повязан. А может быть, действительно – ничего уже не понимает?..

Так и умер Юрий Михайлович, не узнав, чем все это кончится… Было ему 68 лет. Может быть, ему повезло?..

* * *

Надо отдать должное С. Степашину и А. Черненко, которые стали заниматься в МВД кадрами. Вспомнили они о «бывших». Кто бы что ни говорил, а если быть честным, приятно, когда тебя не забывают, приглашают на разные милицейские «посиделки». А на этот раз даже наградили весьма почетным знаком. Вручал министр. Получая, надо было сказать: «Служу России!» Я промолчал. Какое уж там «служу»… Служить бы рад… Да я не тот, и власть не та. Но Степашин – молодец. Никого не забыл. Встретились мы на этом шумном торжестве, бывшие министры А. Власов, В. Трушин и я. Выпили с Сергеем Вадимовичем по глотку шампанского, да под марш духового оркестра, он – в Дагестан, а мы в раздевалку…

И что-то нас задержало. Не помню уже, кто предложил: полагается обмыть награду. Правда, время раннее. Но пошли. На Октябрьской площади нашли какой-то ресторанчик. Сели у барной стойки… «Что будем пить?» Оказалось, у всех причина – пить нельзя. Но ради такого дела – была не была… Когда это три министра внутренних дел вместе собирались? Да где… Хорошо мы посидели. Кое-что вспомнили, рассказали друг другу про свое житье-бытье отставников. Люди мы совершенно разные. У каждого свой путь, свой опыт, свой характер. А вот никто не сказал, что с трудом вошел в МВД. Всех приняли. С каждым соглашались. Может быть, кто-то за глаза и поносил. Такие были. Но проявляются они после того, как министр уходит в отставку. Тут уж отдельные личности проституируют безмерно. Но пока мы были министрами, никто не перечил, все соглашались. Мне представляется это плохо. Эту «соглашательскую» черту советской милиции российской следовало бы изживать. Ибо профессионализм не в том, чтобы уметь приспосабливаться под очередного нового министра, которых, судя по всему, будет еще

немало, а в том, чтобы оставаться профессионалом, всегда отстаивать свое мнение. А может быть, мы все министры были неплохие? Понимали, что нельзя мешать работе профессионалов, а если кого и гнали с работы, то только бездельников-приспособленцев. На том и порешили…

* * *

В 1997 году в Кирове были выборы губернатора. Василий Алексеевич Десятников, кому предстояло отстаивать свое губернаторство, попросил меня приехать, помочь… Не знаю уж, как я ему помог… Он проиграл. Победил на выборах типичный коммунист, из тех, кто всю жизнь агитировал за марксизм-ленинизм, не имея ни малейшего опыта хозяйственной работы. Дай бог ему удачи.

Но я о другом… О встрече с ветеранами…

Когда я в 1985 году приехал в Киров, жить мне пришлось в обкомовской специальной гостинице, которая располагалась в особняке постройки XIX века. Довольно жалко выглядела провинциальная претензия на роскошь в этом старом, но запущенном здании… На фасаде дома была скромная мраморная доска, напоминавшая, что здесь в 1919 году работала комиссия ЦК РКП(б) и Совета Обороны по укреплению армии и тыла Восточного фронта с участием И.В. Сталина и Ф.Э. Дзержинского. Ну что же. Работали так работали. Однако странно все переплетается. Невозможно опять не подумать о тех незримых нитях, которые все время тянутся из прошлого, от деда к внуку… Почему это вдруг судьба распорядилась мне жить в этом доме? Его стены, эта белая кафельная печь, узкие арочные окна слышали, как заседала партийно-следственная комиссия, как намечались меры к разгрому Сибирской армии адмирала Колчака, в которой служил мой дед. В мае 1919 года под руководством Блюхера этот план начал осуществляться. В мае же на этот фронт из Томска был направлен мой дед. Красные заняли Елабугу, Сарапул, Ижевск, Воткинск. Где-то там и был ранен Александр Петрович Бакатин. Отсюда, от родных мест своей жены Юлии, начал он свой трагический путь к томским подвалам ЧК.

Следуя партийной моде по искоренению излишеств, я, его внук, первый секретарь Кировского ОК, распорядился отреставрировать это здание и создать в нем небольшой музей, отражающий переломную, как сейчас ясно, трагическую веху Гражданской войны, начало разгрома Белого движения. Все же остальные комнаты – оборудовать под ветеранский клуб.

Хороший получился клуб с бильярдной, библиотекой, музыкальной, гостиной, чайной и т. п. Главное – жизнь там закипела. Для многих стариков этот клуб стал родным домом.

И вот в 1996 году в этом здании, в русле предвыборной кампании, предстояла моя встреча с вятскими ветеранами. Конечно, я переживал. С одной стороны, хотел увидеть их после долгой разлуки, с другой – понимал, что аудитория будет насквозь прокоммунистической, ну а я уже в коммунизм не верил.

Пришел пораньше. Обошел дом снаружи. Постоял на тротуаре. Тут же была мемориальная доска! Куда же она исчезла? Доски не было. Только следы от гвоздей. Внутри не оказалось и музея…

Встретили меня хорошо. Хлебом-солью. Разговор получился долгий, интересный, искренний… Иногда острый. Одна очень симпатичная женщина эмоционально, чуть ли не плача, попыталась обвинить меня, вместе с М.С. Горбачевым, в разрушении социализма… Но мы быстро разобрались, кто и что строил, а кто и что разрушал. Пришли в результате к соглашению, что дело не в социализме, которого, по сути, так и не получилось, а в большевистских методах, от которых пора бы отказаться и демократам. Большевизм и стремление разрушать неистребимы.

«Помните, в фильме «Пятый элемент» Само Совершенство Лилу говорит: «Люди такие странные…» – «Почему?» – «Все, что они создают, все потом разрушают…» Я, честно говоря, сам этого не помнил, а вот что музей здесь был, помнил хорошо. «Скажите, пожалуйста, где тот скромный музей Гражданской войны, который мы с вами создавали? Где памятная доска?»

Отвечают, что областной отдел культуры (отдел культуры!) «приказал все это ликвидировать, как несоответствующее демократии…».

«Вот это по-вятски! Может ли быть больший идиотизм? И вы, коммунисты, ветераны, с этим согласились?!»

Нет. Они не соглашались, но что они могли сделать?.. Да, все повторяется.

В 1917 году отцы нынешних ветеранов порушили безжалостно прекрасные храмы города. Если посмотреть старые открытки, город Вятка на высоком речном берегу, со своими многочисленными колокольнями, смотрелся, пожалуй, интереснее Суздаля, Владимира. Александро-Невский собор, созданный архитектором Витбергом, неудачливым автором первой версии храма Христа Спасителя на Воробьевых (Ленинских) горах, был одним из крупнейших культовых зданий

Европы.

Взорвали его вятичи последним, уже в 1937 году – не хотели отставать от Москвы. На его месте возведено убогое типовое здание филармонии.

Я говорил ветеранам, коммунистам, что не имею права осуждать их отцов, порушивших церкви в 1917 году, но я – гораздо меньший, чем они, приверженец социалистической идеи – считаю позором, что они – умные, солидные люди – не воспротивились этому новому вандализму большевиков-демократов от «культуры». Здесь нет и капли культуры, это – дикое невежество. Старики пообещали мне все восстановить. Мы расстались, как всегда, друзьями, прекрасно понимая друг друга.

Я часто думаю о них, честных, скромных, истерзанных крушением страны, идеалов юности… Их жизнь отдана построению… коммунизма.

Все это было не зря. Не их вина, что не получилось.

В истории ничего не бывает ненужного. Их опыт бесценен. Как они там поживают сейчас? Вернули ли доску на место? Да и какая разница?.. Главное, чтобы новый губернатор пенсии вовремя платил. Я без иронии…

* * *

…Трудно не согласиться с прагматиками, считающими неуместными рассуждения о «концепции будущего» на фоне раздавленного тяжкой повседневностью личного бытия и общественного сознания. Однако нужно согласиться и с тем, что эта «тяжкая повседневность» есть следствие полной неясности будущего России в наших головах и в головах наших кормчих…

Для многих из них будущее заканчивается датой очередных выборов.

…Очень образованные политики как дважды два докажут, что никаких идей и концепций не надо. И У. Черчилль там что-то такое говорил, и американцы живут себе и не переживают. Горе от ума в нашем отечестве не редкость. И если бы в 1917 году не пересели мы на паровоз, который остановился, так и не доехав до коммуны, сегодня не мучились бы в поисках «русской идеи». Но увы и ах… Паровоз остановился не там, куда его посылали. И не мы, а японцы пожинают плоды своих национальных традиций и национального характера, помноженные на научно-технические революции. А у нас пока, как видно, нет идей, которые можно было бы бросить в топку паровоза, скатывающегося из тупика под откос.

Сегодня мы пожинаем последствия того, что десятилетия жили в шорах единственной государственной идеологии. Однако, пренебрегая народной мудростью, обжегшись на молоке, дуем на воду. «Не надо идеологий».

Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной. И это справедливо. Но могут ли государственные мужи вести за собой страну, не имея в голове никакой идеологии? Мы видим, что могут. И на себе ощущаем, что из этого получается в преддверии XXI века.

Идеология, которую можно назвать «никакой идеологии», уже привела к грубой, скотской морали давно канувшего в Лету пещерного капитализма с его бессовестностью и циничным самодовольством по случаю обретения очередного золотого нужника. Что, кстати, создает прекрасные условия для реанимации догм нашего большевистского коммунизма.

Наиболее респектабельные «новые русские» ищут более респектабельные идеи. В моде «либерализм» и даже «консерватизм». Это очень интересно – «постсоветский консерватизм». Очевидно, выполняется заказ на приспособление традиций бывших членов политбюро к амбициям новой олигархии.

Широко распространяется вирус национализма, шовинизма. От этого вируса в условиях инфляции, безработицы, холеры, насилия, в условиях искусственно раздуваемого комплекса неполноценности, иллюзий утрат великодержавности – вакцины нет. Он в той или иной степени заразил всех: и «деидеологизированную» власть, и либералов, и тем более вчерашних коммунистов, не говоря уже о сегодняшних фашистах.

Опять, как сто лет назад, наиболее образованные интеллигенты ищут для дезориентированных граждан мессианское призвание в старой «русской идее».

Разве можно упрекать за поиск? Многие это делали. Многие поняли, как писал еще в начале века князь Е.Н. Трубецкой, что идея русского национального мессианства – это музыка прошлого, увядшие мотивы, в которых слышится невыносимая для уха фальшь. Сейчас могут появиться новые аранжировки.

Не перепутать бы только божий дар с яичницей. Одно дело не подделка, а настоящая классическая «русская идея», для которой любая мелодия будет звучать похоронным маршем. Ибо она после семидесятилетнего разгула воинствующего атеизма мертва окончательно. Но другое дело, что надо всемерно, очень бережно оживлять в русском народе достоинства христианской морали, веру в высокое предназначение человека в этом мире, на земле предков. Ибо без этого наш постсоциалистический капитализм

может иметь только одно мерзкое рыло (лицо) самодовольного хама.

Хотя, как говорят, слово «идеология» весьма непопулярно, интерес к идеологии имеет место. Многие озабочены поиском новых идей или реанимацией старых.

Нельзя сказать, что кто-то ищет не там. Сказать так никто не имеет права. Но можно утверждать: мы не видим того, что лежит под ногами. А под ногами, в мусоре вчерашних программ, среди пустых пивных банок валяются идеи современной социал-демократии. Они широко известны. Отрицание революционных скачков и потрясений как способа 3 достижения позитивных изменений в экономической и политической жизни общества. Приверженность эволюционному способу достижения таких перемен.

Восприятие социальной справедливости как общественного идеала, который невозможно достигнуть, но к которому следует стремиться.

Отрицание принципов «диктатуры пролетариата». Осознание либеральной демократии в качестве несовершенного, но наиболее приемлемого способа существования политической системы. Согласование на политическом уровне интересов различных социальных групп. Признание, что нынешние институты либеральной демократии явились результатом долгой борьбы, в которой трудящиеся сыграли выдающуюся роль.

В современной социал-демократии нет антагонизма в понимании частной и общественной собственности.

Социал-демократия, в отличие от большевизма, в значительной мере впитала в себя либеральные идеалы самоценности человеческой личности, необходимость безусловной защиты прав человека, индивидуальной свободы, институтов гражданского общества от посягательств государственной машины.

Лозунги КПСС в области социальной политики были весьма привлекательны. Однако, в отличие от очень похожих лозунгов социал-демократии, они никогда не реализовывались и не могли реализоваться. Слишком мал был тот социальный пирог, который делили. Да и механизмы дележа были нечестными и не в тех руках. Социал-демократам удалось соединить идеал социальной справедливости с достаточно эффективной рыночной экономикой.

Не отрицая идеи свободы, они тем не менее впереди свободы поставили справедливость. И хотя действительно в абсолюте не может быть ни того ни другого, а вместе они во многом противоречат друг другу, такая последовательность более

привлекательна для большинства.

Если мы согласны с тем, что национальную идею или «концепцию будущего» нельзя сочинить, придумать, а надо понять, познать, что более всего приемлемо, созвучно, как стало принято говорить, нашему менталитету, вне всякого сомнения, настоящие граждане страны, которые ездят в электричках, отдадут предпочтение социал-демократической действительности. Правда, для этого опять надо будет пригласить какого-нибудь варяга из Швеции, чтобы популярно объяснил, что есть серьезная социал-демократия. У нас самих это плохо получается.

Некоторые социал-демократы боятся самого этого слова. Другие заплутали в лесу массы немассовых партий. Те, которые в свое время пренебрегали прекрасными возможностями безболезненного поворота от коммунистических программ к социал-демократической практике, пытаются что-то сделать сегодня. Но время – другое, и возможности – не те.

Мне представляются ошибочными утверждения, что для социал-демократии в России нет базы, она появится, мол, вместе с классом собственников, которому будут противостоять наемные работники. Это верно, что нет. Ничего нет: ни демократии, ни рынка, ни реального собственника. Но более чем достаточно – наемных работников, пенсионеров, студентов, инвалидов, бездомных.

Надо ли их проводить через все круги ада для того, чтобы осознать бесперспективность классовой войны и преимущества социального партнерства в тройственном союзе наемного рабочего – государства – предпринимателя? Что верно, то верно, предприниматель у нас не тот, чтобы воспринять идеи социал-демократии. Но он, только-только народившись, должен понять, что глупо в конце XX века повторять не лучшие годы раннего капитализма, для него (раннего капитализма) неизбежные, а для нас совершенно необязательные. У российского капиталиста нет выбора. Либо политика социального партнерства, либо будем кувыркаться где-то посередине между национал-коммунизмом и маразмом.

Короче говоря, социал-демократия для России является труднопроходимым мостиком, если можно так выразиться, от «социализма» к «демократии».

Убежден, что идеи социал-демократии, может быть уже и не имеющие такого большого значения для развитых стран, для России являются идеологией ближайшего обозримого будущего.

* * *

По делам службы мне довольно часто приходилось бывать в Саратовской области, городе Вольске, на цементных заводах ОАО «Вольск-цемент».

Кто знает, согласится со мной: цементные заводы не прокатный стан. Это довольно серые, прямо скажем, некрасивые предприятия. Особенно в наше безденежное время. Но отрасль очень важная, во многом знаковая. По динамике производства и, естественно, потребления цемента точно можно судить о состоянии экономики страны в целом. Цемент – фундамент индустрии.

Насколько я помню, среди проблем социализма хроническая нехватка цемента была одной из острейших, хотя СССР по объемам его производства был первым в Европе, а в мире уступал только «брату навек» – Китаю. Россия в 1990 году выпустила 83 миллиона тонн цемента. Последние годы выше 27 миллионов тонн не поднимается. Все ясно? Строим в три раза меньше, чем в те годы, когда мы с Б.Н. Ельциным работали на домостроительных комбинатах. Неужели уже все построили? Нет. По сути, мы еще и не начинали строить, как надо бы. Цемент очень нужен, но нет денег за него заплатить.

Словечко «бартер» (товарный обмен без участия денег) стало знаковым. Это же нелепость какая-то! Люди, называвшие себя «монетаристами», создали безденежную экономику в конце XX века. Вернулись в каменный век. Натуральный обмен. И ведь вчерашний социалистический управленческий аппарат как-то к этому приспособился, выкручивается, работает по каким-то длиннющим «зачетным цепочкам», на конце которых кто-то держит мешок, куда сыплются… нашедшиеся все-таки деньги.

Но они опять исчезают из сферы производства, продолжая обогащать тех, кто эту «экономику» выдумал. Тот, кто избавит Россию от бартера, тот ее спасет, станет национальным героем.

Вольский завод, выпускавший когда-то до трех миллионов тонн цемента, сейчас не дает и миллиона. И это далеко еще не самый худший вариант. С опозданием на два-три месяца люди все-таки получают зарплату. Правда, очень часто все тем же бартером (капустой да китайской тушенкой). Однако работают. И по нынешним временам – неплохо. Даже думают о будущем. На заводе появилась современная лаборатория. Заводчане первыми в России освоили выпуск тампонажного цемента по международным стандартам, запустили мощное упаковочное отделение.

На ее открытие в городе Вольске ждали губернатора Д.Ф. Аяцкова. Он, в своем динамичном стиле, должен был проводить выездное заседание правительства по проблемам водоснабжения,

а заодно и «ленточку разрезать».

Ничего нового я в этом не увидел. Все как прежде – хлеб да соль. Замерзшие красавицы в кокошниках. Телекамеры. Речи. Но дело не в этом… Удивительно, что после стольких лет удушения производства что-то еще работает и даже слегка развивается. Вводят какие-то новые линии. Может быть, это нетипично для всей России? Просто Саратовская область избрала энергичного губернатора и дела сдвинулись? Правда, строители, с которыми мы слегка «обмыли» пуск объекта, говорили мне, что нет здесь никакого рынка, никакого нового хозяйственного механизма. Прежний напор и давление. Все движет воля губернатора.

Что-то напомнило мне в этом начало перестройки в Кирове. Только с той разницей, что тогда деньги некуда было девать, а цемента – не хватало…

Да, цементные заводы серые, некрасивые. Но не Вольский. Это – красивый завод. Он уютно расположился между подковой меловых гор, куда террасами «вгрызается» карьер, и широченной, мощнейшей Волгой. В начале декабря она еще не замерзла и мощно несла свои иссиня-черные воды среди заснеженных берегов, мимо старых цементных заводов. Когда-то, более ста лет назад, наши деды построили их в этом месте, на этих берегах, сразу четыре. Цемент затаривался в бочки и на баржах по Волге развозился по Руси… Сейчас их осталось два. Скоро, наверное, останется один… Люди продолжают по привычке ходить на работу, но в полную силу работать не могут: цемент не находит платежеспособного спроса. Копится социальная напряженность, вызываемая тревогой грозящей безработицы, безденежьем…

В Вольске из полутора десятков предприятий реально работают только три. Люди выживают за счет огородов, садов, Волги, случайных заработков… Читают газету «Заря Поволжья» (общественно-политическая газета саратовской организации большевиков).

Все вернулось. Стало как в начале века. «Прочти и передай товарищу!» А что можно прочесть? Кроме правды о тяжелом положении учительства (но такого – в начале века – не было!), о воровстве чиновников (было – всегда), есть статья, посвященная дню рождения «отца народов»: «Сегодня ветер истории энергично сдувает с могилы И.В. Сталина пепел клеветы и оговоров… За построение социализма и восстановление СССР! Победа не за горами! Наше дело правое – мы победим!»

Заснежен под самые крыши живописнейший старый приволжский городок. На дорогах, с горы на гору, с трудом разъезжаются, буксуют редкие автомобили… Уже сто лет стоит на берегу цементный завод, и Волга несет мимо свои воды к Каспию.

Одна революция здесь уже была… Она поставила памятники своим творцам – Ленину, Сталину. Ленин пока стоит.

* * *

Как много красивых лиц в России. Особенно это заметно, когда на них печать скорби.

В небольшой зал Первой градской больницы проститься со своим хирургом, профессором, великолепным парнем Женей Яблоковым набилось несколько сотен человек. Вокруг гроба раскручивается, кажется, бесконечная спираль прощания… Лица плывут и плывут… Блестят застывшие, устремленные в одну точку глаза. Течение спирали, ее плавное движение возникает незаметно из неуловимых робких колебаний массы людей. Все вместе это кажется каким-то фантастическим организмом. Его движения подчинены потусторонней воле и кажутся нескончаемыми… Но постепенно этот монолит начинает рассыпаться. Спираль обретает более ясные очертания и, медленно продвигаясь мимо засыпанного цветами гроба, становится не такой плотной… Редеет. И уже ясно, что она не бесконечна. Она может скоро закончиться, и кто-то последний неизбежно должен будет пройти мимо Жени, и все… Конец. И ты ждешь этого конца. Людей все меньше и меньше. Зал пустеет. Становится страшно… Все кончается… И даже самая яркая жизнь. Даже самое долгое прощание.

Он опять останется один, погребенный во чреве матери-земли.

* * *

Мои внучки с большим интересом прочли главу о дедушкином «социалистическом» детстве. Катя спрашивает:

– Ты любил в детстве играть в ножички?

– В ножички?.. Что это такое?

– Да ты же нам позапрошлым летом показывал, как землю отрезают… А потом показывал как-то – монеткой о стенку…

– А… пристен. Да, знаю.

– А ты любил в него играть?

– Да вроде играл. Это же на деньги…

– А почему же ты об этом не пишешь в «своем социалистическом детстве»?

– Да, знаешь… Всего не напишешь…

– Нет, напиши! Интересно, как раньше играли…

С тех пор прошло не так уж много лет (но и не мало), но в любом случае хорошо, что внукам и внучкам интересна наша жизнь. Девчонки любят и поют песни нашей молодости, песни Великой Отечественной… И хотя дорога непонятно и странно опять разворачивается в прошедшее время… Ничего мы не потеряем… Сохраните только память о нас…

Приложения

Приложение 1
Расследование МВД СССР событий в Грузии 9 апреля 1989 г.

…В связи с несанкционированными митингами у Дома правительства на проспекте Руставели в г. Тбилиси бюро ЦК КП Грузии приняло решение о проведении специальной операции по их прекращению.

Во второй половине дня 8 апреля на совещании в штабе ЗакВО первый заместитель министра обороны СССР, генерал армии Кочетов К.А., сославшись на распоряжение министра обороны, возложил обязанности по удалению митингующих с проспекта Руставели на командующего округом генерал-полковника Родионова И.Н. Командующий здесь же сообщил о принятом решении провести операцию в 4.00 9 апреля, назначил своими заместителями по операции начальника Оперативного управления Штаба внутренних войск генерал-майора Ефимова Ю.Т. и министра внутренних дел Грузинской ССР генерал-лейтенанта внутренней службы Горгодзе Ш.В., отдал распоряжение о подготовке соответствующего плана.

В течение вечера 8 апреля и в первые часы 9 апреля были проведены необходимые подготовительные мероприятия, в 3 часа ночи тов. Родионов И.Н. утвердил план операции. В ней задействовалось в общей сложности 2530 человек.

…К 3.30 9 апреля силы и средства были выведены на исходные рубежи. В это время на проспекте Руставели, в основном перед Домом правительства, находилось более 8 тысяч человек. Сам проспект у площадей Ленина и Республики, а также ряд выходящих на него улиц участники митинга перекрыли грузовиками, автобусами и троллейбусами.

Непосредственно перед началом операции перед гражданами, находившимися у Дома правительства, с призывами разойтись и предупреждениями о применении силы выступил начальник УВД Тбилисского горисполкома подполковник милиции Гвенцадзе Р.Л. Выступил также патриарх-католикос Грузии Илия II. Однако эти обращения оказались безрезультатными.

В 4.00 генерал-полковник Родионов И.Н. через генерал-майора Ефимова Ю.Т. дал команду войскам начать операцию. Группа вытеснения в составе 3 подразделений 4-го полка ОМС ДОН (465 чел.), развернутая в три шеренги на всю ширину проспекта у площади Ленина, двинулась вперед. Перед ними по проезжей части шли в линию 4 бронетранспортера. Непосредственно за цепочкой, рядом с врио командира полка подполковником Баклановым А.М.,

продвигались группа применения спецсредств, 3 группы изъятия по 30 человек каждая, взвод прикрытия (22 чел.), 4 пожарные автомашины и автобус, предназначенный для санитарных целей. Далее следовали колоннами находившиеся в резерве два парашютно-десантных батальона, а также курсанты Горьковской высшей школы милиции, имевшие задачу перекрывать улицы по мере продвижения группы вытеснения. Личный состав ОМОНа оставался в оцеплении на площади Ленина.

Вторая группировка сил действовала у Дома правительства. 250 сотрудников милиции г. Тбилиси прикрывали само здание. Два батальона Тбилисского мотострелкового полка (400 чел.), которые должны были в начале операции отсечь людей, находившихся непосредственно перед Домом правительства, в том числе голодающих, от основной массы, расположились на улицах Читадзе и Чичинадзе. Во дворе Дома правительства находился резерв из артиллерийского дивизиона полка (200 чел.).

Со слов руководителей и участников операции, она проходила следующим образом.

Двинувшись с исходного рубежа, военнослужащие, не встречая значительного сопротивления, вслед за отходящими группами граждан к 4 часам 06 мин. продвинулись на 200 метров и остановились у Дома пионеров, не дойдя 40–50 метров до основного скопления людей у Дома правительства. Здесь еще раз с применением мегафона подполковник Бакланов А.М. обратился к гражданам с просьбой разойтись и предупредил, что в случае отказа будет применена сила. Участники митинга на предупреждение не прореагировали.

Военнослужащие вновь двинулись вперед, через несколько минут подошли непосредственно к Дому правительства и остановились, встретив ожесточенное противодействие с применением металлических штырей, ножей, камней, бутылок, досок и т. п. К этому моменту фронт продвижения войсковой цепочки расширился с 40 до 70 м за счет площадки и газона перед Домом правительства, левый фланг растянулся, интенсивность действий снизилась. В связи с этим в боевые порядки были введены парашютно-десантный батальон и батальон Тбилисского полка с ул. Читадзе.

Воздействуя на толпу, группа вытеснения медленно продвигалась вперед и в 4 часа 15 мин. прошла две трети длины участка проспекта перед Домом правительства и вышла на рубеж ул. Джорджадзе. Именно в этот момент на газонах и площадке перед Домом правительства были обнаружены первые лежащие на земле пострадавшие. В дальнейшем они также выявлялись при движении вплоть до угла Дома правительства. Пострадавшим

немедленно оказывалась помощь медперсоналом скорой помощи.

После прохода Дома правительства сопротивление толпы стало несколько ослабевать, часть людей, не оказывая противодействия, отходила в сторону площади Республики, другие уходили в прилегающие улицы.

Однако в 4 часа 30 мин. на рубеже улиц Леси Украинки и Джорджиашвили (80—120 м от угла Дома правительства) сопротивление толпы, особенно на левом фланге, резко возросло в результате притока людей из близлежащих улиц. Одновременно с балконов и из окон гостиницы «Тбилиси» полетели ящики, бутылки, вновь применялись металлические прутья и камни. В результате здесь пострадало 13 военнослужащих. В это время большая группа (300–400 чел.) с улиц Джорджиашвили и Леси Украинки вышла в тыл боевых порядков, в связи с чем из группы вытеснения была выведена рота солдат для отражения нападения сзади, а движение было приостановлено.

В этих условиях генерал-майором Ефимовым Ю.Т. была дана команда применить спецсредства слезоточивого действия, которая после непосредственного предупреждения через мегафон была выполнена, в 4 часа 35 мин. группа применения спецсредств использовала 8 единиц средства «Черемуха».

В связи с активным противодействием толпы, забрасывавшей солдат бетонными тротуарными плитками и кирпичами, в дальнейшем «Черемуха» применялась еще на двух рубежах (19 единиц). В результате остатки толпы (2,5–3 тысячи чел.) были вытеснены на площадь Республики и прилегающие улицы.

На площади Республики за баррикадой из грузовиков, троллейбусов и автобусов скопилось до 2 тыс. чел. Попытка солдат проникнуть через заграждения была отражена градом камней и бутылок. Войска отошли на безопасное расстояние. Подполковник Бакланов А.М. отдал команду использовать изделие «К-51». В 5 часов 10 мин. было применено 4 единицы, из которых сработало три. После этого активные действия войск были прекращены. К рассвету (6 час. 30 мин. – 6 час. 45 мин.) люди с площади Республики разошлись.

Всего в ходе действия войск специальной группой было применено 31 ед. спецсредств. Применение аэрозольных баллончиков «Черемуха-10», выданных личному составу, уточняется. Противогазы не использовались, случаев отравления среди военнослужащих не отмечено.

В процессе проведения операции погибло 16 граждан, из них 14 женщин. По данным Минздрава республики, с 9 по 19 апреля за медицинской помощью обратилось 743 чел., заявивших, что они пострадали во время операции. Было госпитализировано 273 чел.,

из них на 19 апреля находилось на лечении 138 чел.

Из числа военнослужащих внутренних войск пострадало 69 чел., 25 из которых госпитализированы, один в тяжелом состоянии. Получили повреждения и госпитализированы 36 сотрудников милиции. По показаниям некоторых из них, повреждения им причинили солдаты. Сообщения подобного рода проверяются.

(далее подписи)… 20 апреля 1989 г.

Приложение 2
Письмо депутатам Верховного Совета от 19.11.98

Председателю Верховного Совета СССР
товарищу ЛУКЬЯНОВУ А.И.
Уважаемый Анатолий Иванович!

В связи с тем, что 16–17 ноября с. г. на сессии Верховного Совета СССР прозвучали прямые и косвенные обвинения МВД СССР в демонтаже вертикальных структур и развале системы, докладываю:

1. Министерство внутренних дел СССР никогда не принимало, да и не могло принимать, никаких решений «о разрушении целостности своей системы» и формально продолжает функционировать как союзно-республиканское министерство в соответствии со ст. 24 Закона СССР от 5 июля 1978 года «О Совете Министров СССР».

2. Разрушение целостности системы МВД вопреки указанному Закону предприняли Верховные Советы ряда союзных республик, провозгласивших самостоятельность своих республиканских МВД. Мало того, Верховные Советы, прежде всего Украины и Белоруссии, реально препятствуют использованию за пределами границ своих республик личного состава, проходящего срочную воинскую службу во внутренних войсках или работающих в республиканских правоохранительных органах.

3. Верховный Совет СССР на эти противоречащие действующему законодательству решения до 24 октября (принятие Закона СССР «Об обеспечении действия законов и иных актов законодательства Союза ССР») никак не реагировал. Да и до настоящего времени ситуация остается прежней.

4. МВД СССР со всей серьезностью воспринимает сложные процессы, происходящие в союзных и бывших автономных республиках, и не допускает возможности в принципе не считаться с Декларациями об их суверенитете. Это не противоречит общепринятой концепции создания Союза суверенных государств.

5. Однако бороться с преступностью, которая носила, носит и будет носить экстерриториальный характер, милиции нужно каждый день. В условиях задержки сроков подписания Союзного договора МВД СССР с учетом новых реальностей искало пути сохранения целостности системы и предпринимало конкретные шаги с тем, чтобы не потерять влияние на деятельность МВД республик.

30 июля 1990 г. проведено совещание министров всех союзных республик, на котором принято коммюнике о принципах взаимоотношений, соблюдении гарантий обеспечения общественной безопасности и прав граждан.

При объективно происходящем росте преступности, политической, межнациональной, социальной напряженности резко возросла нагрузка на сотрудников МВД. В этих условиях оперативное взаимодействие между структурами МВД СССР не только не ослабло, а приобрело еще больший масштаб и оперативность.

Вместе с тем поразивший общество кризис не мог не затронуть органы внутренних дел. Из этих кризисных явлений не делается ни секрета, ни трагедии, а принимаются меры к тому, чтобы сохранить органы МВД от развала по национальному, идеологическим или политическим признакам, укрепить дисциплину и моральный дух личного состава. Этому способствовало и обращение к личному составу в связи с 73-й годовщиной Великого Октября и Днем советской милиции, принятое от имени коллегии МВД СССР, всех министров внутренних дел союзных республик.

6. После принятия Верховным Советом СССР Закона СССР от 26 апреля 1990 г. «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации» в целях выработки подхода к разграничению компетенции в сфере борьбы с преступностью и охраны общественного порядка (с разрешения Совета Министров СССР) августа с. г. было заключено соответствующее соглашение между МВД СССР и правительством Эстонской Республики.

Министерством подготовлены проекты соглашений с правительствами ряда других республик. Разработана также принципиально новая схема построения структур федеральных, республиканских и местных органов внутренних дел.

Задействовать эти проекты предполагается только после подписания нового Союзного договора.

7. В то же время для обеспечения единого подхода к организации борьбы с преступностью в переходный период было бы целесообразно до принятия Союзного договора заключить на межреспубликанском государственном уровне соглашение «О проведении скоординированных мер по обеспечению безопасности советских людей, законности и правопорядка в стране».

8. С учетом расширяющихся масштабов национализма, опасности возрождения шовинизма, в условиях, когда республиками фактически блокированы конституционные нормы и союзное законодательство по обеспечению прав человека так называемой «некоренной национальности», нужен не новый Союзный закон об усилении ответственности за национализм и

шовинизм, а политико-правовой акт, который бы подписали первые руководители всех без исключения республик и национально-территориальных образований.

Вариант такого документа также разработан МВД и представлен президенту СССР.

9. Углубляющийся кризис все отчетливее свидетельствует о том, что главнейшая проблема криминогенности экономики не только в спекуляции как таковой, а в коррупции, которая серьезно поразила систему государственного и хозяйственного управления.

С целью создания действенного механизма в борьбе с коррупцией на уровне высших эшелонов власти, в правоохранительных органах, министерствах и ведомствах – образовать депутатскую комиссию по борьбе с коррупцией, наделив ее широкими полномочиями, правом затребовать материалы о доходах любого лица, какой бы пост он ни занимал. В связи с особой государственной опасностью принять специальный закон о борьбе с коррупцией, сконцентрировав на борьбе с ней прежде всего возможности системы КГБ.

10. Зря мы ищем причины паралича власти в недостатках милицейских структур. Это уже следствие. Есть немало причин более высокого порядка, но одна из главных в том, что у нас за 73 года не создан, да и не мог быть создан правовой и исполнительный механизм, пресекающий беззакония власти. Кто и как может объявить, допустим, областной Совет незаконным, распустить его, если он нарушает союзные или республиканские законы и даже Конституцию?

С учетом перехода к многопартийности становится естественным, нормальным делом приход к власти в республиках и на местах политических сил иной направленности, чем центральная власть. Разделение бремени власти могло быть даже полезным при одном элементарном условии – власть любой идеологической направленности не может нарушать Закон. А у нас власть плюет на Закон. В этом случае милиция, которая не может выступить против власти, бессильна.

Нужен Конституционный суд и Закон о механизме реализации его решений. Без этого паралич власти будет разрастаться.

Прошу Вас, уважаемый Анатолий Иванович, вышеизложенное довести до сведения членов Верховного Совета СССР.

С уважением,

министр внутренних дел СССР

В. Бакатин

19 ноября 1990 г.

Приложение 3
Постановление Госсовета (ГС-8 от 22.10.91)

1. Считать необходимым упразднить Комитет государственной безопасности СССР, Комитеты государственной безопасности республик и подчиненные им органы считать находящимися исключительно в юрисдикции суверенных государств.

2. Создать на базе Комитета государственной безопасности СССР на правах центральных органов государственного управления СССР:

– Центральную службу разведки СССР – для разведывательной работы в целях обеспечения безопасности республик и Союза в целом.

– Межреспубликанскую службу безопасности – для координации работы республиканских служб безопасности и проведения согласованной с ними контрразведывательной деятельности.

– Комитет по охране государственной границы СССР с объединенным командованием пограничных войск – для организации охраны государственной границы на суше, море, реках, озерах и других водоемах, а также экономической зоны СССР.

Установить, что финансирование и материально-техническое обеспечение указанных органов осуществляется за счет средств союзного бюджета и союзных фондов.

Приложение 4
Совместное заявление С В. Иваненко 29.09.1991

В последнее время в средствах массовой информации появляются многочисленные сообщения по поводу якобы существующих непримиримых противоречий между Межреспубликанской службой безопасности и Агентством федеральной безопасности России. В распространение этих домыслов вносят вклад и некоторые сотрудники бывшего КГБ СССР.

Со всей ответственностью хотели бы заявить, что подобные заявления лишены каких-либо серьезных оснований. Руководство и МСБ, и АФБ максимально заинтересовано как в скорейшем становлении сильных и дееспособных органов госбезопасности России, которая, единственная из всех республик, не имела службы безопасности, так и в обеспечении координации деятельности спецслужб всех суверенных государств. АФБ России формируется на основе части центрального аппарата бывшего КГБ Союза, ему предоставляются необходимые кадровые и материальнотехнические возможности.

Конечно, формирование АФБ и реформирование МСБ – процесс сложный, не исключающий возможности известных разногласий по частным вопросам. Но эти разногласия вовсе не носят принципиального характера и разрешаются на основе взаимосогласованных договоренностей.

Полагаем, что информация о «соперничестве» МСБ и АФБ России имеет целью посеять семена раздора между этими двумя организациями и наносит вред общему делу обеспечения безопасности России и других суверенных государств.

В. Бакатин
В. Иваненко
29 ноября 1991 г.

Приложение 5
Доклад на Госсовете 22.10.1991

Меньше всего сделано в части правового обеспечения служб безопасности, повышения эффективности работы. Нарабатывают проекты новых законов. Но пока мы в тупике. Выбор ограничен. Либо руководствоваться старой подзаконной базой, либо полностью бездействовать.

Открытость КГБ для общественности внутри страны и контакты с зарубежными спецслужбами начинают становиться более заметными.

Мы перестали искать врага в инакомыслии и «империалистической угрозе». Но еще не научились анализу.

Вместе с тем, хотя все это, по моему глубокому убеждению, является шагом в правильном направлении, серьезного кардинального реформирования КГБ пока не происходит. Тому имеется целый рад субъективных и объективных причин:

1. Нет союзного договора, а следовательно, не может быть определена концепция совместной, общей безопасности.

2. Странная позиция парламентской Комиссии по расследованию деятельности КГБ. С этой комиссией, по существу, нет принципиальных разногласий, но эта комиссия, с одной стороны, торопит, рекомендуя Госсовету «в ближайшие дни сделать официальное заявление о радикальной реорганизации КГБ», а с другой стороны, блокирует любые шаги, и даже не имеющее никаких правовых последствий поручение президента «внести предложения…» – требует отменить.

Благодаря энергичному вмешательству президента России Б.Н. Ельцина удалось удержать комиссию от принятия еще более странного решения: вначале «упразднить КГБ», а потом «незамедлительно» приступить к переговорам, в ходе которых решить вопрос о создании, условно говоря, нового межреспубликанского КГБ.

Не лучше ли – наоборот? Вначале переговоры, получить ясность, что делать, а потом упразднение… Структуры безопасности разрушить очень легко, но очень опасно и маловероятно, что после неопределенности можно будет их воссоздать вновь даже на нашем, весьма невысоком, уровне.

Странно выглядят рекомендации комиссии «руководству КГБ» (т. е. Бакатину) воздержаться от осуществления структурных изменений и кадровых перемещений…

Как известно: и то и другое является правом председателя

КГБ, а главное, есть поручение Госсовета внести предложения по реорганизации КГБ.

В связи с возникшей ситуацией я прошу Госсовет подтвердить свое поручение и мои полномочия.

Нельзя спешить, но и нельзя терять впустую время. Безопасность государства и общества находится на самом низком уровне. Настроения после путча в коллективах очень сложные. Есть опасность реакции.

Предложения от имени КГБ мною в Госсовет внесены. Их поддерживают большинство руководящего состава и председатели республиканских комитетов.

Не все пока поддерживают передачу военной контрразведки в Советскую армию, поэтому этот вопрос прошу снять.

Все остальное прошу принять. Откладывать больше нельзя. Неопределенность – худшее из того, что может быть в политике.

Приложение 6
Выступление на Госсовете 27.11.1991

Очевидная необходимость реорганизации КГБ не является самоцелью. Она логично вытекает из преобразования всего политического и национально-государственного устройства страны.

После провала августовского переворота, в подготовке которого активно участвовали некоторые руководители КГБ, эта необходимость стала неотложной, не терпящей какого-либо промедления.

К такому выводу пришла госкомиссия по расследованию деятельности госбезопасности, потребовавшая «незамедлительно упразднить КГБ СССР и осуществить коренную реорганизацию его структур».

В условиях переходного периода, когда еще не были задействованы новые законодательные органы, Государственным Советом была признана целесообразность упразднения Комитета госбезопасности и создания на его базе Центральной службы разведки, Межреспубликанской службы безопасности, Комитета по охране государственной границы.

Безусловно, целостная структура, а тем более функции спецслужб не могут быть окончательно определены, прежде чем будет подписан Договор о Союзе Суверенных Государств.

Тем не менее, поскольку законодатели никогда не исходили из позиции ликвидации союзного государства и поскольку дальнейшее промедление с внесением определенности в структуру спецслужб недопустимо, прошу уважаемых депутатов рассмотреть и принять предлагаемый проект закона. Представляется важным этот первый шаг реального правового взаимодействия между Госсоветом и Советом Республик.

В той мере, в какой это возможно в переходный период, закон внесет ясность в вопрос государственной важности и позволит продолжить работу по реформированию спецслужб…

Важный принцип реформы, который особенно следует подчеркнуть и который, собственно говоря, и составляет суть реформы, – это полная самостоятельность республиканских органов безопасности. Союзный сверхцентрализованный КГБ в условиях независимости республик существовать уже не может. Межреспубликанская служба безопасности будет осуществлять, главным образом и прежде всего, функции координации контрразведывательной работы самостоятельных

республиканских структур, а также участвовать в координации деятельности всех самостоятельных и независимых спецслужб страны…

Главное – от идеологии вседозволенности и тайного насилия прийти к осознанию необходимости строгого соблюдения законности и прав человека. Перейдя от государственной безопасности в системе партия – государство – к безопасности личности-общества в системе правового государства. Видеть смысл деятельности спецслужб не в поисках внутренних и внешних врагов, а в стабилизации общественных отношений.

Спецслужба должна способствовать также становлению рынка, борьбе с искусственным монополизмом. Без этого идея «свободных» цен погибнет в зародыше, и «свободу» будет диктовать рыночная перекупочная мафия. Мы не должны быть в стороне и от борьбы с инфляцией, имея в виду, что успех здесь определяется прежде всего политической поддержкой, согласием общества, а уж потом профессионализмом экономистов.

notes

Примечания

1

Здесь и далее я буду ссылаться на исследования, которые проводились в Кузбассе под руководством доктора исторических наук З.Г. Карпенко.

2

С т а й к а – так в Сибири назывались сделанные из теса стойла для коров.

3

Дважды – перед Первой мировой и после Великой Отечественной – А.Е. Куликов расписывал знаменитый Елоховский собор.

Издательство «Советский художник», редактор Т.Г. Гурьева.

5

Этот портрет заказчик забраковал. Со слов дяди Володи, не понравилось выражение глаз.

Андропов Ю.В. и др. Карл Маркс и современность. М.: Политиздат, 1983. С. 8–9.

7

Трудно сказать, что хуже: знать или не знать?

8

Надо, конечно, уточнить, что, достигнув определенных масштабов, криминализация страны будет препятствием на пути нормального экономического развития. То, что мы наблюдаем в сегодняшней России. Но тогда в СССР масштабы преступности были далеко не те. (Автор писал книгу в 90-е гг. – *Примеч. ред.)*

9

Из интервью корреспонденту ТАСС:

«ВОПРОС. Много десятилетий перед зданием КГБ находился монумент Феликсу Дзержинскому, а после попытки государственного переворота его убрали. Но будет ли здесь установлен какой-нибудь новый символ?

ОТВЕТ. Честно говоря, жалею, что убрали памятник, и не потому, что с огромным уважением отношусь к Дзержинскому. Отнюдь нет. Уверен, что так же, как нельзя переписывать учебники истории, нельзя переписывать ее – на площадях. Это не свидетельствует о высокой культуре. Памятник мог бы стоять здесь, напоминая о том, что переживал наш народ. А подобный вандализм уже был в нашей истории – в 1917 году. Сносились памятники царям, императорам и т. д. Увы, похоже, мы ничему не научились за эти годы. А что касается новых символов, то вряд ли стоит их устанавливать здесь. Раз уж убрали, то следует, наверное, просто разбить на этом месте клумбу и посадить цветы».

10

Однако удача изменила ему, когда он принял глупейшее и опаснейшее для человечества решение бомбить сербов. Структура международного права рухнула. *(Примеч. авт.)*

11

Неудивительно, что сейчас и демократы, и коммунисты, уничтожившие Союз, столь же единодушны в навешивании ярлыка «разрушителя Союза» М.С. Горбачеву.